

МАРИ БЕНЕДИКТ

КОРОЛЕВЫ ДЕТЕКТИВА



ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Королевы детектива
Мари Бенедикт

Аннотация
Мари Бенедикт. Королевы детектива
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
От автора
Благодарности

Аннотация

Октябрь 1930 года. Молоденькая английская медсестра отправляется на пароме во Францию, чтобы весело провести там выходной, и загадочным образом исчезает. Целых полгода о девушке ничего не известно, а затем на краю лесопарка находят ее тело. Никаких зацепок нет, полиция обеих стран в тупике. Возможно, у жертвы были связи на самом высоком уровне британского истеблишмента… Но тут за дело берутся несравненная Агата Кристи и еще четыре знаменитые писательницы, по праву называющие себя Королевами детектива: Дороти Сэйерс, Найо Марш, Марджери Эллингем и Эмма Орци.

Поначалу подруги воспринимают расследование как своего рода «Игру в убийство», намереваясь доказать коллегам-мужчинам, что они тоже могут быть полноценными членами недавно основанного в Лондоне Детективного клуба. Но постепенно женщины понимают, что играют с огнем: действительность сильно отличается от вымысла, и отважным, хитроумным сыщицам, в осо-

бенности одной из них, грозит нешуточная опасность…

Впервые на русском!

Мари Бенедикт
Королевы детектива

Marie Benedict
THE QUEENS OF CRIME
Copyright © Marie Benedict, 2025
This edition published by arrangement with Laura Dail Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency
All rights reserved
© Marie Benedict, 2025
© Д. В. Попов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *



КНИГИ
МАРИ БЕНЕДИКТ

Тоже Эйнштейн
Верность сестер Митфорд
Ее скрытый гений
Горничная Карнеги
Королевы детектива

◆

МАРИ БЕНЕДИКТ



КОРОЛЕВЫ ДЕТЕКТИВА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Джиму, Джеку и Бену
посвящается

Глава 1

1 февраля 1931 года
Лондон, Англия

«Все мы не такие, какими кажемся со стороны», — думаю я, наблюдая за женщиной, которая входит в отделанный мрамором вестибюль отеля «Браунс». Походка неуверенная, абсолютно невзрачная серая шляпка-клош надвинута низко на лоб. Дама смущенно отводит глаза под взглядами высокомерных носильщиков, занятых целой горой чемоданов богатой семейки из пятерых человек. Да никому и в голову не придет, что эта тихоня способна замышлять самые невероятные убийства и вникать в образ мыслей опаснейших преступников. Так же как и я сама, коли на то пошло.

Женщина останавливается и осматривает многолюдный холл, но явно меня не видит. Помнится, она однажды призналась, что любит наблюдать за окружающими в подобной обстановке, однако сейчас в это трудно поверить: вид у бедняжки самый что ни на есть разнесчастный. Взирать на ее беспомощность просто невыносимо, и я

приветственно поднимаю руку.

Однако она меня не замечает. И тогда я яростно машу и кричу:

— Добрый день! Нас уже ждет столик в чайном салоне!

На ее лице отражаются одновременно узнавание и облегчение. Я указываю вправо, в манящее тепло отделанной деревянными панелями чайной комнаты, и она торопливо следует за мной к нашему столику на двоих. Мы устраиваемся на стульях с серовато-зеленой мягкой обивкой перед небольшим затейливо украшенным камином, в котором уже гостеприимно полыхает огонь.

При встрече мы успели обменяться несколькими словами, но я не начинаю разговор, пока официант не принимает наш заказ: ромашковый чай для нее и с бергамотом для меня. Вообще-то, молчать мне совершенно не свойственно: я с детства была щебетуньей, так что о подобной тишине моей милой маменьке оставалось только мечтать. Я исподтишка разглядываю свою гостью, пока она теребит непослушную прядь волос и заталкивает ее под шляпку.

Неужели это та самая энергичная женщина, с которой я познакомилась в книжном магазине «Хэтчардс» на Пикадилли почти пять лет назад?

Женщина, которая бросила очередь читателей, скупивших ее последний роман и жаждущих заполучить автограф, и подлетела ко мне с сердечными объятиями, когда я заглянула в магазин? Заразительно смеющаяся дама, с алым шарфом на шее, неизменно обращающая на себя внимание, пускай и не везде, а лишь в уютных гостиных и салонах наших общих друзей? Вообще-то, для проекта, в котором я собираюсь предложить участвовать своей гостье, мне необходима именно та прежняя, самоуверенная особа.

И хотя мне прекрасно известно, что с ней произошло — да господи, это всей стране известно, — порой меня все-таки поражает, как она изменилась со времени нашего знакомства. Просто немыслимо, насколько уверенность этой дамы в себе была подорвана газетной шумихой, связанной с ее скандальным исчезновением — пять лет назад, когда принадлежащий ей автомобиль обнаружили брошенным у края обрыва, после чего были организованы самые масштабные в истории Великобритании поиски человека. В них принимали участие полиция, сотни добровольцев, собаки-ищейки, аэропланы и даже я — но все оказалось тщетно. К счастью, после одиннадцатидневного отсутствия она сама

объявилась в Северной Англии целой и невредимой (ну, если не считать унижения от публичного полоскания грязного белья ее неверного мужа, теперь уже бывшего), но хранящей таинственное молчание, упорно избегающей любых объяснений, да еще и какой-то забитой. То исчезновение остается величайшей нераскрытой тайной в ее литературном каноне.

И все же, разглядывая сейчас свою сотрапезницу, я не могу не задаться вопросом: неужто та энергичная и самоуверенная женщина, которую я помню, и впрямь исчезла? Может, она всего лишь затаилась, поскольку не выносит любопытных взглядов? Что ж, посмотрим.

Да сама-то я как бы себя вела, если бы о моих грехах и секретах раструбили на весь свет? А таковые за мной числятся, хотя я и уверена, что по мне этого ни за что не скажешь. Глядя со стороны, никто даже и не заподозрит ничего предосудительного. Весь мой стыд надежно скрыт за воинственной наружностью. Внешность обманчива, и я умею прятать концы в воду.

Затем мне вспоминается фраза из сборника рассказов моей гостьи «Партнеры по преступлению», где фигурируют сыщики-супруги Томми и Таппенс: «Лишь очень немногие из нас дей-

ствительно являются такими, какими кажутся со стороны». И я уже нисколько не сомневаюсь, что женщина, с которой я познакомилась пять лет назад в книжном магазине, вовсе никуда не делась, она лишь прячется под личиной и появляется, когда ей ничто не угрожает. И мне необходимо каким-то образом выманить ее наружу.

Между тем над верхушкой невероятно длинного меню чайного салона показываются ее серо-голубые глаза, и я немедленно беру быка за рога:

— В меню столько вкусностей, что просто слюнки текут. Один десерт аппетитнее другого. Вам что больше по душе?

— Хм, — негромко произносит она, — без апельсинового маковника настоящее чаепитие и представить сложно.

— Это один из ваших любимых десертов? — отваживаюсь я предположить.

— О да. Пожалуй, самый любимый, — отвечает моя гостья, и в глазах у нее вспыхивает огонек.

Что ж, раз уж сначала необходимо поболтать о гастрономических утехах, значит так тому и быть. Мне даже кривить душой не придется. Мое преклонение перед кулинарным искусством общеизвестно, а мой муж, Мак, и вовсе посвятил

мне свою поваренную книгу.

Вновь обратившись к меню, я издаю смешок:

— Увы, у меня любимый десерт отнюдь не один. А если уж быть до конца честной, мне еще ни разу не попалось ни одного сэндвича, кекса, пудинга или бисквита, к которому я бы не почувствовала расположения.

Взгляд мой машинально падает на зеркало на противоположной стене. Да, я несколько округлилась по сравнению с тем, какой была в двадцать лет, но глаза у меня все так же сияют, а обворожительности в улыбке ничуть не убавилось — во всяком случае, по утверждению немногих избранных. Не говоря уж о том, что на четвертом десятке я научилась одеваться так, чтобы подчеркивать свои формы, а не прятать их. В целом, полагаю, я все еще достаточно привлекательна. Не то чтобы я когда-либо была королевой бала — разве что для Мака, быть может.

В ответ на мое признание раздается тихий смех, и — с учетом сдержанности гостьи — это безоговорочная победа.

— Может, тогда устроим чаепитие по полной программе? Если уж королева Виктория не жаловалась, то мы, полагаю, и вовсе будем рыдать от восторга. — Это я ссылаюсь на слухи, будто наша

несгибаемая матриарх былых времен обожала чаепития в «Браунсе».

— Давайте, — соглашается моя собеседница, заговорщически подавшись вперед.

Я подаю знак официанту и, сделав заказ, поворачиваюсь к гостье. Лед между нами сломан, и я одаряю ее самой своей обворожительной улыбкой. Больше никаких хождений вокруг да около и недосказанностей. Предприятие, в которое я надеюсь ее вовлечь, требует некоторой отваги, так что сначала необходимо прощупать почву. Собрав волю в кулак, я устремляюсь вперед.

— Миссис Кристи, спасибо, что согласились встретиться со мной. Насколько я знаю, обычно вы не склонны выбираться из дома, — воркую я, намекая на ее затворнический образ жизни.

— Ваше приглашение на чай очень обрадовало меня, мисс Сэйерс. Всегда приятно поболтать с вами на званом обеде или на коктейле, что устраивают для писателей в Лондоне. Хотя с глазу на глаз мы, кажется, не встречались с самого… с самого… — Она задумывается в поисках подходящего слова и в конце концов решает не заканчивать фразу. — В общем, я была рада получить от вас весточку, и, пожалуйста, называйте меня просто Агата.

— Только если вы будете называть меня Дороти.

— Договорились, Дороти, — кивает она со слабой, но теплой улыбкой на открытом лице.

— Раз уж речь зашла о приглашениях, Агата, мне очень польстило, когда вы согласились принять и другое мое приглашение — присоединиться к Детективному клубу, который вскоре станет авторитетнейшей организацией авторов детективных произведений. — Я подступаю непосредственно к делу, и со всей чинностью. Как-никак, я основательница клуба.

И без того слабая улыбка в мгновение ока увядает, на лицо моей сотрапезницы опускается непроницаемая маска. Неужели Агата хочет забрать назад свое обещание вступить в клуб?

«Ах ты ж, будь оно неладно! — думаю я. — Неужто спугнула осторожного зверька? Эх, прояви я хотя бы чуточку терпения, может, и выгадала бы более благоприятный момент для своего предложения». Пожалуй, стоило подольше поболтать о всякой чепухе. Вот только сдержанность и светские беседы абсолютно не в моем характере.

— Вероятно, у меня был необычайный прилив храбрости, когда я сказала вам «да», — отвечает наконец Агата. Уголок ее рта снова приподни-

мается в, не побоюсь этого слова, улыбке. Ко мне возвращается надежда: все-таки об отказе речь пока не идет. — Признаться, я не посещала многолюдные собрания с самого… с самого происшествия.

«Нет, ну ты подумай, — ахаю я про себя, — взяла и сама заговорила о своем загадочном исчезновении».

— «Удача сопутствует смелым». Кто это сказал? Кажется, Эмили Дикинсон? Да и полноте, Агата, у кого из нас не было в жизни происшествий? — При мысли о том, что случилось со мной самой, меня бросает в краску. — А те, кто считает себя безупречным, на самом деле повинны в уйме вещей. Что же до Детективного клуба, то я не планирую, что туда войдет более двадцати писателей, и большинство из них вы прекрасно знаете — все они слишком уважают вас, чтобы вспоминать о том досадном «происшествии».

— Что ж, уже легче, — произносит Агата, и ее полуулыбка постепенно перерастает в полную.

— Только, пожалуйста, не растеряйте свою храбрость, потому что именно сейчас, когда я готовлюсь к открытию Детективного клуба, вы будете мне очень нужны.

Глава 2

1 февраля 1931 года
Лондон, Англия

Как раз в этот момент на стол нам ставят две серебряные десертные стойки. Все три яруса одной заполнены чайными сэндвичами или канапе — с копченой семгой и маслом, креветками и паприкой, нарезанным огурцом и сливочным сыром, пармской ветчиной, майонезом и горчицей, — в то время как на другой разложены поблескивающие бейквеллские тарты, бисквиты с лимонным кремом, мини-кексы «Баттенберг», песочное печенье и, конечно же, булочки, а также стоят креманки с клубничным джемом и топлеными сливками. Вмешательство официанта весьма кстати — благодаря ему я могу взять паузу и дожидаться реакции Агаты. Вступить в Детективный клуб она как будто согласна, вот только не поколеблет ли ее настрой моя дополнительная просьба?

Мне приходится прилагать усилия, чтобы не заговорить, пока мы поглощаем острые закуски и сладости. Просто не хочу перегружать свою

собеседницу. А потому какое-то время мы ограничиваемся лишь отдельными замечаниями вроде: «Этот бисквит просто объедение» или «Какая вкуснятина этот сэндвич». От столь непривычного молчания мне становится физически не по себе, и я уже едва ли не извиваюсь на стуле, когда Агата в конце концов произносит долгожданное:

— Ваш Детективный клуб — предприятие благородное и значимое, в этом нет никаких сомнений. Если мы, авторы детективных романов, действительно желаем возвысить свое ремесло, нам крайне необходима сплоченность, которую мы и обретем в подобной организации.

С этими словами она тянется за кусочком розово-желтого кекса «Баттенберг», а я с воодушевлением подхватываю ее мысль:

— Даже если детектив написан великолепным слогом, даже если он затрагивает важные и глубокие темы, ведущие критики все равно стригут всех под одну гребенку, решительно отказываясь считать наши работы литературой. Наши книги для них — всего лишь чтиво. Однако ни в коем случае нельзя валить все в одну кучу, уж я-то это прекрасно знаю, поскольку сама рецензирую детективы в «Санди таймс». Но если мы будем поддерживать друг друга и настойчиво добивать-

ся высокого качества своих произведений, то получим шанс исправить ситуацию.

— Я всецело поддерживаю ваше начинание, Дороти, — говорит Агата, — вот только мне пока непонятно, для чего я вам «очень нужна», да еще со своей храбростью?

— Что ж, — решаюсь я, не без удовлетворения отмечая, что как раз в этот момент она принимается за свой любимый апельсиновый маковник: лично я от сладостей неизменно добрею. — Как вы знаете, первым почетным председателем я назначила Гилберта.

Откусив кусочек, Кристи кивает в ответ на мое упоминание Гилберта Кита Честертона, для друзей и коллег просто Гилберта. Публика обожает его за рассказы про отца Брауна, среди собратьев же по перу популярность этого литератора несколько меньше, из-за присущей ему многоречивости. И все-таки я выбрала именно его — ради придания клубу солидности, коей я определенно не добилась бы, объяви председателем себя.

— Гилберт рассказал, что кое-какие другие потенциальные члены Детективного клуба недовольно ворчат: мол, больше женщин-писательниц добавлять не нужно. Помимо вас и меня, разумеется. — Я прилагаю все усилия, чтобы голос

мой звучал твердо. Когда же Честертон сообщил мне эту неприятную новость, я заходилась, словно уличная торговка.

Агата кладет вилку на тарелку и выпрямляется на стуле, вытягиваясь совсем уж в струнку:

— Так. Недовольно ворчат, стало быть?

— Ну, насколько мне известно, Гилберт встречался за ужином с несколькими кандидатами, и там прозвучали опасения касательно «избытка женщин» в клубе. По-видимому, их беспокоит, что это негативно воспримут те самые литературные объединения, на которые мы и пытаемся произвести впечатление.

Агата прищуривается и произносит нараспев:

— Как я понимаю, «избыток» — это уже больше двух?

— Похоже, именно такой смысл они вкладывают в это слово. Хотя Оксфордский словарь и дает несколько иное определение.

— А Энтони принимал участие в том разговоре? — приподняв бровь, спрашивает Агата про другого нашего общего друга, писателя Энтони Беркли Кокса. Как раз в дискуссиях на устраиваемых им ужинах и было заронено семя Детективного клуба, которое я с присущей мне энергией и пылом и взрастила. У мужчин же идея

попросту зачахла бы.

— Гилберт не назвал мне имена недовольных.

— Прикрываться анонимностью — типичное проявление трусости. — Агата разочарованно качает головой.

На эту тему я могла бы распространяться днями напролет, однако в данный момент меня беспокоят более насущные вопросы:

— У меня есть план.

Бровь собеседницы опускается, и сама она подается ко мне:

— Если я о вас что-то и знаю, Дороти, так это то, что план у вас имеется всегда. — Глаза ее при этом вспыхивают, и теперь я твердо убеждена, что былая Агата на какое-то время вернулась. Разумеется, я не могу этим не воспользоваться.

— Как вам идея, вопреки желаниям мужчин, тщательно подобрать самых талантливых писательниц, сочиняющих детективы, и организовать этакий клуб в клубе? Мы будем разделять цели общей организации, но при этом руководствоваться также и своей собственной, а именно попытаемся гарантированно обеспечить себе место в пантеоне выдающихся авторов детективного жанра. Мы станем обществом взаимного признания и поддержки — друг друга и вообще

всех женщин. И…

Я прерываюсь, чтобы оценить реакцию собеседницы. С одной стороны, весьма сомнительно, что Агату приведет в восторг допущение, будто она является феминисткой — как, пожалуй, я сама, если уж выражаться без обиняков, — а с другой, в ее книгах неизменно фигурируют незаурядные, весьма изобретательные дамы, даже в преклонном возрасте. (Как все чаще и в моих собственных произведениях, кстати.) Значит ли это, что она не против и в реальной жизни создать такой вот круг неординарных женщин? И затем сделать следующий необходимый шаг? Мне так нужна ее поддержка. Пройти этот путь в одиночку будет нелегко.

По прошествии растянувшегося на целую вечность момента, во время которого я изображаю полнейшую невозмутимость, моя собеседница медленно кивает. Сердце мое так и екает, когда она переспрашивает:

— И?..

— И когда мы соберемся, то все разом объявимся на церемонии вступления в Детективный клуб, чтобы Гилберт взял с нас клятву. В такой обстановке мужчины возражать не станут, да они и пикнуть не посмеют. И тогда «избыток»

женщин в клубе станет свершившимся фактом.

Глава 3

10 февраля 1931 года
Лондон, Англия

— Добро пожаловать на «Игру в убийство»! — слышу я доносящийся с порога голос Агаты.

Женщины гуськом входят в библиотеку Университетского дамского клуба: каждая представляет собой определенный типаж, но все они настолько разные, что это кажется чуть ли не курьезным. Миниатюрная, элегантная, седовласая, вся в мехах и драгоценностях баронесса Эмма Орци, аристократка венгерского происхождения, прославившаяся своими чрезвычайно успешными романами об Алом Первоцвете, важно шествует через комнату в сапфирового цвета платье с пышной юбкой, фасон которого был в моде лет эдак двадцать назад. Худенькая новозеландка Найо Марш, автор получивших широкое признание детективов об инспекторе Родерике Аллейне, весьма эффектно смотрится в костюме из коричневого твида: хотя снизу юбка, однако выше пояса он выглядит точь-в-точь как мужской, включая и галстук. Необычайно живая ясноглазая брюнетка

Марджери Эллингем, сочиняющая весьма толковые романы о благородном сыщике Альберте Кэмпионе, буквально впархивает в библиотеку в простом подпоясанном бледно-лиловом платье аля Майнбокер — для февраля слишком весеннем по цвету, зато очень приятном для глаз. Замыкает процессию Агата, в ужасном мешковатом платье в коричневую крапинку.

Мы с ней потратили целый день, отбирая трех претенденток для своей затеи, — ей-богу, посвяти мы это время составлению списка действующих лиц для романа, вряд ли бы они получились у нас интереснее. И все же я продолжаю задаваться вопросом: оправдают ли писательницы те надежды, что мы на них возлагаем? Что ж, время покажет, и сегодня только начало.

Когда кто-то из обслуживающего персонала запирает дверь снаружи, по комнате с высоким потолком гулко разносится лязг закрываемого замка. Из-под полуопущенных век я наблюдаю за женщинами, надеясь, что они не замечают этого. Как-никак, предполагается, будто я мертва.

Лежа навзничь на полу библиотеки, я исполняю роль жертвы в викторианской салонной игре, участники которой должны раскрыть убийство в запертой комнате. Руки у меня раскинуты

в стороны, ноги неестественно поджаты, рот раскрыт, а вокруг головы расстелен красный шелковый шарф, изображающий кровь. Якобы я неподвижно застыла в такой позе в момент совершения надо мной акта насилия: нашим гостьям как раз и предстоит расследовать это тщательно разработанное мною преступление.

Прекрасный ход для начала совместного расследования — именно так нам с Агатой видится наша «Игра в убийство». Не говоря уж о том, что это идеальный способ оценить кандидаток и их способность работать сообща, в команде, прежде чем сделать им «официальное» приглашение.

Три женщины, ну просто воплощенная серьезность, обходят комнату в поисках орудия убийства и склоняются надо мной, осматривая мои «раны». Что, интересно, они на самом деле думают об этой незатейливой постановке? С самого детства — а родители души не чаяли в своем единственном и позднем ребенке и всячески мне потакали — я обожала ставить пьески и даже сама изготавливала костюмы для своих представлений. С другой стороны, меня частенько обвиняли в перегибах, в особенности в пансионе и Оксфордском университете. Не перестаралась ли я и сейчас? Пытаюсь определить это по лицам

гостий и замечаниям, которыми они обмениваются друг с другом, — и улавливаю только то, что происходящее доставляет им удовольствие.

Скорее ощущаю, нежели замечаю, как кто-то опускается на колени рядом со мной. Чьи-то пальцы прикасаются к блестящим бусам из искусственного жемчуга, которые я со всем тщанием разложила у себя на груди.

— Вам не кажется, что положение ожерелья неправильное? — задается вопросом Найо. — Если жертву действительно ударили сзади, как можно заключить по крови, и она упала спиной на пол, тогда жемчужины отлетели бы тоже назад, а не вперед.

По древнему паркету стучат каблуки, и я чувствую, как вокруг меня собираются остальные.

— Верно подмечено, Найо, — отзывается Эмма. Ее венгерский акцент едва уловим, да и то лишь для тех, кто разбирается в лингвистических тонкостях. — И мне кажется, при падении на спину ожерелье не перекрутилось бы так неестественно.

— Возможно, с ожерелья пропал кулон? — присоединяется к коллегам и Марджери.

— Ей-богу, вы правы, Марджери! — восклицает Агата, и голос ее звучит громче обычного. — По-

видимому, мы не заметили этого сразу, потому что сосредоточились на способе совершения преступления, а не на мотиве.

— Очень хорошо, — произносит Найо с мелодичным новозеландским акцентом. И хотя последние пять лет она почти безвыездно прожила в Лондоне, темп речи и произношение у нее нисколько не изменились. Я практически не сомневаюсь, что Марш гордится своим акцентом.

— Итак, теперь у нас есть мотив — кража кулона, украшенного драгоценными камнями. Тем не менее нам еще необходимо распознать способ убийства, — заявляет Эмма, и я замечаю, как пальцы женщины пробегают по ее собственной нитке жемчуга с бриллиантовой застежкой, словно она опасается за сохранность драгоценности. Затем баронесса приглаживает свои и без того тщательно уложенные седые волосы и запахивает поплотнее меховую накидку на плечах. Быть может, это своего рода бессознательный жест в стремлении отвратить опасность? Жертва крестьянского восстания почти полувековой давности, она, как никто другой, должна знать, что деньги от беды не уберегут. — Не помешало бы определиться, какого рода орудие мы ищем. Но пока ничего очевидного.

— Поскольку жертва умерла, лежа лицом вверх, а не вниз, а крови из раны на затылке вытекло совсем немного, я бы поставила на небольшой предмет, тупой и твердый, — неуверенно произносит Марджери.

— Пресловутый тупой предмет, столь часто фигурирующий в детективных романах. Не моих, естественно. Для меня это слишком банально, — бурчит Найо.

— Но как она умерла? Расположение раны не очень соответствует позе тела, — размышляет вслух Эмма.

— Рискну предположить, — снова подает голос Агата, — что убийца ударил жертву чем-то достаточно тупым, чтобы оглушить ее, но не вызвать обильного кровотечения, а когда она осела на пол, сорвал кулон, при этом толкнув ее на спину. Возможно, смерть наступила как раз вследствие толчка, а не изначального удара.

— Звучит как будто складно, — кивает Эмма.

— Ну и где это тупое орудие, о котором вы все только и говорите? — по-прежнему ворчит Марш. — Мы обшарили всю комнату, а никакого окровавленного предмета нам так и не попалось.

Кровь на разыскиваемом ими предмете изоб-

ражается темно-красной шелковой ленточкой, обвязанной вокруг орудия убийства, — конечно же, если дамы обнаружат его. А уж припрятала я вещицу на славу, мне даже приходится прикладывать усилия, чтобы довольно не захихикать.

— А вы, никак, надеетесь найти окровавленную крикетную биту, валяющуюся у нас под ногами? — фыркает Эмма. Весьма похожий звук издавала моя милая маменька, когда бывала недовольна поведением дочери, что случалось отнюдь не редко. — Вы что, забыли, что сценарий этой игры разработала сама Дороти Сэйерс? Очень сомневаюсь, что орудие убийства лежит себе на виду и ждет не дождется, когда же мы о него споткнемся.

«Вот обязательно Эмме и Найо надо сцепиться!» — досадую я про себя. Надеюсь, в них всего лишь говорит дух соперничества. Не будь я жертвой убийства, непременно постаралась бы сгладить шероховатости в общении: как-никак, в группе мне необходимо единодушие. Увы, на данный момент я не могу оторваться от холодного паркета. Господи, ну почему было не выбрать местом убийства ковер?

К моему удивлению, в перепалку вмешивается Агата:

— Дамы, не надо ссориться. Орудие преступления есть всегда, и мы его непременно найдем. Совместными усилиями.

— Если только Дороти не нарушила правила игры и не запрятала его вне четырех стен запертой комнаты, — заявляет Найо.

Кто, я? Нарушаю правила честной игры, которые помимо прочего требуют, чтобы убийство раскрывалось исключительно посредством анализа фактов, приведенных на странице, или же изучением того, что имеется в комнате? Один лишь намек на подобное приводит меня в ярость, и я уже готова вскочить на ноги, когда Агата произносит со смешком:

— Дороти? Да она ни за что на свете не нарушит те самые принципы, которые превозносит как в своих произведениях, так и в жизни. Давайте повнимательнее осмотрим помещение.

Умиротворенная, я остаюсь на месте, а женщины возобновляют свои поиски. Старинные напольные часы громко тикают, отсчитывая долгие минуты, пока участницы игры тщательно обшаривают библиотеку. Они снимают с полок тома в кожаных переплетах в поисках спрятанного ножа или окровавленного резака для бумаги, осматривают загроможденные пыльные

поверхности на предмет статуэток и прочих декоративных безделушек, которыми можно оглушить человека. На игру отводится всего лишь час, и тиканье раздается как будто все громче и чаще, словно напоминая писательницам, что время поджимает.

Но вот слышится шум выдвигаемых ящиков, и я так и замираю.

— Осторожнее, Найо! — предупреждает Эмма. — Внимательно рассмотрев этот письменный стол, я склонна заключить, что он изготовлен в восемнадцатом веке. Это работа Давида Рёнтгена — или искусная реплика.

— Прикажете мне при расследовании убийства осматривать антиквариат в лайковых перчатках? — огрызается новозеландка.

— Впечатляющие познания об антикварной мебели, — бормочет Агата так тихонько, что ее слышу только я.

— Ну что вы, Найо! Конечно же нет! — потрясенно отзывается баронесса. — Расследование преступления первостепенно! Рёнтгена я упомянула в той связи, что, если повернуть ключ в нижней секции, — она указывает на медный ключ, торчащий из затейливо инкрустированного ящика, — выскочат боковые ящики.

— Откуда вам это известно? — Марш, судя по тону, так впечатлена, что передумала обижаться.

Явно довольная ее реакцией, Эмма издает смешок:

— У нас в семейном поместье в Тарнаэрше был рёнтгеновский письменный стол, и в детстве я провела множество счастливых часов за игрой с ним. — Баронесса обожает выставлять свое высокородное происхождение: ну как же, дочь венгерского аристократа, служившего императору Австро-Венгрии, пока семье не пришлось бежать из-за восстания. Она даже не пытается скрывать собственную спесь, и я невольно задаюсь вопросом, сколько еще нам придется терпеть ее тщеславие в будущем.

Комната вновь оглашается стуком каблуков, когда женщины собираются вокруг стола.

— Значит, если я поверну этот ключ, то ящики волшебным образом откроются? — уточняет Марджери.

— Должны, — важно изрекает Эмма.

Я слышу щелчок и восторженный возглас Эллингем.

— Хитро! — комментирует Найо. — Лучше места, чтобы спрятать орудие убийства, и не придумать. Простому человеку в жизни не дога-

даться о потайных отделениях.

— Тут пусто, — упавшим голосом сообщает Марджери.

— Наверняка есть и другие отделения, — предполагает Агата. — Дайте-ка я посмотрю.

В библиотеке воцаряется тишина, не считая звука выдвигаемых ящиков.

— А это что? — похоже, замечает что-то Кристи.

Раздается скрип пружины, за которым следует стук, и я так и подскакиваю на полу.

— Как вам это удалось? — ахает Эмма.

— Нащупала кнопку на днище одного из потайных ящиков и нажала ее, — объясняет Агата.

— Да за ними еще один ряд тайников! — восклицает Эллингем.

Вновь воцаряется тишина, но уже напряженная, и в конце концов ее нарушают бряканье и ликующий вопль:

— Ага, вот оно! Медное пресс-папье с красной ленточкой!

Как раз в этот момент старинные часы отбивают четыре, и запертая дверь библиотеки распахивается. Я поднимаюсь с пола и аплодирую.

— Как видите, дамы, я не сомневалась в вас ни

на секунду! — Я указываю на официанта, вносящего фужеры с шампанским на серебряном подносе. — Поздравляю всех с успешным раскрытием моего убийства!

Глава 4

10 февраля 1931 года
Лондон, Англия

— Вы видели лицо бедняги, когда тот услышал про раскрытие вашего убийства? — спрашивает Марджери, стоит лишь официанту закрыть за собой дверь библиотеки. Концы ее коротко подстриженных волос — эта стильная прическа называется «фокстрот» — подрагивают, когда она смеется.

— Сомневаюсь, что священные залы Университетского дамского клуба повидали много тяжких преступлений. Особенно убийств, — хихикаю я в ответ, вспоминая округлившиеся глаза и раскрытый рот молодого человека.

— Прекрасное название для романа, кстати, — улыбается и Эмма. — «Убийство в Университетском дамском клубе».

Библиотека оглашается смехом, и я невольно задаюсь вопросом, знакомо ли вообще этому месту подобное веселье. Для членства в этом частном женском клубе, единственном в своем роде в Лондоне, университетского образования в

действительности вовсе даже и не требуется, достаточно проявлять неуемную любознательность к окружающему миру и интересоваться интеллектуальной стороной жизни. Так что обычно это серьезное заведение для серьезных женщин.

— Да уж, было здорово. Прошу прощения, если я чересчур увлеклась игрой, — сконфуженно произносит Найо, и ее взгляд устремляется на баронессу, которой и были адресованы нынче почти все ее шпильки. Затем, с бокалом шампанского в одной руке и сигаретой в другой, новозеландка устраивается на мягком красном стуле в затененном углу.

— Кажется, мы все чересчур увлеклись. Надеюсь, теперь все в порядке? — Эмма кивает Марш, и та кивает ей в ответ. Оливковая ветвь принята, и я вздыхаю с облегчением. — Я как будто оказалась в одном из наших романов!

— Да, было очень увлекательно, — произносит Агата с ноткой удивления в голосе, словно и сама не ожидала, что ей понравится.

Поставив фужер на широкую мраморную полку камина, она принимается вертеть на пальце обручальное кольцо. Я молюсь про себя, чтобы ее брак с археологом Максом Маллоуэном оказался удачнее предыдущего. Союз, честно говоря,

представляется малообещающим — супруг по меньшей мере на десять лет младше нее и проводит значительную часть года на раскопках в Сирии, — однако сама Агата кажется вполне удовлетворенной.

Я задумываюсь о личной жизни остальных кандидаток. И, хотя мы милосердно избегаем банальной болтовни, этого сущего проклятия женщин, меня все равно гложет любопытство насчет их мужей — или отсутствия таковых, — домов, семей и даже религиозных воззрений. Повезло ли каждой из них найти участливого и отзывчивого спутника жизни — такого, как мой Мак? Или же приходится сносить публичное унижение из-за проходимца вроде первого супруга Агаты? Меня вообще очень интересует, каким образом умные женщины, стремящиеся к интеллектуальной самореализации и независимости, находят себе подходящих партнеров. Впрочем, сейчас не время для подобных размышлений.

— Впечатляющая демонстрация детективного таланта! И командной работы! Браво, дамы! За вас! — Провозгласив тост, я поднимаю свой бокал.

Мы чокаемся и отпиваем шипучий золотистый напиток.

— Прошу внимания! — выкрикивает Эмма. — Предлагаю теперь выпить также и за нашу хозяйку!

Потягивая шампанское, я по очереди оглядываю коллег. И хотя в настоящее время домом для всех нас является Лондон, родом мы из совершенно разных мест — не только городов и стран, но даже с разных континентов. Социально-экономическое происхождение у нас тоже разнородное, да и выросли мы в значительно отстоящие друг от друга десятилетия. Посудите сами, Эмма родилась в 1865 году, а самая младшая из нас, Марджери, — в 1904-м, в то время как Найо, Агата и я — в период между двумя этими датами. И тем не менее все мы собрались здесь, объединенные любовью к сочинению детективов и, надеюсь, стремлением к профессиональному товариществу. Ну где еще можно настолько преодолеть возрастные, классовые, культурные и образовательные барьеры?

Я задумываюсь, не самое ли время сейчас произнести свою заранее отрепетированную речь и пригласить женщин вступить в Детективный клуб. Или же стоит еще немного поговорить о работе — обсудить, кто и что сейчас пишет?

И тут Марш вдруг выпаливает:

— Все это, конечно же, прекрасно, но зачем мы

сегодня собрались?

— Найо! — хмурится Эмма. На этот раз, впрочем, ее реплика звучит не резко, а скорее, как у матери, бранящей свое непослушное, но любимое чадо.

От подобного ослабления напряженности между баронессой Орци и Найо Марш у меня отлегает от сердца. В противном случае наша затея могла бы закончиться, еще даже не начавшись. С целью сгладить какие бы то ни было остающиеся шероховатости, я улыбаюсь и говорю:

— Если честно, мне только на руку, что Найо озвучила вопрос, которым, уверена, задаетесь вы все. Я как раз собиралась все объяснить.

С этими словами я беру со стола возле дивана начатую бутылку шампанского и заново наполняю бокалы. Не помешает, если во время моего обращения дамы будут в наилучшем настроении — и не важно, какой ценой. Для оплаты счета мне придется написать короткий рассказ или дополнительную рецензию на детективный роман для «Санди таймс», но у меня есть все основания надеяться, что эти усилия будут не напрасны.

Подождав, пока они пригубят игристого вина, я продолжаю:

— В последнее время я была занята учрежде-

нием организации под названием «Детективный клуб», задачей которой является объединение ведущих писателей Великобритании с целью популяризации нашего жанра. И до моего сведения дошло, что некоторые члены клуба подспудно противятся увеличению числа женщин в нем свыше двух, а именно Агаты и меня.

— Это просто неслыханно! — оскорбленно фыркает Эмма. — Какое неуважение!

Вполне возможно, что прежде ей действительно не доводилось сталкиваться с подобными проблемами. Будучи баронессой, она обитает в своего рода вакууме, так что общественное положение и титул, вероятно, ограждают ее от всяческого принижения, которое, вне всякого сомнения, приходится сносить остальным из нас. По своему опыту я прекрасно знаю, что нежелание издателей публиковать написанные женщинами детективы, увы, явление повсеместное.

— К сожалению, очень даже слыхано, — вздыхаю я. — Я встречалась с таким неуважительным отношением несчетное количество раз, и даже со стороны мужчин, которых считаю своими добрыми друзьями и коллегами. Хотя и, признаю, пока еще ни разу не сталкивалась с подобным в клубе,

который помогала создавать. И все же ограничение количества женщин меня решительно не устраивает. Флагманы детективного жанра должны быть лучшими писателями — которыми вы три, безусловно, и являетесь.

Найо поднимает бокал в мою сторону, без всякого тоста выпивает его до дна и затем снова наполняет до краев. Поскольку, вопреки ожиданиям, вопросов никто не задает, я продолжаю:

— Сегодня вы увидели, что, действуя совместно, в команде, мы добиваемся лучших результатов. Загадку «Игры в убийство» ни одна из вас разрешить в одиночку не смогла бы, и точно так же в одиночку мы не впишем свои имена в канон детективной литературы. Как вам мысль объединиться в собственный клуб и уже сплоченной группой внедриться в ряды Детективного клуба?

Никто не вскакивает и не издает боевой клич, однако никто, слава богу, и не уходит. Марджери, правда, интересуется:

— И как же, интересно, мы это проделаем, если другие члены Детективного клуба против нашего в нем участия?

— Мы с Агатой разработали план. И если вы солидарны с нашей целью и испытываете потребность в объединении — в Детективном клубе или

же вне его, — то мы своего добьемся, — отвечаю я, искренне надеясь, что мои слова подвигнут остальных женщин к действию.

Какое-то мгновение никто даже не шевелится. Только хрустальный бокал Найо бликует на свету люстры, зависнув на полпути к ее рту, как будто в стоп-кадре. А затем, словно остановленную киноленту запустили вновь, женщины оживают, продолжая кто допивать шампанское, кто вертеть кольцо на пальце, кто выдыхать дым или нервно теребить прядь волос.

К моему удивлению, первой высказывается Эмма:

— Что ж, предлагаю засучить рукава и приступить к делу. Дамы, мы не можем допустить, чтобы вся потеха досталась только мужчинам!

— Или вся слава, — добавляет Агата.

— Может, выпьем за это? — высказывается и Марш.

Все дружно отпивают из своих фужеров, и я улыбаюсь, встретившись взглядом с Агатой. Неужто у нас все-таки получится?

— А какое название мы дадим нашему клубу? — спрашивает Марджери. Она вся раскраснелась — надеюсь, из-за того, что вдохновилась нашим предприятием.

У меня, вообще-то, есть свой собственный вариант, но я не спешу его озвучивать и оглядываю коллег, желая сперва услышать их идеи. Однако они молчат и явно ждут, что скажу я. И тогда я говорю:

— Как насчет того, чтобы называться Королевами детектива?

Глава 5

20 марта 1931 года
Лондон, Англия

В банкетном зале гостиницы «Нортамберленд-авеню» процессия распорядителей Детективного клуба важно шествует к помосту, где на почетном месте их поджидаю я, в качестве основательницы клуба, одетая в свое неизменное черное бальное платье, несколько обновленное, надеюсь, вышивкой из стразов. Темные мантии эскорта нашего председателя словно бы вихрятся в отсветах мерцающих свечей, которые они держат высоко над головой, освещая погруженное в сумрак обширное помещение. Наконец Гилберт, в темно-красной накидке под стать его огромным размерам и с черепом на серебряном подносе, достигает подиума.

Он разворачивается, и складки его кроваво-красного одеяния, взметнувшись, опадают к ногам. Обращаясь к двадцати четырем действительным членам клуба, председатель декламирует текст клятвы, которую я сочинила с таким тщанием:

— «Настоящим клянусь, что придуманные мною сыщики будут раскрывать преступления, с которыми они столкнулись, исключительно посредством мыслительных способностей, каковыми я их наделю, и я ни в коем случае не допущу, чтобы упомянутые сыщики прибегали к помощи всяческих трюков, хитростей, суеверий, сверхъестественных озарений, высших сил, жульничества или божественного вмешательства. Разгадывая загадки, мои герои всегда будут вести честную игру».

Я повторяю слова вслед за Честертоном, стараясь не повышать голос громче шепота — случай небывалый, приходит мне в голову. Помню, мои бедные покойные родители (аристократка и англиканский священник, получивший образование в Оксфорде), которым вместо милого ребенка досталось сущее наказание, постоянно просили меня говорить потише и не размахивать руками: в церкви, в нашем доме и вообще во всей деревушке Блантишем. Впрочем, по совести говоря, голос Гилберта так гремит по залу, что навряд ли кто и услышал бы меня, даже заходись я криком.

Тем не менее мое заветное желание услышать собственную клятву, впервые произносимую

вслух, кажется, взяло верх над осторожностью, потому что я внезапно ощущаю на себе косые взгляды. Осознав, что декламирую текст вместе с Гилбертом — боюсь, все-таки чересчур громко, — я тут же прикусываю язык.

Наш внушительный председатель заканчивает речь и пальцем манит собравшихся к помосту. Тщательно отобранные члены клуба выстраиваются в длиннющую очередь, которой конца-края не видать.

«Весьма удачно для осуществления нашего плана», — радуюсь я.

Как того требует обряд, один литератор за другим подходит к подиуму и кладет руку на череп — театральный реквизит, который мы окрестили Эриком. И каждого Гилберт спрашивает:

— Обязуетесь ли вы хранить верность нашей священной клятве? Ибо, — предостерегает он, — если вы не выполните своего клятвенного обещания, другие писатели будут предвосхищать ваши сюжеты, совершенно незнакомые люди станут судиться с вами за клевету, ваши издания будут кишеть опечатками, а продажи — постоянно снижаться!

Я наблюдаю, как подлинная элита детектив-

ного жанра неспешно продвигается вперед. Улыбаюсь и киваю этому костяку талантливых художников слова и мастеров головоломок, которых хорошо знаю и — по большей части — уважаю. Попутно пытаюсь распознать скрытую натуру писателей, их вымышленных сыщиков, которые — нисколько в этом не сомневаюсь — таятся под их видимой личностью. Как-никак, под моей собственной личностью, что открыта окружающему миру, прячется Гарриет Вэйн, неустрашимая сочинительница детективных романов, уже повстречавшая другого моего героя, аристократа-детектива лорда Питера Уимзи. И ее жизненный путь все более напоминает мой собственный, хотя Фрейда ужасно разочаровало бы, сколь долго я доходила до осознания сего факта. Теперь же, когда я осведомлена об этом, меня порой озадачивает вопрос: где же заканчиваюсь я сама и где начинается Гарриет?

Но вот в очереди мелькает что-то цветастое. Последний из джентльменов в смокингах приносит клятву и отступает в сторонку, являя взору эффектную и хладнокровную Найо в платье темно-зеленого цвета. Как и остальные женщины, все это время она стояла в коридоре перед банкетным залом, выжидая подходящего момента.

Марш спокойно улыбается председателю. При виде ее обычно невозмутимый Гилберт изумленно замирает. Разумеется, он знает Найо, равно как и то, что ее имя не значится в изначально утвержденном списке членов Детективного клуба. Глаза у него так и округляются, а серебряный поднос с черепом угрожающе перекашивается — того и гляди, Эрик соскользнет с него и грохнется на пол. Я бросаюсь к Гилберту и придерживаю поднос снизу. В обращенном на меня взгляде председателя явственно читается паника.

Неужели Гилберт отвергнет Найо? Неужели моя карта бита и я, создательница Детективного клуба, самым жалким образом проиграю? Мне очень не хочется разочаровывать женщин, заслуживающих того, чтобы быть членами этого литературного объединения.

По морю черных пиджаков, подобно блуждающей волне, пробегает рябь встревоженности. Пока никто из мужчин открыто не возражает, однако я понимаю, что для предотвращения катастрофы должна взять на себя роль спасателя. Иначе волна перерастет в цунами и накроет нас с головой.

Повернувшись к Гилберту, я произношу начало клятвы, как будто проблема состоит лишь в том,

что он внезапно позабыл слова обета:

— «Настоящим клянусь, что придуманные мною сыщики…»

Побужденный таким образом продолжать, председатель подхватывает декламацию с того места, где я останавливаюсь. Найо кладет руку на череп и приносит клятву.

Когда же перед помостом возникает блистательная Эмма, с головы до пят венгерская баронесса, Гилберт уже не теряется. Равным образом не сбивает его с толку и молодая английская красавица Марджери в своем сиреневом платье косого кроя — а-ля Мадлен Вионне, если не ошибаюсь, которое, даже будучи имитацией, ничуть не уступает в изящности оригиналу. А уж при появлении Агаты в мешковатом сизом платье с пышными рукавами, этом вечернем эквиваленте ее безвкусных костюмов из твида, председатель и вовсе улыбается. В сущности, он мне подыгрывает, как будто принесение клятвы тремя этими женщинами было обговорено с самого начала.

Агата последняя в очереди. Завершив церемонию, она спешит к Эмме, Найо и Марджери, собравшимся вместе в этакий букетик. Повернувшись к новоиспеченным членам объединения, Гилберт важно провозглашает:

— Добро пожаловать в Детективный клуб!

Глава 6

20 марта 1931 года
Лондон, Англия

Люстры банкетного зала «Нортамберленд-авеню» загораются, и помещение оглашается аплодисментами. Когда же овации стихают, я как основательница клуба удостаиваюсь персональных поздравлений и рукопожатий, и числом отнюдь не малым. Меня охватывают одновременно ликование и облегчение от того, как прошла церемония. Экстравагантный вступительный ритуал восприняли как будто благосклонно, а мужчин вроде бы не так уж и разозлило неожиданное увеличение числа женщин в новоиспеченной организации. Более всего я надеюсь, что обряд побудил членов клуба восхвалять таланты друг друга, поддерживать романы товарищей, совместно работать над книгами и всячески развивать наш жанр, дабы рецензенты наконец-то осознали, что хорошие детективы нисколько не уступают произведениям пресловутой художественной литературы. Весьма непростая задача, я это прекрасно пони-

маю, однако меня еще ни разу не обвиняли в том, что я занижаю планку.

Стоило лишь распорядителям снять мантии, и зал наполняется болтовней, а торжественная церемония трансформируется в фуршет. Появляются официанты, предлагающие канапе и различные коктейли. Мода на коктейли, занесенная к нам из Америки, где соками и газировками маскируют запрещенный сухим законом алкоголь, так и не сошла на нет, к вящей досаде тех членов Детективного клуба, кто придерживается более традиционных предпочтений в напитках.

Раздается чье-то зычное требование подать вместо фруктовых коктейлей так называемый дымный скотч. На какое-то мгновение оно заглушает возбужденные голоса, дискутирующие о коммунизме, фашизме, социализме и ущемляющей Англию независимости Ирландии. Сквозь всеобщий гомон я разбираю, как Милвард Кеннеди, автор произведений о частном сыщике сэре Джордже Булле и инспекторе Корнфорде, спрашивает у Энтони Беркли Кокса:

— А правду говорят, что клуб намерен обзавестись собственным помещением? «Нортамберленд-авеню» — гостиница шикарная, не спорю, но куда лучше было бы собираться вдали от по-

сторонних глаз, чтобы можно было обсуждать убийства и преступления без косых взглядов. Если бы за каждый такой взгляд мне платили по фунту…

Говорить о политике у меня желания нет, но вот к этой беседе я присоединиться не прочь. А потому, развернувшись к мужчинам, вмешиваюсь:

— Да, Милвард, так оно и есть. Детективный клуб заключил контракт с издательством «Ходдер энд Стоутон» на коллективный детективный роман под предварительным названием «Последнее плавание адмирала». Принять участие в его написании может любой член клуба. И я твердо уверена, что это станет нашим первым достижением: на вырученные средства мы сможем арендовать собственное помещение.

— Я в деле, — тут же присоединяется к проекту Энтони.

— Я тоже, — кивает и Милвард. — А уже есть на примете какое-нибудь подходящее место?

— Вообще-то, да. В Сохо, в доме тридцать один по Джеррард-стрит, сдают несколько комнат, вдобавок они там неплохо обслуживают собрания и званые ужины.

— Замечательно, — отзывается Энтони, а в сле-

дующее мгновение меня буквально за плечо разворачивают к другой группе, услышавшей наш разговор и теперь жаждущей разузнать подробности о коллективной книге и новом помещении клуба. Я едва ли не хрипну, снова и снова расписывая наши перспективы, когда замечаю Эмму, Найо и Марджери, которые беседуют, стоя особняком возле камина.

Направляюсь прямиком к ним, и пробираться сквозь толпу мне отнюдь не приходится, поскольку поблизости от них никого нет.

— Вас не страшит чума, Дороти? — осведомляется Марш и глубоко затягивается сигаретой.

— Что, простите? — не понимаю я.

— Обязательно нужно трезвонить, что мы заражены чумой? — Найо обводит рукой свою компанию. — Похоже, все об этом и так знают, раз держатся от нас подальше.

Я смеюсь, хотя смешного в этом мало. Отрицать не стану, на сегодняшней церемонии они вступили в Детективный клуб совершенно неожиданно для остальных, но разве это повод подвергать их остракизму? Дело сделано, и мужчины лишь демонстрируют дурной тон, чураясь Найо, Эммы и Марджери. Тем более что большинству из присутствующих эти писательницы прекрасно

известны.

— Церемония прошла замечательно, — вежливо говорит Эллингем, явно ощущая мое настроение. — Было просто здорово!

Как ни благодарна я ей за теплые слова, хвалебный отзыв от Марджери вполне ожидаем. Веселость, похоже, присуща ей от природы. К моему удивлению, однако, ей вторит и Найо:

— Театральности и жути в самую меру!

— Ну, до настоящей помпезной церемонии далековато, — усмехается Эмма, — но, полагаю, в этом-то и заключалась суть, верно? Этакий шуточный эрзац-ритуал, чтобы народ повеселить.

Такие отзывы из уст двух этих искушенных женщин все равно что высокая похвала.

— Да, именно в этом и состоял замысел, — подтверждаю я.

— Но теперь, когда мы дали клятву, пожалуй, нам стоит уйти. Не стоит так уж сразу обескураживать парней «избытком» женщин в их кругу, пускай сперва привыкнут, — воркует Марш с мелодичным новозеландским акцентом.

Она теребит на себе вечернее платье, словно только и мечтает сорвать его и надеть один из своих ужасных костюмов. Пристрастие Найо к мужской одежде вдохновляюще. При всей своей

самопровозглашенной дерзости я не настолько храбра. Пока, во всяком случае.

— Даже как-то неудобно, — бурчит Марджери.

— Я не привыкла к такому обращению, — добавляет баронесса.

— Тогда покончим с этим абсурдом, — заявляю я и широким жестом обвожу рассеянные по банкетному залу кучки мужчин с одной лишь женщиной, Агатой Кристи. — Давайте же разнесем вашу чуму! Или хотя бы сделаем им прививку.

Я решительно веду женщин к Агате, занятой разговором с Гилбертом. Если председатель клуба мило поболтает с тремя дамами, возможно, для остальных мужчин это послужит необходимым грифом утверждения.

«Вот же бараны, — думаю я, качая головой. — С места не сдвинутся, пока их пастух не погонит».

Лавируя меж людских островков, я слышу перешептывания. Достаточно громкие, впрочем, чтобы мы четко разбирали каждое слово. Умышленно громкие, я бы сказала.

— Эй, посторонись, — предупреждает какой-то мужчина, отступая назад. Как будто мы и вправду разносим заразу.

— В Детективный клуб нельзя допускать всяких

простаков, с ними о повышении статуса нечего и мечтать, — едва ли не шипит другой мужчина.

— Вы хотели сказать, простушек? — тихонько хихикает кто-то в ответ.

— А еще конкретнее, вот этих трех?

Далее следует безудержный смех, и я разрываюсь между тем, чтобы развернуться и отколотить обидчиков — к насилию я не прибегала с детства, со времени одной злополучной ссоры в отцовском доме, — или же удрать, уведя за собой и остальных трех женщин. Ужасно, что им приходится сносить подобные унижения и оскорбления. Как же глупо с моей стороны было надеяться, что план сработает!

Однако Эмма берет меня под локоть и подталкивает вперед, так что мы продолжаем двигаться к Агате и Гилберту. И все же у меня зарождаются сомнения насчет успеха собственной затеи. Примут ли члены клуба женщин даже с благословением председателя? Чего это будет стоить? Да и захотят ли женщины рисковать?

«Какой же у него звучный голос», — думаю я, когда мы приближаемся к Честертону.

Он разглагольствует лекторским тоном, словно выступает перед студенческой аудиторией или слушателями Би-би-си. И что-то мне подска-

зывает, что лекция эта Агате удовольствия не доставляет. Хм, да ее, похоже, спасать нужно, а не пристраиваться к разговору.

— Гилберт, — я улыбаюсь до ушей, — вы ведь знакомы с баронессой Орци, миссис Эллингем и мисс Марш, верно?

— Разумеется. Всегда рад видеть вас, леди, — отвечает он с театральным поклоном. — Хотя, признаться, я совершенно не ожидал узреть нынче вечером ваши очаровательные лица.

Решаю проигнорировать этот замаскированный под комплимент выпад, надеясь, что и остальные тоже возьмут себя в руки. Но стоит мне открыть рот, чтобы похвалить Честертона за устроенное представление и затем втянуть женщин в обсуждение церемонии, как он меня опережает:

— Увы, вынужден перед вами извиниться. Ваши фрейлины призывают вас, Агата. Как король, я отпускаю свою королеву.

Что, неужели и Гилберт участвует в этой игре? Удирает, едва лишь три писательницы оказываются рядом? Да еще называет себя нашим королем? От подобного поведения я аж лишаюсь дара речи. Учитывая все обстоятельства, должна ли я проглотить и это тоже?

Вместо того чтобы позволить председателю ускользнуть, и радоваться, что наконец-то отделалась от него, Агата расправляет плечи и упирается в Честертона взглядом. На какое-то мгновение глаза ее вспыхивают прежним огнем, да и твердость тона напоминает о тех днях, когда ее имя еще не угодило в газетные заголовки.

— Здесь нет никаких фрейлин, Гилберт. Только королевы. И вы не наш король.

Глава 7

20 марта 1931 года
Лондон, Англия

Ну кто бы мог подумать, что Агата способна развить такую скорость!

Эмма, Найо, Марджери и я едва ли не бежим, стараясь поспевать за ней, когда она в гневе покидает банкетный зал и стремительно шагает по длинному коридору. В вестибюле гостиницы носильщик при ее приближении распахивает входную дверь, и, когда она уже готова переступить порог, я наконец-то нагоняю ее.

— Агата, подождите!

Она разворачивается и, сверкая глазами, выпаливает:

— И зачем? Я слышала, какие комментарии мужчины отпускали в адрес Эммы, Найо и Марджери. А уж Гилберт… Он просто несносен! Пытался отделаться от нас, да еще объявил себя моим королем!

К нам подтягиваются остальные женщины.

— Не знаю, какая муха укусила Гилберта. Это на него совершенно не похоже, — осторожно говорю

я. — Лично мне кажется, что он просто пытался пошутить.

— В таком случае у него не получилось!

— Согласна. Как бы то ни было, Детективный клуб замышлялся как эгалитарная группа, члены которой поддерживают начинания друг друга. Он отнюдь не является какой-то иерархией со знаменитым Гилбертом Китом Честертоном на вершине и женщинами в самом низу, а то и вовсе без них. И должность председателя в моем представлении должна заниматься поочередно каждым из нас. Клуб наш никоим образом не пожизненная вотчина Гилберта, да вот только председательство, похоже, вскружило ему голову.

— Неудивительно, при ее-то размерах, — замечает Марджери.

Мы дружно смеемся неожиданной шутке, и, поддавшись легкомысленному настрою, я добавляю:

— Вы даже не представляете, как долго я искала подходящую ему по размеру накидку. И все равно пришлось шить на заказ.

Когда смех стихает, Эмма, еще не отдышавшаяся после погони за Агатой, заявляет:

— Ни в коем случае нельзя позволить мужчи-

нам взять над нами верх, покинув клуб из-за их… их mesquinerie — что-то мне не сообразить, какое тут нужно слово.

Даже не припомню, чтобы Эмма когда-либо не могла подобрать слов — английских, французских или еще каких. Должно быть, это неприятная ситуация так подействовала на нашу невозмутимую баронессу. Насколько мне позволяют приобретенные еще в колледже знания французского, предлагаю перевод:

— Вы имеете в виду «ограниченность»?

— Да, именно! — Эмма хлопает в ладоши. — Даже если мы хитростью вынудили мужчин принять нас в клуб, этого мало — мы должны заставить их относиться к нам как к равным в своем кругу.

— Господи, да зачем нам это нужно? После того, как они с вами обошлись? — отвечает Агата, по-прежнему стоя в дверях.

— Потому что Детективный клуб, по замыслу, должен популяризировать наши романы и блюсти качество жанра, а эти три женщины всецело заслуживают место рядом с писателями-мужчинами, пускай даже среди них есть и негодяи, — отвечаю я. — И клуб, вообще-то, мое детище, так что я не допущу, чтобы он скатывался

в еще одну мужскую организацию. Не позволю обращаться с женщинами подобным образом!

Взяв Агату за руку, увожу ее от дверей в небольшой бар в холле.

— Идемте, — зову я и остальных.

Мы располагаемся в кабинке в дальнем углу, где потемнее, — еще не хватало столкнуться с другими членами Детективного клуба, покидающими фуршет. Когда к нам подходит официантка, мы заказываем херес — сейчас все эти легкие праздничные коктейли совершенно не к месту, настроение абсолютно неподходящее.

В устремленных на меня взглядах женщин безошибочно читается ожидание. А что я могу им предложить? У меня только и есть, что смутное представление, как разобраться со сложившейся ситуацией, ничего определенного и полностью оформившегося. И все же я чувствую себя обязанной представить коллегам план, каким бы несуразным он ни показался.

— Прежде чем поделиться с вами своим замыслом — который вы можете с ходу отвергнуть, раз уж предыдущий мой план сработал не особенно-то гладко, — я хочу извиниться. За то, что поставила вас в такое неловкое положение.

— Откуда вам было знать, что мужчины пове-

дут себя как скоты, — пожимает плечами Найо.

— Могла бы и предвидеть, — виновато потупляю я глаза.

Марш не сводит с меня пристального взгляда.

— Дороти, никто из нас не мог предвидеть подобного исхода, — возражает Агата. — С некоторыми из этих мужчин я годами работала, встречалась на званых ужинах, а сегодня у меня возникло ощущение, что на самом деле я их совершенно не знаю!

— Выкладывайте свою идею, Дороти, — требует Марджери.

Для храбрости делаю большой глоток хереса и предлагаю:

— А что, если нам раскрыть настоящее убийство?

— Не совсем понимаю, как это исправит создавшееся положение, — хмурится Агата.

— Писатели ведь всего лишь изображают сыскную деятельность, раскрывают кровавые преступления в комфорте своих рабочих кабинетов. Ну а мы займемся настоящим делом и разоблачим реально существующего убийцу. И тогда мужчинам из Детективного клуба только и останется, что признать нас в высшей степени достойными личностями. Никто уже не осмелит-

ся третировать нас или подвергать сомнению наше членство в клубе.

— Подвергать сомнению членство нас троих, — качает головой Найо, указывая на себя, Эмму и Марджери. — Вы и Агата — особый случай, вас-то они принимают. Вам незачем драться за нас.

— Либо мы все, либо никто из нас, — решительно заявляю я, и Агата согласно кивает.

Женщины погружаются в молчание, потягивая вино и, надеюсь, обдумывая мою незрелую идею. Первой заговаривает Марш:

— Даже представить себе не могу, что у вас есть на примете подходящее убийство, которое ждет не дождется, когда же мы его раскроем.

— Вообще-то, есть!

Агата, Найо и Марджери наперебой засыпают меня вопросами, и даже Эмма вопросительно вскидывает свою вельможную бровь.

— И где же вы его откопали? — недоверчиво вопрошает Эллингем.

— А кто позволит нам, писательницам, расследовать преступление? — интересуется Кристи.

— О каком деле вы говорите? — едва ли не выкрикивает Марш.

Поскольку ее вопрос самый громкий, на него я в первую очередь и отвечаю:

— Помните статьи о Мэй Дэниелс, которые публиковались в газетах минувшей осенью?

В октябре прошлого года английские и французские газеты писали о мисс Дэниелс очень много, и эти заметки, помнится, неизменно вызывали у меня большой интерес. Когда же шумиха улеглась, я, к стыду своему, едва ли вспоминала о бедняжке — вплоть до вчерашнего утра.

На лицах женщин сперва отражается непонимание, но затем Марджери произносит:

— Погодите-ка… Вы говорите о пропавшей медсестре?

— Точно! — В деле Мэй Дэниелс речь идет о загадочном исчезновении, и, как мне кажется, данная тема должна вызывать у Агаты неловкость. Однако на ее лице ни тени смущения, лишь ожидание, так что я продолжаю: — Именно о ней. Мисс Дэниелс таинственным образом пропала во Франции, в портовом городке Булонь-сюр-Мер, куда отправилась на один день вместе с подругой. Обе девушки работали медсестрами в Лондоне, в инфекционной больнице Чизвика и Илинга. Незадолго до окончания поездки мисс Дэниелс вошла в уборную на Центральном железнодорожном вокзале, да так и не вышла оттуда. — Учитывая, что в туалете была лишь од-

на-единственная дверь, исчезновение медсестры представлялось мне едва ли не фокусом, этаким трюком иллюзиониста.

— Да, теперь припоминаю, — подхватывает Найо все так же громко. — И хотя этому делу были посвящены отнюдь не передовицы, его детали обращали на себя внимание своей необычностью.

— Верно, — киваю я. — Когда она зашла в уборную, ее подруга, мисс Маккарти, осталась дожидаться возле двери, однако так и не увидела, как мисс Дэниелс выходит назад. Через пять минут мисс Маккарти тоже вошла внутрь, потому что близилось время отправления их парома обратно в Англию, а им еще нужно было добраться от вокзала до порта. Однако мисс Дэниелс бесследно исчезла.

— Я правильно помню, что другого выхода там не имелось? — подключается и Марджери.

— Правильно. Как заявила полиция, вход и выход был только один. Там вроде даже окон нет, потому что уборная располагается в закрытой части булонского вокзала. Девушки зашли туда по пути на пристань. И мисс Маккарти ни на шаг не отходила от этой единственной двери. Куда подевалась мисс Дэниелс, не известно. Дальнейшее местонахождение ее установить так и не

удалось.

— Ну надо же! Чуть ли не сценарий «Игры в убийство». Или так называемая «тайна запертой комнаты» в одной из наших книг, — говорит Марджери, ссылаясь на классический прием, к которому в детективном жанре прибегает множество авторов. В историях с таким сюжетом преступление совершается в помещении, проникнуть в которое (или покинуть его незамеченным) в принципе невозможно, но именно это преступнику и удается. В деле же мисс Дэниелс выйти из «запертой» уборной незаметно для свидетеля, то есть мисс Маккарти, удалось не только преступнику, но и жертве.

— И какая же роль нам во всем этом отводится? — осведомляется Найо. — Медсестра вроде бы пропала еще в октябре прошлого года? Что-то не припомню, чтобы читала о том, что ее обнаружили.

— Мой муж журналист, и газета, в которой он работает, «Ньюс оф зе уорлд», отправила его в командировку в Булонь, сделать репортаж о деле мисс Дэниелс, раз уж теперь это больше чем просто исчезновение.

— Что вы имеете в виду? — У Эллингем округляются глаза.

— Вчера было обнаружено тело мисс Дэниелс.

Марджери и Эмма ахают. Агата так и вжимается в свое мягкое кресло. А Марш, тихонько присвистнув, спрашивает:

— И где же его нашли?

— В лесопарке, примерно в миле от центра Булони.

— Как она умерла? — спокойно интересуется Агата.

— Коронер еще не вынес заключение, так что время и причина смерти пока неизвестны. Однако сам факт насильственной смерти сомнений не вызывает.

— Бедная девочка. — Кристи печально качает головой. — И все же я по-прежнему не понимаю, каким образом нам удастся принять участие в расследовании.

— Что, если я предложу мужу составить ему компанию в Булони, ну, якобы затем, дабы придать его репортажу изюминку, добавить к нему свое «уникальное видение автора детективов»? И даже поговорю с редактором Мака, подниму вопрос о совместной статье? Так я получу доступ к месту преступления и всем материалам расследования, а вы вчетвером ко мне присоединитесь.

— А как ваш муж отнесется к тому, что мы

все будем ходить за ним хвостом? — хмурится Найо. — Навряд ли это придаст ему популярности среди других журналистов. Как-никак, репортеры — мужской клуб еще почище Детективного, куда до них писателям!

Мысленно рисую картину: представляю своего дюжего компанейского мужа-шотландца со стайкой женщин на буксире. Держаться-то, может, он будет и молодцом, но уж точно его целям — равно как и нашим — не пойдет на пользу, если всем станет известно о нашем расследовании.

— Что ж, я ему ничего не расскажу. По крайней мере, сразу же, — отвечаю я. — В Булонь я поеду вместе с Маком, а вы четверо — отдельно. А там уже осмотримся на месте и начнем работу.

И тут Эмма — самый последний человек, которого я заподозрила бы в склонности марать руки настоящим убийством, — смотрит мне в глаза и заявляет:

— Мы просто обязаны провести расследование, Дороти. Бедная девушка этого заслуживает. Нам ли не знать, что смерть женщины зачастую поднимает такие сложные проблемы, что для раскрытия преступления требуется участие других женщин. — Затем она обводит взглядом всех Королев по очереди и добавляет: — И мы

этого заслуживаем тоже. Мы непременно найдем убийцу, и на следующем собрании Детективного клуба нас встретят как героев.

Глава 8

22 марта 1931 года
Ла-Манш и Булонь-сюр-Мер, Франция

Я созерцаю вековечную муть темно-синих вод Ла-Манша. Из-за соленого воздуха кожа становится слегка липкой и влажной, однако меня это совершенно не беспокоит. Ветер наполняет меня бодростью и энергией: он холодный, но зато замечательно свежий после густого серого лондонского смога.

Затем я возвращаюсь к своим заметкам по предстоящему расследованию, которые успела занести в блокнот. С подобных выкладок начинается каждый мой новый роман, вот только обычно я подробно расписываю персонажей, места действия и развитие сюжета. На этот же раз материалы на страничках представляют собой отнюдь не детали вымышленного происшествия или новейшие события из жизни Гарриет Вэйн и лорда Питера Уимзи. Нет, это самые что ни на есть реальные сведения об исчезновении Мэй Дэниелс и обнаружении ее тела. Очень надеюсь, что Эмма окажется права и мы действительно смо-

жем разгадать эту ужасную головоломку. Потому что с каждым новым выясненным фактом я все более утверждаюсь во мнении, что молоденькая медсестра заслуживает того, чтобы преступление раскрыли, а ее убийцу наказали по заслугам.

Внезапно меня хлопают по плечу. Я отрываюсь от записей и вижу перед собой мужа. Его глаза с морщинками в уголках так и лучатся в отраженном свете.

— Выпьем по коктейлю перед прибытием? — предлагает он.

Улыбнувшись мужчине, в браке с которым состою вот уже почти пять лет, я киваю и следую за ним в небольшой бар на этой же палубе. В ожидании заказа я не свожу глаз с Мака. Выпрямившись в полный рост, он задумчиво смотрит в окно на барашки волн за озаренным солнцем носом корабля, и его рыжие волосы отливают серебром. Мне вспоминается то, как начинались наши с ним отношения, когда бравый корреспондент «Ньюс оф зе уорлд» обворожил меня своим бойким характером, жизнерадостностью и репортажами об автогонках и криминальных происшествиях. Поначалу его интерес вызывал у меня недоверие — с мужчинами мне никогда не везло, — однако Мак покорил меня окончательно

и бесповоротно своими мастерски и проникновенно написанными мемуарами о Мировой войне, вышедшими под названием «Как узнавать поля сражений». Как и в любых отношениях, в наших за годы появились трещины, но его редкие контакты с двумя дочерями от первого брака и случающиеся время от времени угрюмые запои, когда муж ищет в бутылке спасения от нахлынувших воспоминаний о службе в британской армии во время войны, я переносить вполне способна. Это лишь небольшая жертва, на которую приходится идти ради его обожания и поддержки моей писательской карьеры — такие мужчины, увы, наперечет. Пока, однако, неясно, как мы разрешим вопрос о собственных детях — именно детях, а не ребенке, — которых ему не терпится завести.

Наконец мы с напитками возвращаемся на палубу. Я беру Мака за руку, и он улыбается мне. В последнее время мы жили порознь — пожалуй, даже чересчур долго, хотя и не по своей воле. Я только закончила разрабатывать для рекламного агентства «Бенсон лимитед» кампанию «„Гиннесс“ пойдет вам на пользу» — обернувшуюся сущим триумфом, между прочим, — и выполнение этой задачи требовало постоянного

проживания в нашей лондонской квартире. Мак же, сосредоточившийся на своей новой книге, до самой командировки почти безвылазно обитал в нашем таунхаусе на Ньюленд-стрит в эссекском городке Уитхэм. Возможно, эта поездка не только поможет женщинам утвердиться в Детективном клубе посредством поимки убийцы, но и позволит Маку и мне провести несколько дней вместе, а это нам необходимо. Впрочем, если как следует подумать, только этими двумя целями дело может и не ограничиться, раз уж в связке с нами действуют Королевы детектива.

Мы болтаем о том, что нам предстоит сделать. Редактору мужа пришлась по душе моя идея осветить убийство Мэй Дэниелс с позиции автора детективов, и потому помимо ежедневных репортажей, составляющих непосредственное задание Мака, мы с мужем напишем на пару большую статью, подающую расследование с двух точек зрения — репортера криминальной хроники и писательницы, сочиняющей детективные романы. По задумке редактора, наши сочинения будут напечатаны параллельно в расширенном выпуске выходного дня, и их снабдят каким-нибудь подзаголовком о супругах-сыщиках.

Раздается гудок, оповещающий о приближении

к берегу. Паром меняет курс, и я вознаграждена потрясающим видом Булони, несмотря на вечер, все еще ярко освещенной солнцем. Крепостные укрепления старинного портового города упираются в крутой склон холма, облепленный белыми зданиями с черепичными крышами, а над всем городом возвышается огромный купол кафедрального собора Нотр-Дам-де-Булонь.

— Капитан Флеминг? Миссис Флеминг? Скоро прибытие, — предупреждает нас моряк.

Мы отрываемся от созерцания пейзажа и направляемся в каюту собирать вещи.

Паром замедляется и в конце концов с толчком останавливается, из-за чего начинается весьма ощутимая качка. Я бросаюсь за сумкой, вознамерившейся соскользнуть в проход, но и Мак тоже в самый последний момент делает выпад, пытаясь ее поймать, так что в результате мы сталкиваемся и чуть ли не валимся на пол. Вид у нас такой глупый, что я прыскаю со смеху, а затем ко мне присоединяется и муж.

С чемоданами в руках мы направляемся к сходням, где я снова окидываю взглядом Булонь. Зрелище такое чудесное, что поневоле забываешь, что город служил одним из трех основных портов снабжения британской армии на Запад-

ном фронте. Мак же от этого вида замирает на месте, и внутри у меня все так и обрывается. Неужели наш приезд в Булонь пробудит в сердце мужа воспоминания о его пребывании здесь во время Мировой войны? Пережитое им в ту пору порой выплескивается наружу, и винить его в этом сложно. На войне погибли два его брата, третий был тяжело ранен, а сам Мак отравился газом и получил пулевое ранение.

Я ожидаю глубоких морщин на нахмуренном лбу или приступа характерного кашля. Последний не только свидетельствует о внезапном обострении заболевания легких, которое муж приобрел в результате поражения ядовитым газом, но и, как правило, сопровождает погружение в хандру. Однако сегодня Мак на удивление сохраняет жизнерадостный настрой.

Мы сходим с трапа на булыжную дорожку к Морскому вокзалу, в котором по прибытии в Булонь должны отметиться все пассажиры парома. Когда мы оказываемся у самых дверей здания, я замечаю знакомые лица: Агата, Эмма, Найо и Марджери тоже направляются в терминал. Мои подруги приплыли этим же рейсом, но мы договорились держаться разных секторов, чтобы Мак случайно на них не наткнулся. Однако, вопреки

принимаемым мерам предосторожности, Марджери вдруг вскидывает руку в приветственном жесте — несомненно, машинально. Под моим суровым взглядом она замирает, опускает руку и виновато отворачивается в сторону.

Не желая рисковать, я без очереди провожу Мака через таможню, и вот мы уже в городе. В воздухе стоит одуряющий запах рыбы, он доносится с лотков, где продают дневной улов. Женщины за прилавками — их мужья и сыновья, полагаю, все еще рыбачат — громко расхваливают свой товар. И все же я едва различаю их голоса из-за криков чаек, кружащих над рынком. Погруженная в размышления и, как всегда, неуклюжая, я сталкиваюсь с пересекающим нам путь джентльменом в очках и черном котелке.

Мой муж рассыпается в извинениях, но незнакомец внезапно разражается смехом:

— Ба, да это же Мак Флеминг! И мне даже спрашивать не нужно, что привело вас Булонь!

— Чтоб мне провалиться, Фрэнк Раутледж собственной персоной! — Мак, в свою очередь, узнает мужчину и хлопает его по плечу, а затем они обмениваются рукопожатием. — Давненько не встречались! Однако я нисколько не удивлен, что последние события и вас тоже привели сю-

да. Ну что, и как вам работается в «Бирмингем газетт»?

— Да неплохо, хотя они, разумеется, и не носятся со мной так, как, уверен, с вами в «Ньюс оф зе уорлд»! — фыркает в ответ Фрэнк.

— Да бросьте, дружище. Все мы лишь спицы в огромном колесе прессы, не так ли? — отмахивается Мак и указывает на меня. — Позвольте представить вам мою жену, миссис Дороти Флеминг. Возможно, вам она больше известна как писательница Дороти Сэйерс. — Мужа даже немного распирает от гордости, когда он это говорит.

Пожалуй, в Булони моей цели больше отвечало бы слыть просто женой Мака — как мне кажется, если люди не будут знать, что я вдобавок еще и писательница, они станут делиться со мной информацией куда охотнее, — однако возражений я не высказываю.

— Рад знакомству, — говорит Фрэнк, легонько пожимая мне руку. — Это же вы автор романов о лорде Питере Уимзи?

— Совершенно верно.

— Мне довелось прочесть только первый из серии, «Чей труп?», но он мне очень понравился.

— Очень приятно, что вы знакомы с моим твор-

чеством.

— А я как раз направляюсь в кафе, где сейчас перекусывают или пропускают стаканчик большинство журналистов, пишущих об этом деле. Не хотите к нам присоединиться? Еда тут гораздо лучше, чем предлагают в наших пабах, но вот изысканного общества обещать не стану. — Фрэнк вежливо кивает мне в порядке извинения.

Мак хохочет и с огоньком в глазах отвечает:

— Я приехал сюда вовсе не за изысканностью, а за информацией. Уж ее-то, надеюсь, я смогу получить от джентльменов?

— Лишь в определенной мере, чтобы не сорвать весь куш!

Мы поднимаемся от порта вверх по склону в район, который Фрэнк называет Старым городом. Пересекаем площадь и оказываемся на очаровательной, прекрасно сохранившейся средневековой улочке, узкой, словно переулок. Указатель на стене уведомляет, что называется она рю де Лилль.

— А вот и «Мышиная нора»! — Приятель Мака указывает на крошечное кафе с полосатым навесом и несколькими беспорядочно расставленными столиками. Последние, все до одного, заняты парочками, покуривающими сигаретки

и потягивающими, несомненно, превосходный кофе, равно как и освежающие напитки покрепче. — Кстати, это самое старое здание в Булони. Да и заведение, пожалуй, тоже. Датируется аж двенадцатым веком, хотите верьте, хотите нет.

Мак проводит ладонью по неровным камням, из которых безымянным, давным-давно почившим каменщиком выложена стена магазинчика, одного из множества вдоль улицы, и произносит:

— Ну что ж, я верю.

Глаза мужа с каждым шагом разгораются все ярче. Фрэнк распахивает перед нами дверь, и мы входим в смахивающее на пещеру помещение, заполненное клиентами и густым табачным дымом. Несколько мужчин отрываются от оцинкованной барной стойки и приветствуют Мака, еще несколько встают из-за переполненных столиков и пожимают ему руку или хлопают по плечу. Лицо его так и светится гордостью, когда он представляет меня. Сущее наслаждение наблюдать за мужем в его родной стихии.

Многие имена мне знакомы из рассказов Мака о его репортерских похождениях, но несколько французов и англичан не известны ни мне, ни ему. Когда я пожимаю руку мужчине, пред-

ставившемуся как «Нетли Лукас, специальный корреспондент „Санди ньюс“», на лице Мака не отражается признаков узнавания, однако Фрэнк шепчет:

— А также бывший жулик, отбывавший заключение.

Равным образом муж и бровью не ведет, когда для знакомства с нами с барного табурета слезает другой его коллега, «главный инспектор в отставке Гоф, ныне пишущий для „Дейли мейл“». Огромное количество журналистов, аккредитованных для освещения этой истории, равно как и необычайная разношерстность репортеров — включая даже бывших преступников и отставных шефов полиции, — со всей наглядностью демонстрируют мне, что дело Мэй Дэниелс воистину уникально.

У барной стойки я потягиваю освежающее местное белое вино, пощипываю маринованную селедку и пробую свежие мидии. И, что совершенно нехарактерно для меня, помалкиваю да слушаю. Как жена Мака я восхитительным образом невидима, а по мере поглощения алкоголя языки у мужчин все более развязываются.

— Как я слышал, тело в ужасном состоянии, — тихонько говорит один журналист другому.

— Вы имеете в виду признаки насильственной смерти?

— Пока об этом рано говорить, я про разложение.

— Весьма любопытно! Значит, она мертва уже долгое время — возможно, с самого исчезновения?

— Не исключено, — отвечает первый репортер, но уже настороженно, по-видимому обеспокоенный тем, что сболтнул лишнее. От Мака я знаю, что журналистам постоянно приходится балансировать между товариществом и конкуренцией.

Продолжаю подслушивать. Слова проплывают надо мной подобно облакам — «прическа „фокстрот“», «штатная медсестра», «чулки», — и меня так и подмывает потянуться за ними и схватить, чтобы облечь в вещественную форму на бумаге. Однако я подавляю порывы заносить все эти крупицы информации в блокнот и просто запоминаю их. Запишу и рассортирую позже, а затем перескажу Королевам детектива.

Так или иначе, вне зависимости от содержания и формы собираемых мною сведений (по большей части, предположений и слухов), всех до одного здесь, кажется, волнует лишь один, главный вопрос: кто убил Мэй Дэниелс?

Глава 9

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Упавший на глаза луч света вырывает меня из сновидения. Я стояла на краю огромной пустыни вроде Сахары и наблюдала за приближающейся песчаной бурей. Всецело осознавая, что нужно бежать отсюда и искать укрытие, я все же не двигалась с места. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, словно разбитая необъяснимым параличом. Только и оставалось, что взирать на мчащуюся на меня стену бури и молиться, чтобы она изменила направление.

Я вскидываю руку, желая прикрыть глаза от солнца, и нарастающая паника, охватившая меня во сне, разом спадает. Окинув взглядом помещение, я обнаруживаю, что нахожусь вовсе не в пустыне и мне отнюдь не угрожает катастрофа. Нет, окружают меня незнакомые ярко-зеленые обои в цветочек и изящная мебель из ореха. На мгновение к сердцу снова подступает тревога: где это я? Но тут раздается храп Мака, и я моментально вспоминаю, что мы, приехав в Булонь

по заданию «Ньюс оф зе уорлд», остановились в небольшой семейной гостинице.

Приподнимаюсь на локте с клубка простыней и одеял, и голову тут же пронзает пульсирующая боль. В изнеможении валюсь обратно на комковатую подушку. Сколько же вина я выпила вчера вечером? Пытаюсь вспомнить наше пребывание в кафе, но теряю счет уже после четвертого бокала, количества для меня непривычно большого. Еще у меня сохранились смутные воспоминания, как я и такой же пьяный Мак с чемоданами нетвердо бредем по мощенным булыжником улочкам Булони, со смехом разыскивая наше жилье. Вот регистрацию в гостинице совершенно не помню — но, очевидно, мы ее все-таки нашли, раз уж находимся здесь.

«Боже мой, — ужасаюсь я, осознавая, что утром нам придется предстать пред очи хозяйки. — Что она теперь о нас думает?»

Тем не менее, хотя окончание вечера сохранилось у меня в памяти несколько размытым, обрывки разговоров в кафе отложились в ней прочно. Описание дня более чем пятимесячной давности, когда Мэй Дэниелс вместе со своей подругой и коллегой Селией Маккарти села на паром в Брайтоне и отправилась в однодневную

поездку в Булонь, где она и пропала. Незначительные подробности, касающиеся странных обстоятельств исчезновения девушки в тот погожий осенний денек. Кое-какие сведения из отчетов поисковых отрядов, разыскивавших молодую англичанку на протяжении нескольких недель после загадочного происшествия, — увы, все усилия их не увенчались успехом. Обстоятельства, при которых некий фермер недавно обнаружил ее тело в кустах в лесопарке на окраине города, недалеко от триумфальной колонны, которую местные жители именуют Наполеоновской.

Интересно, как обстоят дела у моих подруг? Их гостиница на рю де Берне, судя по всему, куда более фешенебельная, нежели наша. Однако очень сомневаюсь, что им удалось выйти на хоть сколько-нибудь надежные источники информации. Да и, готова поспорить, перспективы этого у них еще менее воодушевляющие.

Я глажу Мака по рыжим волосам. Шурша простынями, он поворачивается ко мне и игриво улыбается, но уже в следующее мгновение издает мученический стон:

— Ох, ну и вечерок выдался! У меня не голова, а осиное гнездо!

— У меня тоже голова гудит, — отвечаю я, облизывая губы. — А во рту сухо, как в пустыне, которая мне только что снилась.

— Но ведь неплохо погуляли, а? — Его бледно-голубые глаза полны надежды.

— Ну да, неплохо, — успокаиваю я мужа и нежно поглаживаю его по щеке.

— Полагаю, мне следует встряхнуться и двигать к Наполеоновской колонне на сегодняшний брифинг, — объявляет Мак, а затем вздыхает: — Хотя здесь так уютно…

Я обнимаю его и тоже шепчу:

— Уверен, что не можешь остаться?

— Мы могли бы спрятаться под одеялом и поработать над тем другим проектом, про который я упоминал, — наполовину мурлычет, наполовину кряхтит он.

«Другой проект» — это, конечно же, наши собственные дети, к чему я еще абсолютно не готова. Тема для меня, как это известно Маку, противоречивая, исполненная как надежд, так и тревог, и, прежде чем решиться, мне необходимо со многим разобраться.

— О боже! Только взгляни на часы! — вскрикиваю я, как будто сама впервые за утро на них посмотрела.

Повернувшись, муж снова издает стон, однако на этот раз уже иного свойства:

— Как бы мне ни хотелось остаться, но пропускать сегодняшний брифинг я точно не собираюсь, тем более что на вчерашний мы не успели.

— Если ты идешь, то и я тоже. — Я высвобождаюсь из его объятий и волевым усилием встаю с кровати. Осушив стакан воды на тумбочке, принимаюсь копаться в чемодане в поисках платья и свежего нижнего белья. — Это необходимо для нашей статьи, да и мне нравится наблюдать за тобой в процессе работы и во время отдыха. Один день из жизни криминального репортера и все такое.

— Вроде того, как ты писала «Пять красных селедок»? — спрашивает Мак, и один его рыжий ус приподнимается в кривой усмешке.

Действительно, сюжет этого моего последнего романа о Питере Уимзи вращается вокруг двух пристрастий мужа, рыбалки и рисования красками. Благодаря этим хобби у нас имеются достаточные основания проводить выходные на родине Мака, в его любимой Шотландии.

— Совершенно верно, — отвечаю я.

Все то время, пока я умываюсь, делаю прическу, пудрю носик и крашу губы ярко-красной

помадой, не перестаю обдумывать запланированную на полдень встречу с Королевами. Мы условились вместе пообедать в кафешке недалеко от рю де Лилль. В случае, если у меня вдруг не получится прийти, я должна буду оставить записку в их гостинице. А поскольку я намереваюсь отправиться с Маком на брифинг, чтобы собрать там как можно больше информации, мне необходимо придумать благовидный предлог удрать по его окончании. Надеюсь, впрочем, муж будет настолько занят со своими дружками-журналистами, что мне запросто удастся улизнуть незамеченной.

— Давай быстренько позавтракаем внизу, а потом двинем к Наполеоновской колонне, — предлагает Мак после бритья и чмокает меня в щеку. — Как тебе такой план?

— Просто шикарно.

Мы с Маком рука об руку идем по длинному, обсаженному деревьями бульвару и вовсю обсуждаем различия между криминальным репортажем и детективной литературой. Но вот нашим взорам предстает Наполеоновская колонна. Я читала, что колонна Великой Армии, как она именуется официально, создана по образу и подобию римской колонны Траяна. Воздвигать

этот мраморный монумент, высота которого составляет пятьдесят три метра, начали в 1804 году, в ознаменование предстоящего французского вторжения в Англию, которое в действительности так и не состоялось. Затем памятник стал символизировать первую отправку наполеоновских войск из Булони. Расположенная на окраине города, колонна эта увенчана статуей Наполеона.

«Ну не странно ли, — не перестаю я удивляться, — воздвигать столь внушительный монумент в память о никогда не происходившем событии? И что это говорит о местных жителях? Что для них вымысел убедительнее фактов?»

Я ожидаю увидеть вокруг колонны зеленую лужайку: как-никак, накануне вечером журналисты постоянно упоминали про парк. Быть может, здесь действительно растет зеленая травка, но в данный момент таковая полностью скрыта под ногами десятков репортеров. Все поголовно мужчины, кое-кто из них знаком мне по вчерашнему вечеру. Несколько человек бросают на меня косые взгляды, однако в основном внимание собравшихся обращено к небольшому помосту справа от памятника.

Мак лавирует между людьми, я не отстаю от

него. Напряженное ожидание, от которого толпа гудит словно гигантский трансформатор, передается и мне. До меня вдруг доходит, что журналистику я толком никогда не понимала — даже после всех лет наблюдений за мужем, — поскольку вплоть до настоящего момента ни разу не испытывала подлинного упоения ею. Одержимость поисками горячих новостей, полагаю, не столь уж и отличается от воображаемых мною ощущений сыщика, охотящегося за преступником. Цель, разумеется, совершенно иная — погоня за сенсациями вместо торжества правосудия.

Замедлившись, мы замечаем Фрэнка Раутледжа, на которого вчера в буквальном смысле слова наткнулись возле Морского вокзала.

— Что, черт побери, происходит? — тихонько спрашивает его Мак. — Я думал, будет обычный брифинг с каким-нибудь полицейским, а тут толпа такая, будто сам король приезжает.

— Представители жандармерии вроде как собираются выступить с важным заявлением.

— О чем именно, не известно?

— По слухам, недалеко от найденного тела была обнаружена какая-то важная улика, — объясняет Фрэнк.

— А где нашли труп? — невольно срывается у

меня с языка, и я едва не хлопаю по рту рукой в перчатке, осознав собственную оплошность.

Пускай я и пишу детективы, все-таки не годится вести себя подобно упырю, вынюхивая подробности об убийстве. Мак, разумеется, к подобному привык, но мы ведь сейчас, как-никак, на людях. Приличным женщинам не подобает интересоваться всякими гнусностями.

Раутледжа, впрочем, мой вопрос как будто совершенно не смущает. Напротив, он указывает на рощицу на краю лужайки вокруг колонны:

— Вон там. Девицу запрятали среди деревьев. Какой-то фермер случайно наткнулся.

«Девицу запрятали» — подобное пренебрежение со стороны Фрэнка меня коробит. Ну и ну!

Какое-то время Мак вглядывается в лесок, прикрывая ладонью глаза от солнца — поля его шляпы слишком узкие, чтобы обеспечивать достаточную тень, — а затем спрашивает:

— Значит, труп не закопали?

— Нет. Всего лишь бросили в кустарник между деревьями.

— Хм, довольно странное место выбрали, чтобы спрятать тело, — озвучивает мою собственную мысль муж. — По мне, так чертовски близко к общественному месту, к памятнику. Полагаю,

люди здесь частенько гуляют.

— В хорошую погоду народу тут действительно много, — подтверждает Фрэнк. — Но не забывайте, что нам не известно, когда именно ее убили и когда оставили там тело. Может, его туда совсем недавно подбросили, а может, оно там все это время и лежало, просто погода была такой дрянной, что жители Булони здесь даже и не появлялись.

— Верно. Разве что… — Мак осекается, словно озаренный какой-то новой мыслью. — Вроде кто-то из парней упоминал вчера, будто стадия разложения трупа не противоречит тому факту, что смерть наступила приблизительно во время исчезновения девушки, то есть пять месяцев назад. И если это правда, то, стало быть, примерное время смерти мисс Дэниелс нам все-таки известно.

Раутледж осторожно кивает — насколько я разбираюсь во взаимоотношениях репортеров, он надеется, что мой муж пока еще не располагает необходимыми достоверными источниками для окончательного заключения. Время смерти — важнейшая информация, вполне достойная заголовка. Фрэнк продолжает помалкивать, поскольку обязан вести себя с коллегой прилично, и тогда Мак добавляет:

— Но вы правы в том отношении, что нам не известно, когда труп там оставили.

После чего тоже погружается в молчание. Чтобы Фрэнк не подумал, будто я слишком уж интересуюсь их жутковатым разговором, я тараторю:

— Боже, вид с вершины колонны наверняка просто потрясающий! Интересно, видно ли оттуда океан? Надо будет узнать, можно ли забраться на самый верх. Кажется, там есть смотровая площадка!

Как раз в этот момент из каменного домишки позади колонны выходит процессия, состоящая из нескольких полицейских в форме. Тот, у которого больше всех нашивок и значков, забирается на помост и обводит взглядом толпу журналистов.

— Messieurs, nous avons découvert des preuves sur les lieux du crime! — выкрикивает он и смолкает.

Обрадовавшись возможности козырнуть своим французским времен колледжа, я уже собираюсь перевести эту фразу Маку, но тут другой полицейский орет на английском:

— Джентльмены, мы обнаружили на месте преступления важную улику!

Надрывное вещание продолжается поочередно

то на одном, то на другом языке, но вот наконец мы слышим, что же это за улика такая:

— В кустах возле тела была найдена сумочка мисс Дэниелс! И, хотя некоторые вещи из нее, по-видимому, пропали, удостоверение личности сохранилось!

«Как удачно, — думаю я, — что документы мисс Дэниелс остались в ее сумочке». Если тело невозможно опознать, личность жертвы подскажет удостоверение. Даже слишком уж удачно. Окружающая меня пишущая братия, однако, подобного мнения не высказывает.

Полицейский-переводчик продолжает заходиться криком:

— Также в паре метров от тела мисс Дэниелс мы обнаружили торчавший из земли шприц! В колбе которого экспертиза выявила остатки морфия!

Толпа взрывается вопросами, и рядовой полицейский отчаянно дует в свисток, чтобы восстановить порядок. Когда журналисты успокаиваются, начальственный чин объявляет, что ответит только на один вопрос и наобум указывает на ближайшего к нему репортера.

— Когда обнародуют результаты вскрытия? — спрашивает тот.

То же самое интересует и меня. Заключение

патологоанатома прольет свет на многое.

— Мы надеемся, что через пару дней протокол вскрытия будет готов! На этом все, господа!

Полицейские разворачиваются и уходят прочь.

По толпе прокатывается волна негромкого ропота, но уже в следующее мгновение журналисты собираются в кучки и принимаются живо обсуждать брифинг и дальнейшие перспективы расследования.

— Уж не замешана ли здесь незаконная торговля наркотиками? — доносится до меня чье-то предположение, за которым следует другое:

— А может, мертвая девушка была наркоманкой?

И никто даже не заикается о том, что счастливая случайность с находкой сумочки выглядит подозрительно. Мак втягивается в разговор с несколькими знакомыми ему лондонскими репортерами, и я остаюсь одна.

Однако, оказавшись лишней, я вовсе не испытываю неловкости, которую на моем месте наверняка почувствовали бы многие женщины. Подобная невидимость представляется мне прекрасной возможностью предпринять собственное расследование, а затем потихоньку улизнуть. Окинув взглядом указанное Фрэнком

место, где обнаружили труп, задаюсь про себя вопросом: как в подобной ситуации поступила бы Гарриет Вэйн, моя вымышленная сыщица? Поблизости от рощицы никого нет, даже жандармов. Неспешным прогулочным шагом я направляюсь к краю лужайки и вскоре останавливаюсь возле четырех высоченных дубов, обвязанных толстой веревкой, на которой висит табличка с надписью «Ne pas entrer» — «Проход запрещен».

Похоже, именно здесь бедняжку и нашли.

«Что ж, буду придерживаться буквы закона, если уж не его духа. Ведь другой возможности мне может и не представиться».

Набравшись смелости, подхожу почти вплотную к ограждению и, перегнувшись через веревку, внимательно всматриваюсь в поросший травой участок за четырьмя толстыми стволами и кустарником.

И внезапно представляю себе тело несчастной молоденькой — ей был всего двадцать один год — Мэй Дэниелс, втиснутое в это крохотное пространство. Представляю живо, во всех подробностях, почерпнутых из опубликованных репортажей. Длинные и тонкие руки и ноги согнуты, так что поза жертвы напоминает положение эмбриона. Пряди коротко подстриженных

каштановых волос сбоку спадают на лицо. Одна черная модная туфелька, с Т-образным ремешком, наполовину слетела с ноги. Темные безжизненные глаза устремлены вперед, в никуда.

Я уже вижу Мэй едва ли не наяву, и на глаза у меня наворачиваются слезы. Для Мака она не более чем заголовок в газете — желательно, сенсационный, — в то время как для нас, Королев, — возможность применить свои сыскные способности в реальной жизни и с триумфом вернуться в Детективный клуб. А ведь жертва была трудолюбивой молоденькой медсестрой, в свободное время не отказывавшей себе в маленьких приключениях. Девушкой, пытавшейся зарабатывать на жизнь в обществе, не одобряющем незамужних работающих женщин, даже если из-за нехватки мужчин подыскать себе супруга практически невозможно. Человеком, которому причинили вред. Девушкой, отвергнутой и забытой. Что же с ней произошло и почему? Кем была Мэй Дэниелс?

Я вытираю слезы, и на меня снисходит озарение, как мне и остальным Королевам следует действовать дальше. Дабы понять, что случилось с Мэй, необходимо узнать ее как личность. Мы должны относиться к ней как к персонажу

одного из наших романов, но при этом никогда не забывать, что она была реальным человеком. И это означает, что ответы предстоит искать не в конце истории, как, похоже, поступают все остальные. Нет, нужно тщательно изучить все с самого начала.

Глава 10

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Я возвращаюсь на лужайку возле монумента. Полиции и след простыл, брифинг закончился, однако журналисты не расходятся. Сбившись в группки по три-четыре человека, они вполголоса переговариваются — как пить дать, обсуждают последние слухи.

Мака я обнаруживаю возле основания гигантской колонны, в компании трех репортеров. Они оживленно дискутируют и одновременно что-то строчат в своих блокнотах. Муж бросает на меня взгляд, когда я приближаюсь к их кружку, но тут же снова переключается на коллег.

Кажется, сейчас самое подходящее время.

— Мак? — воркую я.

— Что такое, Дороти? — рассеянно отзывается он, целиком сосредоточенный на обсуждении.

— Я, пожалуй, вернусь в город, немного попишу в кафе или в гостинице.

— Что ж, это разумно. Я не знаю, когда освобожусь. — Мак дежурно чмокает меня в щеку, едва

ли отрываясь от своего большого совета.

— Увидимся в номере перед ужином! — бросаю напоследок, хотя и абсолютно уверена, что ответа не дождусь. Думаю, никогда еще я не была так признательна супругу за пренебрежение.

Когда я прибываю в «Королевское кафе», мои подруги уже сидят за столиком на пятерых. Торопливо шагаю по изысканно украшенному залу через фалангу бирюзовых колонн, увитых золоченой имитацией плюща, в виде которого выполнены также и люстры под расписанным фресками потолком, и решаю, что это заведение идеально подходит нашим целям. Да ни одному уважающему себя журналисту и в голову не придет заглянуть в этот женский, затейливо декорированный ресторан. Здесь нас ни за что не обнаружат.

Краем глаза замечаю свое отражение в зеркальной стене. Ветер у Наполеоновской колонны на пользу моей прическе не пошел, и мне определенно не помешало бы привести себя в порядок. «У настоящей леди прическа и ногти всегда опрятные» — так и слышу я брюзжание покойной матушки. Наставление это я игнорирую почти всю свою жизнь. Вот и сейчас мне так не терпелось рассказать о находках единомышленницам

и узнать, что у них нового, что я даже и не вспоминала о своем внешнем виде.

«А следовало бы, Дороти. Ты только посмотри на остальных Королев», — упрекаю я себя.

Эмма неодобрительно взирает на меня, великолепная в своем неизменном жемчужном ожерелье и сережках под стать, горностаевая накидка в данный момент наброшена на спинку стула. Седые волосы баронессы зачесаны назад в старомодной манере, которой всецело отвечает и ее платье изумрудного цвета. Найо встречает мой взгляд, преисполненная собственного достоинства. Она в одном из своих одиозных брючных костюмов, а в пальцах, как обычно, зажата дымящаяся сигарета. На Марджери платье ярко-лимонного цвета и туфли на каблуках в тон, и наряд этот в полной мере соответствует ее жизнерадостному нраву. Прямо не женщина, а солнечный лучик — особенно по сравнению с Агатой, облаченной в мешковатое буро-ржавое твидовое платье, безвкусное и унылое.

— Французское кафе для французской загадки? — вопрошает с улыбкой Эллингем, обводя рукой роскошный зал.

— Да уж, — киваю я. И продолжаю: — Я безмерно благодарна, что вы согласились присоеди-

ниться ко мне. Уж мне ли не знать, сколько у вас забот. Работа, — я невольно вспоминаю, что срок сдачи моего нового романа о лорде Питере Уимзи и Гарриет Вэйн, «Найти мертвеца», неумолимо приближается, — семья, мужья.

— Мой милый Монтегю сейчас занят надзором за ремонтом нашего дома в Монте-Карло, который грозит растянуться на всю весну, а сама я только рада возможности немного отвлечься, — признается Орци. Монтегю Барстоу, о котором она говорит с таким пылом, приходится ей супругом вот уже тридцать шесть лет.

Агата улыбается Эмме:

— Мой муж, Макс, вернется не раньше чем через месяц. Он руководит археологической экспедицией в Сирии — всю зиму и половину весны. Макс вечно торчит на раскопках. Так что я тоже только рада компании.

— А я так даже и не уверена, что Филип заметит мое отсутствие, — смеется Марджери. — Когда я собиралась в Булонь, к нему приехали на недельку четверо его бывших однокашников из Благотворительной школы Христа. Будут предаваться своим излюбленным шалостям. В общем, не нарадуюсь, что я здесь, а не дома.

— А как насчет вас, Найо? Вы-то не слишком

обременены? — интересуюсь я. Вообще-то, когда речь заходит о личной жизни, Марш постоянно отмалчивается, не распространяясь на эту тему, но я не хочу, чтобы создавалось впечатление, будто на нее не обращают внимания.

— О, не переживайте, Дороти, — отвечает она с улыбкой. — Я «свободна от страсти», как выразился Оберон в разговоре с Паком. — Это отсылка к пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь», лишнее напоминание нам, что Найо известна не только своими детективами, но и театральной деятельностью.

— Что ж, приношу извинения за все свои ухищрения и интриги, в том числе и за игнорирование вас вчера в порту. — На последних словах я поворачиваюсь к Марджери.

— Ах, я не должна была махать вам, это моя оплошность.

— Да не извиняйтесь, Дороти. Все это часть потехи, — воркует Эмма.

— Изысканнейшая загадка в изысканнейшей обстановке! — Марджери в предвкушении потирает руки.

— Вообще-то, это не просто загадка, а история самой что ни на есть реальной девушки, — напоминаю я подругам.

— О, конечно! — Смутившись, Эллингем краснеет. — Как бестактно с моей стороны!

Меня охватывает стыд. Все же не стоило отчитывать Марджери словно школьницу. Как-никак, из нас она самая молодая и наименее маститая, и за ее веселостью и показной самоуверенностью, нисколько не сомневаюсь, таится ощущение незащищенности. Чувство это мне прекрасно знакомо, и, подобно Эллингем, я его всячески скрываю.

Похлопываю ее по руке и объясняю:

— Я напомнила вам об этом только потому, что и сама допускала ошибку, воспринимая Мэй Дэниелс как некую вымышленную героиню, плод собственной фантазии. И только на сегодняшнем полицейском брифинге осознала, насколько была не права.

Рассказываю коллегам о месте, где обнаружили тело Мэй и улики. И добавляю:

— А после выступления полицейских я пошла туда и своими глазами увидела клочок земли в кустах, где ее нашли. Вот тогда-то бедняжка и стала для меня более чем реальной.

Как раз в этот момент нам подают поднос с филе палтуса, цыпленком в вине и стейком с картофелем фри, однако за вилку и нож никто не

берется. Как будто мысль об ужасном конце Мэй напрочь лишила нас аппетита. Никто даже не заговаривает.

Наконец я нарушаю почтительное молчание:

— Когда я стояла, глядя на это жуткое место, меня вдруг охватило неодолимое желание познакомиться с Мэй Дэниелс, узнать ее как человека. Учитывая, что она мертва, это, разумеется, невозможно. К тому же полиция и журналисты действуют с точностью до наоборот — носятся со всякими уликами, связанными с гибелью девушки, совершенно не интересуясь ее личностью. Но затем я стала размышлять над тем, как мы сами узнаём своих персонажей в процессе их создания — жертв, подозреваемых, преступников — и как это способствует расследованию придуманного нами преступления. Вполне вероятно, решила я, что этот навык и поможет нам раскрыть убийство бедняжки.

— Вдруг нам удастся найти ответы на важные вопросы, которыми полиция попросту не задается, — подхватывает Агата.

— Вот именно! — соглашаюсь я. — Я, например, обязательно пишу биографию для каждого своего персонажа, какая бы незначительная роль ему ни отводилась. Продумываю все вплоть до мело-

чей — если даже они и не попадают на страницы готового романа, все равно помогают мне узнавать собственных героев. Может, вы пользуетесь каким-то схожим методом? Как считаете, получится у нас применить его и к Мэй?

— Я поступаю точно так же, Дороти, — отзывается Найо. — И более того, я берусь за создание персонажей, будь то жертва, сыщик или подозреваемые, еще даже до того, как оформится сам сюжет. Ваяю их, словно скульптор, — подчищаю в одном месте, добавляю в другом. Только после этого для меня и складываются сюжет, включая развязку.

Марджери согласно кивает, а Эмма добавляет:

— А мои герои рождаются, как ни странно, уже полностью сформировавшимися, иногда даже с диалогами. И моя задача как писателя состоит лишь в том, чтобы поспевать за ними.

— А вот у меня все обстоит совершенно иначе, — подключается к беседе Агата. — Я начинаю с убийства. Всегда. Тщательно продумываю способ, мотив и исполнителя. Затем наслаиваю улики и ложные следы. На этой стадии никаких деталей о подозреваемых и жертве у меня и в помине нет. Персонажи вырисовываются только потом.

Подход Агаты к сочинительству меня совер-

шенно не удивляет. Ее детективы для меня — изощреннейшие головоломки с довольно незамысловатыми действующими лицами. Это вовсе не претензия, прошу заметить — весьма многие предпочитают подобного рода детективы. Просто это не такая подача и не тот творческий процесс, что лично мне по душе.

— Значит, вас куда больше увлекает тайна убийства, нежели причастные к нему люди, — заключаю я.

— Да, хотя я и понимаю, что ваш метод в данном случае может оказаться более действенным. В особенности когда все остальные поглощены вещественными доказательствами. Осмысление личности Мэй может привести к важным выводам, которые ускользнут от полицейских и журналистов, — отвечает Агата, о чем-то задумавшись.

— Вот только как же мы познакомимся с мертвой девушкой? — замечает Марджери. — Надеюсь, я не слишком грубо выразилась?

— Нет-нет, что вы, — спешу я успокоить ее. — Итак, нужно придерживаться прагматичности. Как бы ни хотелось мне для лучшего понимания Мэй обратиться к самому началу ее жизни — обойти деревушку, где она родилась, пообщаться

с родственниками девушки, посетить общежитие для медсестер, где она проживала, и расспрашивать персонал больницы, в которой она работала, — с этим придется подождать до возвращения в Лондон. Пока же мы в Булони, о Мэй, ее жизни и устремлениях можно многое выяснить, полагаю, повторив ее здешний маршрут. В отчете полиции изложено, чем она занималась в тот день, но мы сделаем свои собственные выводы.

Покопавшись в сумочке, я извлекаю копию официального полицейского отчета, который позаимствовала у Мака, и передаю его Королевам для изучения. Поклевывая ланч, они просматривают документ.

— Можно начать там же, где и мисс Дэниелс, — в порту, — предлагает Найо. — Тут говорится, что паром, на котором прибыли Мэй и Селия, «Глиндур», пришвартовался в Булони около двух часов дня. Прибыл из Брайтона, куда девушки планировали вернуться через несколько часов, вечером, после осмотра местных достопримечательностей.

— Надо полагать, первым делом они оказались в здании Морского вокзала, как и мы, — подключается Эмма. — Ну что, оттуда и начнем после ланча?

Я киваю.

— Давайте пройдем по следам Мэй, посещая места, где погибшая бывала, в том же порядке, что и она. Вплоть до самого ее исчезновения.

Глава 11

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Мы повторяем свой вчерашний маршрут, но только движемся в обратную сторону. Проходим по живописному Старому городу, подлинной жемчужиной которого является рю де Лилль, и наши каблуки громко стучат по неровной булыжной мостовой, спускающейся по склону холма к гавани. По мере приближения к порту вместе с криками чаек усиливаются также и запахи рыбы и моря. Когда же мы оказываемся возле каменного здания с вывеской «Halle aux poissons» — «Рыбный рынок», — вонь становится настолько нестерпимой, что Эмма прикрывает нос кружевным платочком. Шум же, как ни странно, при этом совершенно не возрастает. Напротив, не считая птичьих криков, здесь стоит неестественная тишина. Должно быть, у торговок перерыв на обед, у рыбаков и покупателей тоже. И тишина эта даже несколько нервирует, несмотря на ослепительно сияющее солнце.

В конце набережной располагается здание

Морского вокзала, выщербленное и потрепанное непогодой. Найо открывает перед нами дверь, и, когда мы оказываемся внутри паромного терминала, моим глазам требуется пара секунд, чтобы после яркого дневного света привыкнуть к относительной темноте. Когда формы наконец-то обозначаются, я вижу, что здесь всего лишь два ожидающих пассажира — на деревянной скамье сидит пожилая пара, возле ног их стоит потертый кожаный чемодан — и, похоже, ни одного сотрудника.

— Мы как будто в другом месте были, когда вчера приплыли, — замечает Марджери, обводя взглядом пустую утробу зала.

— Да уж, без пассажиров здесь довольно уныло, — соглашается Эмма.

— Или без суетящегося персонала, — добавляю я. — Но где же все?

Ранее мы определились, что для уточнения хронологии событий того октябрьского дня, когда исчезла Мэй — поскольку газеты отнюдь не проявляют единодушия в этом вопросе, — нам необходимо раздобыть на Морском вокзале расписание паромов. Наконец я замечаю одинокого служащего, устраивающегося в чем-то смахивающем на билетную кассу.

— Может, я спрошу насчет расписания, а вы пока пройдетесь по пути Мэй от «Глиндура» до терминала?

Найо, Марджери и Агата направляются к дверям. Эмма, однако, остается.

— Я с вами. Не думаю, что для повторения маршрута одной девушки требуется четыре женщины. Да и потом, французский мы с вами знаем лучше остальных, если что, сумею помочь с расспросами.

Орци права, хотя я и подозреваю, что ей просто не по нраву идея тайком бродить по вокзалу. Как-никак, она все-таки баронесса.

Мы подходим к будке. Сидящий в ней мужчина в форме уже погружен в чтение газеты.

— Excusez-moi? Простите? — обращаюсь я. Билетер и не думает отрываться от чтения, и тогда я повторяю громче: — Excusez-moi, puis-je avoir un horaire de ferry, s'il vous plaît? Простите, у вас не найдется расписания паромов?

Мужчина указывает на стеллаж перед будкой, который мы почему-то в упор не заметили, и вновь утыкается в газету, оставшись глухим к нашей благодарности. На одной из полок мы отыскиваем совмещенное расписание паромов и поездов. Наверное, удобная вещь для тех, ко-

му после пересечения Ла-Манша нужно ехать дальше по железной дороге. Полистав брошюрку, обнаруживаю рейс Брайтон — Булонь, которым прошлой осенью и воспользовались Мэй и Селия.

Согласно полицейскому отчету, «Глиндур» пришвартовался около двух часов дня, а возвращаться девушки планировали на пятичасовом пароме. Столь краткий визит во Францию поначалу представляется мне довольно необычным, но затем я решаю, что, если верны подслушанные мною вчера вечером пересуды — будто подруги отправились в поездку спонтанно, проведя ночь в брайтонской пляжной гостинице, — непродолжительность путешествия вполне объяснима прихотью двух молоденьких медсестер, вырвавшихся из больничной рутины на редкий отдых.

Так и вижу, как темноволосая Мэй и светленькая Селия со смехом сходят с парома и направляются вот сюда, в здание Морского вокзала. И чуть ли не слышу, как они весело щебечут, обсуждая, как провести последние беззаботные часы выходных. Походить по магазинам или же побаловать себя французскими пирожными? — совещаются они в моем воображении и в конце концов решают сделать и то и другое. Свобода

однодневного приключения в чужой стране, должно быть, была опьяняющей. Мимолетное впечатление о жизни, столь отличающейся от привычной им. Вполне возможно, впереди их ждут еще годы труда в больнице и проживания в общежитии, в то время как некоторым из их подруг посчастливится подцепить столь редкого сейчас достойного мужчину и обосноваться в собственном доме.

«Избыточные женщины» — так в прессе именуют девушек вроде Мэй и Селии. Хотя Мировая война и открыла для представительниц слабого пола новые возможности, позволив наниматься на работу, о которой прежде и помыслить было невозможно, все эти места полагалось возвращать демобилизовавшимся солдатам, в то время как сами женщины должны выходить замуж, что является их «естественным состоянием». Вот только на войне погибло почти два миллиона мужчин, вследствие чего на долгие годы возник дефицит потенциальных супругов. Поэтому многие незамужние женщины вынуждены бессрочно содержать себя, почти всегда на низкооплачиваемых работах. Однако вместо сочувствия они удостаиваются презрения. Заголовки наподобие «Избыточные женщины — бич человечества»

регулярно появляются в газетах вроде «Дейли мейл», и пресловутым «избыточным женщинам» приходится сносить дополнительные нападки в связи с ухудшением состояния мировой экономики. Одна из наших редких ссор с Маком вспыхнула как раз из-за крайне несправедливого отображения прессой этих несчастных женщин. Можно подумать, у них есть какой-то выбор. Как будто это они сами, по доброй воле, выбрали для себя такое положение.

Я снова погружаюсь в изучение расписания. Шрифт невероятно мелкий, однако мне удается разобрать, что «Глиндур» не прибывает во Францию и не отправляется в Англию в то время, которое указано в официальном отчете полиции. Почему, интересно?

Похоже, Эмма тоже пребывает в недоумении, поскольку направляется обратно к кассе, и походка ее, несмотря на маленькие шажки, источает решительность. На этот раз она не обременяет себя ровным, подобающим леди тоном, но во всей красе демонстрирует аристократическую властность:

— Расписание паромов на октябрь может отличаться от текущего?

— Разумеется, — отвечает кассир, презрительно

скривившись — надо полагать, на нашу дремучесть. — Расписание зависит от сезона и погоды. Летом паромов больше из-за наплыва туристов. А посреди зимы паромы не ходят вовсе.

— У вас сохранились записи о графике «Глиндура» за октябрь прошлого года? — Эмма старательно игнорирует его назидательный тон.

— Дайте угадаю — вас интересует шестнадцатое число?

— Да. Так у вас, случайно, нет под рукой расписания на эту дату?

— Вы отнюдь не первая спрашиваете про этот день, — говорит служащий, одновременно копаясь у себя под столом, — хотя и не выглядите как человек, у которого имеются полномочия для расспросов.

Билетер явно намекает на пол баронессы, однако она и бровью не ведет. Лично я не уверена, что смогла бы столь безукоризненно подавлять раздражение и гнев.

Эмма продолжает стоять с протянутой рукой, и кассир в конце концов вручает ей октябрьское расписание «Глиндура». Мы просматриваем его и убеждаемся, что в полицейском отчете, в отличие от некоторых газет, время приводится верное.

— Мы можем оставить его себе? — спрашивает

Орци.

— Разумеется, нет! Это последний экземпляр, и мне нужно хранить его для уполномоченных лиц. — Его самодовольный тон призван лишний раз подчеркнуть скрытый посыл слов: Эмма не является официальным чином, не стоит его времени и не достойна получения каких-либо документов. Пускай в чем-то этот тип и прав, однако его манеры совершенно невыносимы. — Я не могу раздавать расписание кому попало.

Тут уж терпение баронессы лопается. Побагровев, она расправляет плечи, словно перед схваткой с врагом. Кажется, мне пора выходить на сцену.

Я пихаю ему под нос снимки Мэй и Селии и тараторю:

— Возможно, вы уже видели эти фотографии. Вы работали шестнадцатого октября, когда эти молодые женщины прибыли на пароме в Булонь?

— Oui. Да.

— Не узнаете кого-либо из них?

Билетер принимается рассматривать фотографии и газетные вырезки, которые я тоже позаимствовала из подшивки Мака, и в этот момент раздается гудок. Через одно из арочных

окон на противоположной стене я вижу, как матросы спускают сходни к терминалу. Внезапно в зал входит группа сотрудников в форме, чтобы встречать сотни пассажиров, уже толпящихся на палубе.

Среди появившихся служащих я вдруг замечаю Агату, Найо и Марджери — и, подумать только, каждую из них конвоируют по два человека. Наших подруг определенно выдворяют с территории таможни Морского вокзала.

Да что же такого они натворили? Меня так и подмывает броситься к ним выяснить, во что они влипли, однако долг перед бедняжкой Мэй обязывает сначала закончить с этим мужланом.

— Нет, ни одну из них я не помню. — Кассир сует снимки обратно. — А теперь будьте так добры удалиться.

«Каков наглец», — думаю я, но вслух этого не произношу, из опасений лишиться тех крох информации, которыми он все-таки еще может с нами поделиться.

— Вы уверены? — делаю я последнюю попытку.

— Мадам. — Он снова кривится, на этот раз при виде наполняющих зал десятков людей. — Как я уже сказал жандармам, одну обычную англича-

ночку от другой и не отличишь, в особенности в толпе.

Глава 12

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Мы с Эммой со всех ног бежим к Агате, Найо и Марджери. А их, загнанных в угол зала ожидания Морского вокзала, уже вовсю распекает какой-то чиновник в форме. Все три дамы выглядят несколько растерянно, поскольку во французском отнюдь не сильны. Увы, прежде чем мы успеваем прийти подругам на выручку, к сотруднику таможни присоединяется полицейский.

Обвиняюще тыча пальцем в направлении женщин, он вопит:

— Le panneau indiqué clairement «Ne pas entrer»! На знаке четко указано: «Проход запрещен»!

— Простите нас, пожалуйста, господин полицейский, — задыхаясь, выпаливаю я на французском. — Мои подруги не знают французского языка, поэтому они не поняли, что заходить туда нельзя.

Теперь испепеляющий взор темных глаз жандарма обращен на меня:

— Это не оправдание! Женщины проникли на

запретную территорию таможни и не покинули ее после распоряжения сотрудника. — Он указывает на чиновника.

— Они приносят вам свои извинения, — подключается Эмма, изображая из себя божьего одуванчика. — И очень раскаиваются.

Достав из-за пазухи блокнотик и карандаш, полицейский безапелляционно заявляет:

— Раскаяние в данном случае неуместно. Эти дамы нарушили закон и должны заплатить штраф.

— О, пожалуйста! — продолжаю я упрашивать. — Не штрафуйте их! Мы всего лишь пять англичанок, осматривающих ваш прекрасный город. Они вовсе не замышляли ничего дурного! — Я бросаю на подруг быстрый взгляд. — Неведение их единственное преступление!

Явно колеблясь, полицейский внимательно смотрит на троицу нарушительниц, после чего изрекает:

— Что ж, ладно, на первый раз ограничусь предупреждением. Но в следующий раз послабления не будет. А теперь идите!

Мы с Эммой хватаем подруг под руки и спешно выводим их из вокзала на улицу.

На протяжении всего бегства меня не оставля-

ет мысль: «Неужели эта плеяда замечательных писательниц опять по моей вине подверглась унижению?» Остается только надеяться, что досадный инцидент не отобьет у Королев желания продолжать расследование.

— Мы всего лишь наблюдали за высадкой пассажиров, — сетует Марджери. — Вовсе не обязательно было так грубо с нами обращаться.

— Думаю, Найо все-таки пересекла официальную границу таможни, когда разглядывала пассажиров, — объясняет Агата. — Такую четкую желтую линию на площадке, которую проводят для разделения пассажиров по гражданству при прохождении таможенного контроля.

— Урок усвоен, — только и пожимает плечами Марш. — Но все равно я считаю, что наказание не соответствует нарушению.

— Вообще-то, обошлось-то без наказания, — парирую я. — Мы с Эммой подоспели вовремя, чтобы спасти вас от штрафа.

— Спасибо, — сконфуженно отзывается Марджери и затем поспешно меняет тему: — Вам-то обеим, надеюсь, больше повезло?

— Только если подразумевать под везением, что мы столкнулись с проявлением несколько меньшего хамства, нежели вы, — фыркает ба-

ронесса.

— Да бросьте, Эмма, — качаю я головой. — Нам же удалось подтвердить точное время прибытия «Глиндура» в Булонь и отправления обратно в Брайтон парома, на котором девушки планировали вернуться.

— Что ж, это верно, — нехотя признает она.

Меня раздирают противоречивые эмоции — чувство вины за то, что из-за меня подруги оказались в неприятной ситуации, досада из-за их уязвимости и раздражение из-за их поведения. Если мы действительно хотим добиться прогресса в расследовании убийства Мэй Дэниелс, нам необходимо проявлять находчивость, твердость и проницательность. В точности как это делают придуманные нами сыщики.

— Дамы, прошу прощения, если мои слова покажутся вам чересчур резкими, но нам следует «состоять из более суровой, грубой ткани»[1], как наставлял Шекспир в «Юлии Цезаре». Мы же не настоящие сыщики, наделенные полномочиями расследовать убийство мисс Дэниелс, так что нечего оскорбляться всякий раз, когда нам об этом напоминают. Но мы можем брать при-

---

[1] Примечания: 1

Перевод Н. Холодковского.

мер с собственных вымышленных детективов и использовать методы, которые нам вполне доступны.

— И что же, скажите на милость, это за методы такие? — насмешливо спрашивает Эмма.

— Наши сыщики притворяются другими людьми, маскируются, копаются в документах и на кладбищах, следят за подозреваемыми во всевозможных неблагоприятных условиях — и все ради раскрытия преступления. — Я обвожу женщин взглядом. — Даже представить себе нельзя, чтобы мисс Марпл, или Алый Первоцвет, или главный инспектор Аллейн, или Альберт Кэмпион обижались и отступали при первых же признаках сопротивления или агрессии. И уж точно никто из этих детективов не ведет себя столь безответственно, чтобы из-за собственных оплошностей приходилось прекращать расследование, даже не начав его!

Найо смотрит в сторону, будто не слушая меня, однако щеки ее заливает краска. Я нарочно не стала заострять внимание на ее опрометчивых действиях, потому что в поисках убийцы Мэй такие черты, как стойкость, гибкость и усердие необходимы каждой из нас.

— Мы и сами способны на все, чем собственное

воображение наделило созданных нами героев. А в известном смысле — даже и на большее, — добавляю я.

— Что вы имеете в виду? — уточняет Найо.

— Мы — авторы детективных произведений, и, кроме того, мы женщины. А ни те ни другие не пытались раскрыть тайну исчезновения Мэй. До настоящего времени.

Моя небольшая импровизированная речь призвана воодушевить подруг, хотя я и отдаю себе отчет в том, что существует определенный риск. Как-никак, мои отношения с этими женщинами еще только налаживаются — мы пока лишь начинаем осознавать себя единым коллективом, если быть точной.

Агата, благослови ее Господь, четко улавливает мои намерения и задает правильный вопрос:

— Раз уж мы возвращаемся на рю де Лилль, чтобы посетить магазины, где делали покупки Мэй и Селия, то как нам следует вести себя с продавцами?

— Здесь я, конечно же, не могу похвастаться обширным опытом. Но на Морском вокзале мы все — и я в том числе — вели себя так, будто являемся сотрудниками полиции, официально ведущими расследование. И получилось у нас,

чего уж греха таить, не ахти. Быть может, нам лучше оставаться самими собой? Ну, до некоторой степени? И изображать группу обычных английских туристок, потрясенных тем, что произошло с их молоденькой соотечественницей?

Найо тихонько фыркает, услышав столь упрощенное описание, но я невозмутимо продолжаю:

— Новость об обнаружении тела Мэй Дэниелс не сходит со страниц газет. Нет, серьезно, нужно в лесу жить, чтобы ничего об этом не слышать. Так что во время прогулки по историческому району Булони наше любопытство будет выглядеть совершенно естественным. И вполне возможно, горожане куда охотнее поделятся с нами сведениями, если мы будем изображать тех, за кого нас принимают.

— Что ж, пожалуй, стоит попытаться, — соглашается Агата.

Я поворачиваюсь к остальным:

— Итак, леди?

Все дружно кивают.

Возвращаясь по набережной к следующему пункту путешествия Мэй и Селии, рю де Лилль, мы проходим мимо гостиницы с кафе, похоже совершенно безлюдных. Вид у крохотной гостиницы, она называется «Морво», несколько

обветшалый. Полагаю, здесь удобно снимать номер, если паром прибывает в Булонь очень поздно или если необходимо отправляться очень рано, когда важна лишь близость жилья к порту.

— Может, заглянем? — предлагает Марджери.

— Куда, в эту убогую развалюху? — Эмма кривится так, будто съела лимон. — С какой стати?

Может, гостиница и не отвечает запросам нашей баронессы — да и, положа руку на сердце, стены действительно не помешало бы покрасить, — но до убогой развалюхи ей все-таки далеко. Мне доводилось останавливаться в гораздо худших отелях и даже жить в куда более запущенных домах на отшибе, в неблагополучных районах. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом: а не является ли эта привередливость, которую столь часто выказывает Эмма, напускной? Неужели в странствиях по Европе, когда восставшие крестьяне изгнали ее семью из поместья, им не приходилось пользоваться весьма непрезентабельным жильем? Впрочем, сейчас не время ломать над этим голову.

— А вдруг Мэй и Селия заглядывали сюда, чтобы, например, воспользоваться уборной? Такое вполне возможно после долгого плавания на пароме.

— Марджери, вообще-то, туалеты есть на Морском вокзале, — возражает Найо, и снисходительности в ее тоне несколько больше, нежели я сочла бы терпимым.

— А вы видели, в каком они состоянии? Я только шаг туда сделала — и сразу же развернулась. Готова поспорить, девушки так же поступили, — отвечает Эллингем, и мне отрадно видеть, что она способна отстаивать собственное мнение. И вдобавок отличается проницательностью.

— А ведь и правда! — поддерживаю я ее. — Надо проверить. Навряд ли полицейским такое пришло в голову.

Марджери решительно разворачивается к Найо спиной, распахивает темно-синюю дверь «Морво» и переступает порог. Раздается звон колокольчика, и мы следуем за подругой. Поначалу нас встречают лишь длинная деревянная стойка да стеллаж с ключами. Миновав небольшое фойе, я заглядываю в кафешку в соседнем помещении.

Наконец из комнаты за стойкой к нам выходит женщина неопределенного возраста — ей может быть как двадцать пять, так и все сорок. Она вытирает руки о передник, который надет поверх шафраново-желтого платья, после чего говорит:

— Bonjour, mesdames. Voudriez-vous une chambre

d'hôtel? Здравствуйте, леди. Желаете снять номер?

— Non, merci. Pourrions-nous avoir les expressos? О нет, спасибо. Мы хотели бы заказать эспрессо, — отвечаю я.

Кивнув без всякого энтузиазма, хозяйка отводит нас в пустующее кафе, где указывает на столик на шестерых у окна. Пока она хлопочет за крохотной стойкой в дальней части зала, я смотрю в окно на Ла-Манш.

«Какой удивительный у него цвет, совершенно необычный! — поражаюсь я. — Переливчатый сине-зеленый, не то что темные штормовые воды английского побережья». Могу себе представить, как восхищались им молоденькие медсестры, когда их паром входил в гавань Булони. И меня вновь охватывает печаль о погубленной жизни.

А в следующее мгновение мне приходит в голову, что, возможно, это был последний пейзаж, который Мэй лицезрела перед смертью. Центральный железнодорожный вокзал, из уборной которого она исчезла, совсем близко отсюда, и пока неизвестно, убили девушку там или в другом месте. Я погружена в эти ужасные мысли, когда на стол нам со звоном опускается поднос с чашками и блюдцами.

Хозяйка собирается уйти, но я останавливаю ее:

— Excusez-moi, madame… Прошу прощения, мадам, вас не затруднит ответить на вопрос?

— Oui. Да? — нетерпеливо отзывается женщина, обернувшись через плечо. Полагаю, ей нужно убираться в номерах: в «Морво» она, скорее всего, единственный работник.

— Мы только что приехали в ваш прекрасный город осмотреть достопримечательности и походить по магазинам — и сразу же услышали про эту несчастную английскую девушку. Как вы думаете, не закроют ли из-за расследования какие-нибудь места? Нам, например, очень хочется посетить колокольню двенадцатого века.

— Нет, полицию больше интересует местность за городом. Сомневаюсь, что это как-то скажется на нашем обычном распорядке.

Я изображаю вздох облегчения.

— Хорошо, что та девушка не наведывалась в Старый город. Мы как раз туда направляемся, и я рада слышать, что помех нам опасаться не стоит.

Эмма, Агата, Найо и Марджери знай себе тихонько болтают и потягивают эспрессо, как будто совершенно не интересуясь нашим разговором. Но я уверена, что Орци, которая превосходно

знает французский, ловит каждое наше слово.

Хозяйка наконец-то разворачивается ко мне всем корпусом.

— Вы не поняли, мадам. Убитая девушка и ее подруга посещали магазины в Старом городе. Но никаких происшествий там не было, да и полиция опросила продавцов сразу же после исчезновения англичанки. Так что можете смело идти.

— А вы, я вижу, полностью в курсе происходящего. Нам повезло, что мы повстречали вас.

От похвалы хозяйка даже немного раздувается, а затем долго и изучающе смотрит на меня, словно бы пытаясь определиться на мой счет. Наконец она выпаливает:

— Девушки заходили сюда в тот день, когда мадемуазель Дэниелс исчезла!

Я чуть ли не подпрыгиваю на стуле от подобного откровения. Полицейский отчет я изучила самым внимательным образом. В нем приводятся биографические данные Мэй и Селии, показания французского фермера, обнаружившего тело, а также кратко изложены допросы сотрудников железнодорожного и паромного вокзалов и владельцев магазинчиков на рю де Лилль, однако гостиница «Морво» в документе не упоминается

ни единым словом. Разумеется, обо всем этом я умалчиваю и продолжаю изображать из себя любопытную туристку:

— О, как интересно! Вы и вправду их обслуживали?

Глаза женщины горят нездоровым возбуждением. Полагаю, та абсолютно случайная встреча с Мэй обернулась для нее едва ли не чрезвычайным событием в повседневной рутине.

— Да, сразу после их прибытия на «Глиндуре». Я их запомнила, потому что они заказали чай с тостом. В основном-то приехавшие из Англии желают попробовать французский кофе — с ликером, знаете ли — и пирожные, но брюнеточка — та, что пропала, — настаивала на тосте. Это все из-за mal à l'estomac, понимаете ли.

Из-за проблем с желудком? Ага, стало быть, Мэй неважно себя чувствовала. Пожалуй, не такая уж и неожиданность. Как-никак, очень многие страдают морской болезнью, в особенности те, кто не привык к подобного рода путешествиям. Однако меня удивляет другое — то, что гостиница «Морво» не упоминается в полицейском отчете.

— Должно быть, у полицейских была куча вопросов к вам, — замечаю я, надеясь разговорить хозяйку.

Блеск в глазах разом исчезает, в них снова застывает скука.

— Да со мной только один полицейский и беседовал, который после исчезновения медсестры обходил портовый район. Задал пару-тройку вопросов, и на этом все.

— Ну надо же, — искренне недоумеваю я.

Действительно странно, что полиции и репортерам даже не пришло в голову потянуть за эту ниточку. Вот Гарриет Вэйн ни за что не упустила бы такого шанса. Ну и мы тоже не дадим маху.

— А какими были эти девушки? Новости в газетах нас ужасно расстроили.

— Милые и симпатичные, как и большинство девушек, что приезжают сюда на денек. Медсестра, которая потом пропала, была одета в черное пальто хорошего покроя и маленькую лиловую шляпку — такую, с плоским верхом. — Моя собеседница делает жест, показывая форму головного убора и то, на какой щегольской манер его носила Мэй.

— Шляпка-тока?

— Точно! — хлопает она в ладоши. — Именно так они и называются.

— А другая? Ее подруга?

— Да я только и запомнила, что блондиночка

была в толстых серых чулках. Для погожего осеннего денька, пожалуй, чересчур плотные, такие зимой носить в самый раз.

Эта женщина исключительно внимательна к деталям и обладает потрясающей памятью. Полиция сглупила, что отмахнулась от нее. Насколько можно судить, Мэй отнеслась к своему внешнему виду со всей серьезностью — шляпки-токи сейчас очень популярны, — в то время как Селию более волновала практичность, и ее не смутила даже безвкусица наряда. Почему же такое несоответствие? У них были разные ожидания от предстоящего дня?

— Девушки вели себя доброжелательно? Наверняка они предвкушали прогулку по Булони.

— Спрашивали про магазины. Где находятся, чем торгуют, часы работы — ну всякое такое.

Подобные расспросы навряд ли уместны для тех, кто замышляет покупку или продажу морфия, на что намекали журналисты после сегодняшнего полицейского брифинга. С какой стати девушкам было интересоваться магазинами, если их занимали наркотики? Это же бессмысленно.

— Вы порекомендовали им какой-то конкретный магазин? — невинно осведомляюсь я. — Может, мы и сами захотим туда заглянуть.

— Брюнетку особенно занимали шляпки. Я и посоветовала им специализированный магазинчик на рю де Лилль. Других вроде как не называла. — Из фойе доносится звон колокольчика, и хозяйка тут же поджимает губы. — Извините, мне надо работать.

— Спасибо большое, что уделили нам время, мадам… Прошу прощения, но, кажется, я не поинтересовалась вашим именем?

— Мадам Брат, — отвечает женщина, вырывая чек из книжки, которую достала из кармана передника. — Было очень приятно с вами побеседовать.

Глава 13

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Покинув «Морво», мы продолжаем следовать маршрутом медсестер. По дороге то и дело поглядываем на здание Центрального железнодорожного вокзала, в уборной которого Мэй в последний раз видели живой, однако пока туда не заходим. Мы твердо решили держаться пути девушек, на котором следующим пунктом значится рю де Лилль. Только так мы сможем увидеть город их глазами.

По склону холма мы поднимаемся молча. Быть может, мои подруги тоже сейчас строят догадки, о чем думали Мэй и Селия на этой самой улице. Мечтали ли они вернуться в Англию с новенькими модными французскими шляпками? Ловлю себя на том, что мысленно подробно расписываю эту сцену.

Меж тем подъем, на удивление, становится все круче, и я уже не в первый раз предлагаю поймать такси. Эмма решительно отказывается, хотя задыхается и бормочет что-то о «той еще изма-

тывающей прогулочке». Не желает послаблений и Марджери, уже хромающая в своих стильных легких туфельках. Ей следовало надеть оксфорды или удобные практичные туфли, как поступили все остальные.

Наконец мы достигаем мощенной булыжником улочки и, целиком отдавшись роли туристок, охаем и ахаем, восторгаясь очаровательными магазинчиками рю де Лилль. Наведываясь по очереди в каждый, болтаем с продавцами и задаем вроде бы невинные вопросы о «несчастной английской медсестричке». В кондитерской, с ее такими соблазнительными, такими изысканными сладостями, малодушно задерживаемся. Увы, успех нам более сопутствует с лакомствами, нежели с получением полезной информации. Никто из наших собеседников Мэй и Селию не помнит — знают-то о них, разумеется, все.

В конце улицы мы обнаруживаем магазин дамских шляп. На витринах и прилавках выставлена просто ошеломительная коллекция головных уборов, начиная с вездесущего мешковатого клоша всевозможных расцветок и заканчивая вариациями из шелка, льна и шерсти — изделиями Модного дома Эльзы Скиапарелли, а также новейшими интерпретациями классического

берета — самых нелепых цветов, да еще разукрашенных перьями и бахромой. У оказавшихся здесь девушек, должно быть, дух захватило от столь богатого выбора.

В магазине полно покупателей, однако персонала что-то не видать. Но вот я замечаю, что в задней части зала единственная продавщица как раз заканчивает обслуживать клиентку. Схватив Эмму под руку, я тяну ее к рыжеволосой девушке, щеголяющей в эксцентричном темно-синем берете. По-моему, лучшей рекламы для заведения и не придумать.

— Excusez-moi, mademoiselle? Прошу прощения, мадемуазель?

— Oui, mesdames? Да, дамы? — Несмотря на юность — я бы дала продавщице лет девятнадцать или двадцать, — ее светло-голубые глаза смотрят устало, и под ними виднеются темные круги.

— Моя подруга хочет обновить свой гардероб шляпок. Мы надеялись, что вы сможете снять мерку и предложить что-нибудь из вашей чудесной коллекции, — говорю я, и Эмма одаривает девушку лучезарной улыбкой.

При мысли о крупной продаже лицо у той проясняется, и она спешит за мерной лентой.

— В этих девчачьих вещицах я буду выглядеть полной дурой. Предпочитаю оставаться в своих классических уборах, — протестует баронесса, приглаживая эффектное пурпурное перо на своей шляпке, широкие поля которой определенно не отвечают нынешним модным тенденциям.

— И правильно делаете. Лично меня никогда не обвиняли в слепом следовании моде, и я предпочитаю, чтобы так оставалось и впредь. Мы с вами прекрасно знаем, что нам идет, а потому к черту моду, — отвечаю, понимая, что при всем желании, увы, не могу позволить себе потратиться на стильные новинки. Однако, несмотря на это, приметив весьма практичную прорезиненную шляпу от дождя, тут же тянусь за ней.

— Вместо меня вам в данном случае следовало привлечь Марджери. — Эмма кивает на Эллингем, которая вертится перед зеркалом в одной из новинок от Скиапарелли.

— Я намеренно выбрала именно вас, — объясняю я, разглядывая себя в шляпе от дождя. Гламурной вещицу назвать можно лишь с натяжкой, однако она точно пригодится. — Видите ли, здесь мы ни за что не найдем шляпку на ваш вкус, но зато надолго займем продавщицу и получим прекрасную возможность для расспросов.

Эмма одобрительно улыбается, и в этот момент возвращается девушка с лентой. За пару минут она определяет размер, после чего Орци изучает предложенные фасоны, примеряя кое-какие образцы. Я наблюдаю за процессом и через некоторое время обращаюсь к продавщице:

— А вы хорошо знаете свой товар, как я посмотрю. Давно здесь работаете?

— Вообще-то, у меня только что закончилось обучение. Собственно говоря, сегодня первый день, когда мне позволили работать самостоятельно.

«Это объясняет усталые глаза и темные круги под ними», — отмечаю я про себя, вслух же приношу девушке свои поздравления и перехожу к следующему вопросу:

— И сколько длилось ваше обучение?

— Полгода.

Несложный подсчет показывает, что она вполне могла находиться в магазине в октябре, когда сюда наведались Мэй и Селия. Похоже, сейчас самое время разузнать, что ей известно.

— Вы превосходно держитесь, такая любезная и внимательная. — Продавщица улыбается в ответ на мою похвалу. — Но я очень надеюсь, мадемуазель, что на улицах вы все-таки ведете себя

осмотрительно. Мы прочли, что на днях обнаружили тело той пропавшей бедняжки из Англии, и молодой девушке вроде вас нужно соблюдать предельную осторожность.

— Именно это я и сказала хозяину. — Моя собеседница переходит на шепот. — А он велел не устраивать истерик.

— Проявлять обоснованное беспокойство вовсе не означает впадать в истерику. — Я участливо похлопываю ее по плечу. — Напротив, это весьма благоразумное поведение. Будем надеяться, полиция вскоре все выяснит, и тогда можно будет расслабиться.

— Жандармы рыскают кругом с самого ее исчезновения, еще осенью, да так до сих пор никого и не арестовали. Они даже не восприняли серьезно мои показания о тех девушках! Так что я не верю, что они отыщут убийцу.

— Какие показания? — любопытствую я, расплачиваясь за шляпу от дождя.

— Английские медсестры делали у нас покупки в тот день, когда мисс Дэниелс пропала. Я сообщила об этом полицейским — они на рю де Лилль тогда всех подряд допрашивали.

— А вы обслуживали девушек?

— Не совсем. Мое обучение тогда еще только

началось, так что я лишь наблюдала за месье, пока он занимался покупательницами.

— И какими они вам показались?

— Та, что со светлыми волосами, прямо в раж вошла — столько шляпок перемерила, что месье это даже надоело. Конечно же, он и виду не подавал, — поспешно добавляет продавщица.

— Ну естественно, — киваю я. — А темненькая? Мисс Дэниелс?

— О, она вела себя спокойно, даже сдержанно. Не думаю, что ее интересовали шляпки.

Подобная деталь меня озадачивает. Ведь мадам Брат дала понять, что именно Мэй спрашивала про шляпный магазин, а вовсе не Селия.

— Почему же вы так решили?

— Она все бродила по залу, но товар осматривала как будто даже рассеянно и ничего не примеряла. Поэтому я очень удивилась, когда она потом вернулась.

— Мисс Дэниелс вернулась?

— Да. Одна, через какое-то время после того, как они вдвоем с блондинкой ушли. И сразу же направилась к темно-серой федоре. Ее подруга восторгалась совсем другими шляпами, такими, знаете ли, экстравагантными. В общем, мисс Дэниелс ту федору даже примерять не стала,

просто отдала мне точно отсчитанную сумму и, не говоря ни слова, покинула магазин.

— А вы положили ее покупку в коробку? — Совершенно не помню, чтобы в полицейском отчете фигурировала шляпная коробка, пропавшая или найденная на месте преступления.

— Нет. Мисс Дэниелс поспешно покинула магазин, сразу как расплатилась, вручив мне деньги без сдачи. Я успела только заметить, что она сложила федору и убрала ее в сумочку. Месье очень рассердился, когда узнал.

— Почему же? Вроде радоваться должен был очередной продаже.

— Он считает свои шляпные коробки лучшим видом рекламы магазина и постоянно твердит, что ушедший без коробки покупатель — это упущенная выгода. Ну, хозяин еще и потому разозлился, что мое обучение тогда только началось, и оформлять покупки мне было нельзя.

— Но, насколько я понимаю, мисс Дэниелс попросту не дала вам времени сбегать за месье, чтобы тот пробил покупку через кассу.

— Совершенно верно, — отвечает девушка, впервые за все время нормальным голосом, а не шепотом.

«Очень странно», — думаю я. Создается впе-

чатление, будто Мэй не желала, чтобы Селия видела, как она покупает шляпу. Почему же полиция не удосужилась выяснить причину такого странного поведения? Скорее всего, списали на легкомысленность и непостоянство молоденькой девицы. Потому-то в их отчете визит подруг в шляпный магазин и упоминается лишь бегло. Следствие велось, мягко выражаясь, неблестяще.

— Осмелюсь предположить, жандармы гораздо усерднее, нежели кажутся, — сдержанно замечаю я. — И все же, пожалуйста, будьте осторожны.

— Непременно. Могу я попросить вас об одолжении? — говорит продавщица, кивая на Эмму, которая в конце концов подобрала себе головной убор по вкусу — подумать только, бархатный тюрбан!

— Разумеется.

— Пожалуйста, не рассказывайте никому про то, что услышали от меня.

— Кому же я могу рассказать? — увиливаю я от обещания. Потому что, само собой, передам полученную информацию Королевам.

— Мне запрещено обсуждать погибшую медсестру с покупателями. Месье говорит, что это убийство очень вредит бизнесу.

Я изображаю, будто запечатываю себе рот, и

мы возвращаемся к созерцанию Эммы, примеряющей один за другим тюрбаны из всевозможных тканей невообразимых расцветок. Вопреки изначальным протестам, баронесса, похоже, и вправду вознамерилась обновить свой шляпный гардероб. И мне только отрадно, что эта милая девушка, которая нас обслуживает, оформит сделку на солидную сумму.

Тут я осознаю, что на протяжении уже какого-то времени меня донимает неотвязное постукивание где-то на заднем фоне. Оно становится все громче, и в конце концов я поворачиваюсь к витрине, за которой глазам моим предстает нетерпеливый молодой человек, улыбающийся во весь рот.

— Миссис Флеминг! Ну и ну, неужто это вы? — орет он.

Ну вот я и попалась. По крайней мере, можно утешать себя тем, что это оказался не Мак. Уж он-то не купится на представление, которое я собираюсь устроить.

Улыбаюсь в ответ и машу рукой. Мне совершенно ни к чему, чтобы журналист заявлялся в лавку, поэтому жестом показываю, что сейчас выйду к нему. По пути к двери я шепчу Агате, которая видит происходящее:

— Встречаемся сегодня в семь вечера, в «Горячем камне».

Она кивает, и я покидаю магазин.

— Ну как, удачный день выдался? — спрашиваю я на улице репортера. Его имя вылетело у меня из головы, помню лишь, что он пишет для «Ливерпул пост энд меркури».

— Интересный, — коротко отвечает мужчина, предпочитая не раскрывать карты. Вполне ожидаемо: ни один уважающий себя журналист не поделится своей добычей. И все же на лице его угадывается довольство.

— Вы всей братией почти весь день так и проторчали возле Наполеоновской колонны?

— Совершенно верно. Большинство из нас только вернулись в город.

— Полагаю, поблизости от места, где обнаружили тело, есть что обследовать. — Всем своим видом я даю понять, будто всего лишь поддерживаю разговор, а вовсе не пытаюсь выудить информацию.

— Ага, — кивает журналист, мрачнея при упоминании о трупе Мэй. — Да к тому же нам попался весьма болтливый охранник.

— Они поставили жандарма охранять место преступления?

Подобное развитие событий, на мой взгляд, выглядит довольно странно. Репортеры сетовали на скрытность французской полиции и ее откровенное нежелание сотрудничать. Но даже если местные власти и не слишком любезны с нашей прессой, они не имеют привычки мешать взаимодействию с властями Великобритании, в особенности если жертва или преступник оказываются англичанами, однако слухи о нежелании жандармов и их начальства работать рука об руку с нашей полицией в расследовании этого убийства уже поползли.

— Нет, — качает головой мой спутник, — это просто сторож. Колонну и соседние павильоны охраняют круглогодично.

— Ах вот как. Мне и в голову не приходило, что монумент заслуживает постоянного обхода.

— Так вот, охранник рассказал, будто общался с медсестрами в тот день, шестнадцатого октября. Сначала они осмотрели колонну, а потом он пригласил их внутрь, подняться по лестнице на самый верх: мол, оттуда открывается грандиозный вид. Да только девицы отказались.

Болтливость репортера несколько удивляет. Впрочем, он молод, да и наверняка не воспринимает меня всерьез. К тому же парень понимает,

что я все равно узнаю от мужа, какие главные подвижки произошли в деле.

— Мак не говорил, что девушки посещали Наполеоновскую колонну.

— В этом-то новость и заключается. — Тут лицо моего собеседника озаряется. — Миссис Флеминг, было весьма поучительно наблюдать за вашим супругом в деле. Он мастерски вытянул из охранника все подробности его общения с девушками, а потом так запутал беднягу, подловив того на собственных противоречиях, что сторож в итоге раскололся и признался, что наврал нам.

— Что, неужели придумал все от начала до конца?

— Ну, этот тип продолжал настаивать, будто медсестры гуляли по парку. Хотя сам он с ними и не разговаривал.

— Да, Мак — он такой, ловко умеет управляться с людьми. Я всегда говорила мужу, что ему следовало податься в адвокаты. Да, кстати, коль скоро мы уж о нем заговорили: не знаете, случайно, куда Мак направился?

— Знаю. Догадайтесь с одного раза.

— Ясно. В «Мышиную нору».

Глава 14

23 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

В темноте все воспринимается иначе. В интерьере сырой, напрочь лишенной окон кафешки приглушенный свет закатного солнца, проникающий через открытую дверь, кажется даже ярким. И еще темнее внутри «Мышиной норы»: полагаю, это из-за копоти от дешевых сигарет, покрывающей здесь каждую поверхность, да циркулирующих в воздухе грязных слухов.

— Она разыскивала местного дилера, чтобы толкнуть товар…

— А ведь торговцы наркотиками связаны с сутенерами. Возможно, она была в этом замешана…

— По мне, так девица сама напросилась…

— Шприц, найденный рядом с ее сумочкой, наводит на мысль…

— Да что же еще она могла делать у Наполеоновской колонны? Туристы туда нечасто наведываются. Не самое подходящее место…

Я сижу рядом с мужем за оцинкованным столиком, буквально облепленным репортерами, и

от их идиотских реплик у меня аж в ушах звенит. После утренних заявлений полиции на брифинге всяческие предположения уже расцвели пышным цветом, превратившись в откровенные бредни. «Это же молоденькая девушка, у которой отняли жизнь, еще даже не успевшую толком начаться», — сокрушаюсь я. Меня чуть ли не тошнит от грязи, которой ее поливают. Все эти люди думают лишь о том, какой бы броский заголовок сочинить на ее смерть — исключительно ради собственной выгоды. Они с готовностью хватаются за сомнительное вещественное доказательство — тот самый шприц, обнаруженный возле тела, — и воздвигают вокруг него леса, чтобы выстроить «объективную» трактовку событий, которую и явят всему миру, даже не удосужившись провести собственное расследование.

Мак тоже выдвигает версию:

— Возможно, у девушек уже была назначена встреча возле монумента, чтобы купить там наркотики. Или продать.

Окружающие согласно кивают, а в следующее мгновение разражается сущая какофония: гипотезы сыплются как из рога изобилия. Подобно цепным псам, репортеры вцепляются в лодыжки

мертвой девушки — и мой муж с ними заодно!

«Ну надо же, Мака, всегда такого умного и отзывчивого, словно бы подменили в пылу этой журналистской гонки, — сокрушаюсь я. — Ну как можно быть таким прозорливым с пытающимся обмануть тебя охранником Наполеоновской колонны и одновременно покупаться на подобные пошлые домыслы?» Похоже, жажда сенсации негативно повлияла на его мыслительные способности. Очень надеюсь, что после этой командировки муж вернется в свое обычное состояние.

И вдруг меня обжигает неожиданная мысль. Почему никто из журналистов не задал вполне логичный вопрос: с какой стати двум молоденьким английским медсестрам — медсестрам! — отправляться за морфием в такую даль, аж во Францию, если им наверняка не составляло труда заполучить сей препарат в больнице, куда они каждый божий день приходили на работу? Ради инъекции опиата Мэй и Селии вовсе не нужно было ехать поездом до Брайтона, а потом плыть на пароме в Булонь-сюр-Мер. Данное обстоятельство превращает все эти мудрствования, что я слышу сейчас вокруг, в пустопорожнюю болтовню. Да и, коли уж на то пошло, гипотеза о том, что молодые

женщины торговали наркотиками, сама по себе смехотворна. Как мне кажется, обнаруженный возле трупа шприц с морфием очевиднейшим образом являет собой прием, к которому частенько прибегают авторы детективов, — ложный след.

От подобной догадки у меня аж дыхание перехватывает. Если имеется ложный след, то, стало быть, налицо и злой умысел, а значит, и коварный убийца, который разработал план по устранению Мэй Дэниелс. Но с какой стати простая медсестра, совершающая однодневную поездку во Францию, удостоилась внимания изощренного преступника?

У меня уже голова идет кругом, и внезапно гомон репортеров, спертый и прокуренный воздух, а также бремя смерти Мэй становятся просто невыносимыми, и меня словно накрывает волной клаустрофобии.

— Мне нужно на воздух, — говорю я Маку.

— Ты плохо себя чувствуешь, Дороти? — Он внимательно смотрит на меня. — Что-то ты раскраснелась.

— Э-э-э… Да нет, все в порядке, просто здесь слишком жарко, — успокаиваю я его.

— Я выйду с тобой. — Мак тянется за верхней одеждой.

— Нет-нет, оставайся. Вдруг что интересное выведаешь.

Рука мужа все еще держит легкое темно-серое пальто.

— Не хочу, чтобы ты на ночь глядя одна разгуливала по Булони.

Выдавливаю из себя улыбку:

— Да не беспокойся, милый. Я вовсе не собираюсь бродить по улицам. Наша гостиница буквально за углом, я только перекушу по пути в каком-нибудь ресторанчике.

— Ну если ты так уверена… — Пальто падает обратно на спинку стула.

— Разумеется, уверена.

Удрученная мужскими измышлениями, я медленно выхожу наружу и бреду по рю де Лилль, направляясь к «Горячему камню» — заведению, в котором назначила Агате встречу, ресторанчику с синими тентами. На месте я оказываюсь немного раньше условленного времени, но решаю воспользоваться этим, чтобы записать всю собранную информацию. И по возможности осмыслить ее.

Окинув зал взглядом, я задумываюсь, а не прогадала ли с выбором. Здесь практически пусто, не считая ужинающего в одиночестве седовласого

джентльмена. Но затем мне вспоминается, что для французских заведений время еще довольно раннее, и я следую за хозяйкой к столику на пятерых.

Делаю глоток домашнего белого вина, достаю свой блокнотик и принимаюсь заносить в него все сведения, которые удалось выяснить. И с каждой записью во мне крепнет уверенность, что исчезновение и убийство были тщательно продуманы наперед. Смерть мисс Мэй Дэниелс отнюдь не случайный акт насилия и уж точно не сорвавшаяся наркосделка.

Вся серьезность собственных предположений наваливается на меня тяжким грузом, сердце сжимает печаль о столь жестоко оборванной жизни. «Какая ужасная трагедия!» — думаю я, уже не в силах сдержать слез. И прежде чем я успеваю промокнуть их простым, но столь практичным хлопчатобумажным платочком, который обязательно ношу с собой в сумочке, перед моими глазами возникает расшитый льняной носовой платок.

— Возьмите, мадам, вам он определенно нужен, — произносит единственный посетитель ресторанчика на безупречном английском.

— Спасибо, сэр, но у меня есть свой. — Я достаю

платочек из сумочки.

— Всегда рад помочь даме в беде. — Мужчина убирает вещицу, которой я не воспользовалась, в карман коричневого твидового пиджака.

В его голосе звучат нотки разочарования. Судя по седине и морщинам возле глаз и на лбу, ему лет шестьдесят пять — семьдесят. По-английски говорит свободно, без всякого акцента (этот язык для него явно родной) и ужинает в одиночестве. Быть может, надеялся, что за свой сочувственный жест удостоится компании?

— Как вы догадались, что я англичанка? — спрашиваю я, решив, что могу как минимум вознаградить его любезным разговором.

— После долгого проживания здесь развивается определенное чутье. Не сочтите за нескромность, но я в состоянии признать соотечественника — или соотечественницу, коли на то пошло, — даже издалека.

— Значит, Булонь для вас уже давно дом родной?

— Да, вот уже почти десять лет, как я тут обосновался. Судьба забросила сюда во время Мировой войны, и с тех пор меня все тянуло обратно. Я служил на флоте, а когда вышел в отставку, переехал в Булонь.

— И как, французская жизнь пришлась вам по душе?

— О да. Время от времени, правда, не хватает общества земляков, но во всех остальных отношениях жить здесь весьма приятно. А вы просто туристка? Могу порекомендовать кое-какие малоизвестные, но стоящие внимания места.

— Премного благодарна, но дело в том, что я приехала с мужем. Он пишет репортаж о деле английской медсестры, мисс Мэй Дэниелс.

— Ах, у меня просто сердце кровью обливалось, когда я читал об этой трагедии, — качает головой седовласый джентльмен. — Местные-то не очень распространяются о произошедшем — опасаются, что это плохо скажется на туристическом бизнесе, — но я следил за развитием событий по английским газетам.

— Очень печальная история, — отзываюсь я, обдумывая его замечание. Не знаю, как другие местные жители, а хозяин шляпного магазина уж точно разделяет эти страхи. Может, именно в этом и заключается причина явного нежелания французских властей сотрудничать с английскими коллегами?

— Как вижу, на вас она очень подействовала. А знаете, один мой британский друг, мистер

Маркс, видел пропавшую медсестру в день ее исчезновения — одну, в сквере возле рю де Лилль.

— Полагаю, ваш друг сообщил об этом полиции?

— Вскоре после этого мистер Маркс уехал в Англию. Каждый год он проводит несколько месяцев со своей дочерью в Йоркшире. Но должно быть, показания он дал.

— А ваш друг не называл время, когда видел девушку?

— В письмах нет, — качает головой мой новый знакомый. — Подробности вам следует выяснять у него самого.

— Вы не знаете, когда мистер Маркс вернется в Булонь?

— Обычно он возвращается в апреле и остается здесь до октября. — Мой собеседник достает из внутреннего кармана пиджака тоненькую записную книжку в кожаном переплете. — Позвольте, я запишу вам его адрес в Йоркшире, если вам понадобится срочно переговорить с ним.

— А ваш друг не рассказал, что мисс Дэниелс делала в сквере? — интересуюсь я, пока он переписывает сведения.

— Плакала какое-то время. — Седовласый джентльмен задумывается, а затем, внезапно

вспомнив, поспешно добавляет: — И еще писала. Она что-то лихорадочно писала.

Мое сердце начинает учащенно биться от этой крайне интересной подробности — по-видимому, до настоящего момента не известной. Или же попросту проигнорированной, если мистер Маркс действительно общался с полицейскими. На языке у меня вертятся новые вопросы, но тут раздается звон дверного колокольчика, и меня обдает сквозняком. Я оборачиваюсь ко входу и вижу знакомые лица Агаты, Эммы, Найо и Марджери.

Постепенно в уме у меня складывается общая картина того дня, когда исчезла Мэй. Еще не до конца сформировавшаяся, но ничего, мы расставим все фрагменты этого пазла по своим местам. Я извиняюсь перед седовласым мужчиной и поднимаюсь, чтобы встретить Королев.

Глава 15

24 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

— Мистер Флеминг! Мистер Флеминг! Вам телеграмма! — с сильным акцентом кричит кто-то в моем сне. И лишь когда раздается громкий стук в дверь, от которого содрогаются тоненькие стены нашего номера, я осознаю, что нахожусь в булонской гостинице, а мужа зовут наяву.

Мак шевелится, однако не просыпается. Я трясу его, и тогда он протирает глаза, надевает халат и, наконец, приоткрывает дверь.

— Что стряслось, мадам Бонёр? — осведомляется муж. — Почему вы пришли в такую несусветную рань?

Хозяйка отвечает очень тихо, и я не могу разобрать, что она говорит. Я продолжаю лежать в постели, даже не стараясь стряхнуть с себя дремоту. Отдохнуть этой ночью мне толком так и не удалось. После долгого и утомительного — как физически, так и морально — дня я в десять вечера завалилась на нашу бугристую кровать. Бог его знает, во сколько вернулся Мак, но, едва

явившись, он принялся строчить в блокноте. Набросок статьи для «Ньюс оф зе уорлд» он писал, как мне показалось, несколько часов, на протяжении которых я только и делала, что беспокойно ворочалась с боку на бок. По окончании трудов праведных муж рухнул в постель и тут же захрапел подобно одному из дантовских церберов. Заснуть в таких условиях у меня, естественно, тем более не получилось.

Как не получается и сейчас.

— Боже! — изрекает Мак, плюхаясь на кровать.

— В чем дело? — хриплю я, слишком изможденная, чтобы выбранить его за упоминание имени Господа всуе. Хотя, вообще-то, это у меня пунктик.

— Я получил телеграмму от редактора.

— И?..

— Меня сняли с дела Дэниелс.

— Ох, милый, мне так жаль!

— Пока, во всяком случае.

Чувства мои адресованы не столько мужу, сколько себе самой и подругам. Если Мак больше не освещает эту историю, то мою статью, надо полагать, тоже отменят, а без оплаты расходов газетой мы навряд ли сможем остаться в Булони. И расследование, за которое взялись Королевы,

закончится, по-настоящему даже еще и не начавшись. И все планы, которые мы строили вчера вечером, так и не будут выполнены.

Я усаживаюсь в постели, и волосы, словно тяжкое бремя, падают мне на плечи.

— Но почему? Ты же всю ночь скрипел карандашом по бумаге — я так понимаю, статья уже готова.

Муж цокает языком.

— Это не связано с моими стараниями. Статью-то как раз приняли благосклонно. Штука в том, что мой редактор получил из первых рук сведения, будто лорд Таррингтон находится в Булони — готовится его экстрадиция в Англию. В общем, шеф хочет, чтобы я занялся этой «новейшей новостью», как он выразился.

— Да ты смеешься надо мной! — Я в шутку пихаю мужа локтем.

Дело лорда Таррингтона приковывает к себе внимание читающей публики еще с прошлого лета. Этот стряпчий-аристократ сбежал в Европу, прикарманив денежные средства клиентов, и с тех пор похитителю удавалось ускользать из рук правосудия.

— И не думаю. — Глаза Мака уже горят в предвкушении сенсационного репортажа.

Он проходит через комнатку к раковине, умывается, причесывается, а затем сменяет халат и пижаму на новую рубашку и костюм с галстуком.

— О, Мак, да это же просто здорово!

— Плохая новость заключается в том, любимая, что «Ньюс оф зе уорлд» навряд ли заплатят тебе за статью без сопутствующей моей. На следующую ночь номер точно остается за нами, но вот как сложится дальше, этого я уже не знаю. Особенно если верны слухи, что с передачей Таррингтона Англии французы тянуть не станут.

— Не переживай. Посижу сегодня в каком-нибудь миленьком кафе на побережье, поработаю над романом «Найти мертвеца» или наброском для «Каникул палача». И уеду завтра, если тебе придется вернуться. — Не удержавшись, я подначиваю мужа: — Тебя вообще хоть когда-нибудь волновало, что у меня есть также и свои проекты? Видишь ли, я ведь не только угождаю твоим потребностям.

— Любимая, ты же знаешь, что это как раз одна из множества вещей, которые привлекли меня в тебе с самого начала. Да я бы от скуки помер с простой домохозяйкой. — Он наклоняется и целует меня. — Ладно, может, увидимся вечером,

а может, и нет.

— Пускай это мойры решают, — отзываюсь я, и Мак уходит.

А я встаю с постели.

В новом задании Мака есть как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, теперь у меня гораздо больше свободы в перемещении по Булони — при условии, разумеется, что удастся избегать журналистов. С другой — вход на брифинги отныне для меня закрыт, равно как недоступна теперь и всяческая информация конфиденциального характера. И возможно, Францию весьма скоро придется покинуть.

Готовясь к встрече с Королевами на площади возле рю де Лилль, я сную по номеру и собираю разбросанные мужем материалы по делу. Сведения из полиции и заметки по следствию складываю в одну кучку, а черновики статьи — в другую.

В последних внимание мое привлекает одно накорябанное словечко: «наркоманка». Быстро просматриваю статью Мака. К моему разочарованию, он лишь вторит гнусностям, которых я вдоволь наслушалась в «Мышиной норе». Мол, во всем виновата сама жертва, которая вела себя неподобающим образом. Ну как может мужчина,

который целиком поддерживает мое стремление сделать карьеру и сам является отцом дочерей, быть таким ретроградом? Стряхиваю с себя гадливость и покидаю номер.

По пути на живописную маленькую площадь неподалеку от рю де Лилль я покупаю в киоске несколько сегодняшних газет. Агата, Эмма, Найо и Марджери уже поджидают меня на углу, однако мне сейчас совершенно не до того, чтобы извиняться за незначительное опоздание.

Потрясая газетами, я гневно восклицаю:

— Видели заголовки?

Вчера вечером я рассказала подругам о мерзких пересудах репортеров в прокуренной кафешке, но увидеть те же самые слова напечатанными — все-таки совсем иное дело. Перевожу заголовок на французском из первой газеты в пачке: «Была ли Мэй Дэниелс наркоманкой?» Затем зачитываю еще несколько, как французских, так и английских: «Возле тела найден шприц — наркопритон?» «Мисс Дэниелс носила прическу „фокстрот“ — и вела разгульную жизнь?» И, наконец, «Шкодливая медсестра» — сей опус числится за моим собственным муженьком, однако этого я не озвучиваю.

— Да смилостивятся над нами небеса! — бормо-

чет Эмма, не сводя глаз с кричащих заголовков.

— Сомнительно, чтобы небеса приложили к этому руку, — хмыкает Найо, выпуская струйку дыма. — Просто отвратительно, на что готовы пойти журналисты ради сенсации! Они хотя бы немного с фактами-то считаются?

— Бедная девочка! Только представьте, каково сейчас ее матери читать такие вот статейки. И вообразите, о чем уже перешептываются их соседи, — добавляет Марджери, поигрывая выступающим кончиком своего «фокстрота».

Отказ от замысловатой общепринятой прически в пользу этой более современной в некотором роде несет послание: обладательница подобной стрижки ведет динамичный образ жизни, и у нее просто нет времени долго возиться с волосами. Вот только ретрограды — в особенности мужчины — воспринимают короткую прическу как признак аморальности женщины.

Агата по очереди обводит нас взглядом:

— А чему вы удивляетесь? Мужчины с незапамятных времен публикуют похотливую ложь о женщинах. Как и делают многое другое — и все ради того, чтобы держать нас в узде.

— Но такое? Да это же глупость полнейшая! Здесь нет ни малейшего смысла! С какой стати

медсестрам добираться до самой Булони ради запрещенного вещества, к которому они имеют свободный доступ в Лондоне? — Марджери вновь поднимает один из главных вопросов, который мы обсуждали вчера вечером.

— Но ведь подружки могли и продавать это самое вещество, — замечает Найо.

— Сложно представить, что девушки пустились в путь со склянками с препаратом в достаточно большом количестве, чтобы оно заслуживало ярлык «наркосделки», — возражает Агата. — Да и потом, разве флаконы не обнаружили бы на таможне? Сотрудники Морского вокзала подходят к своим обязанностям со всей ответственностью, в чем мы имели возможность убедиться лично.

— Возлагая вину на Мэй, полиция лишь пытается оправдать собственные неудачи: они ведь так и не сумели объяснить, каким образом девушка исчезла, не говоря уже о том, чтобы поймать убийцу, — подхватываю я. — Наркотики в этой истории пришлись как нельзя кстати. Между прочим, уже даже появились намеки, что после обнаружения шприца дело могут и вовсе закрыть.

— Да они, должно быть, ослепли! В упор не видят, что это ложный след, который нарочно

подсунули с целью увести полицию и журналистов от истины! — возмущается Найо.

— Мне и самой довелось стать жертвой прессы, а потому подобное манипулирование добрым именем мисс Дэниелс мне отвратительно вдвойне, — добавляет Агата. — Ни одна женщина или девушка не заслуживает такого поношения, в особенности когда она уже не способна сама за себя постоять.

Я согласно киваю. Рассуждая о бедной девушке, все Королевы до одной высказали сущую правду — как о ее судьбе, так и о нашем обществе. И для того, чтобы свершилось подлинное правосудие, мы в первую очередь должны развенчать гнусную клевету, разоблачить тех, кто очерняет Мэй Дэниелс.

Глава 16

24 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Пришла пора двигаться из Старого города дальше. Большинство здешних магазинчиков, кафе, ресторанчиков и кондитерских, которые так и искушают туристов, предлагая зайти внутрь, мы проверили, хотя и без особых результатов. И раз уж мы собрались повторить путь девушек за 16 октября — и опровергнуть грязные слухи, — нам необходимо наведаться в следующий пункт их маршрута — на Центральный железнодорожный вокзал.

По мере нашего путешествия этим ясным утром булыжник уступает место брусчатке, а шуршание разворачиваемых тентов и приветственные возгласы, которыми обмениваются соседи, сменяются криками чаек и гудками кораблей. Я едва ли не воочию вижу, как юные медсестры, вымотавшиеся за день после плавания на пароме и прогулок по городу, молча бредут в порт. Тяготила ли их перспектива хлопотной трудовой недели в больнице? И быть может, еще долгих-долгих

лет работы там? Не стало ли будущее, обещающее лишь бесконечные непростые смены, после глотка свободы казаться им еще более беспросветным?

Чтобы проверить, отвечают ли мои догадки реальности, нужно будет поговорить с Селией Маккарти, о замкнутости которой уже вовсю трубят газеты. Непосредственно после исчезновения подруги, судя по полицейским отчетам, она активно сотрудничала со следствием, однако с момента обнаружения тела подобной покладистости больше не проявляла. Более того, девушка наотрез отказалась ехать во Францию для дальнейших допросов.

Все эти мысли моментально развеиваются, стоит лишь нам приблизиться к зданию вокзала. Великолепие фасада, открывшегося нашим взорам, застигает меня врасплох. Украшенные орнаментами арки, устремленные ввысь шпили и выразительные скульптуры нетипично элегантны для обыкновенной железнодорожной станции; все эти изящества куда естественнее смотрелись бы на высоченном кафедральном соборе Нотр-Дам, нависающем над Старым городом. Заурядному и прозаичному Морскому вокзалу до своего железнодорожного собрата как до Луны.

Остановившись перед главным входом, я представляю, как девушки восхищаются удивительным строением. Затем в моем воображении Мэй поворачивается к Селии и предлагает ей зайти на вокзале в уборную, чтобы «привести себя в порядок» перед посадкой на «Глиндур», который доставит их на родину.

Рассердилась ли Селия из-за этой непредусмотренной задержки? Уговаривала ли она Мэй потерпеть и воспользоваться туалетом на Морском вокзале? Как-никак, им нужно было спешить на паром. Возможно, Мэй воспротивилась требованию подруги, сославшись на сырость в тамошней уборной. Не исключено также, что им обеим захотелось прогуляться по роскошному зданию железнодорожного вокзала. Интересовались ли упомянутыми деталями следователи? В официальном отчете полиции об этом ничего не говорится.

Как бы то ни было, девушки вошли сюда — и мы поступаем точно так же. И видим и слышим то же самое, что видели и слышали они. Легкую задымленность зала и замедляющееся «тук-тук» приближающегося поезда. Объявление: «Посадка заканчивается!» — и пассажиров, с паническими воплями мчащихся к вагону. Грохот чемоданов,

шорох пальто и галдеж мельтешащих под ногами маленьких детей — и все это на фоне какофонии механического гула, гомона и хлопанья дверей. Подобная суета могла очаровать медсестер, но могла и, напротив, оказать на них угнетающее действие.

Подобно Мэй и Селии, мы осведомляемся у работника вокзала, где находится «les toilettes des dames», женский туалет. Стуча каблуками по мраморным плитам длинного коридора, лавируем через толпу прибывших путешественников в указанном направлении. Я толкаю тяжелую деревянную дверь, выкрашенную в черный цвет, и мы все оказываемся внутри.

«То самое место», — думаю я едва ли не с благоговением.

Возле белых керамических раковин снуют несколько женщин, в то время как служительница подает им полотенца. В шесть кабинок торопливо входят и выходят оттуда другие посетительницы. Отделанное черно-белым кафелем помещение не очень большое, и, как уже широко освещалось в прессе, дверь здесь различима лишь одна. Мы по очереди прогуливаемся по периметру уборной, и никто из нас не обнаруживает какого-либо другого запасного выхода

или даже маленького окошка. Выбраться отсюда действительно можно только через дверь.

Когда освобождается кабинка, я проскальзываю внутрь и запираюсь на щеколду. Внимательно осматриваясь, задаюсь вопросом, поместится ли здесь еще один человек — некто, вынашивающий гнусные намерения. Вообще-то, тут довольно тесно. Унитаз, бумагодержатель и небольшая мусорная корзина оставляют крайне мало пространства для маневра, и все же свободное место имеется. Самая малость.

Возвращаюсь в общее отделение и снова осматриваю комнату. Интересно, каким образом злоумышленник проник в кабинку вместе с другим человеком так, что никто вокруг этого не увидел? И как означенный преступник мог учинить нечто дурное над Мэй — вплоть до похищения — на глазах у всех? Даже если нападение произошло в кабинке и негодяю каким-то образом удалось не привлечь к себе внимания, то как он — или она — сумел(а) вывести девушку из уборной незаметно? Ведь здесь очень много свидетелей, включая и служительницу.

Эта «загадка запертой комнаты» оказывается куда сложнее, нежели мне представлялось поначалу. Я-то надеялась, что мы обнаружим черный

ход или окно, которые проглядели безалаберные жандармы. Или что здесь имеются укромные темные уголки, куда можно было завлечь, затащить жертву. Или что — в том маловероятном случае, если Мэй была причастна к собственному исчезновению (как, подозреваю, и одна известная мне особа), — существует некий иной способ ускользнуть из помещения. Увы, осмотр места происшествия убеждает меня в том, что ни одна из этих версий не выдерживает критики.

Ну как могла Мэй покинуть уборную, не привлекая внимания Селии, стоявшей непосредственно рядом с единственной дверью? И если Мэй пропала в тот день не по своей доброй воле, то зачем кому-то понадобилось прикладывать столько стараний, чтобы скрыться с самой, в общем-то, заурядной девушкой, представительницей британского среднего класса — медсестрой из инфекционной больницы Чизвика и Илинга, совершающей однодневную поездку во Францию?

— Puis-je vous offrir une serviette, madame? Позвольте предложить вам полотенце, мадам, — вопросительно вскинув бровь, произносит служительница, глядя на мое бесцельное топтание перед раковинами.

И сколько же, интересно, я здесь простояла,

жужжа шестеренками в голове? Понятия не имею. Полагаю, стоит подыграть женщине — вымыть руки и взять предлагаемое полотенце, хотя мне это вовсе не нужно, раз уж я не воспользовалась туалетом. Марджери и Найо, как вижу, прилежно играют роль, вовсю намыливая руки. А где же Агата и Эмма?

— Oui, merci. Да, спасибо, — отзываюсь я, перекидываю полотенце через предплечье и беру кусок мыла.

Что ж, служительница наверняка повидала сценки и похлеще: подумаешь, англичанка бальзаковского возраста, задумчиво созерцающая раковину. А вдруг она дежурила здесь и 16 октября? Правда, в полицейском отчете подчеркивалось, что работница уборной ничего не видела.

Покончив с гигиеническими процедурами, я кладу ей в банку чаевые и небрежно, словно бы в порядке ничего не значащего обмена фразами, спрашиваю:

— Avez-vous travaillé longtemps à la gare? Вы давно работаете на вокзале?

— Non, madame, j'ai commencé ce poste le mois dernier seulement. Нет, мадам, всего лишь месяц.

Пожелав женщине хорошего дня, покидаю

заведение. Марджери и Найо следуют за мной по пятам, а Эмма и Агата, как выясняется, уже стоят снаружи, прислонившись к кафельной стене коридора прямо у двери дамской комнаты. Намеренно или нет, они расположились в том самом месте, где ожидала подругу Селия. Я встаю между ними и какое-то время наблюдаю за направляющимися в уборную и обратно женщинами и девушками — одни делают это торопливо, другие неспешно. В конце коридора под потолком подвешены часы, и я так и вижу, как Маккарти с беспокойством следит за бегом их секундной стрелки. Со все более истощающимся терпением, надо полагать, ведь им давно пора спешить на паром, а билеты у Мэй.

Согласно отчетам, Селия прождала ее пять минут — времени до отправления парома между тем оставалось всего ничего. Нарастала ли в ней злость? Или же беспокойство за подругу? Ведь, по словам мадам Брат, Мэй с утра нездоровилось. Затем — рассерженная или же нет? — Селия вбежала в туалет и принялась искать подругу, зовя ее по имени. Безрезультатно.

— Может, кому-нибудь из вас вспомнилась подходящая история о запертой комнате? — спрашиваю я Королев в надежде обнаружить

литературный прецедент.

— У Гилберта есть один рассказ про отца Брауна, называется «Небесная стрела», — говорит Найо. — В нем миллионера убили стрелой в запертой комнате.

— Верно, — отзывается Эмма. — Но там стрела использовалась нетрадиционным способом, нам это не подойдет.

— Агата, у вас же есть рассказ про Пуаро с таким сюжетом? — вспоминаю и я.

— «Тайна Маркет-Бэйзинга», — кивает Кристи. — Все считают, что запершийся в своей спальне богатый отшельник застрелился, однако Пуаро обнаруживает нестыковку: револьвер у него в правой руке, тогда как покойный был левшой. Да, здесь используется прием «запертой комнаты», вот только сомневаюсь, что объяснение, предложенное в моем рассказе, поможет нам разгадать, каким образом пропала Мэй.

Меня охватывает уныние: похоже, ситуация тупиковая.

Я рассеянно наблюдаю за снующими туда-сюда пассажирками, и вдруг мне вспоминаются слова кассира с Морского вокзала: «Одну обычную англичаночку от другой и не отличишь, в особенности в толпе». И внезапно я со всей ясностью

вижу, каким образом исчезла Мэй.

Глава 17

24 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

— Все согласны с тем, что доступ в уборную возможен только через этот узкий коридор? — спрашиваю я, встав напротив подруг и изучая их лица.

Они кивают, однако я замечаю, что бровь Эммы изгибается подобно вопросительному знаку.

— И все согласны, что Селия стояла примерно там же, где и вы сейчас?

— Конечно, — говорит Найо. — К чему эти вопросы?

— Потерпите еще пару минут. Таким образом, Селия находилась буквально в нескольких дюймах от всех, кто здесь проходил?

Мои подруги снова дружно кивают, однако Марджери интересуется:

— Зачем вы повторяете все эти основные пункты? Я думала, мы уже покончили с изучением деталей.

— Вы всё поймете, когда я вернусь. А до тех пор попрошу вас оставаться на своих местах,

хорошо?

— Разумеется, Дороти, — отвечает за всех Ага-та. — Делайте, что считаете нужным.

Во взглядах женщин читается любопытство, но мою просьбу они выполняют. Юркнув об-ратно в уборную, я торопливо прохожу мимо служительницы и трех моющих руки женщин и запираюсь в пустой кабинке. Оказавшись в тес-ном пространстве, достаю из сумочки широкую шаль с фиолетово-черным узором, разворачиваю ее и накидываю себе на плечи, поверх серого шерстяного пальто. Затем извлекаю новую прак-тичную прорезиненную шляпу от дождя — ту самую, широкополую и черную, что купила вчера в магазине на рю де Лилль — и нахлобучиваю ее вместо клоша, тщательно спрятав под нее воло-сы. А затем надеваю очки для чтения, в которых на людях показываюсь редко.

Выйдя в общее отделение, я намываю руки до тех пор, пока из кабинок к соседним раковинам не подтягиваются другие посетительницы, а затем неспешно вытираю каждый палец льняным по-лотенцем, которое вручила мне служительница. Оглядев себя напоследок в зеркало, я прикрываю шалью не только пальто, но и сумочку, а также немного сдвигаю шляпу набекрень.

После чего дожидаюсь, когда женщины пойдут на выход.

Группа, вместе с которой я чинно покидаю туалет, подобралась довольно разношерстная. Француженки мать и дочь, все из себя такие изысканные и стильные, в практически идентичных, хорошо скроенных пальто темно-синего цвета, слегка ушитых под грудью и с расширяющимися книзу рукавами. За ними следует одинокая седеющая дама, по-видимому немка или же из какой-то германоязычной страны, поскольку в руке у нее книга с немецким названием, «Процесс», за авторством Франца Кафки. Затем две молодые женщины, очень серьезные на вид, облаченные в скромные хлопчатобумажные платья и тренчкоты, и у них такие поразительно похожие карие глаза с нависающими веками, что они просто не могут не приходиться друг другу родственницами. И последняя — пожилая женщина с глубокими морщинами на лбу и в уголках глаз, хромающая на правую ногу, из-за чего вынуждена пользоваться тростью.

Я занимаю позицию между француженками и немкой, делая ставку на то, что модные темно-синие пальто отвлекут внимание наблюдательниц от всех прочих. Держась рядышком с дамами,

смотрю прямо перед собой, не встречаясь взглядом ни с кем из Королев. Краем глаза, впрочем, замечаю, что они остались на своих местах.

Размеренным шагом я достигаю центральной части вокзала, где останавливаюсь под расписанием, будто бы проверяя свой поезд. Убедившись, что подруги не поворачиваются и по-прежнему ожидают моего выхода из уборной, я снимаю шляпу и шаль и запихиваю их в сумочку. Затем стягиваю очки и приближаюсь к Королевам сзади.

Хлопаю по плечу Найо, которая стоит последней в их небольшой очереди. Она разворачивается, да так и взвизгивает при виде меня.

— Дороти, вы меня до смерти напугали! Но как, как вам удалось оттуда выбраться?

Все четыре подруги окружают меня и принимаются забрасывать вопросами:

— Из туалета есть другой выход?

— А вы вообще заходили туда?

— Как, черт побери, вам это удалось?

— Сейчас все объясню, — отвечаю я. — Если вкратце, я всего лишь прошла мимо вас.

— Но это невозможно! Мы бы заметили вас, — возражает Марджери.

— Вы увидели лишь то, что я хотела, чтобы вы

увидели, и то, что ожидали увидеть сами. Вещи — и люди — не всегда являются тем, чем кажутся.

Агата улыбается, и я замечаю, что ее взгляд направлен на уголок шали, торчащий из моей сумочки. Она все поняла без объяснений.

— Когда я только узнала про исчезновение Мэй, то сразу же подумала, что должен был быть какой-то другой способ покинуть уборную, просто никудышные жандармы его проглядели. Что-нибудь вроде маленького окошка или вытяжной трубы в кладовке, через которые девушка и протиснулась наружу. Или же ее вытащили. Однако я полностью ошибалась, как мы все сейчас смогли убедиться. К уборной даже вентиляции не подведено. Просто само воплощение «запертой комнаты».

— И само воплощение зловонной комнаты, — усмехается Найо, и все остальные хихикают.

— Не без этого, — соглашаюсь я и продолжаю: — Тогда мне в голову пришла другая версия произошедшего: на Мэй напали в туалете и тайком вынесли ее оттуда.

— Что проделать незаметно в принципе невозможно, — подхватывает Агата.

— Вот именно. Мы осмотрели помещение, и, полагаю, никто не станет возражать, что неиз-

вестный злоумышленник просто не мог вывести или вынести Мэй оттуда тайком. Там слишком мало места, чтобы похищение прошло незамеченным. Возможно, булонская полиция и опрашивала местных жителей спустя рукава, но, как это следует из официального отчета, показания у служительницы уборной и прочих работников вокзала, чья смена выпала на тот день, жандармы брали со всем тщанием. И что же нам тогда остается?

— Вам виднее, — отзывается Эмма с привычным фырканьем, — раз уж вы теперь знаете ответ.

— Честно говоря, я должна сказать за это «спасибо» тому несносному кассиру с Морского вокзала. Помните, Эмма, он заявил нам, что не может опознать Мэй и Селию, поскольку все английские девушки похожи друг на друга?

— Да, помню, — кивает она медленно и настороженно.

Какое-то время я молча созерцаю коридор, ведущий в уборную. Так и вижу Мэй, появившуюся здесь тем октябрьским днем. Крадущуюся, нервную и испуганную. Теперь я даже чувствую ее страх. Но чего же девушка боялась?

Стряхнув с себя задумчивость, продолжаю:

— А потом мне вспомнился рассказ продавщицы из шляпного магазина: как Мэй, покинув их лавку вместе с подругой, потом тайком вернулась туда и купила темную федору. И тогда-то я все и поняла. Она надела новую шляпу вместо лиловой токи, надвинула ее пониже, накинула шарф или платок на примелькавшееся Селии строгое черное пальто — и просто прошла мимо нее. С подобной маскировкой Селия ее не узнала — так вот Мэй и исчезла буквально на глазах у подруги.

— Мэй спряталась у всех на виду, — произносит Марджери едва ли не шепотом, в полном восхищении от уловки медсестры.

— Такова была моя версия. Но мне нужно было ее подтвердить. — Достав из сумочки шляпу и шаль, я поднимаю их повыше. — И я проверила ее на вас.

— Хитрость удалась. Ну надо же, — качает головой Найо, словно не в силах поверить, что я и впрямь обвела их вокруг пальца.

Больше никаких комментариев от Королев не следует. Трюк, проделанный Мэй, вполне годится для их собственных книг — тех самых, что критики всячески клеймят, называя сюжеты надуманными и высосанными из пальца. Для их

прекрасно написанных, блестящих произведений, которые «Гардиан» и «Таймс» отказываются рецензировать, ссылаясь на то, что это якобы дешевое чтиво, так называемая массовая культура. Но теперь, как мы видим, вымыслы претворяются в жизнь.

Глава 18

24 марта 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Мы покидаем Центральный железнодорожный вокзал и, по-прежнему не обменявшись ни словом, поднимаемся по этому треклятому склону к рю де Лилль. Вообще-то, молчание для меня абсолютно нетипично, но сейчас, после того как я разобралась с «как», все мои мысли заняты поиском ответа на вопрос «почему». Почему, ради всего святого, молоденькая английская медсестра, отправившаяся в свой выходной развлечься во Франции, вдруг пускается во все тяжкие, чтобы незаметно скрыться? И ладно бы она еще просто тайком исчезла, но ведь из-за этого ее подруга оказалась в бедственном положении, поскольку билеты хранились у Мэй, а у Селии денег больше не оставалось. От кого же пряталась или бежала мисс Дэниелс?

Затянувшееся молчание нарушает Марджери:

— Дороти, вы разгадали «тайну запертой комнаты». Это стоит отметить. Выпьем за ланчем по бокальчику?

— У меня нет настроения праздновать, — отвечаю я.

— Почему же? — удивляется Эллингем. — Эту головоломку целых полгода решить не могли!

— Может, «тайна запертой комнаты» и разгадана, да вот только найденный ответ означает, что исчезновение девушки было запланировано, вследствие чего возникает множество новых вопросов. Ясно, что произошло нечто экстраординарное, побудившее Мэй замаскироваться и сбежать, бросив подругу на произвол судьбы. Но кто или что именно стало тому причиной? И если увязать эти факты с обнаруженными рядом с телом медсестры сумочкой и шприцем, то…

Я осекаюсь на полуслове. Не хочу показаться заносчивой, полагая, будто эти блестящие мастера загадок не пришли к тем же заключениям, что и я сама.

Мою мысль развивает Агата:

— Документы подложили в сумочку специально, чтобы при опознании тела не возникло ошибки. — Она неодобрительно качает головой. — А уж шприц…

— …якобы служит объяснением ее смерти — передозировка или убийство из-за сорвавшейся наркосделки, — перебивает Кристи Эмма. — Но

это явно ложный след.

— Ну просто классическая ситуация, чуть ли не из тех, что описаны в учебнике, — фыркает Найо. — Довольно топорная работа, надо сказать.

Как же все-таки здорово работать с коллегами, которые понимают меня буквально с полуслова!

— Увы, все это очевидно для нас, но не для полиции и прессы, которым только и подавай что громкие заголовки да простенькие решения, — киваю я. — Для них-то шприц — сущий дар божий, улика, за которую они будут упорно цепляться, если только под нос им не сунуть другое объяснение. И желательно поскорее. Иначе дело попросту закроют.

— Похоже, власти и журналистов не волнует, сколь нелогично выглядит поведение двух английских медсестер: с какой стати им отправляться во Францию ради запрещенного вещества, к которому они имеют доступ на работе? — продолжает Эмма. — Ведь наверняка девушки чуть ли не каждый день кололи пациентам морфий, так что раздобыть его им не составило бы труда.

— Верно, полицию в данном случае абсолютно не смущает отсутствие здравого смысла, — соглашаюсь я. — И даже если они считают, будто

девушки продавали препарат, а не покупали его, эта версия тоже представляется высосанной из пальца. Ведь обе медсестры приехали в Булонь лишь с дамскими сумочками, которые едва ли подходят, в том числе и по размеру, для безопасной транспортировки стеклянных ампул с морфием. А все остальные их вещи остались в Брайтоне, где Мэй и Селия провели ночь перед отправлением во Францию и где они предположительно должны были переночевать снова после возвращения на пароме.

— Интересно будет посмотреть, как репортеры преподнесут заключение о вскрытии, когда заполучат его. Лично я нисколько не сомневаюсь, что смерть Мэй совершенно не связана с наркотиками и следов морфия в ее организме не обнаружат, — говорит Агата.

— Однако это вряд ли помешает властям и прессе и дальше исподволь внушать общественности, будто именно причастность Мэй к наркотикам и послужила причиной ее смерти, — замечает Марджери.

— Раз уж водишься со всяким сбродом, то сам напрашиваешься, чтобы с тобой обращались соответствующим образом, и тому подобное, — усмехается Найо.

— Больше всего меня настораживает, что Мэй заранее спланировала собственное исчезновение: это свидетельствует о том, что девушка боялась, и не напрасно. Был некто, замышляющий убийство, кого она хорошо знала.

— Ставки теперь определенно повышаются, — изрекает Агата.

Наконец мы завершаем подъем, и на углу, перед самым поворотом на мощенную булыжником рю де Лилль, мое внимание вдруг привлекает бледно-розовый фасад аптеки «Нотр-Дам». Вчера мы собирались посетить ее, однако меня заметил в шляпном магазине тот молодой журналист, так что от затеи пришлось отказаться. Теперь же, когда стало очевидно, что действия убийцы Мэй были тщательно продуманы, нам необходимо продолжать действовать по разработанному накануне плану.

В отличие от большинства заурядных аптек, «Нотр-Дам», основанная еще в 1847 году, со своим розовым фасадом и навесом в коричневую и белую полоску, выглядит весьма симпатично. Я указываю на это очаровательное здание и предлагаю:

— Зайдем?

Когда я уже собираюсь толкнуть розовую дверь

с надписями «Гомеопатия» и «Фитотерапия», Найо неожиданно высказывает сомнение:

— С какой стати девушкам в свой выходной вдруг посещать аптеку?

— Не уверена, что для Мэй это был безмятежный выходной, — отвечаю я и уже собираюсь добавить, что придуманные нами сыщики не упустили бы ни единого шанса и мы должны следовать их примеру, но меня опережает Агата:

— Пожалуй, лучше подстраховаться. Давайте зайдем, хотя бы для очистки совести.

Мы гуськом входим в аптеку. Тянущиеся вдоль стен плотно заставленные деревянные стеллажи выкрашены во все тот же розовый цвет, и посетителей в помещении в данный момент, кроме нас, нет. Из подсобки появляется блондинка с очень красивой прической. Провизор немолода, но даже если она и разменяла шестой десяток, возраст ее угадать сложно: из-за умело нанесенной косметики, стройной фигуры и изумрудного платья косого кроя.

— Bonne journée. Comment puis-je vous aider? Добрый день. Чем могу помочь?

На этот раз я решаю не утруждать себя ролью безобидной туристки и сразу же перехожу к сути дела. Что мне надо, так это поставить очередную

галочку в пункте «Посетить все магазины и прочие заведения на рю де Лилль». Заглянуть под каждый камень, так сказать, после чего с чистой совестью двигаться дальше.

Достаю из сумочки фотографии Мэй и Селии и протягиваю их аптекарше:

— Je me demande si vous avez déjà vu cettes jeunes femmes? Вы, случайно, не видели этих девушек?

— Ах, та самая несчастная мисс Дэниелс с подругой. Сначала она пропала без вести, а теперь и вовсе оказалось, что бедняжка убита.

— Верно. Полиция наверняка расспрашивала вас о ней.

— О да. Ужасная история. — Женщина вздыхает, а затем указывает на рю де Лилль за окном. — Жандармы здесь буквально в каждую лавку наведывались, ведь этот район очень популярен среди туристов.

— Меня нисколько не удивляет, что туристы сюда так и валят. Очаровательное местечко.

Накрашенные пурпурной помадой губы слегка изгибаются в улыбке, которая, впрочем, быстро исчезает, и аптекарша хмурится:

— А почему вы спрашиваете о ней? Вы никак не можете быть связаны с полицией.

Это правда. Нам обеим прекрасно известно, что

во французской и английской полиции представительницам прекрасного пола доступны лишь скромные должности машинистки или помощницы по работе с пострадавшими женщинами и детьми, да и то с весьма ограниченным кругом обязанностей.

— Разумеется, я не имею отношения к полиции. Просто мой муж пишет об этом деле для «Ньюс оф зе уорлд», и я вызвалась ему помочь. Готова сделать все что угодно ради нашей бедной соотечественницы. — Мой ответ, конечно же, всего лишь полуправда, и я прекрасно понимаю, что аптекарше совершенно незачем делиться со мной даже крохами информации — напротив, ради поддержания туристического бизнеса ей выгоднее приукрашивать действительность. Однако продолжаю: — И потому мне хотелось бы знать, не видели ли вы какую-нибудь из этих девушек в октябре, в день исчезновения мисс Дэниелс?

— Да, видела, — к моему удивлению, отвечает она.

Весьма неожиданно: в полицейском отчете аптека упоминается лишь вскользь.

— Вот как? — вырывается у меня.

Мне даже не верится в подобную удачу — тре-

тью по счету, надо сказать, поскольку теперь мы обнаружили уже трех свидетельниц, общавшихся с медсестрами, но не упомянутых в официальном отчете полиции. Неужели жандармы не сочли рассказы мадам Брат, продавщицы из шляпного магазина и аптекарши стоящими того, чтобы занести их в протокол? Просто поразительно, что власти недооценили, а то и вовсе проигнорировали этих обычных женщин, хотя они видели, слышали и знали больше, нежели можно было бы допустить. Пожалуй, Эмма была права, когда заявила, что убийство Мэй должны раскрыть женщины — в том числе и потому, что лишь женщина-сыщик способна с должным вниманием отнестись к показаниям женщины-свидетеля.

— Да, эти девушки заходили ко мне.

— И во сколько? — Мне стоит определенных усилий, чтобы вопрос прозвучал спокойно.

— Насколько помню, незадолго до четырех.

— Но что привело их в вашу аптеку?

— Видите ли, мисс Дэниелс… — Моя собеседница задумывается, а затем продолжает: — У нее болел живот, и бедняжку тошнило, из-за la mal de mer, на пароме укачало. Я предложила ей подходящее лекарство от морской болезни.

Ага, все как и говорила мадам Брат. Похоже, чай с тостом не помог Мэй.

— А вы можете показать, что за средство ей посоветовали?

— Конечно.

Я торопливо следую за женщиной, и через несколько футов мы останавливаемся перед коробочками, на которых изображены различные растения. Мои подруги держатся неподалеку, однако в разговор не вмешиваются. Аптекарша указывает на одну из упаковок:

— Я порекомендовала ей вот это.

— Мисс Дэниелс купила средство?

— Нет. Она посмотрела еще несколько других. — Чуть помолчав, женщина добавляет: — Хотя я и уверила ее, что рецептура этого препарата превосходит все остальные.

Возможно, мисс Дэниелс всего лишь хотела сравнить цены. Навряд ли молоденькая медсестра закладывала в бюджет на однодневную поездку во Францию покупку лекарства, а потому она, несомненно, желала снизить незапланированные траты. Не говоря уж о том, что Мэй либо только что приобрела в шляпном магазине федору, либо как раз собиралась это сделать — в любом случае ей необходимо было поберечь

наличные средства.

— Она объяснила, почему отказалась? — спрашиваю я.

— Сказала, что этот препарат вряд ли ей подойдет. Хотя на коробке написано, что он помогает при la mal de mer.

— А что делала мисс Маккарти, пока ее подруга изучала лекарства? — Я пытаюсь восстановить сцену целиком.

— Да вон, косметику разглядывала. — Аптекарша указывает на витрину с губной помадой.

— Полагаю, вы сообщили полиции о визите медсестер?

Безупречная бровь француженки удивленно приподнимается:

— Ну разумеется, я ответила на все вопросы жандармов.

— О, конечно-конечно, — спешу я успокоить женщину. У меня и в мыслях нет оскорблять ее намеком, будто она уклонилась от сотрудничества с полицией, в особенности учитывая, как откровенна со мной была аптекарша. Но затем до меня доходит, что собеседница ответила на мой вопрос не напрямую, и тогда я рискую уточнить: — А полицейские вообще интересовались вашим разговором с мисс Дэниелс?

— Ни в коей мере. Они лишь спросили, купила ли она что-нибудь. Нашей беседой только вы и поинтересовались, так что лишь вы одна о ней и знаете.

«Странно», — думаю я, хотя пока и затрудняюсь сделать какие-либо выводы из причинявшей Мэй беспокойство морской болезни и ее общения с аптекаршей. Вслух же произношу:

— Что ж, очень признательна вам за прямоту.

— Да пожалуйста. Люблю обстоятельных людей. Гибель любого человека должна расследоваться со всем тщанием, — заявляет аптекарша, и мне становится ясно, что она догадывается, чем мы занимаемся, и понимает, что полиция выполняет свою работу на редкость халтурно, и даже забота о туристическом бизнесе не может служить оправданием столь небрежного подхода. Затем моя собеседница добавляет: — Результаты вскрытия оказались весьма обескураживающими, не находите?

— Значит, заключение уже готово?

— О да, — будничным тоном подтверждает она. — Сегодня утром отчет передали полиции, вместе с экспертизой почвы под телом и вокруг него.

Я воздерживаюсь от расспросов, откуда ей это

известно. Жители Булони, надо полагать, поддерживают друг с другом тесную связь, однако меня сейчас больше занимает другое — верно ли сложившееся у меня впечатление об этой даме? А именно, делится ли она со мной информацией потому, что я, в отличие от полиции, задавала верные вопросы? И потому, что я выслушивала ее ответы, чего не сделали следователи-мужчины?

— Могу я поинтересоваться, каковы результаты экспертизы?

— Да, но при условии, что вы никому не скажете, что услышали это от меня, — предупреждает аптекарша.

— Обещаю.

— Судя по всему, смерть мисс Дэниелс наступила от удушения.

Я так и ахаю. Пускай я и допускала подобное насилие, к реальности все-таки оказалась не готова.

— Это еще не все. В почве под трупом выявлено значительное количество крови, — продолжает женщина.

С учетом причины смерти находка весьма странная.

— Так значит, коронер обнаружил на теле и другие повреждения? Кроме следов удушения на

шее, я имею в виду. Раны?

— Нет, ранена мисс Дэниелс не была. И полиция, похоже, в замешательстве.

Я и сама тоже пребываю в замешательстве. Откуда же взялась кровь, если проникающие ранения отсутствуют? А удушение, как правило, не влечет за собой обильного кровотечения.

Меж тем аптекарша не сводит с меня взгляда. Выражение ее лица остается непроницаемым, но в то же время в нем также читается и некий призыв. Сама она больше ничего не скажет, это очевидно. Следующее заключение я должна сделать сама.

И тут меня осеняет:

— Женщина может истекать кровью не только от ран.

Аптекарша кивает мне, словно ученице, наконец-то усвоившей урок.

Я благодарю ее, зову остальных Королев и направляюсь к выходу. Едва лишь мы оказываемся на улице, подруги устремляют на меня вопросительные взгляды. Я указываю на кованую скамейку в сквере неподалеку, и, когда мы рассаживаемся на ней — я в центре, — мне вдруг приходит в голову, что наверняка именно здесь Мэй и провела какое-то время в одиночестве в

тот роковой октябрьский день.

— Оказывается, вскрытие выявило на шее погибшей повреждения, характерные для удушения, — выкладываю я новости. — Несмотря на то что другие раны на теле мисс Дэниелс отсутствуют, в почве под трупом обнаружено значительное количество крови, принадлежащей жертве. Полиция в замешательстве.

К моему удивлению, первой отзывается Агата:

— Даже представить себе не могу, что непонятного может быть для полиции в истекающей кровью женщине. В конце концов, это ведь происходит у нас каждый месяц. Лично для меня вопрос заключается лишь в количестве крови и причине ее излияния. Было ли оно вызвано учиненным над девушкой насилием? Или же чрезмерно обильной менструацией? А то и вовсе выкидышем?

Вот уж не думала, что именно Агата изложит все варианты, да еще столь прямо и доходчиво. Некоторые дамы гнушаются обсуждать подобные темы даже в исключительно женском кругу или же прибегают к эвфемизмам. И теперь, когда благопристойность отброшена в сторону, в дискуссию вступают и остальные Королевы.

— Не в бровь, а в глаз, Агата, — одобрительно

кивает Найо и затем поворачивается ко мне. — А не известно, был ли у мисс Дэниелс ухажер? Или тайный любовник? Могла она забеременеть?

Марджери тихонько присвистывает:

— Да уж, при таких обстоятельствах вся интрига предстает в совершенно ином свете.

— Ключевое слово — «интрига». Вернее, «интрижка», — язвит Найо.

— Зато теперь мы приблизились к определению мотива — как исчезновения Мэй, так и ее убийства. А что, если кровотечение началось вследствие подпольного аборта? Могла девушка ускользнуть от подруги ради этой операции? Которая прошла неудачно и закончилась столь трагичным образом?

Пока мои подруги перебирают различные версии, я пытаюсь скрыть потрясение. Даже в самых буйных фантазиях я и представить себе не могла, что эти приличные дамы с места в карьер примутся обсуждать подобные запретные темы — те самые, которых тщательным образом избегают журналисты-мужчины, полиция и прочие государственные органы. Несмотря на то что пресловутая «женская кровь» теперь фигурирует в качестве ключевой улики, полагаю, мужчины все равно проигнорируют ее. Но когда я слушаю, как

Агата, Эмма, Найо и Марджери без всякого стеснения обсуждают эту тему, она представляется мне самой естественной в мире. Пожалуй, я здесь единственная, кого коробит от откровенного разговора о менструациях, незапланированной беременности, выкидышах и абортах. И на то у меня есть свои причины.

— Предполагаемая беременность определенно объясняет, почему Мэй заказала чай с тостом в гостинице «Морво», что мы сначала списали на морскую болезнь, — продолжает меж тем Агата. — И проливает свет на то, почему спустя несколько часов она все еще искала в аптеке средство от тошноты. К тому же девушка отказалась от препарата, предназначенного специально для лечения морской болезни, заявив, что он ей вряд ли подойдет.

— Хм. Тошнота может вызываться беременностью, — размышляет Найо. — Но также и состоянием женщины, из-за которого беременность может прерваться.

— Мэй в тот день явно была чем-то расстроена. Помните, английский джентльмен рассказал нам, что его друг видел, будто она сидела в этом самом сквере, — я обвожу рукой вокруг, — в полном одиночестве и плакала? И что-то писала?

Возможно, она как раз перенесла выкидыш. Или же размышляла о прерывании беременности. Допустим, Мэй обдумывала решение, расписывая его по пунктам. Я предполагаю такую возможность, потому что и сама взвешиваю все «за» и «против» на бумаге. А Селию она не предупредила о бегстве, потому что не хотела, чтобы та знала о ее беременности. Да еще вдобавок сердце бедняжки было разбито: наверняка отец ребенка бросил ее.

Излагая все эти соображения и описывая, в сколь затруднительную ситуацию попала несчастная девушка, я ощущаю укор совести. И мне практически приходится сдерживать слезы.

— Интересно, — подключается к обсуждению и Марджери. — Хотя все эти версии не объясняют факт удушения.

— Согласна, — кивает Агата.

Мы все погружаемся в задумчивое молчание, и в конце концов я резюмирую:

— На основании всего этого можно с высокой долей вероятности заключить, что Мэй в тот день начала обильно истекать кровью и что над ней учинили насилие. Вполне возможно, что последнее послужило причиной первого. Хотя

наверняка утверждать этого и нельзя.

Остальные согласно кивают. Расправив плечи, Агата добавляет с твердостью в голосе:

— Независимо от последовательности событий, полагаю, также не вызывает сомнений, что преступление было не спонтанным, а умышленным, продуманным заранее. За всем этим кроется гнусный коварный замысел, и, похоже, мы единственные, кто это осознает. А власти явно довольствуются простым и компрометирующим Мэй объяснением убийства.

— Вот прямо с языка у меня сняли, ну в точности мои мысли. — Я обвожу подруг взглядом. — Итак, мы уже вернулись непосредственно к завязке истории об исчезновении девушки. А теперь нам необходимо окунуться еще глубже в ее прошлое. Ну что, приступаем к разгадыванию секретов Мэй Дэниелс?

Глава 19

27 марта 1931 года
Лондон, Англия

— Нельзя ли побыстрее? — окликает меня Найо, обернувшись через плечо. И умудряется при этом не оступиться.

Из-за свистка поезда и гвалта на станции метро «Доллис-Хилл» я едва различаю ее беззлобное поторапливание, не говоря уж о том, что едва поспеваю за подругой, с ее-то длиннющими ногами.

«Быть может, если бы я надела такие же широкие брюки, у меня было бы больше свободы в движениях», — приходит мне в голову мысль. Впрочем, с учетом наших различий в телосложении, навряд ли это существенно помогло бы делу.

— Иду, как могу! — кричу я в ответ, задыхаясь в точности так же, как и Эмма двумя днями ранее.

Уязвленная данным сравнением — баронесса, как-никак, старше меня по меньшей мере на два десятилетия, — я стараюсь пыхтеть потише. Не хочу, чтобы Марш решила, будто мне не по силам

пройти каких-то две мили от станции подземки до таунхауса, где живет сестра Мэй.

В конце концов я нагоняю Найо, но та не проявляет милосердия, и мы без всякой передышки продолжаем двигаться к улицам Доллис-Хилла. Интересно, как ведет себя Марш в Новой Зеландии, этой сравнительной глуши? О своей родине она говорит лишь изредка, с ностальгическими нотками в голосе, и я ловлю себя на том, что пытаюсь представить ее там. Найо кажется мне слишком свободной и кипучей натурой для степенного Лондона.

Размахивая руками, она быстрыми и широкими шагами устремляется в северо-западный район столицы, расположенный рядом с Гладстон-парком, и я следую за ней. Доллис-Хилл возник на рубеже веков, когда бывшие сельскохозяйственные угодья застроили террасными домами для почтенных семей среднего класса. После Мировой войны, однако, от былой респектабельности постепенно осталось лишь воспоминание, и теперь это скорее пролетарский район.

Лавируя между горожанами, деловито спешащими на работу или по магазинам, мы минуем «Прачечную Фернхэда», «Изделия Эббота», «Доллис-хиллскую угольную компанию» и несметное

количество прочих заведений. Заметив «Чайную Паттерсона», я устремляю на подругу умоляющий взгляд, однако она демонстративно таковой игнорирует. Ах, как же я мечтаю сейчас о чашечке горячего дымящегося чая и булочке! Уж мужчины-то из Детективного клуба точно не лишили бы себя подобного удовольствия. Да и вообще, очень сомневаюсь, что они откажут себе хоть в чем-то, даже при расследовании реального убийства. То есть, я хочу сказать, если бы они вообще осмелились взяться за это.

Когда мы наконец-то достигаем Доллис-Хилла с его террасными домами из красного кирпича, я умираю с голоду и валюсь с ног от усталости. Но поскольку улицы здесь систематизированы в алфавитном порядке, начиная с Абердин-роуд, а нам нужна Флитвуд-роуд, мне лучше мобилизовать свои силы. Устроить встречу с сестрами Мэй, миссис Дэвис и миссис Ллойд, было довольно непросто, и я не намерена тратить впустую ни единой секунды.

Следующую стадию расследования мы с Королевами поделили между собой согласно имеющимся навыкам, возможностям и интересам. У Марджери есть подруга-медсестра, поэтому она взяла на себя общение с коллегами

и начальством мисс Дэниелс. Эмма вызвалась встретиться с мистером Марксом, британским пенсионером-экспатриантом из Булони, поскольку ей, как она выразилась, «известно, как ладить с престарелыми джентльменами». Я не хотела никому уступать общение с семьей Мэй, так же как и с ее подругой, поэтому Найо предложила составить мне компанию при визите к сестрам погибшей девушки, а Агата согласилась помочь разговорить Селию.

Наша цель — разобраться в жизни Мэй, чтобы разгадать тайну ее смерти. А прийти к пониманию того, что же произошло с девушкой 16 октября, можно, лишь тщательно изучив годы, месяцы, недели и дни ее жизни. Но большего, увы, мы не добьемся. Вернуть бедняжку невозможно.

Наконец я замечаю на Флитвуд-роуд аккуратный таунхаус, который принадлежит старшей сестре Мэй, миссис Дэвис, и поворачиваюсь к Найо:

— Помните, мы договорились, что вести беседу с сестрами Мэй буду я?

— Я помню, как вы говорили об этом, да вот только не припоминаю, чтобы я соглашалась, — язвительно отзывается Марш.

«Это просто невыносимо!» — думаю я, но вслух

произношу:

— Не хочу показаться бесцеремонной, Найо, но порой вы можете быть колкой, прямо как шип розы, в то время как ситуация требует мягкости лепестка.

— После такого сравнения я даже и возражать не смею! — фыркает она. — Тем более что всегда предпочитаю шипы цветкам.

Когда мы подходим ближе, я замечаю, что, в то время как кирпичный фасад, широкое эркерное окно и чугунная калитка дома миссис Дэвис не отличаются от соседских, щипец здания в явной попытке выделиться выкрашен в черно-белые цвета, имитируя тюдоровский стиль. На наш стук дверь открывает темноволосая женщина возрастом под сорок. На ней горжетка, предназначенная, несомненно, для того, чтобы носить ее на улице, и мне немедленно приходит в голову, что данный атрибут, равно как и подкрашенный фасад дома, свидетельствует о кичливости хозяйки.

«Не смей никого осуждать, — одергиваю я себя. — Быть может, горжетка служит несчастной женщине средством защиты или утешения в ее скорби по сестре».

— Доброе утро. Я миссис Флеминг, а это мисс Марш. Мы договаривались о встрече с миссис

Дэвис и миссис Ллойд.

Я использую фамилию по мужу на тот случай, если ей известно имя, под которым я публикую свои книги. Готовясь к этому визиту, я выдала нас с Найо за писательниц, работающих для журнала «Вумэнс уикли» над эссе в поддержку Мэй Дэниелс, чтобы противодействовать негативному освещению ее личности в прессе. И как знать, быть может, мы и по-настоящему возьмемся за подобную задачу, так что не такая уж это и ложь. Я чувствую себя неловко, но другого выхода у нас нет.

— Я миссис Дэвис, — осторожно отзывается женщина. Говорит она медленно, растягивая гласные, как это характерно для жителей северо-западного Лондона.

— Спасибо вам большое за то, что согласились нас принять, — продолжаю я, не двигаясь с места. Ни в коем случае нельзя смущать собеседницу неосторожными действиями и уж тем более оказывать на нее давление, иначе она может попросту отказаться с нами беседовать. — Я понимаю, что вам сейчас очень нелегко.

Миссис Дэвис тоже остается на месте. Может, вспоминает нашу переписку и уже раскаивается, что согласилась на встречу? Очень надеюсь, что

это не так.

— Вы разве не помните… — вдруг начинает Найо, однако, прежде чем она окончательно все испортит, я прерываю ее жестом руки. Мы же договорились, что говорить в основном буду я, но нет, Марш все равно не в силах удержаться!

— Если у вас изменились обстоятельства, мы можем перенести нашу беседу, а то и вовсе отменить ее, — предлагаю я, отступая от двери. Решение о встрече должна принять исключительно хозяйка дома.

Похоже, это производит на нее впечатление:

— Пожалуйста, входите.

Распахнув дверь, она отступает в сторону, пропуская нас. Из маленькой и загроможденной прихожей мы следуем за ней в примыкающую гостиную, где на бежевом диване с буклированной обивкой нас дожидается другая женщина, тоже темноволосая и черноглазая. Миссис Дэвис молча садится рядом с ней.

— Я миссис Ллойд, средняя сестра, — представляется та и указывает нам на бордовые кресла напротив дивана. В следующее мгновение она осознает смысл сказанного и поправляется: — Точнее, была средней.

— Мы очень признательны вам за доверие и

за то, что в столь ужасных обстоятельствах вы сумели уделить нам время, — снова благодарю я.

Поскольку в комнате довольно прохладно, мне становится ясно, что камин не разожжен. Вот и объяснение, почему миссис Дэвис надела горжетку, и я вновь мысленно отчитываю себя за то, что порицала хозяйку. Да я ничуть не лучше журналистов и полицейских, поспешивших с выводами относительно Мэй!

Миссис Ллойд, определенно более энергичная из двух сестер, наливает нам чай из фарфорового чайника и вежливо расспрашивает о том, как мы доехали, а затем заводит речь о погоде. Пользуясь возможностью, я осматриваю комнату. Едва ли не на каждой поверхности здесь выставлены фотографии, и на столе возле дивана на глаза мне попадается семейный портрет: отец, мать и три дочери. Несомненно, на нем запечатлены юные миссис Дэвис и Ллойд вместе с Мэй и родителями.

— Ваша семья? — указываю я на фотографию в рамке.

Младшая из сестер тянется за снимком и внимательно разглядывает его, словно не видела уже долгое время.

— Да, это наши родители и мы втроем. В доме

так много фотографий, потому что когда-то он принадлежал отцу и матери, а после их смерти перешел к сестре. А я арендую дом буквально в соседнем квартале. — Женщина протягивает нам снимок.

— Можно посмотреть остальные?

— Конечно, — отвечает миссис Ллойд, дождавшись утвердительного кивка сестры.

Она водит меня и Найо по комнате, и мы разглядываем целый сонм фотографий трех сестер, сделанных в разное время. Мэй, со своими коротко подстриженными темными волосами, задорной улыбкой и темными сияющими глазами, представляет собой искрометную версию сестер, к тому же у нее более тонкие черты лица.

— Она очень миленькая, — замечаю я.

Когда мы вновь рассаживаемся по местам, я приступаю к делу (речь у меня заготовлена заранее):

— Поверьте, превратное освещение трагедии, которая произошла с вашей сестрой, крайне беспокоит нас обеих. И мы хотели бы написать статью, выставляющую девушку в более выгодном свете.

Миссис Дэвис промокает глаза кружевным платочком. Бедняжка явно глубоко скорбит по

погибшей сестре, и лишь у миссис Ллойд находятся силы на общение с нами.

— В газетах нашей несчастной Мэй все косточки перемыли, — вздыхает она. — Но все должны знать, что она была милой и доброй девушкой, всегда помогавшей другим.

— Несомненно, — на удивление кратко отзывается Найо.

— Вы готовы рассказать нам немного о своей сестре? Какой Мэй была? Что ей нравилось в работе медсестры? Чем она занималась в свободное время? В общем, что-нибудь в таком духе, — продолжаю я.

Женщины тихонько совещаются, и затем миссис Дэвис восклицает:

— Мы не хотим, чтобы нашу сестренку использовали! Пока что все причастные к делу Мэй — чиновники, журналисты и даже соседи — только и делали, что бросали тень на ее доброе имя! Если вы тоже этого добиваетесь, то можете сразу уходить!

— Мы добиваемся как раз противоположного, миссис Дэвис. Нынешняя подача прессой трагедии мисс Дэниелс вызывает у меня и у мисс Марш лишь глубокое отвращение, и мы желаем восстановить истину. Кстати, вполне возможно,

что благодаря этому убийцу вашей сестры и найдут. Все эти необоснованные слухи отвлекают от настоящей, важной задачи по расследованию дела, — заявляю я. И хотя мы с Найо в некотором смысле прикрываемся подложными личностями — из-за чего меня по-настоящему терзает чувство вины, — все сказанное мною является чистой правдой.

Миссис Дэвис, однако, продолжает негодовать:

— А вы знаете, что французские власти имели наглость уведомить нас, что в случае нашего несогласия с их заключением, будто убийство связано с незаконным оборотом наркотиков, нам придется подать гражданский иск во Франции и заставить Селию давать показания? Они хотят, чтобы мы — скорбящая семья! — потратили собственные деньги — которых у нас нет! — дабы вынудить девушку выступить в качестве свидетеля, хотя они с легкостью могут добиться этого сами!

Вчера в прессе замелькали недвусмысленные намеки на возможное закрытие дела французской жандармерией. Мол, без показаний Селии Маккарти или появления какой-либо «крайне убедительной» улики будет считаться доказанным, что смерть Мэй Дэниелс явилась следствием

провалившейся наркосделки или же передозировки каким-либо сильнодействующим средством. И это при том, что уже был обнародован отчет о вскрытии и французский патологоанатом обнаружил характерный для удушения разрыв в основании гортани. Удушение-то, кстати, и объявлено официальной причиной смерти.

— Именно эту вопиющую несправедливость мы и надеемся изменить своей работой, — уверяю я сестер, нисколько не покривив при этом душой.

Женщины переглядываются, но понять по их лицам что-либо сложно. Хотя они и согласились на встречу с нами, теперь явно испытывают сомнения — и винить в этом я их не могу. Каждую предоставленную ими крупицу информации исказили и подтасовали до такой степени, что итоговый портрет их младшей сестры получился совершенно неузнаваемым, зато на данный момент весьма удобным для властей, чтобы оправдывать собственную неспособность расследовать дело — или же незаинтересованность в поисках убийцы — вдобавок к нежеланию Селии давать показания во Франции.

Кажется, настало время для моего «последнего слова» перед судом миссис Дэвис и миссис Ллойд:

— Представьте на минуту, — с чувством говорю я, — что нам удастся перевернуть эту историю с ног на голову и вызвать у общественности сочувствие к вашей сестре. Тогда властям только и останется, что заняться делом мисс Дэниелс всерьез.

Глава 20

27 марта 1931 года
Лондон, Англия

Этот мой последний довод оказался способным переломить ситуацию, и сестры наконец-то отбрасывают настороженность. Мы с Найо лишь сидим да молча слушаем — что, надо сказать, не очень свойственно нам обеим. Чинно сложив руки на коленях, лишь время от времени отхлебывая чая или откусывая печенье, мы жадно вбираем все, что женщинам хочется рассказать. При этом даже не делаем записей, не желая ни на секунду прерывать поток откровений и воспоминаний двух сестер, у которых вправду есть что поведать, и немало, но с которыми никто до сих пор не удосужился поговорить по-человечески.

Мы многое узнаём о Мэй. Самая младшая из трех сестер — с миссис Ллойд у них разница в возрасте составляет почти десять лет, — она была подлинной любимицей всей семьи. Когда отец и мать практически один за другим умерли, ей было всего лишь двенадцать, и недавно вышедшие замуж сестры по очереди заботились о ней.

По словам миссис Ллойд, хлопот девочка им совершенно не доставляла, потому что «обычно была бодрой и жизнерадостной», миссис Дэвис добавляет к этому описанию «спокойной и сдержанной».

Рассказывая о Мэй, сестры то и дело пускают слезу, и, должна признаться, мы с Найо тоже. Та девушка, которую я мысленно рисовала гуляющей по улицам Булони в свой последний день, теперь предстает передо мной более отчетливо. И моя решимость добиться справедливости для нее все крепнет, в то время как изначальная цель — заслужить признание мужчин — членов Детективного клуба — отходит на второй план.

— Не расскажете нам, почему она решила стать медсестрой? — прошу я собеседниц, желая перевести разговор с детства Мэй на ее взрослые годы.

— Мы не поддерживали ее выбор, — сразу же мрачнеет миссис Дэвис.

— Совершенно верно, — вторит ей миссис Ллойд. — Разумеется, после окончания школы Мэй нужно было где-то работать. Родители не оставили достаточно средств для существования, а жениха на примете не имелось. Но мы не поощряли ее стремления стать медсестрой. Мы даже

не понимали, откуда у нее вообще эта прихоть взялась, так ведь?

— Да уж… У нас и знакомых-то среди медиков нет, — откликается старшая сестра. — Мы уговаривали Мэй пойти работать продавщицей или секретаршей. Куда приличнее, да и с достойными молодыми людьми можно познакомиться. Ни для кого не секрет, что после войны холостые мужчины у нас наперечет…

Миссис Ллойд перебивает ее:

— Когда соседи прознали про то, какую профессию выбрала Мэй, ох и напустились же они на нас! И как только мы позволили своей сестренке устроиться на такую «грязную и кровавую работу»? Неужто для такой милой девочки не нашлось ничего более пристойного? Мы что, хотим, чтобы она оказалась среди «избыточных женщин»?

Пересуды соседей меня совершенно не удивляют. И хотя профессия медсестры претерпела разительные изменения со времени своего возникновения — когда она считалась занятием непрестижным и грязным, подходящим лишь для представительниц низших сословий, — от клейма избавиться не так-то просто.

— Мы упрашивали Мэй передумать, но она уже начала обучение в больнице, а по условиям

соглашения в обмен на лекции и практические занятия нужно бесплатно отработать два года. На протяжении которых больница, разумеется, предоставляет жилье и питание, но жалованья практически никакого не назначает. По сути, она и уволиться-то не могла, — добавляет миссис Дэвис.

— Не то чтобы она собиралась уйти из больницы. Мэй нравилась работа медсестры, и всякие оскорбления ее совершенно не задевали. — Миссис Ллойд кривится, словно от неприятного вкуса во рту.

— Но чем же мисс Дэниелс заслуживала ярлык «избыточной женщины»? Она ведь не отнимала работу у мужчин, — интересуется Найо после беспрецедентно долгого молчания. — Да они к тому же в медбратья особо и не рвутся. Потом, она была молода, — меня так и передергивает от прошедшего времени, — и однажды вполне могла выйти замуж.

— Может, и так, но людям только дай повод позлословить, — сокрушается миссис Дэвис. — И нам приходилось соблюдать осторожность.

Я понимающе киваю, будучи всецело с ней согласна. Видно, что сестры изо всех сил стараются удержаться хотя бы на самом краю среднего

класса — как прежде и сама Мэй. У них нет сбережений на черный день, равно как и образования, которые уберегли бы их от падения в низшие слои общества, допусти они хоть один неверный шаг. Каждое действие им приходится тщательно продумывать, а потому клеймо «избыточной женщины» на младшей сестре или же работа ее в сфере, которая считается предосудительной, несомненно, внушали обеим тревогу.

Невольно задаюсь вопросом: могла бы и я сама стать «избыточной женщиной», окажись мое положение в социальной иерархии чуть ниже? Не имей я оксфордского образования или почтенного англиканского священника в качестве отца? И не выйди я в один прекрасный день замуж за Мака — уже в зрелом возрасте, в тридцать два года? Как-никак, мое финансовое положение не столь уж и отличается от такового Мэй или ее сестер. А как насчет Найо и Марджери, не будь последняя замужней дамой? Угодили бы они в эту категорию? Эмма-то и Агата происходят из высших классов, им нечего переживать, к ним ярлык точно не приклеят.

— А вот саму Мэй все это нисколько не волновало. Сестренка только знай себе посмеивалась, когда мы передавали ей сплетни, — вздыхает

миссис Ллойд. — Она любила помогать людям вне зависимости от их возраста и происхождения.

— Насколько мне видится, она была бескорыстной девушкой, — говорю я.

— Именно так, — подтверждает миссис Ллойд, и миссис Дэвис вновь заливается слезами. — Что еще вам хотелось бы знать?

Явно позабыв о нашей с ней договоренности, Найо вдруг проявляет инициативу и обрушивает на сестер целый шквал вопросов:

— Какой у Мэй был рабочий график? Чем она занималась в свободное время? С кем общалась?

Я мысленно издаю стон, однако на этот раз непосредственность подруги, похоже, идет на пользу.

— Какой у Мэй был график? Так, дайте-ка подумать… — немедленно отзывается старшая сестра. — Она всегда работала по нескольку дней подряд, а вот отдыхала по-разному, от нескольких часов до нескольких дней. Как и многие девушки, Мэй проживала в общежитии от больницы: жилье отнюдь не роскошное, зато атмосфера там дружеская. В выходные она частенько навещала меня или сестру. Еще могла погостить в доме какой-нибудь подруги-медсестры, а то и устроить себе целый отпуск, как они и поступили с

мисс Маккарти. У Мэй имелось несколько друзей в Доллис-Хилле, с которыми она поддерживала отношения, но в основном ее круг общения ограничивался коллегами да нами. Впрочем, на кого-то другого много времени у нее все равно не оставалось.

Тут уж я беру на себя инициативу, поскольку следующий весьма чувствительный момент требует деликатности, которой Марш порой недостает:

— Мне неловко спрашивать, но с учетом всей этой вакханалии в прессе я чувствую себя обязанной это сделать. Заранее прошу прощения, но мы хотим окончательно расставить все по своим местам. Скажите, был ли у мисс Дэниелс кавалер? Кто-то, с кем она регулярно встречалась?

Миссис Дэвис принимается мотать головой еще прежде, чем заговаривает ее сестра:

— Нет. Она ни разу не упоминала какого-либо молодого человека — ни в разговоре, ни в письмах. По правде говоря, после работы в больнице у Мэй оставалось очень мало свободного времени, и обычно она проводила его с нами. Будь у сестренки поклонник, мы бы с ним повстречались. Уж точно что-нибудь да услышали бы о нем. Мы были очень близки.

Ощутив раздражение сестер, я меняю тему:

— Мне очень хотелось бы посмотреть фотографию мисс Дэниелс в сестринской форме. У вас найдется такая?

— Еще прошлой осенью, когда Мэй исчезла, нам прислали из общежития коробку с ее вещами, — отвечает миссис Ллойд. — Включая и те, если не ошибаюсь, что она временно оставляла в Брайтоне, пока они с Селией ездили в Булонь. Может, там есть кое-какие фотографии. Мне все не хватало духу как следует разобрать посылку, но давайте я сейчас принесу ее.

— Мы будем весьма вам признательны, — отвечаю я. — Но сначала я хотела бы спросить о последнем визите мисс Дэниелс. Ведь перед поездкой в Брайтон она провела у вас какое-то время, верно?

— Верно, — кивает миссис Дэвис. — Мэй оставалась у меня две ночи, и мы втроем собирались на чай и ужин. Ах, как это было замечательно… — Она берет сестру за руку и сжимает ее так, что костяшки пальцев белеют.

— Мисс Дэниелс была в хорошем настроении, когда покидала вас? — интересуюсь я.

— О да, — подтверждает миссис Ллойд, а затем добавляет: — Она поехала на поезде в Лондон,

погостить вместе с мисс Маккарти на квартире ее сестры. Кажется, вечером перед поездкой в Брайтон девушки ходили в театр.

При этой новости внутри у меня словно бы включается сирена. Не припоминаю ни единого слова о походе подруг в лондонский театр тем вечером: ни в полицейском отчете, ни в показаниях свидетелей, ни в газетных статьях, посвященных исчезновению и смерти Мэй. За эту ниточку необходимо потянуть.

Глава 21

27 марта 1931 года
Лондон, Англия

Вид у коробки весьма помятый и потрепанный, и все же руки у меня так и чешутся поднять крышку и переворошить ее содержимое. И с чего, интересно, я так надеюсь, будто среди вещей Мэй, которые прислали из общежития, или тех, что она брала с собой в поездку в Брайтон, вдруг обнаружится неизвестная ранее улика?

«Это не один из твоих романов, Дороти», — приходится напомнить себе самой. Скорее всего, в коробке лежат только предметы личной гигиены, повседневные платья Мэй и пижамы; ну, может, еще случайно оставленное письмо от одной из ее сестер. Заурядные свидетельства самой обычной жизни, оборвавшейся слишком рано.

Дождавшись утвердительного кивка от миссис Ллойд и миссис Дэвис, я приступаю к делу. Найо, словно ассистент хирурга, уже стоит рядом, готовая принимать у меня каждый предмет, что я буду извлекать из посылки. На самом верху лежит сестринская форма, которую мы осматриваем

внимательнейшим образом. Серое платье, белый передник и шапочка — все безупречно чистое, идеально выглаженное: Мэй явно подготовилась к очередному дежурству в больнице.

«Как же все это печально…» — я невольно задумываюсь о несбывшихся надеждах и сорванных планах бедной девушки.

А уже в следующее мгновение меня словно молнией поражает: интересно, а переживали ли подобные эмоции при осмотре личных вещей жертвы придуманные мною детективы? Увы, боюсь, я создавала лишь черствых и расчетливых сыщиков, не видевших в погибших живых людей, не испытывавших чувства утраты от их смерти.

— А помнишь, как она впервые надела форму? — переполненная воспоминаниями о Мэй, спрашивает миссис Ллойд у сестры.

— Конечно, — всхлипывает та. — Она так гордилась ею!

— Ну разве не прелестно Мэй в ней выглядела? — продолжает миссис Ллойд, обращаясь, скорее, к себе самой. Во всяком случае, мне не кажется, что она ожидает от миссис Дэвис ответа. — И вдобавок такой взрослой.

Но затем Найо разворачивает роскошное шелковое платье изумрудного цвета с глубоким

декольте и зауженной талией, и в гостиной воцаряется гнетущее молчание. Сестры взирают на находку с раскрытыми ртами.

Заметив выражение их лиц, Найо торопливо провозглашает:

— Уверена, ваша сестра и в этом наряде тоже выглядела очаровательно! — С учетом неловкости момента, замечание на удивление деликатное. Пожалуй, я недооценивала подругу.

— Я не помню этого платья, — с некоторой опаской в голосе произносит миссис Дэвис.

— И я тоже, — кивает миссис Ллойд. — Оно совершенно не в духе Мэй. Слишком роскошное. Слишком затейливое. И вообще, оно ей абсолютно… — Она запинается, подыскивая подходящее слово.

— Не по возрасту? — приходит на выручку ее сестра.

— Вот именно. Это платье для более зрелых женщин. Может, его положили в коробку по ошибке?

Мне становится понятно, что миссис Ллойд и миссис Дэвис действительно толком не ознакомились с содержимым посылки. Возможно, они получили ее вскоре после исчезновения сестры, и потому им было тяжело, а то и мучительно

невыносимо, как я вполне могу себе представить, даже просто перебрать вещи, что уж говорить о внимательном их изучении. Производила ли полиция досмотр этой одежды и прочих принадлежностей мисс Дэниелс? Ведь кто-то же собрал ее пожитки в Брайтоне и потом отправил их родственникам вместе с имуществом из общежития. Насколько мне известно, в помощь жандармам выделили нескольких младших полицейских из Скотленд-Ярда, да только, как видно, должной тщательности те не проявили: наверняка что-то напутали.

Но тут Найо извлекает фиолетовое шелковое платье, лежавшее под изумрудным, и комментирует высказанное миссис Ллойд предположение:

— Не думаю, что произошла ошибка. Оба платья от одного модельера — из ателье мадам Изобель.

— От мадам Изобель?! — так и ахает ее собеседница. — Да Мэй в жизни не могла позволить себе столь дорогого наряда!

Про эту знаменитую модельершу слышала даже я, хотя ее изделия мне тоже абсолютно не по карману, да и все равно я не стала бы носить столь элегантные и облегающие платья. Совершенно не мой стиль — это больше подходит для всяких там знаменитостей и аристократок. Тут в голову

мне приходит еще кое-что: а смог бы заурядный полицейский опознать бренд и сообразить, что для простой медсестры крайне странно владеть подобным предметом гардероба, а уж тем более двумя сразу?

— Быть может, какая-нибудь подружка-медсестра отдала Мэй свои старые платья, — выдвигаю я другую гипотезу, вспоминая при этом, сколько одежек с чужого плеча сама переносила в прошлом.

Во время учебы в Оксфорде одна моя действительно богатая подруга то и дело оставляла у меня на кровати кашемировые кофточки, отмахиваясь от моих возражений: дескать, ей эти вещи надоели и больше не нужны. Да уж, я не понаслышке знаю, что такое быть стесненной в средствах. Тем не менее в детстве и юности обделенной я себя не ощущала: я росла единственным ребенком в доме священника, а потому никогда не испытывала недостатка в любви, образовании, чувстве общности и вере. Кого мне не хватало, так это товарищей, — то есть до тех пор, пока из Америки не вернулась моя кузина Айви Шримптон с родителями. Тогда я обрела старшую сестру, о которой столько мечтала.

Оглядев платья еще раз, я снова складываю

их и вдруг что-то нащупываю в кармашке фиолетового. Положив его на стол за коробку, вне поля зрения сестер, я осторожно залезаю в карман. Судя по всему, там лежат два небольших прямоугольника из плотной бумаги. Тайком вытаскиваю их и как бы невзначай опускаю взгляд. Это использованные билеты в Королевский театр на Друри-лейн, на мюзикл по пьесе Ноэля Кауарда «Кавалькада»; на них стоит дата — 20 августа 1930 года.

Я тихонько кашляю, желая привлечь внимание Найо. Она быстренько осматривает билеты, после чего я прячу их обратно в кармашек.

— Наверное, Мэй взяла эти платья у кого-нибудь поносить. — Если на словах миссис Ллойд и цепляется за подобное объяснение, тон ее явно свидетельствует об обратном. И я вполне разделяю ее сомнения. Девушки из состоятельных семей — которые только и могут себе позволить наряды от мадам Изобель — не работают простыми медсестрами.

Затем мы с Марш открываем прямоугольную сумочку из кордовской кожи, в которой Мэй, как выясняется, хранила средства гигиены и косметику. Перебирать личные принадлежности покойной девушки, в особенности в присутствии

ее сестер, кажется ужасно бесцеремонным, и потому мы торопливо осматриваем тюбики губной помады, щетку-расческу, упаковку аспирина и баночку кольдкрема, прикасаясь к предметам лишь в том случае, если они заслоняют обзор. Найо указывает на стеклянный пузырек с розовой жидкостью, а затем переворачивает его, и нашим взорам открывается этикетка: «Пепто-бисмол». Средство для лечения проблем с желудком, в том числе от тошноты.

Мы переглядываемся. Похоже, эта проблема беспокоила Мэй еще до поездки в Булонь. Внутри меня снова завывает сирена: кажется, наши гипотезы получили дополнительное подтверждение.

Однако мы еще не закончили осмотр. На самом дне сумочки обнаруживается небольшая Библия в кожаном переплете. Миссис Дэвис тут же хватается за сердце:

— Джейн, ты только посмотри… Мэй брала мамину Библию в больницу.

По щекам ее сестры градом катятся слезы. Чувствую себя ужасно: ведь это мы разбередили раны бедных женщин. Но с другой стороны, мы должны покопаться в глубинах их боли, чтобы добраться до истины.

Найо принимается перелистывать Библию, а

я внимательно наблюдаю. Где-то в конце книги, среди пророчеств «Откровения», меж страниц засунуты небольшой листок бумаги и фотография. Я беру снимок, с которого мне улыбаются три медсестры. Посередине абсолютно точно стоит Мэй. А вот кто, интересно, две другие?

— Не знаете, с кем это она? — спрашиваю я сестер погибшей, протягивая им фотографию.

Миссис Ллойд достает из кармана платья очки и изучает снимок.

— Ну как же не знать, справа-то Селия. А вот другую я никогда не видела. А ты? — Она передает фотографию миссис Дэвис.

— Тоже нет, — качает та головой. — Хотя у Мэй в больнице было много подружек.

Пока женщины рассматривают фотографию, мы с Марш уделяем внимание спрятанному в Библии листку бумаги. Это выданный Мэй сертификат, подтверждающий ее право работать медсестрой. Тут я замечаю на корешке книги небольшую выпуклость и, проведя по ней пальцем, понимаю, что в этом месте шов кожаного переплета распорот. Похоже, разрыв достаточно большой, и я запихиваю туда указательный палец. Нащупываю внутри еще один клочок бумаги и с величайшей осторожностью извлекаю

свою находку. Это вырезанная из газеты статья, сложенная в несколько раз и истертая.

Сестры по-прежнему созерцают фотографию, и тогда я поворачиваюсь к ним спиной и изучаю листок. От заголовка статьи, опубликованной в «Дейли геральд» 2 октября 1930 года — примерно за две недели до исчезновения мисс Дэниелс, — у меня аж мурашки по коже бегут: «Есть ли улики по делу пропавшей девушки?».

Найо тоже заметила заголовок, и мы с ней изумленно переглядываемся. Интересно, почему Мэй за две недели до собственного исчезновения тщательно спрятала публикацию о пропавшей девушке? Вот так совпадение! Я потихоньку сую газетную вырезку себе в карман.

Глава 22

28 марта 1931 года
Бирмингем, Англия

Поезд компании «Железные дороги Лондона, Мидленда и Шотландии» пыхтит, мчась по сельской местности, и при других обстоятельствах я сейчас упивалась бы видами из окна. Преображение тускло-коричневых, по-зимнему унылых холмов и полей в зеленую весеннюю свежесть неизменно поднимает настроение. Но нынче мне не до воскрешения природы. Сегодня на моих плечах лежит двойное бремя: писательской работы и расследования убийства Мэй, причем последнее стало еще тяжелее после того, как вчера в вещах погибшей девушки обнаружилась странная газетная вырезка.

Я вновь погружаюсь в заметку из «Дейли геральд», которую и без того уже прочитала раз двадцать. При каждом ее изучении внимание само собой заостряется на основных моментах: «юная красавица-скрипачка», «студентка Королевской академии музыки в Лондоне, регулярно выступавшая в театрах Уэст-Энда, в кинотеатрах

и на симфонических концертах», «родители обезумели от горя» и «по слухам, у девушки имелся ухажер-немец, которого полиция в настоящий момент и разыскивает». Сейчас, однако, я сосредотачиваюсь на заключительной фразе статьи: «Поскольку в последний раз Леонору Деннинг видели на вечеринке для театральных музыкантов, актеров и импресарио в популярном уэст-эндском „Кафе де Пари“, то все присутствовавшие там, включая знаменитого дирижера Бобби Расселла, популярного актера Джека Халберта и Луиса Уильямса, сына сделавшего головокружительную карьеру страхового магната Джимми Уильямса, были тщательно допрошены».

Почему же Мэй хранила эту статью? Не была ли она знакома с мисс Деннинг, а то и с кем-то из упомянутых в заметке знаменитостей? А что, вдруг мисс Дэниелс, например, познакомилась на мюзикле «Кавалькада» с каким-нибудь актером или дирижером? Вот с богатым наследником простая медсестра вряд ли могла сойтись: мне, честно говоря, представить такое сложно. А может, все дело в интуиции? Мэй предчувствовала, что и с ней вскоре произойдет нечто подобное и столь же ужасное? И вдруг ее убийство — лишь одно в целой серии таковых? Есть ли связь между

двумя пропавшими девушками — скрипачкой и медсестрой? Будем надеяться, что сегодняшняя беседа прольет некоторый свет на эти вопросы.

Я прячу вырезку обратно в блокнот и возвращаюсь к разложенной на столике рукописи романа «Найти мертвеца». По сравнению с разрешением тайны Мэй Дэниелс проработка сюжета моей новой книги представляется жалкой банальщиной, и сосредоточиться на этой задаче мне оказывается непросто. Может, попросить еще немного передвинуть сроки сдачи? Хотя очень сомневаюсь, что редактор согласится. Он и так уже перенес изначально оговоренную дату на четыре недели, вот только этого времени мне ни за что не хватит, чтобы связать воедино разрозненные сцены, ключи к разгадке и не прописанных толком персонажей.

«Найти мертвеца» начинается с пешего путешествия Гарриет Вэйн по Юго-Западной Англии, во время которого она занимается самокопанием, а также празднует освобождение из тюрьмы — при помощи Питера Уимзи, — куда ее упекли по обвинению в убийстве бывшего любовника. На побережье Гарриет обнаруживает труп — как же без этого, — и на протяжении всего остального романа Вэйн и Уимзи торчат в приморском го-

родке, где, наслаждаясь обществом друг друга и сыскной работой, разбираются в алиби подозреваемых, мотивах и причинах смерти.

Быть может, мне стоит привнести в новую книгу кое-что из личного опыта, приобретенного в ходе расследования смерти Мэй, — а именно, добавить туда ту гамму эмоций, которую мне самой довелось испытать? Сделает ли это историю более содержательной, оживит ли ее? Например, описывая реакцию Гарриет, когда она наткнулась на берегу на труп, можно обратиться к своим собственным чувствам при осмотре места, где было обнаружено тело мисс Дэниелс. Пожалуй, облагородит мое произведение и печаль, что охватила меня во время повторения маршрута Мэй в последний день жизни, а также изучения ее личных вещей. И еще можно упомянуть о дискредитации прессой женщин. Писателям рекомендуется излагать на бумаге то, что им хорошо известно: пожалуй, никто не посмеет обвинить меня в том, что я поступаю иначе.

Заметив вдалеке знак Стратфорда-на-Эйвоне, я сразу же вспоминаю замечательный выходной, который в детстве провела там вместе со всей семьей. Мы с Айви в сопровождении родителей гуляли вдоль реки — такой ослепительной от

множества лебедей на воде, — а потом смотрели захватывающую постановку «Гамлета». Само собой, пьеса разожгла во мне кратковременное подростковое желание стать актрисой, но еще мне кажется, что именно она и заронила в мою душу семя пристрастия к детективам. В конце концов, кто же Гамлет, как не сыщик? Ведь герой этот отчаянно стремится раскрыть убийство своего отца. Литературоведы, как пить дать, возразят, что смысл произведения значительно глубже, но мои юные уши и глаза уловили тогда только детективную составляющую.

Поезд мчится через простор полей, то ровных, то холмистых, усеянных каменными коттеджами, но постепенно пасторальный пейзаж сменяется городским. Приближается пункт назначения, и, хотя до прибытия на станцию остается еще несколько минут, я убираю блокнот, черновик нового романа и письменные принадлежности в сумку. Бессмысленно тешить себя иллюзией, будто на финальном отрезке этого путешествия протяженностью сто двадцать миль мне достанет умения сконцентрироваться для написания книги. Все мои мысли уже сосредоточены на следующей стадии нашего расследования — тщательном изучении дней, предшествующих

исчезновению Мэй.

А для этого, ясное дело, необходимо поговорить с Селией.

Паровозный гудок возвещает о прибытии на железнодорожную станцию «Бирмингем-Нью-Стрит». Я готова к выходу и поднимаюсь еще до полной остановки поезда. Когда мы подъезжаем к вокзалу, огромному сводчатому сооружению из стекла и металла, некогда самому высокому в своем роде, из локомотива вовсю валят клубы пара; облако настолько густое, что я едва различаю ведущие на платформу ступеньки вагона и, оказавшись внизу, врезаюсь в другого пассажира. Вернее, это я так думаю поначалу.

— Дороти! — восклицает Агата. — Очень рада столкновению с вами!

Не могу не рассмеяться в ответ. В конце концов, моя подруга отпускает шуточки довольно редко, и потому сие достойно поощрения.

Агата вызвалась помочь мне расспросить Селию и, по сути, взяла на себя задачу договориться с девушкой о встрече. Хотя та несколько раз и давала показания после исчезновения Мэй, отправляться во Францию на новые допросы она категорически отказалась, в то время как принудить ее к этому на законных основаниях, судя

по всему, невозможно. Ни в коем случае не виню бедняжку, поскольку пресса определенно твердо вознамерилась подать визит мисс Дэниелс в Булонь в самом неприглядном свете, и гнусные инсинуации относительно употребления наркотиков и распутного поведения Мэй бесчестят также и Селию. Но как же все-таки Агате удалось добиться успеха там, где потерпели неудачу профессионалы?

Я сердечно обнимаю подругу, и она со смешком отзывается:

— Обычно фанфар я не удостаиваюсь. За что такая честь?

— Вы не только уладили проблему, возникшую в нашем расследовании, но и спасаете меня от писанины. Срок сдачи очередного романа неумолимо надвигается, — со вздохом признаюсь я.

— Ох уж этот леденящий душу срок сдачи! Надо мной он тоже нависает довольно зловещим образом.

— «Загадка Эндхауза»? — интересуюсь я. Сюжет этого очередного романа Агаты Кристи представляется мне самым изощренным из всех ее произведений.

— Да. Ах, как бы мне хотелось по-настоящему отдыхать в Корнуолле, а не писать о нем детек-

тив! — сетует она.

— Как я вас понимаю! Гарриет Вэйн и Питер Уимзи расследуют убийство, которое произошло на пляже.

Агата издает сочувственный смешок:

— Недосягаемая мечта! Боюсь, сегодня нам придется довольствоваться Бирмингемом.

— По крайней мере, нам удалось согласовать прибытие сюда. — Я приехала из Лондона, а Агата навещала сестру с мужем в их поместье Эбни-Холл под Манчестером, потому поезда мы подбирали с особым тщанием.

— Я была только рада удрать из тисков деспотичной сестры, так что это вы меня спасли, Дороти, — заявляет подруга. — После смерти матери — а с тех пор прошло уже много лет, заметьте, — Мэдж возомнила, будто обязана взвалить на себя ее роль. Только вот таким тираном даже наша мама никогда не была. При этом сестру совершенно не волнует, что я давно уже взрослая и у меня самой есть ребенок.

Агата имеет в виду свою дочь Розалинду, о которой, вообще-то, упоминает весьма редко. Размышляя над этим, я следую за ней по платформе на вокзал, примыкающий к зданию в итальянском стиле — гостинице под названием

«Королевская Северо-Западная». Затем, переведя дух после двух лестничных пролетов, интересуюсь:

— Как вам удалось уговорить Селию встретиться с нами? То есть, конечно же, мисс Маккарти, — поправляюсь я. — Нужно привыкать называть ее так снова.

Губы моей спутницы слегка растягиваются в лукавой улыбке, и по лицу ее пробегает тень былой Агаты Кристи. Той, походка которой была столь стремительна, что алый шарф так и развевался у нее за спиной. Той, которая на презентациях своих книг щедро сыпала шутками. Той, которую я встречала лишь мимоходом, а остальные Королевы и вовсе не знали.

Она окидывает меня взглядом из-под опущенных полей свой старенькой серой шляпы.

— А кто сказал, что мне это удалось?

Я замираю как вкопанная.

— Агата, вы меня пугаете! Мы что же, приехали аж в самый Бирмингем, не условившись заранее о встрече?

Она берет меня под руку:

— О, мы непременно встретимся с мисс Маккарти, можете в этом не сомневаться. Правда, не по предварительной договоренности.

— А как же тогда? — Я не двигаюсь с места, не позволяя ей успокоить себя ни мягкими увещеваниями, ни дружеским жестом.

— Видите ли, Дороти, — улыбка Агаты угасает, однако меня она не отпускает, — мне удалось выяснить рабочий график мисс Маккарти.

— И?.. — настаиваю я, по-прежнему отказываясь идти дальше.

Честно говоря, абсолютно не понимаю, каким же образом мы собираемся встретиться с Селией. Может, изобразим какой-нибудь недуг, чтобы нам оказали помощь в Бирмингемской центральной больнице, куда эта девушка недавно перевелась? Надеюсь, на новом месте она хотя бы обрела анонимность.

— И я полагаю, что наши с мисс Маккарти пути могут пересечься. Когда по окончании смены она направится в общежитие, тут-то мы с ней и столкнемся. Вот как вы со мной совсем недавно.

Букве закона, образно выражаясь, такой подход отвечает куда меньше, нежели мне того хотелось бы.

— И вы уверены, что это сработает? — Я смотрю прямо в серо-голубые глаза Агаты.

Глаза эти — обычно мягкие, избегающие взгляда собеседника — теперь источают сталь.

— Уверена.

— Что ж, ладненько. Идемте.

Рука об руку мы движемся по улицам Бирмингема, в точности таким же оживленным, как и лондонские. Разница лишь в темных султанах дыма, исторгаемых заводами в отдалении. Трудно даже сказать, чем объясняется серость неба — очередным пасмурным днем или же промышленными выбросами. Сама я город не знаю, но Агата уверенно ведет меня вперед. Быть может, изучала перед приездом сюда карты?

Минут через двадцать мы оказываемся перед больницей. Агата отпускает мою руку и принимается осматривать входы и выходы в заведение. Она прекращает поиски, когда мы добираемся до двери в задней части здания: это служебный вход. Теперь остается только ждать.

Раздается звонок, и уже через мгновение из здания гурьбой валят молоденькие женщины. Судя по форме, все они медсестры. Ну и как, интересно, мы узнаем в этой толпе Селию?

Для моей подруги, однако, это явно не представляет затруднения, поскольку она немедленно устремляется за стройной девушкой, чьи русые волосы стянуты на затылке в пучок. Когда поток редеет, мы уже уверенно следуем за ней. По лег-

кости и непринужденности походки Агаты я могу лишь предположить, что подобное занятие для нее отнюдь не в новинку. На какой-то момент она напоминает мне одну из своих героинь — непритязательную, но хваткую, чего со стороны о ней и не скажешь, сыщицу по имени мисс Марпл.

Через три квартала от больницы преследуемая нами медсестра уже идет в одиночестве. Мы ускоряем шаг, пока не оказываемся прямо у нее за спиной. Стоит нам поравняться с «Чайной Лайонса», как Агата бросается вперед и сталкивается с девушкой с такой силой, что та падает на землю.

— О господи, — причитает моя подруга, протягивая своей жертве руку помощи. — Ох, простите, пожалуйста, ради бога извините меня. Вы не пострадали, милочка?

Селия — а это действительно подруга Мэй, поскольку сходство с фотографией неоспоримо, — принимает предложенную руку. Поднявшись, она принимается отряхивать форму и отвечает:

— Ничего страшного, мэм, все нормально.

— Простите, ради бога, неуклюжую тетку, — мямлит Агата. Сейчас она и впрямь выглядит как хрупкая и безобидная немолодая женщина.

— Право, не стоит беспокоиться, я действительно в порядке, — уверяет ее Селия.

— Позвольте мне и моей подруге, — Агата указывает на меня, а затем на чайную, — угостить вас чашечкой чая? Это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

— Спасибо за предложение, но я тороплюсь. — Медсестра слабо улыбается, исключительно из вежливости к двум дамам, несомненно пребывающим, на ее взгляд, на грани старческого слабоумия. Однако от меня не укрываются ее усталость и неуверенность. Под глазами у Селии залегли темные круги, кожа бледная. Травля в прессе и утрата подруги не прошли бесследно.

Колебание Агаты столь кратковременно, что я едва успеваю его заметить. Эта секундная заминка — единственное свидетельство того, что она действует отнюдь не по заготовленному плану.

— Мне кажется, мисс Маккарти, вам все-таки стоит принять наше предложение, — заявляет моя подруга, решительно выпрямляя спину. Неуклюжей мямлящей тетки как не бывало.

Глаза девушки округляются, а рот раскрывается — уж не знаю, от возмущения, удивления или злости, а может, и от всего сразу, тут уж остается только гадать. Несомненно лишь то, что ей хочется знать, кто мы такие, черт побери.

Однако, прежде чем Селия вновь обретает дар

речи, Агата продолжает:

— Видите ли, ваше положение мне очень хорошо знакомо, поскольку я и сама оказывалась под пристальным вниманием прессы и полиции. Позвольте представиться: я миссис Агата Кристи.

Глава 23

28 марта 1931 года
Бирмингем, Англия

Расписание смен медсестер. Маршрут от больницы до общежития Селии. Знание внешности нашего объекта. Чайная, расположенная в непосредственной близости от «случайного столкновения» с ним на улице. Ну до чего удивительно все сегодня оборачивается и как неожиданно ведет себя Агата! Как ловко она устроила встречу, которую даже полиция не могла организовать!

— Спасибо, что согласились побеседовать с нами, — едва ли не мурлычет Кристи, как только мы устраиваемся на деревянных стульях с жесткими спинками вокруг видавшего виды столика. Сеть «Чайных Лайонса» славится своим крепким чаем и фирменными мини-кексами «Баттенберг», но обстановка там отнюдь не всегда изысканная. Уж точно не в этом заведении.

— Разве у меня был выбор? — усмехается Селия, и по тому, как кратко девушка произносит гласные, я догадываюсь, что выросла она в Уэст-Йоркшире. Возможно, ее родители пере-

ехали из сельской местности в какой-нибудь йоркширский город, Лидс или Брадфорд, чтобы найти работу в промышленной отрасли. Такое происхождение вполне соответствовало бы ее желанию сделать карьеру медсестры.

— Выбор есть всегда, моя дорогая, — уверяет Селию Агата и затем подзывает официантку. Прежде чем начать разговор, она заказывает для всех чай и сладости. — Итак, вы наверняка гадаете, зачем же нам понадобилось вас выслеживать. Возможно, мое имя вам ни о чем не говорит…

— Я знаю, кто вы такая, — перебивает ее девушка. — Я помню, какая шумиха поднялась из-за вашего исчезновения, вашу фотографию тогда в каждой газете печатали. Моя мама прямо-таки помешалась на этой истории.

— Вот и прекрасно, что вам все известно. Значит, у вас не должно вызывать сомнений, что я всецело понимаю, каково это — подвергаться травле со стороны прессы и властей.

Селия не произносит в ответ ни слова, лишь молча взирает на мою подругу. Как и я сама. При всех неожиданно раскрывшихся детективных талантах Агаты, больше всего сегодня меня поражает ее откровенность. Если вспомнить, что на протяжении последних пяти лет Кристи на-

отрез отказывалась обсуждать свое наделавшее переполоху по всей стране исчезновение, ее поведение сейчас просто ошеломляет.

— Ваше нежелание говорить, мисс Маккарти, вполне ожидаемо и совершенно закономерно, с учетом того, какой поклеп возвели на вашу подругу Мэй и как обходились с вами самой. На вашем месте я бы тоже рта не раскрывала, кроме как по принуждению. Собственно, именно такой тактики я и придерживаюсь все пять лет. Однако мы не представители прессы и не полицейские. Я автор детективных романов, как и моя подруга, мисс Дороти Сэйерс, — она указывает на меня, — и мы хотим добиться справедливости для мисс Дэниелс, а также того, чтобы вас оставили в покое. И если именно к этому вы сама и стремитесь, то очень рекомендую вам нарушить молчание и побеседовать с нами.

Селия стягивает сестринскую шапочку и сразу же становится совсем юной: теперь она выглядит даже моложе двадцати одного года. А еще бросается в глаза ее необычайная бледность.

— Откуда я знаю, что вам можно доверять? Как-никак, вы обе писательницы. Что помешает вам опубликовать все услышанное от меня в каком-нибудь журнале или газете?

На это так с ходу и не возразишь. Как же нам убедить девушку, что вся необходимая информация будет использована исключительно для раскрытия убийства Мэй? Какие гарантии, кроме своего честного слова, мы можем ей предоставить?

— Предлагаю заключить сделку. Вы согласны рассказать мне все, что знаете о мисс Дэниелс и событиях, предшествующих ее пропаже, если в ответ я поделюсь с вами подробностями своего собственного исчезновения, более никому не известными? Таким образом мы будем хранить секреты друг друга и, следовательно, всеми силами их оберегать.

Какое-то время Селия молчит, внимательно изучая сначала мое лицо, а затем Агаты.

— Но почему вам так хочется помочь Мэй? И помочь мне? Вы ведь нас совершенно не знаете, да и я вас тоже, ну разве что прочла пару ваших книг.

Кристи выпрямляется на стуле.

— Потому что порицание обществом молодых женщин вроде вас и вашей подруги стало обычным делом. Объявили ли вас «избыточной», причинили ли какой вред — вашей безопасностью, вашими потребностями откровенно пренебрегают. Особенно очевидно это в случае с

мисс Дэниелс, дело которой не расследуется должным образом, потому что пресса основательно вываляла ее в грязи. Нам с мисс Сэйерс и самим доводилось сносить такое же отношение — как и героиням наших детективов, — и мы стремимся не допустить повторения подобного впредь.

После ее речи Селия замирает, да и мы с Агатой тоже сидим не шелохнувшись. Никто из нас троих не потягивает чай, не пробует сладости. Даже я, хотя мне смерть как хочется отведать здешний кекс «Баттенберг».

— Хорошо, я расскажу вам все, что вы желаете узнать, — произносит наконец девушка, и я сдерживаю вздох облегчения.

— А я в ответ поделюсь с вами своим секретом, — повторяет свое обещание Агата.

— Вам ничего не надо мне рассказывать, миссис Кристи. Достаточно уже того, что вы готовы это сделать, — качает головой Селия, и сердце у меня так и падает. Как же мне хотелось услышать тайну Агаты! — Итак, с чего мне начать?

— С самого начала, — отвечает моя подруга.

Деликатно подбадриваемая Агатой, девушка живописует нам настоящую панорамную картину, эдакий импрессионистский пейзаж, испещренный светлыми пятнами на затененном фоне,

с двумя портретами по центру. В раме нашим взорам предстают две медсестры, которые стали близкими подругами, долгие смены работая бок о бок, ухаживая вместе за тяжелыми пациентами, занимая соседние койки в больничном общежитии и проводя не столь уж и многочисленные свободные часы в кафе и магазинах. Перед нами во всех подробностях разворачивается увеселительная поездка в Брайтон, которую под влиянием момента решено было дополнить плаванием на пароме во Францию, — все, как мы и предполагали. На самом краю этого последнего эпизода — ужасные последствия путешествия, и глаза Селии наполняются слезами при описании мучительной ночи вслед за исчезновением Мэй. Сходя с ума от беспокойства за подругу, сама она, оставшаяся без денег и билетов, прошла несколько миль до женского монастыря, чтобы переночевать там и позвонить родителям, в то время как французскую полицию ее затруднения, равно как и участь пропавшей иностранки, совершенно не взволновали.

Последний мазок нанесен, и Селия умолкает. Она умеет хорошо излагать факты и явно предельно откровенна нами. Ее бесхитростный рассказ о поездке вместе с подругой в Брайтон и

Булонь, а также о таинственном исчезновении Мэй, ничего не добавляет к тому, что нам уже известно.

И все же остается множество неясностей. И кому же следует разбираться с ними — мне? Похоже на то. Я бросаю взгляд на Агату, ожидая прочесть на ее лице нечто вроде разрешения, однако на нем снова не отражается никаких эмоций.

— Вы всегда проводили отпуск вместе? — решившись, приступаю я.

— Нет, не всегда. Часто просто разъезжались по домам, но иногда путешествовали вдвоем или устраивали прогулки по Лондону, — поясняет Селия.

— Вроде посещения театра тем вечером, накануне поездки в Брайтон? Когда вы и мисс Дэниелс ночевали у вашей сестры? — подсказываю я, вспомнив рассказ миссис Дэвис и миссис Ллойд.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — хмурится девушка. — Моя сестра живет вовсе не в Лондоне, а в Лидсе, недалеко от наших родителей. И с Мэй мы встретились уже в Брайтоне. Перед этим она гостила у своих сестер, а я ездила к маме с папой.

— Прошу прощения. Должно быть, я что-то напутала. — Мне стоит определенных усилий произнести это невозмутимо, хотя от выявлен-

ного противоречия между словами Мэй и тем, что произошло в действительности, сердце мое начинает учащенно биться. День и ночь накануне исчезновения мисс Дэниелс в официальном полицейском отчете не упомянуты, и в углу прелестной и живой картины постепенно начинает проступать некая темная и загадочная сцена.

— В театр мы с Мэй и впрямь ходили, но только в августе, — продолжает Селия.

— Случайно, не на «Кавалькаду»? — спрашиваю я, и теперь сердце у меня и вовсе заходится.

— Откуда вы знаете? — удивляется она.

— Нашли билеты в ее вещах. Хороший был спектакль?

Агата бросает на меня укоризненный взгляд, наверняка задетая тем, что я не поделилась с ней этой информацией. Но когда же я могла рассказать ей о наших с Найо находках? Когда мы неслись по улицам Бирмингема, выискивая возможность столкнуться с Селией? Да и потом, мне и в голову не приходило, что добытые нами у сестер Мэй сведения обретут актуальность столь скоро.

— Просто великолепный! — Глаза Селии вновь наполняются слезами. — Это была наша последняя совместная вылазка перед Брайтоном.

— И места вам достались шикарные. Неужели бюджет медсестер-практикантов позволяет купить такие? — интересуюсь я.

— Мэй их подарили.

— На день рождения? Или на Рождество?

— Нет, просто один добрый друг решил ее порадовать.

— А она не рассказывала, что это за друг?

— Нет, — отвечает девушка, и в ее кратком ответе ощущается некая недосказанность. Словно она размышляет, стоит ли добавлять что-то еще. — Только упомянула, что он попросил ее потом заглянуть за кулисы, чтобы поблагодарить кого-то за билеты.

— А мисс Дэниелс не объяснила, кому именно следовало сказать спасибо? Может, другу ее друга? — продолжаю я допытываться. — Вы вместе с ней за кулисы не ходили?

— Нет! — раздраженно бросает Селия. — Мэй настояла, что пойдет туда одна. Мне пришлось довольно долго дожидаться ее на улице, и, когда она наконец вернулась, я уже готова была все бросить и уйти одна.

— А почему она так задержалась, не объяснила?

— Нет. Мэй вообще не хотелось обсуждать эту

тему. В трамвае назад в общежитие мы всю дорогу ехали молча.

Я киваю, словно мне все совершенно ясно, словно внутри меня не завывает тревожная сирена. А затем эдак небрежно задаю следующий вопрос:

— Мисс Дэниелс, случайно, не упоминала газетную статью о пропавшей лондонке, которую она читала незадолго до поездки в Брайтон?

— Конечно же нет! — Глаза у Селии округляются. — Я бы непременно вспомнила о таком странном совпадении, когда она сама исчезла!

Меня не оставляет ощущение, что о визите в театр девушка может рассказать гораздо больше, однако выражение лица у нее уже отчужденное. Тем не менее мне необходимо выяснить еще несколько важных деталей, так что я решаю продолжать:

— Позвольте задать еще пару дополнительных вопросов о вашей поездке в Брайтон и Булонь. Во Франции вы все время были вместе? — На уме у меня, разумеется, рассказ английского экспатрианта.

— Да, — немедленно отвечает Селия, однако тут же задумывается. — Хотя… вообще-то, нет. Мэй не очень хорошо себя чувствовала и решила отдох-

нуть в скверике возле рю де Лилль, а я пошла по магазинам одна. Но это продолжалось недолго, всего минут двадцать-тридцать.

Я киваю с таким видом, как будто ничего другого и не ожидала услышать, и перехожу к вопросу, который волнует меня куда больше предыдущего:

— Я понимаю, что вас об этом уже спрашивали, мисс Маккарти, и тем не менее… Скажите, был ли у мисс Дэниелс ухажер?

На этот раз Селия колеблется с ответом, а затем произносит:

— Во всяком случае, мне она в этом не признавалась.

В заминке этой я улавливаю сильнейшее подозрение. Догадку, которую Селия, ввиду грязных публичных выпадов в адрес их обеих, не горит желанием озвучивать.

Однако я продолжаю нажимать в надежде узнать имя:

— Даже если Мэй и не рассказывала вам о своем поклоннике, быть может, что-то наводило вас на мысль о нем? Билеты на «Кавалькаду», например?

Невозмутимо потягивая чай, я жду. Как будто в запасе у меня целая вечность. Как будто от откро-

вения Селии ничего не зависит.

— Хм, не то чтобы это имеет какое-то значение… — решается наконец девушка. — Прошлым летом и в начале осени Мэй несколько раз ходила на свидания.

— С одним и тем же мужчиной?

— Она никогда не рассказывала о нем, как бы я ни допытывалась… Только говорила, что человек он достаточно известный и может позволить себе дорогие рестораны и представления в Уэст-Энде. «Кавалькада» была одним из нескольких спектаклей, которые Мэй посещала тем летом и осенью.

— Еще какие-нибудь подробности помните?

После долгого молчания Селия сообщает:

— У Мэй было два роскошных шелковых платья, которые она и надевала на эти свидания. На вид наряды очень дорогие, и я, естественно, поинтересовалась, на какие шиши она их приобрела. Уж я-то знала, что с деньгами у нее туго.

— И что подруга вам ответила?

— Да ничего. Только улыбнулась, и вид у нее при этом был очень довольный.

Глава 24

28 марта 1931 года
Лондон, Англия

Когда я возвращаюсь в Лондон и добираюсь до своего дома в георгианском стиле на Грейт-Джеймс-стрит, время уже позднее. Лестница и ведущий в нашу квартиру коридор погружены во мрак, и ключи в сумке мне приходится отыскивать на ощупь. Да что стряслось с медным фонарем над ступеньками? Утром нужно будет заглянуть к управляющему и сообщить о вышедшей из строя лампе — перемещаться в такой темноте попросту небезопасно! Но наконец-то мне удается вставить ключ в замок, и я с облегчением вхожу в квартиру. Это трехкомнатное жилище — мое убежище.

В светлой, отделанной белой филенкой квартире я прожила пять лет до свадьбы с Маком. Поскольку моя работа в рекламном агентстве требовала пребывания в Лондоне в рабочие дни недели, мы с мужем решили оставить жилье за собой, но дополнительно приобрели небольшой дом в Уитхэме, в графстве Эссекс. Туда мы вы-

езжаем на выходные, хотя Мак порой сбегает и в будни, если пишет книгу или объемную статью для газеты. Теперь, когда я окончательно сменила карьеру в рекламном бизнесе на сочинительство детективов, ничто не мешает мне поступать так же.

Я пересекаю гостиную, чтобы включить светильник, и тут из тьмы доносится сиплый голос:

— Дороти?

Я визжу и разворачиваюсь на звук, одновременно нащупывая сзади на своем письменном столе, расположенном у стены рядом со светильником, резак для бумаги. На диване полуразвалившись сидит какой-то мужчина, и его фигура кажется мне знакомой.

— Мак? — спрашиваю я и, слегка успокоившись, опускаю руку, хотя разжимать ее и выпускать острое медное орудие пока не собираюсь. — Это ты?

— Кто же еще, любимая?

— Ты напугал меня до полусмерти! — отвечаю я со все еще заходящимся сердцем. — Я думала, ты только завтра вернешься!

Быстренько положив резак обратно на стол, включаю свет. Мак, однако, моментально догадывается о предпринятых мною мерах самообороны

и разражается смехом:

— Собиралась зарезать меня?

— Не в этот раз, — смеюсь и я.

Муж призывно похлопывает по дивану, и я плюхаюсь рядом с ним. Он обнимает меня за плечи, и одна часть меня хочет завалиться с ним в постель и отдаться изнеможению, в то время как другой не терпится выведать новую информацию по делу Мэй — вдруг Мак все еще имеет к нему отношение. Побеждает вторая.

— Есть подвижки по Таррингтону? — для начала невинно осведомляюсь я.

— О да! Скользкий угорь наконец-то попался в сети, поэтому я и вернулся в Лондон раньше. Таррингтон под стражей, и завтра утром его депортируют в Англию. Вот редактор и послал меня вперед — освещать эпопею с нашей стороны Ла-Манша.

Я радостно хлопаю в ладоши:

— Так этому мерзавцу и надо! Поскорее бы вышла твоя статья! С удовольствием почитаю про то, как Таррингтону воздадут по заслугам.

— Признаться, поначалу, когда редактор отозвал меня с убийства Дэниелс, я расстроился. Но теперь понимаю, что все к лучшему. История с этим проходимцем не будет сходить с первых

полос еще неделями, а то и месяцами.

— Кстати, о деле Дэниелс: есть какие-нибудь новости в расследовании? Хоть я и была причастна к нему всего лишь два дня, смерть бедняжки взволновала меня до глубины души.

Мак чмокает меня в щеку.

— Я-то после десятков лет работы репортером привык к преступлениям. Но ты, милая, в отличие от меня, всегда была неженкой.

Я снова смеюсь, про себя думая, что неженкой меня еще ни разу не называли. Дерзкой — да. Настырной — как же без этого. Незаурядной — частенько. Невыносимой — что ж, и такое бывает. Но всеми теми эпитетами, которыми обычно описывают представительниц слабого пола — ну почему принято считать, что все мы мягкие, женственные, робкие и нерешительные? — меня никогда не награждали. Одному лишь Маку открыта моя чувствительная изнанка — на что он имеет полное право. Ему известны все мои секреты до единого. Даже те, что я твердо намерена скрывать от остальных до конца своей жизни.

— И эта неженка с удовольствием услышала бы, что убийца Мэй схвачен. — Я не даю разговору уйти в сторону.

— Ха! Такую новость даже прожженный

журналюга вроде меня услышал бы с удовольствием. — Муж зевает и продолжает ворчливым тоном: — Увы, тут мне тебя порадовать нечем: среди нашей братии лишь ходят слухи, будто французские власти могут закрыть дело на основании обнаруженного шприца. Если только семья жертвы не возбудит иск для продолжения следствия — а на это у них должны иметься приличные средства, — или же если мисс Маккарти не объявится на французской территории; жандармы, судя по всему, спишут это крайне неприятное происшествие на передозировку наркотиков или сорвавшуюся наркосделку.

Мне тошно слышать подобный вердикт оглашенным вслух, хотя, конечно же, неожиданным он для меня не является. Осмелюсь ли я позволить себе не терять надежду, что Королевам по силам изменить столь постыдное завершение расследования? Ведь я так часто обманывалась в своих надеждах.

— Это же лишь увертка, и в любом случае их объяснения — полнейшая бессмыслица! — немедленно завожусь я. — Ну зачем медсестре ехать покупать морфий аж во Францию, если такого добра навалом в ее собственной больнице? Да она наверняка колола этот наркотик

больным по тысяче раз на дню и запросто смогла бы его раздобыть, возникни у нее такое желание! А если же она привезла больничный морфий на продажу, улик уж всяко должно было найтись побольше одного несчастного шприца!

— Подобное мне даже в голову не приходило, — говорит Мак тихо и серьезно, что ему, вообще-то, несвойственно.

Мне очень не хочется стричь всех под одну гребенку и причислять собственного мужа к тем близоруким журналистам, которых я вдоволь навидалась в Булони. Ведь во многих отношениях поведение Мака оказалось для меня приятным сюрпризом, мой супруг выгодно отличается от прочих. Ну сколько мужчин стало бы поддерживать своих жен, успешно строящих карьеру в бизнесе и писательстве? Впрочем, даже лучшие из нас могут впасть в грех мышления банальными стереотипами и начать навешивать на людей ярлыки. Необходимо постоянно напоминать себе, что человек отнюдь не таков, каким кажется со стороны.

— Давай будем надеяться, что появятся новые свидетельства, — отвечаю я и крепко обнимаю Мака.

— Давай, — кивает он.

А если быть честной до конца, я даже рада, что Мак больше не освещает дело Мэй Дэниелс, пускай даже из-за этого доступ к информации для меня существенно ограничивается. Его репортаж — спекулирующий на обнаружении шприца возле тела — расстроил меня неимоверно. Меня не оставляло ощущение, будто я предала Королев. С одной стороны, я убедила их заняться расследованием смерти Мэй, а с другой, мой собственный муж опубликовал статью, практически поощряющую прекращение полицией поисков убийцы. Что уж греха таить, плохо думать о Маке мне совершенно не по душе. И потому я гоню недовольство прочь и обращаюсь к положительной стороне ситуации.

— Знаешь, Мак, мне кажется, что в итоге ты оказался в выигрыше. Дело Таррингтона вот-вот загремит вовсю, а шумиха вокруг убийства медсестры уже стихает. — Я поднимаюсь с дивана. — Но, если вдруг услышишь что-нибудь интересное насчет бедной мисс Дэниелс, любую мелочь, мне будет очень любопытно послушать. Я за то, чтобы у каждой загадки непременно появилась отгадка, сам знаешь.

После чего, протянув мужу руку, я всецело отдаюсь происходящему здесь и сейчас.

— Идем в кровать?

Его лицо разом светлеет, и под густыми усами появляется озорная улыбка.

— Идем, милая. У нас ведь, если не ошибаюсь, имеется еще один заманчивый проект.

Глава 25

29 марта 1931 года
Лондон, Англия

— За правосудие для Мэй! — Я поднимаю хрустальную стопку с напитком янтарного цвета.

— За правосудие для Мэй! — откликаются Королевы, и мы чокаемся, внимательно следя, чтобы никого не пропустить.

«Как же разительно изменилось наше расследование», — мелькает у меня мысль. Начиналось оно лишь как способ продемонстрировать заносчивым мужчинам из Детективного клуба, на что мы способны. Но теперь наша главная цель — добиться справедливости.

Хотя в Университетском дамском клубе сейчас время вечернего чая, мы отказались от чая в пользу напитка покрепче. Как заявила по прибытии Эмма, «сегодняшний предмет разговора требует чего-нибудь бодрящего». И мы все с готовностью — и даже с горячностью — согласились на порцию хереса.

Устроившись в мягком кресле возле камина, я по очереди обвожу взглядом Королев. Просто

не верится, что после церемонии вступления в Детективный клуб прошло всего девять дней. За столь короткий срок мы все дважды пересекли Ла-Манш, две из нас смотались на поезде на север в Бирмингем и обратно, и плюс к этому все разъезжали по Лондону на метро, трамваях, автобусах и такси. Я побывала в новых для себя местах и общалась с самыми разными людьми, в процессе чего даже выдавала себя за репортера. И самое главное, я взглянула на мир глазами Мэй Дэниелс. Погружение в невыдуманное убийство изменило мое представление об этом ужасном деянии. Интересно, произошло ли то же самое и с остальными Королевами? Станет ли нам после этого сложнее изображать убийства на страницах наших книг?

Каждая из женщин уже приняла на себя ту или иную роль. Эмма, этакий преисполненный достоинства матриарх, заняла центральное место на диване напротив меня. Меховая накидка на ней уже другая — должно быть, у нее целый гардероб таких. По бокам от баронессы расселись Марджери (в платье в цветочек) и Найо (в костюме с широкими брюками). В другом кресле, справа от меня, расположилась Агата, как обычно скрывающая свою сильную неординарную натуру

под заурядным обликом. Я смотрю на подруг: подобная живая картина становится для меня все более привычной и, не побоюсь этого слова, успокаивающей.

При этом мне не дает покоя один вопрос. Каждая женщина выбирает фасон одежды себе по душе и усваивает определенную манеру поведения в соответствии с выбранной ролью, которую, в свою очередь, наша группа утверждает за ней в процессе взаимодействия. Является ли эта наружность всего лишь, скажем так, сценическим костюмом, личиной для исполнения присвоенной роли? Если, например, Агата вырядится старейшиной, а я облачусь в брючный костюм, приобретем ли мы качества Эммы и Найо? Кто эти женщины, скрывающиеся под своими масками?

Вдруг до меня доходит, что все молчат, ожидая, когда же я начну говорить. Обычно я беру инициативу на себя, воспринимая это как само собой разумеющееся, однако сейчас испытываю некоторые колебания, задумавшись о собственной роли среди Королев. И спрашивая себя, какая же роль по душе мне самой.

— Итак, что мы узнали? — наконец приступаю я к делу. Поскольку ответа не следует, я достаю из сумки бумагу и карандаши. — Давайте распишем

события в хронологическом порядке.

Сначала мы с Найо рассказываем о нашем разговоре с сестрами Мэй, хотя упоминать о находках в личных вещах пропавшей не спешим, поскольку они заслуживают отдельного разговора. Затем вступает Агата с отчетом о нашей встрече с Селией. Все эти факты, вкупе со сведениями, собранными нами во время расследования в Булони, а также почерпнутыми из полицейского отчета и газетных статей, я заношу на бумагу и в итоге получаю следующую цепочку событий:

11 октября. Последняя смена Мэй в больнице перед отпуском.

12–13 октября. Мэй гостит в Доллис-Хилле у своих сестер.

14 октября, утро. Мэй покидает их, сообщив, что вместе с Селией переночует у ее сестры в Лондоне.

14 октября, день и вечер. Местопребывание Мэй неизвестно.

15 октября, утро. Мэй приезжает на поезде в Брайтон и встречается там с Селией. Они проводят в городе ночь.

16 октября, 14:00. Девушки отплывают на пароме «Глиндур» из Брайтона в Булонь.

16 октября, 14:15. Пьют чай в гостинице «Мо-

рво».

16 октября, 14:45. Гуляют по рю де Лилль, заходят в магазины. Мэй одна посещает шляпный магазин (в какой-то момент до или после своего пребывания в сквере).

16 октября, 15:40. Мэй и Селия расстаются примерно на полчаса, Мэй сидит в сквере возле рю де Лилль.

16 октября, 16:16. Девушки заходят в аптеку.

16 октября, 16:22. Они направляются в порт на брайтонский паром.

16 октября, 16:48. Мэй посещает уборную на Центральном железнодорожном вокзале, Селия ожидает ее снаружи.

16 октября, 16:53. МЭЙ ИСЧЕЗАЕТ.

16 октября, 17:00. «Глиндур» отбывает в Брайтон.

Исписанные листы бумаги я раскладываю на каминной полке. Все, кроме последнего — на нем обвожу красным карандашом «МЭЙ ИСЧЕЗАЕТ» и добавляю под этой записью еще одну: «Почему и как умерла Мэй? Кто ее убил?» И только после этого располагаю листок в ряду с остальными.

— Эмма? Марджери? Что вам удалось выяснить? Есть чем дополнить хронологию? — обращаюсь я к подругам.

Первой заговаривает Эллингем:

— Мне похвастаться особо нечем. Я поговорила со старшей сестрой отделения больницы, где работала мисс Дэниелс, и несколькими медсестрами, которые ее знали. Мэй все любили, она была работящей и, что особо подчеркнула сестра-хозяйка, никогда не пропускала смен. Ее коллеги даже представить себе не могут, чтобы на такую девушку кто-то точил зуб. Об ухажере слыхом не слыхивали. Как и каких-либо мерзостей насчет наркотиков. Все до одной явно потрясены и огорчены произошедшим. Пара сестричек помоложе даже всплакнули.

— Никто не заметил чего-либо необычного в поведении Мэй за несколько недель до ее поездки в Брайтон и Булонь? Может, какие-то недомогания?

— Нет, ничего подобного не было.

— И больничный она не брала?

— Нет.

— Спасибо большое, Марджери.

— Сомневаюсь, что мои сведения окажутся хоть сколько-то полезными. Вы втроем, — она указывает на меня, Найо и Агату, — похоже, уже сложили большую часть пазла.

— Зато мой разговор с мистером Марксом ока-

зался весьма интересным! — тут же вмешивается Эмма.

— Рассказывайте! — Я возвращаюсь в свое кресло и снова берусь за карандаш.

— У него сохранились четкие воспоминания о девушке, полностью отвечающей описанию Мэй, которую он видел в сквере под названием «Эфемерный сад» в конце рю де Лилль. В точности как нам и сказал его друг. — Вид у баронессы гордый, словно у павлина, и в процессе повествования она как будто даже слегка раздувается. — Но это еще не самое интересное. Мистер Маркс читал на скамейке газету, когда появились две девушки, судя по описанию, мисс Маккарти и мисс Дэниелс. После ухода Селии Мэй несколько минут сидела в одиночестве на скамье напротив него и плакала. Затем к ней подошел какой-то мужчина в невзрачном бежевом пальто и котелке, и между ними завязалась оживленная беседа. В какой-то момент Мэй как будто весьма разнервничалась, и тогда мистер Маркс направился к паре убедиться, что с девушкой все в порядке. С его вмешательством разговор и оборвался. Незнакомец в ярости удалился, а наш почтенный джентльмен любезно предложил Мэй отвести ее куда-нибудь, чтобы выпить чаю и успокоиться. Она поблагодарила,

но отказалась. Мистер Маркс вернулся к своей газете, девушка же достала из сумочки бумагу и карандаш. За несколько минут она исписала несколько листов, а потом вскочила и двинулась в сторону рю де Лилль, возможно, чтобы встретиться с Селией.

Я откидываюсь на спинку кресла и изрекаю:

— А вот это действительно интересно!

— Создалось ли у мистера Маркса впечатление, что Мэй была знакома с этим мужчиной? — спрашивает Агата. — Или это был какой-то местный приставала, от которого она пыталась отделаться?

— Прежде этот тип мистеру Марксу на глаза не попадался, — отвечает Эмма. — В противном случае он не стал бы столь подробно описывать его и то, как на него реагировала Мэй.

Подозреваю, мистер Маркс — городской соглядатай, за что, впрочем, я ему неимоверно признательна. Ну кто еще проявил бы столь пристальное внимание к поведению девушки? Встаю с кресла, подхожу к камину и обращаюсь к хронологии: в пункте «Мэй и Селия расстаются примерно на полчаса» исправляю «Мэй сидит в сквере возле рю де Лилль» на «в Эфемерном саду Мэй встречается с мужчиной».

— Это согласуется с утверждением Селии, что они с Мэй ненадолго расставались. Хотя она не упомянула, что к ее подруге в это время приставал какой-то мужчина, — резюмирую я, на что Агата замечает:

— Возможно, Мэй ей просто об этом не рассказала.

— Но почему? — спрашиваю я, обращаясь по больше части к себе самой.

Королевы тихонько переговариваются, задаваясь тем же вопросом. И вправду, с какой стати Мэй было утаивать это происшествие от Селии?

Однако убедительного объяснения никто так и не предлагает, и тогда я продолжаю:

— Общение с сестрами Мэй, а затем и с Селией позволило нам выяснить еще несколько важных вещей. В коробке с вещами девушки, которую прислали миссис Дэвис на дом из больничного общежития, оказалось два шелковых платья от мадам Изобель…

— Ого! — перебивает меня Марджери. — Платья у этого модельера восхитительные, но уж больно дорогие.

— Совершенно верно, — кивает Найо. — На зарплату медсестры такие наряды ни за что не купить. Да и семья у нее отнюдь не состоятель-

ная. Сам собой напрашивается вопрос: откуда они у Мэй?

— Также в этой посылке мы с Найо обнаружили пару спрятанных вещей, — сообщаю я.

— И что же вы нашли? — Эмма разом выпрямляется и перемещается на самый краешек дивана.

Марш отвечает первой:

— В кармане одного из платьев от мадам Изобель лежали два использованных билета на представление в Уэст-Энде — мюзикл «Кавалькада», двадцатое августа прошлого года.

— Такое развлечение Мэй тоже вряд ли могла себе позволить, — снова замечает Марджери. — Медсестры-практикантки получают сущие гроши.

— В точности наши с Дороти мысли, — отзывается Найо.

— Объяснение того, откуда у мисс Дэниелс появились дорогие вещи, нам с Агатой предоставила Селия, — продолжаю я выкладывать новости.

— Судя по всему, — подхватывает Кристи, — у Мэй имелся некий «друг». Он-то и подарил ей эти билеты. Однако сам не смог пойти с ней на представление, и тогда она взяла с собой Селию.

— И что же, этот же загадочный «друг» и по-

дарил Мэй дорогущие наряды? — интересуется Эмма.

Я бросаю взгляд на Агату. После расставания с мисс Маккарти мы подробно обсуждали такую возможность.

— Да, мы склоняемся к тому, что это действительно один и тот же человек. Однако Селия, к сожалению, не знает, кто он такой.

— Может, он и есть неуловимый ухажер? — озвучивает Марджери предположение, которое у всех нас на уме.

— Возможно, — отвечает Агата. — Селия полагала, что у Мэй есть кавалер, но так и не смогла добиться от нее имени. Да, и еще один важный момент: «друг» Мэй попросил ее зайти после представления за кулисы и поблагодарить кое-кого за билеты.

— Селия тоже встречалась с этим благодетелем? — спрашивает Найо.

— Нет. Мэй настояла, что пойдет одна. Она довольно долго отсутствовала, а когда наконец-то вернулась, была сильно не в духе, — рассказываю я.

— А известно, что произошло? — продолжает расспрашивать Марш.

— Мэй отказалась обсуждать эту тему, — качает

головой Агата.

— Несомненно, это подкрепляет наши подозрения, что у мисс Дэниелс был ухажер или, хм, любовник, — задумчиво изрекает Эмма, — который дарил ей дорогие платья, билеты в театр и…

— Сделал ее беременной, — перебивает Марджери.

— Вполне возможно, — соглашается Агата. — Давайте внесем в хронологию посещение театра в августе.

Я встаю и записываю карандашом:

20 августа. Мэй и Селия идут на «Кавалькаду» по билетам, подаренным загадочным «другом». Мэй наведывается за кулисы к другу этого «друга».

Женщины молча размышляют над списком событий. Однако мы с Агатой не закончили свой рассказ, и Эмма догадывается об этом:

— А что еще вы нашли в вещах Мэй?

— В переплете семейной Библии мы обнаружили спрятанную газетную вырезку — статью из «Дейли геральд» от второго октября, — отвечаю я.

— И о чем заметка? — интересуется Марджери. — О пьесе? О ком-то знакомом?

— О пропавшей девушке, — медленно произношу я.

— Боже бой! — потрясенно ахает баронесса. — Так она знала наперед?

Как раз в этот момент дверь в наш отдельный кабинет распахивается, и на пороге возникает официант — вероятно, чтобы сообщить о готовности заказанного нами столика. Эмма бросает на Найо предупредительный взгляд, и та фыркает в ответ на напоминание, что в обеденный зал ей нужно пробираться тайком, через коридор для обслуживающего персонала. Пускай Университетский дамский клуб и славится своими прогрессивными воззрениями, некоторые стандарты здесь все же обязательны к исполнению. Никуда не годится, чтобы Найо прошествовала через вестибюль в своих брюках.

Но тут я обращаю внимание на странную неподвижность официанта. Проследив за его взглядом, я понимаю, что внимание его сосредоточено на листках с расписанной хронологией событий. Что ж, парня можно понять: женский клуб — не совсем обычное место для расследования преступлений.

— В чем дело, любезный? — осведомляюсь я, чтобы оживить молодого человека.

— Прошу прощения, мадам. — Он поднимает руку в перчатке, и нашим взорам предстает кон-

верт. — Послание для миссис Флеминг.

Я тянусь за письмом, сразу же догадавшись, кто мне его отправил. Только Мак именует меня миссис Флеминг. Для всех остальных я Дороти Сэйерс.

Достаю из незапечатанного конверта записку, пробегаю ее взглядом и объявляю:

— В деле Мэй произошла подвижка. Получено признание убийцы.

Глава 26

29 марта 1931 года
Лондон, Англия

Мы гуськом входим в отделение лондонской полиции, едва ли не протискиваясь в узкую дверь, и выстраиваемся полукругом перед стойкой дежурного. Рыжеволосый констебль поднимает на нас взгляд и даже не пытается скрыть недоумение при виде нашей компании.

— Чем могу помочь, дамы? — осведомляется он с глупой ухмылкой, будто предлагая руку кучке трясущихся старушек, пытающихся перейти улицу. Если быть до конца честным, кое-то из нас от подобной помощи не отказался бы. — Кошка сбежала?

Королевы поворачиваются ко мне. Плотно поджатые губы Найо выдают, что она раздражена подобной снисходительностью.

«Как же этот полицейский нас недооценивает», — думаю я и, прочистив горло, четко произношу:

— Насколько нам известно, вы получили признание убийцы по делу мисс Мэй Дэниелс.

Усмешка с губ полисмена не сходит, но вот огонек в глазах угасает. Его веселье сменяется настороженностью.

— И откуда такие сведения?

Весточку в Университетский дамский клуб — под видом этакого любовного письма — прислал Мак, откликнувшись на мою просьбу держать меня в курсе изменений в деле мисс Дэниелс. Он ни за что не отправил бы меня удовлетворять любопытство в полицейский участок, если бы не был твердо уверен в своем источнике.

— Нам много чего известно, — отвечает за меня Эмма властным тоном, да и в позе ее сразу же угадывается аристократическое происхождение.

— Ради бога, мэм, можете считать все что угодно. Но попробуйте рассуждать здраво. Даже если вы и правы, я ведь все равно не скажу вам ни «да», ни «нет», и уж тем более не поделюсь с вами никакой информацией. Потому что сведения подобного рода всегда конфиденциальны.

Пускай констебль и говорит на просторечном кокни, надменностью он не уступает баронессе ни на йоту. Глаза у нее ошарашенно округляются. Полагаю, это тот редкий случай, когда кому-то все-таки удалось осадить Эмму.

— Но как же данная информация может быть

конфиденциальной, если она нам уже известна? — парирует Агата. Произносит она это негромко и даже кротко.

Теперь полицейский явно в замешательстве. Ему остается только гадать, какой смысл несет реплика Кристи, и я буквально вижу, как в голове у него лихорадочно вращаются шестеренки. С одной стороны, замечание вроде бы мягкое и вполне толковое, а с другой, оно вполне может выражать и снисходительность в адрес блюстителя порядка, скрытую насмешку над ним.

Внезапно дверь с грохотом распахивается, и в участок вваливаются двое полисменов, подгоняя перед собой парочку чумазых потных типов в наручниках. Эмма тут же вцепляется в свою сумочку и прикрывает ею жемчужное ожерелье — как будто задержанные преступники, даже закованные в кандалы, могут покуситься на ее добро, — а Марджери и Агата пятятся в угол. Только я и Найо остаемся на своих местах.

И это лишь начало сущего людского потока, что вдруг хлынул в участок. Следом появляется семья из четырех человек: невероятно молодые родители с двумя ребятишками — недавно начавшим ходить мальчуганом и совсем еще младенцем, при виде которого сердце у меня так и сжимается.

За ними входит седовласый мужчина в сопровождении собственной копии, только вдвое моложе, причем у обоих из-под пальто виднеются передники. Теперь в помещении и яблоку негде упасть, а уж про запах и вовсе лучше промолчать.

Дежурный полицейский спешит отделаться от нас:

— Дамы, нам необходимо оформить преступников и заняться реальными проблемами граждан. Так что, если вы явились сюда только из-за какого-то там мифического признания, прошу вас покинуть участок. — С этими словами он указывает нам на выход.

Мы лавируем через толпу и по очереди протискиваемся в дверь. На тротуаре снаружи собираемся в кружок, и Найо констатирует:

— Что ж, не получилось. Дороти, а у вашего супруга нет больше никакой информации, кроме отделения полиции, где получили признание убийцы?

— Увы.

Однако Марш не успокаивается:

— А откуда у него эти сведения, он не сообщил?

— Мак ничего больше не написал. А беспокоить его мне бы сейчас не хотелось, поскольку муж

по горло занят — поджимают сроки со сдачей очерка по делу Таррингтона.

Нам необходимо определиться с дальнейшими действиями, но как раз в этот момент раздается оклик:

— Прошу прощения, дамы, это вы интересовались в полиции насчет признания убийцы?

Мы оборачиваемся и видим молодого мужчину с темными кудрями, выбивающимися из-под кепки. Я узнаю его скорее по переднику, нежели по чертам лица или волосам. Это он пришел в полицейский участок вместе с пожилым джентльменом — предположительно, своим отцом.

— Да, мы, — отвечаю я. — А могу я узнать, почему вы спрашиваете?

— Потому что именно я обнаружил это самое признание.

— Что-что? Неужели и впрямь вы? — вырывается у Найо.

— Ну да. — Молодой человек бросает взгляд на отца, который тоже вышел на улицу, и тот кивает в знак разрешения. — Наша семья держит рыбную закусочную — вон там, за углом, — и когда я делал уборку перед закрытием, нашел на полу листок с признанием. И сразу же отнес

его копам.

— Не расскажете ли поподробнее? — просит Агата.

— Увы, не могу. Полиция запретила. Нам велели держать язык за зубами, и пока мы именно так и поступали. Но нам с папой стало любопытно, как продвигается дело, и мы заглянули в участок, — отвечает молодой мужчина, снова косясь на отца.

«Однако он явно хочет поделиться информацией, иначе не окликнул бы нас», — приходит мне в голову. И видимо, не только мне одной.

— Мы понимаем, что вы рискуете. Как, впрочем, и мы сами. Найденное вами признание — ключевая улика, — невозмутимо отзывается Эмма. — Но мы можем компенсировать вам риск.

— Сколько? — без экивоков спрашивает ее собеседник.

— Двадцать фунтов.

Услышав, какую сумму баронесса ему предложила, я с трудом сдерживаюсь, чтобы громко не ахнуть. Двадцать фунтов — да для некоторых это целое состояние, особенно в нынешнее непростое время, когда бушует мировой экономический кризис! Коли на то пошло, я недавно где-то прочла, что сейчас средний годовой доход составляет

сто пятьдесят фунтов.

— Сорок. — Он пытается торговаться.

— Может, сойдемся на тридцати?

Мужчина кивает, однако молчит. Судя по всему, рот он раскроет лишь тогда, когда в его потной ладони окажутся банкноты. Эмма вручает ему деньги.

— Бумажка была разорвана пополам и скомкана, — начинает он. — Когда я разгладил ее и соединил две части, прочитать текст не составило труда.

— И что же там говорилось?

— «Я убил медсестру Мэй Дэниелс».

— Что, так и было написано? — изумленно спрашиваю я. Вот уж никак не ожидала подобной прямолинейности.

— Именно так.

— Что-нибудь еще в записке было? — подключается Марджери.

— Ага. Я запомнил текст наизусть: «Настоящим свидетельствую, что я убил медсестру Мэй Дэниелс в Булони, рядом с Наполеоновской колонной». И внизу какие-то каракули. Я так понял, что это была подпись.

Сердце у меня тут же начинает бешено колотиться. А вдруг благодаря этой новости мы

сможем выйти на убийцу девушки? Не связано ли это признание с тайным возлюбленным Мэй? Хотя вполне возможно, что и нет.

Или же записка — всего лишь ложный след? Уж очень кстати она появилась…

— Подпись была распознаваемой? — спрашиваю я.

— Вы имеете в виду, смог ли я прочесть ее?

— Совершенно верно.

— Нет.

— А вы не обратили внимания, кто оставил бумажку?

— Своими глазами не видел, но догадываюсь. Перед самым закрытием за тем столиком сидел один джентльмен, вроде как иностранец. И он что-то писал в блокнотике огрызком карандаша.

— А как этот человек выглядел?

— Темноволосый, черноглазый… И даже кожа у него была очень смуглой, как будто он загорел на солнце. Больше ничего сказать не могу, мне было не до разглядывания этого посетителя — меня ждали другие столики. — Чуть помолчав, мужчина добавляет: — Хотя одну вещь я все-таки заметил.

— Какую же?

— Когда он делал заказ, его акцент показался

мне довольно забавным. Только я в говорах не разбираюсь, потому понятия не имею, из каких краев был тот джентльмен.

— А полиция не привлекала вас к сотрудничеству?

— В смысле?

— Ну, может, они попросили вас опознать какого-то задержанного? Или предложили описать незнакомца художнику, чтобы тот набросал его примерный портрет?

Молодой мужчина фыркает, и отец вторит ему.

— Ну нет! И очень сомневаюсь, что такое вообще произойдет.

— Почему же?

— Потому что, когда мы сейчас заглянули в участок узнать, не надо ли им от нас чего, тот констебль за столом сказал, что они пришли к выводу, будто та записка — просто розыгрыш.

Глава 27

30 марта 1931 года
Лондон, Англия

Я расхаживаю по квартире. На плотно заставленных книжных полках мое внимание привлекает основательно истрепавшийся Оксфордский толковый словарь, служащий мне верой-правдой еще со времен колледжа. Вытаскиваю его и принимаюсь лихорадочно перелистывать, пока не отыскиваю нужное слово: «Розыгрыш — умышленное введение в заблуждение, иногда совершаемое в шутку и почти всегда подразумевающее обман или вымысел». И как же, скажите на милость, полиция без всякого расследования распознала в этом признании обман? Не говоря уже о том, что ни в признании, ни в убийстве Мэй ничего забавного нет. Внутри меня закипает ярость. Неудивительно, что работать сейчас я совершенно не в состоянии.

Вернув фолиант на почетное место в шкафу, я осознаю, что в данный момент готова взяться за что угодно, лишь бы не за сочинительство. Просто невозможно сосредоточиться на лежащем в

основе моего романа придуманном убийстве, в то время как раскрытия требует самое что ни на есть настоящее. Завтра мы с остальными Королевами собираемся для распределения дальнейших задач: опросить работников театра, где идет «Кавалькада», с целью выяснить, с кем Мэй встречалась за кулисами; разыскать всех упомянутых в статье из «Дейли геральд», чтобы проверить, не связан ли кто из них с бедной медсестрой; попытаться раздобыть официальный отчет о пропавшей молодой скрипачке — вдруг какая-то ниточка ведет и к нашему делу; поговорить с продавщицами из ателье мадам Изобель; просмотреть копии показаний свидетелей в Булони на предмет, не заметил ли еще кто-нибудь, как Мэй беседовала с неизвестным мужчиной. Но до завтра еще целая вечность!

Я уже задумываюсь, не устроить ли перестановку в книжном шкафу, как вдруг раздается стук в дверь. Ну и кого там еще принесло? Вчера и позавчера Мак ночевал здесь, но сегодня он уехал в наш эссекский дом, чтобы закончить очерк о Таррингтоне, пока заключенный под стражу стряпчий дожидается суда. К тому же у мужа есть свой ключ. Ну а все прочие — школьные подруги, родственники, собратья по перу — договори-

лись бы о встрече заранее. Мой график слишком непредсказуем, чтобы пытаться застать меня дома наудачу.

Отпираю замок, приоткрываю на щелочку дверь — и вижу за ней Марджери.

«Ну надо же!» — мысленно ахаю я. Из всех Королев ее визита я ожидала бы в последнюю очередь.

Распахиваю дверь и пропускаю гостью в квартиру.

— Чему обязана удовольствием видеть вас?

— Да просто я случайно оказалась поблизости, вот и решила заглянуть к вам — узнать, не желаете ли прогуляться в ателье мадам Изобель. Так сказать, немного поработать ногами перед завтрашней встречей.

— С превеликим удовольствием! — восклицаю я и от избытка чувств хлопаю в ладоши. — Буду только рада ненамного отдохнуть от Гарриет Вэйн и Питера Уимзи!

— Тоже никак не можете заставить себя писать? — улыбается Марджери. — Мне на рукопись уже смотреть тошно.

— Вот-вот, я как раз собиралась заняться перестановкой на книжных полках, только бы не возиться с еще одним язвительным диалогом

между Гарриет и Питером.

— А я подумывала, не перекрасить ли спальню!

Когда мы перестаем смеяться, я интересуюсь:

— Так вы действительно случайно оказались поблизости?

— Конечно же нет. Просто от вашей квартиры всего пятнадцать минут ходьбы до ателье мадам Изобель на Риджент-стрит, вот я и решила попытать счастья, вдруг застану вас дома.

— Великолепная идея! — Я нетерпеливо надеваю пальто и хватаю сумку. — Идемте же!

Дождя нет, и в воздухе в кои-то веки ощущается скорее свежесть, нежели типичная для весны влажность. Легкий шаг и хорошее настроение Марджери заразительны, и идем мы на Риджент-стрит неожиданно быстро. Эллингем я знаю хуже остальных Королев, но со своим чувством юмора и неизменным задором она составляет приятную компанию.

Почему же я больше склоняюсь к обществу других Королев, предпочитая их Марджери? Быть может, просто осторожничаю из-за слухов, будто ее сыщик-аристократ Альберт Кэмпион изначально замышлялся как пародия на моего Уимзи? Или же потому, что она, судя по всему,

из породы тех бойких и стильных барышень, которые в университете воротили от меня нос? Или меня больше тянет к коллегам постарше и порассудительнее, поскольку я могу чему-то у них научиться?

Сосредоточившись на словах своей спутницы, я вдруг осознаю, что она вовсе не щебечет обо всяких пустяках. Нет, Марджери рассказывает мне историю своей жизни — столь непринужденно, будто по дороге мы всего лишь болтаем о погоде. Оказывается, она родилась в семье литераторов — отец был редактором «Нью Лондон джоурнал» и «Кристиан глоуб», а мать писала рассказы для женских журналов, — а потому не удивительно, что одаренность проявилась в Марджери еще в раннем возрасте. С мужем ей тоже повезло. Ее супруг Филип Картер, художник и дизайнер, относится к тому редкому типу мужчин, которые поддерживают стремление своих жен сделать карьеру. Как и мой Мак. Филип даже рисует обложки для ее романов, и они пользуются таким успехом, что к нему обращаются и другие авторы детективов. Марджери производит впечатление пылкой и импульсивной особы, однако за этим фасадом скрывается проницательная и интересная женщина, приятная собеседница.

Но вот начинается череда магазинов на Риджент-стрит, и мы замедляем шаг. Я заранее выяснила, что заведение мадам Изобель располагается в доме под номером 223. Входя в роль, мы принимаемся глазеть на витрины. В магазине дамских шляп выставлен темно-синий баскский берет, который представляется нам обеим очаровательным и при этом весьма практичным. В обувном — пара соблазнительных черно-белых лодочек на каблуках. Мы старательно охаем и ахаем, вовсю фантазируя, что купим в первую очередь.

Когда же мы оказываемся перед ателье мадам Изобель, мне даже не приходится изображать восхищение. В огромной витрине, на фоне серой ширмы в складку, демонстрируется один-единственный предмет — алое платье, волнами спадающее до пола, настоящая река шелка. Я в буквальном смысле не могу оторвать от него глаз. Такой наряд я в жизни не смогу себе позволить и уж навряд ли влезу в него, но почему бы немного не помечтать.

Мне удается оторваться от этого чуда, лишь когда Марджери окликает меня:

— Может, заглянем сюда, Дороти?

Зайдя в изысканный салон, этакий кокон из

серебристого шелка и льна, мы первым делом осматриваем ряд искрящихся стразами платьев для первого выхода в свет. Одно из них, черное, с необычной юбкой в шотландскую клетку, даже заставляет нас на какое-то время остановиться. Затем мы, действуя согласно заранее разработанному плану, принимаемся изучать повседневные наряды.

Одно платье, блестящее розовое, приводит Марджери в восторг:

— Какая прелесть!

Как мы и ожидали, к нам тут же подходит продавщица, с высокой прической и очевидным апломбом. Смерив каждую из нас по очереди взглядом, она в конце концов изрекает:

— Могу вам чем-то помочь?

Мы что, не соответствуем статусу покупательниц заведения? Странно… В пух и прах я, допустим, не разрядилась, но на мне нежно-бежевый хлопковый костюм очень хорошего покроя, а Марджери одета в модное платье с рисунком из полевых цветов. Игнорируя гонор продавщицы, я отвечаю:

— Это было бы замечательно, мисс…

— Мисс Мэйбанкс.

— Благодарю, мисс Мэйбанкс. Моя дорогая пле-

мянница Мэгги, — я указываю на свою спутницу, — увидела на подруге невероятно роскошное платье, и та сказала, что оно от мадам Изобель. И я пообещала Мэгги подарить такое же на день рождения.

— Но вот только его здесь нет! — сокрушается Марджери.

— А! — произносит девушка. Стоит ей осознать, что мы действительно явились за покупкой, и улыбка ее становится шире и доброжелательнее. — Возможно, вас интересует модель прошлого сезона, и тогда платье больше не выставляется в зале. Но это не значит, что его нет в продаже. Сможете его описать?

Марджери описывает изумрудное платье так, будто сама его видела, однако мисс Мэйбанкс ее восторги ничего не дают, и она предлагает:

— Пожалуй, будет проще, если вы назовете имя своей подруги. Мы ведем строгий учет всего, что продаем.

Эллингем бросает на меня взгляд: именно на это мы и рассчитывали.

— Ее зовут мисс Мэй Дэниелс. Но, насколько мне известно, платье ей подарили. Потому она, скорее всего, в вашем архиве не значится.

— Вообще-то, если платье послали ей, то запись

у нас имеется, где бы ваша подруга ни жила.

— О, такое возможно?

— Да, конечно. Чаще всего платья перешивают под покупательниц, подгоняют по фигуре, чтобы сидели как влитые, а затем отсылают по названному адресу, — отвечает продавщица, уже направляясь к картотечному шкафу за внушительного вида стойкой с мраморной столешницей в центре зала.

Мы с Марджери тем временем расхаживаем по магазину и выбираем зеленое платье, которое немного погодя послужит для отвлечения внимания служащей.

Наконец мисс Мэйбанкс подзывает нас:

— Нам повезло! Запись нашлась. Мог ли адрес мисс Дэниелс значиться как «Инфекционная больница Чизвика и Илинга»?

Девушка явно озадачена — сомневаюсь, что среди клиенток магазина имеются и другие медсестры. Да и пациенткам больниц товар отсюда навряд ли часто отсылают.

— Да, адрес верный. У вас есть фотография платья? — со смешком интересуется Марджери. — Просто дабы убедиться, что это то самое. Откуда мне знать, сколько у Мэй нарядов от мадам Изобель!

— Только эскиз, — отвечает мисс Мэйбанкс и жестом подзывает мою подругу.

Та внимательно разглядывает через ее плечо рисунок. И искренне надеюсь, саму учетную запись.

Затем Марджери кивает мне — это наш условный сигнал.

— Да, действительно очень похоже на платье моей подруги. Можно посмотреть поближе?

— Пожалуйста, — любезно отвечает продавщица.

Теперь настает мой черед:

— Мисс Мэйбанкс, не взглянете на одно платье в зале? У него в точности такой цвет, какой хочет Мэгги.

Девушка выходит из-за стойки, и Марджери, якобы поглощенная изучением эскиза, получает возможность просмотреть запись в архиве полностью. Нам крайне необходимо выяснить, кто же купил Мэй платье. Это мог быть тот таинственный ухажер, с которым девушка, как нетрудно предположить, провела ночь с 14-го на 15-е октября. Который подарил ей билеты на «Кавалькаду». И который, возможно, убил ее.

Несколько долгих минут я отвлекаю мисс Мэйбанкс спором об оттенках зеленого, чтобы

выгадать для Марджери достаточно времени. Когда же продавщица возвращается к картотеке, моя подруга уже поджидает ее, чтобы тут же объявить:

— Знаете, я хорошенько рассмотрела эскиз, и пришла к выводу, что это платье мне, пожалуй, не подходит.

— Ну вот, Мэгги, а я так надеялась подарить тебе на день рождения что-нибудь особенное! — Я старательно изображаю разочарование. — Ты уверена?

— Абсолютно уверена, тетушка. Мне очень жаль, мисс Мэйбанкс, что мы напрасно потратили ваше время.

— Ничего страшного, — находит в себе силы выдавить вежливый ответ продавщица.

Выйдя из магазина мы какое-то время рука об руку прогуливаемся дальше по Риджент-стрит. На случай, если обманутая в ожиданиях мисс Мэйбанкс наблюдает за нами — хотя я в этом очень сомневаюсь, — останавливаемся перед витриной другой лавки, будто бы и вправду продолжая поиски идеального платья.

— Итак? — продержавшись насколько хватило сил, наконец спрашиваю я.

Марджери с улыбкой поворачивается ко мне:

— Имени покупателя выяснить не удалось, но я, надо полагать, получила его — или ее — адрес.

— Так. И какой же?

— Лиденхолл-стрит, сто семь. — Это улица в самом центре финансового района Лондона.

— Хм, деловая часть города.

— Совершенно верно, — кивает подруга, по-прежнему улыбаясь.

— В архиве было указано название фирмы?

— Да. «Страховое бюро Мэтерса».

Глава 28

31 марта 1931 года
Лондон, Англия

Сегодня наша встреча проводится не в Университетском дамском клубе. И не в каком-то роскошном заведении вроде «Королевского кафе» в Булони, где мы лакомились цыпленком в вине. И даже не в прозаичной «Чайной Лайонса», где я и Агата за чаем с мини-кексами «Баттенберг» беседовали с Селией. Нет, сегодня Королевы детектива собираются просто в, скажем так, приемлемой — даже если и чуточку обшарпанной — закусочной. По той простой причине, что ее местонахождение как нельзя лучше подходит для наблюдения.

«Страховое бюро Мэтерса» располагается на Лиденхолл-стрит, являющейся коммерческим центром Лондона еще со Средних веков. До Викторианской эпохи здесь стояло здание Ост-Индской компании, а когда на его месте свою штаб-квартиру построила фирма «Ллойд», сюда потянулись и другие страховщики. Мне достаточно вытянуть шею, чтобы увидеть угол здания сей почтенной

организации.

Этот район города не может похвастаться обилием уютных кафешек, поскольку здешние бизнесмены в основном обедают или проводят встречи в своих клубах, и потому нам с Королевами приходится довольствоваться заведением, единственным достоинством которого является то, что из него лучше всего видно дом под номером 107. Мы рассаживаемся и принимаемся составлять план действий.

— Вы и вправду прикинулись тетушкой и племянницей? — восклицает Найо после нашего с Марджери отчета об успешной операции в ателье мадам Изобель. — У вас же всего десять лет разницы!

— В больших семьях разница в возрасте может быть даже еще меньше, — резонно замечает Эллингем.

— Вообще-то, да, — уступает Марш. — И все же не помешало бы сначала согласовать посещение магазина с нами.

Здесь она права.

— Извините, — вздыхаю я.

Агата же, похлопав в ладоши, только и расточает похвалы:

— Как бы то ни было, у вас все получилось!

Вы узнали название фирмы и адрес человека, купившего эти роскошные платья в подарок Мэй Дэниелс. По-моему, прекрасная сыскная работа!

— Согласна! — Эмма поднимает видавшую виды чайную чашку, самую простенькую: на здешней сугубо утилитарной посуде нет никакого позолоченного ободка или цветочного орнамента, — и мы по очереди чокаемся с ней.

Мы с Марджери при этом благодарно киваем, и все же я не могу принять похвалу полностью, поскольку надеялась выяснить точное имя ухажера Мэй, а не название какой-то страховой конторы.

— И вы проделали все гораздо лучше, чем получилось у полиции, — добавляет Найо.

В ответ Эмма фыркает, и звук этот напрочь лишен какого бы то ни было изящества. Неужто баронесса перенимает некоторые манеры Марш? Как-никак, фырканье более типично для Найо. Получается, все эти наши роли, по видимости четко определенные, на деле не столь уж и строго очерчены.

— И неудивительно, после нашего-то визита в полицейский участок, — ворчит Эмма.

— Но как же нам узнать, кто из сотрудников фирмы связан с Мэй? Ведь их там наверняка немало! — Агата пресекает болтовню, задав дель-

ный вопрос.

Ответ на таковой у меня имеется, поскольку в рамках подготовки к сегодняшней встрече я заглянула в библиотеку и кое-что выяснила о «Страховом бюро Мэтерса».

— Нет никакой необходимости просеивать сотни человек, которые работают в этом здании, и даже десятки сотрудников непосредственно конторы Мэтерса. Нам только и нужно, что определиться с двенадцатью директорами фирмы, — сообщаю я. — Всего в штате более сорока клерков, но, полагаю, их можно смело не принимать во внимание. Мелкие служащие не смогли бы позволить себе покупку платьев от мадам Изобель. Равно как и билетов в уэст-эндские театры.

— О, это уже совсем из другой оперы! — восклицает Эмма, и я ловлю себя на том, что мне доставляет большое удовольствие слышать, как она произносит английские идиомы со своим едва заметным акцентом. Как Орци не устает напоминать нам, она сбежала из родной Венгрии и эмигрировала в Англию в четырнадцатилетнем возрасте. И когда ее семья оказалась на британской земле, английского Эмма еще не знала совсем — только венгерский, французский и немецкий.

— Если прибегнуть к небольшой уловке, то задача вполне решаема, — подмигивает мне Марджери.

— Я в деле, — с предвкушением потирает руки Найо.

— Рада, что вы вызвались, потому что мы как раз на вас и рассчитывали. На вас и Эмму. Теперь ваша очередь притворяться тетушкой и племянницей, — извещаю я подруг.

— Ну прямо как играть в собственной пьесе, — так и сияет баронесса. Театральные постановки ее популярных романов об Алом Первоцвете тоже пользуются огромным успехом, по ним даже собираются снять фильм. И что-то подсказывает мне, что Орци всегда мечтала об огнях рампы.

— «Бюро Мэтерса» по большей части занимается оформлением коммерческих страховых полисов, так что будете выдавать себя за родственниц, владеющих фермами в Европе и Новой Зеландии. Думаю, на приеме не помешает подчеркнуть свой акцент. Ваша легенда — сбор информации о страховании от погодных аномалий. И за выяснением этих вопросов вы и составите список директоров. Справитесь?

Женщины переглядываются, и Эмма отвечает за обеих:

— Ну разумеется!

Они тут же встают из-за стола и берут свои пальто и сумочки.

— Пока вы занимаетесь страховой фирмой, мы тут посовещаемся, как проникнуть за кулисы театра, где Мэй и Селия смотрели «Кавалькаду», и как ознакомиться с полицейским делом о пропавшей скрипачке.

Кивнув на прощание Найо и Эмме, мы втроем принимаемся обсуждать, какими личными связями располагаем. Похоже, контактами в полиции, столь необходимыми для получения доступа к делу бесследно исчезнувшей Леоноры Деннинг, не обладает никто из нас. Ну, пожалуй, за исключением меня. Мак, как мне представляется, сможет выйти на нужного полицейского, однако в таком случае мне почти наверняка придется сознаться, что я по-прежнему продолжаю заниматься расследованием убийства Мэй Дэниелс. Разозлится ли муж? Да нет, вряд ли. Мак, как никто другой, привык ко всяким моим невероятным проектам…

«Минуточку, — вдруг осеняет меня. — А что, если я подам свою просьбу как изыскание, необходимое для написания очередной книги? Пожалуй, так мне удастся избежать сурового допроса!»

Что до контактов в театральной среде, то у Агаты, как оказалось, их имеется довольно много. Три года назад в Уэст-Энде поставили пьесу «Алиби», по мотивам ее нашумевшего романа «Убийство Роджера Экройда». И хотя то, каким получился на сцене образ Эркюля Пуаро, писательницу в восторг не привело, эта адаптация подготовила почву для постановки в Уэст-Энде ее оригинальной пьесы о бельгийском сыщике, шпионского триллера под названием «Черный кофе». В свою очередь, на основе этой пьесы уже хотят снять фильм. Сестра Агаты, Мэдж, не осталась в стороне и написала пьесу «Претендент», сюжет которой строится на знаменитом деле Тичборна, и сейчас тоже пытается найти продюсера.

— Муж моей сестры, Джим Уоттс, устраивает вечеринку в семейном поместье Эбни-Холл и пригласил на нее всех моих театральных компаньонов. Разумеется, они с женой надеются, что кто-нибудь проявит интерес к пьесе Мэдж.

— И вы, полагаю, тоже приглашены? — спрашиваю я.

— К моему великому сожалению, — кивает Кристи.

Будучи осведомленной о противоречивых чувствах Агаты ко всякого рода сборищам и

неоднозначном отношении к родной сестре, я могу только вообразить, насколько ее страшит предстоящее мероприятие.

— И когда проводится вечеринка?

— В эти выходные.

— А что, если я тоже туда напрошусь? Вдруг у нас получится познакомиться с кем-нибудь из Королевского театра на Друри-лейн — может быть, даже с человеком, связанным с постановкой «Кавалькады»!

— Это было бы просто восхитительно! — Агата с признательностью пожимает мне руку. — В вашем обществе, Дороти, я не буду так нервничать и ощущать, будто все только на меня и смотрят.

В этот момент звенит колокольчик на входной двери, и в закусочную возвращаются Найо и Эмма.

— Что стряслось? — выпаливаю я, прежде чем они успевают сесть за стол. — За то время, что вы отсутствовали, только и можно было успеть, что подняться на лифте до конторы Мэтерса и спуститься обратно вниз!

Баронесса в притворном ужасе округляет глаза:

— Вы сомневаетесь в наших актерских способностях? Думаете, нас прогнали взашей?

— Больше времени нам и не понадобилось, Дороти, — спешит объяснить Марш. — Нам даже не пришлось кем-то прикидываться, чтобы попасть на прием. Список директоров висит на стене прямо при входе в бюро.

— А что это у вас такой довольный вид? — с подозрением осведомляется Агата.

— Угадайте, кто значится в этом списке!

Должно быть, мы все три смотрим на нее непонимающе, потому что Найо сокрушенно качает головой, явно раздосадованная нашей несообразительностью, а затем восклицает:

— Не кто иные, как Джимми Уильямс и его сын Луис Уильямс! Последний упоминался в той статье из «Дейли геральд», что прятала Мэй, — его допрашивали по делу пропавшей скрипачки.

— Ну надо же! — ахает Марджери.

— Это не может быть простым совпадением. Человек, предположительно покупавший Мэй дорогие платья, еще и упоминается в газетной статье об исчезновении другой девушки — в статье, которую, заметьте, Мэй по какой-то причине тайно хранила. Мог ли мистер Уильямс-младший быть ухажером Мэй? — подытоживает Агата.

Мой вопрос связан с предыдущим, однако гораздо более важный:

— Мог ли он быть также и ее убийцей?

Глава 29

1 апреля 1931 года
Манчестер, Англия

Агата заранее подготовила меня к визиту в Эбни-Холл. Про громадный вестибюль здания я слышала и раньше, но она рассказала о его многощипцовой викторианской крыше и пышном внутреннем убранстве. А уж ее описание парка настроило меня на то, что за каждым окном глазам моим будут представать самые изысканные виды. И все равно, оказавшись непосредственно в стенах особняка, я испытала настоящее потрясение. Потому что никто не предупредил меня, что посетить Эбни-Холл — это все равно что попасть на страницы романов Агаты Кристи.

Со всех сторон меня окружают детали ее вымышленных сельских домов. Здешний камин наводит на мысль о поместье Стайлз-Корт из «Загадочного происшествия в Стайлзе», а в деревянных настенных панелях тончайшей работы угадывается Чимниз из «Тайны замка Чимниз». А когда за нашей верхней одеждой является слуга, одетый точь-в-точь в такую же униформу,

какая описана в первом романе, граница между вымыслом и реальностью и вовсе размывается.

— Обескураживает, не так ли? — раздается чей-то хрипловатый голос.

Я оборачиваюсь и вижу привлекательную женщину лет пятидесяти в бордовом шелковом платье и жемчужном ожерелье. Привалившись к дверному косяку, она томно затягивается сигаретой.

Что обескураживает лично меня, так это отсутствие ясности: непонятно, кому адресована данная реплика — мне или же Агате? Подруга, однако, отмалчивается, и тогда я решаю прибегнуть к нейтральному замечанию:

— Эбни-Холл — потрясающее место.

— Навряд ли могу принять это как комплимент, поскольку не имею абсолютно никакого отношения к его созданию. Это детище деда моего мужа, который спроектировал и отделал особняк по последней викторианской моде, и, по-моему, с тех пор никаких изменений в него даже не вносилось, — с безрадостной улыбкой сообщает женщина. — Но где же мои манеры? Агата, дорогая, очень рада тебя видеть! — Она подается вперед и чмокает ее в щеку. Затем, протянув руку, обращается ко мне: — Я сестра Агаты, Маргарет

Уоттс, хотя все называют меня просто Мэдж. Вы, должно быть, миссис Сэйерс? Или предпочитаете обращение миссис Флеминг? А может, мисс Флеминг? Или мисс Сэйерс?

Мы пожимаем друг другу руки, и я отвечаю:

— Буду отзываться на любое, хотя лучше всего называйте меня просто Дороти. Я слышала о вас от вашей сестры много хорошего.

— Много хорошего? — усмехается Мэдж. — В жизни не поверю. Сестры всегда соперничают друг с другом. К тому же Агата ненавидит, когда я нянчусь с ней.

Ранее моя подруга и вправду выражалась точно такими же словами. Когда она рассказывала о своем одиноком детстве — родившийся после Мэдж брат был на десять лет старше Агаты, а потому компанию ей составляли лишь книги, — поначалу я даже ощутила с ней родство. Но затем она поведала историю об их споре с Мэдж: сестра всячески подначивала Агату, уверяя, что ей ни за что не сочинить рассказ в духе популярного тогда романа Гастона Леру «Тайна желтой комнаты», классического детектива о «запертой комнате». После этого мне стало понятно, что воспитывались мы совершенно по-разному: меня родители и кузина Айви всегда всецело поддерживали и

поощряли. Пускай мое заключение несколько и смягчилось после признания Агаты, что сестра первая помогла ей, когда случились «неприятности», в данный момент между ними я ощущаю лишь напряжение.

Мэдж обводит рукой салон и говорит:

— Лично мне сходство между Эбни-Холлом и обстановкой в романах Агаты кажется даже несколько пугающим. А вам?

— Нет, только поразительным, — смеюсь я. — И по-моему, это настоящий комплимент дому. Я считаю, что подражательство — самая искренняя форма лести.

— Что ж, такой взгляд вполне имеет право на существование, — отвечает хозяйка, выпуская облачко дыма. Затем она разворачивается и направляется в смежную комнату, бросив нам через плечо: — Я подумала, что чай лучше пить на террасе.

Мы следуем за Мэдж в галерею, чьи стены облицованы плотной парчой, которая, возможно, некогда имела ярко-пурпурный цвет, но со временем выцвела до бледно-розового. Стулья из темного дерева с затейливой резьбой задрапированы материей, утратившей окраску до такой же степени, и я невольно задаюсь вопросом, сколь

долго эти ткани здесь висят. Помещение отнюдь не купается в солнечном свете, так что выгорали они наверняка очень долго.

Когда мы рассаживаемся на жестких и неудобных стульях, я произношу про себя краткую молитву, чтобы наш визит в Эбни-Холл оказался результативным. Об Уильямсах удалось накопать лишь основные факты. Найо и Эмма явились на назначенный прием к Луису Уильямсу, однако не вынесли с этой встречи никакой информации — если не считать того, что нашли мужчину весьма привлекательным и заметили на его рабочем столе фотографию жены и детей, плюс он снабдил их кое-какими расценками на страховые услуги, нам абсолютно ненужные. Еще им удалось увидеть отца Луиса, Джимми, хотя и мельком — тот заглянул к сыну в кабинет во время приема.

Пускай у нас и имеются серьезные подозрения относительно того, что между Мэй и Луисом был роман, однако, чтобы связать таковой с убийством девушки, необходимы серьезные доказательства. Потому что вполне может статься, что медсестра действительно состояла в отношениях с женатым Луисом Уильямсом, но к ее смерти он не имеет ровно никакого отношения. Другими словами, не исключено, что «Страхо-

вое бюро Мэтерса» — это ложный след. Что же касается официального расследования дела об исчезновении Леоноры Деннинг, Мак пытается раздобыть для меня полицейский отчет — я убедила мужа, будто мне это нужно для новой книги. Так что пока нам только и остается, что сосредоточиться на посещении Мэй театра и выяснить детали.

Словно бы из ниоткуда возникает служанка с серебряным чайным сервизом. Сестры — поразительно похожие как внешне, так и манерами — синхронно откидываются на спинки стула и ожидают, пока разольют напиток. Да уж, Агата обитает в мире, совершенно отличном от моего собственного: я-то собралась наливать себе чай сама.

— Очень приятно наконец-то познакомиться с вами, Дороти, — говорит Мэдж. — Агата столько про вас рассказывала, и, разумеется, я обожаю ваши романы о лорде Питере Уимзи. И лично мне очень по душе появление Гарриет Вэйн, это чрезвычайно актуально.

Нахваливая мои книги, она поглядывает на сестру. Может, ее комплименты в адрес моих персонажей — всего лишь способ покритиковать Агату? Соперничество, которое существует между

ними, видно невооруженным глазом, и я чуть ли не радуюсь, что у меня нет родных братьев и сестер. Кузина Айви неизменно превосходила все когда-либо посещавшие меня мечты о сестре — право, лучшей мне и не требовалось.

Я уже всерьез подумываю о том, чтобы удалиться из-за стола — в уборную или на улицу, глотнуть свежего воздуха, да под каким угодно предлогом, — но тут Агата спрашивает:

— А Джим здесь? Мы думали, он тоже будет присутствовать на чаепитии.

— Муж вот-вот появится.

Словно бы в ответ на ее слова из-за двери показывается крепкий краснощекий джентльмен с широкой приветливой улыбкой.

— Агата! Надеюсь, я не заставил тебя ждать? Мой текстильный бизнес требует постоянного внимания!

Он буквально врывается на террасу, тепло обнимает свояченицу, и витающая в воздухе напряженность разом спадает. Здоровяк протягивает мне огромную лапищу и представляется:

— Джим Уоттс, очень рад встрече с вами. Вы, должно быть, товарка Агаты по перу, миссис Сэйерс?

— Верно. Только называйте меня, пожалуйста,

Дороти.

— Отлично. Вот и познакомились, Дороти. — Хозяин дома плюхается на стул, который жалобно скрипит под его немалым весом. — Нам повезло, что на сегодняшней гулянке у нас под рукой будете вы две, эстетствующие дамы. Сам-то я не в курсе последних веяний в культуре.

— Вообще-то, занимать гостей разговорами Агата не любительница, — добавляет его жена, — но, быть может, в вашей компании, Дороти, она будет пообщительнее.

Несомненно, своим замечанием Мэдж рассчитывает уязвить сестру, и та и вправду морщится. Подобное бессердечие вызывает во мне волну возмущения. Разве Агата не помогает ей, используя свои связи в театральных кругах, пристроить пьесу? Как насчет проявления элементарной благодарности? Неужто Мэдж настолько болезненно воспринимает успех своей младшей сестры?

А Джим как будто ничего и не замечает. В своей манере, весьма далекой от тактичной, он ревет:

— Да брось, Агата, сегодня ты будешь в своей стихии! Благодаря твоим знакомствам к нам нагрянет целая орава продюсеров, режиссеров, актеров и актрис! И это не считая обычной публики.

Насколько я себе представляю, к последней относятся богатые соседи-помещики и друзья-бизнесмены с женами. Мировая война перевернула с ног на голову консервативный общественный уклад нашей страны. Деньги и земля с незапамятных времен шли рука об руку с титулами и чинами, однако новая реальность — множество умерших и погибших, высокие налоги и экономический кризис — подорвали сложившееся положение вещей. Герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны и среднего пошиба лорды (а также их жены, конечно же) лишились многих своих земель и богатств, создав тем самым вакуум, в который нынче способны подняться и богачи, не имеющие титулов, вроде Джима, Мэдж и подобных им. Интересно, внезапно приходит мне в голову, а не будут ли среди гостей Луис и Джимми Уильямсы?

— Я очень признательна вам за разрешение присутствовать на вечеринке, — с широкой улыбкой благодарю я хозяев.

— Всегда к вашим услугам! — с чувством отзывается Джим.

Мэдж, как я замечаю, энтузиазма мужа не разделяет.

Затем, испытывая в свете их великодушия

некоторое чувство вины, я опускаюсь до наглой лжи:

— Позвольте поинтересоваться, не приглашали ли вы, случайно, одних моих знакомых, отца и сына Уильямсов из «Страхового бюро Мэтерса»?

Агата бросает на меня изумленный взгляд. О такой уловке мы с ней не договаривались. Однако вплоть до этого момента мне и самой не приходила в голову мысль, что Уоттсы и Уильямсы могли пересекаться по тому или иному поводу. Определенно, Агата не станет возражать, если я одним выстрелом подстрелю сразу двух зайцев.

— Уильямсы, Уильямсы… — бормочет Джим. — Ах, ну конечно, мне знакома эта фамилия. Джимми Уильямс не совсем из нашего круга, как вам может показаться. Не то чтобы я осуждаю его за происхождение — как-никак, не его вина, что он родился бастардом, внебрачным ребенком, у чересчур молоденькой горничной и воспитывался своей бабушкой. Или что ему пришлось начать работать с двенадцати лет на железной дороге.

От слова «бастард» меня внутренне передергивает. Оно отвратительно мне по многим причинам. Я ощущаю, как у меня вспыхивают щеки, — остается лишь надеяться, что никто не обратит на это внимания.

Джим прерывается, чтобы допить чай, а затем продолжает:

— А если говорить начистоту, то я им искренне восхищаюсь. Нечасто безродному бастарду удается добиться такого успеха. В страховой сфере Уильямс сделал себе имя и сейчас готовит сына к руководству своей компанией. Но не могу сказать, что мы вращаемся в одинаковых кругах. И уж точно сегодня вечером его здесь не будет.

Участие Агаты в вечеринке и ее помощь сестре были оговорены уже давно, но она умышленно ничего не рассказывала Уоттсам о наших целях. Еще не хватало, чтобы оба с подозрением следили за нами весь вечер. Однако ни Мэдж, ни ее супруг наивностью отнюдь не отличаются.

— Будете заниматься у нас исследованиями? — обращается ко мне Джим. — Агата любит переносить детали Эбни-Холла на обстановку в своих детективах.

— Да какие там исследования. Скорее, просто черпать вдохновение, — отвечаю я как можно более туманно.

Джим хлопает себя по бедру.

— Ну надо же! Никогда бы не подумал, что нами можно вдохновляться. Вот так потеха!

Мэдж как будто не имеет ничего против этой

идеи и даже находит ее забавной:

— Мы уже привыкли, что Агата списывает обстановку с Эбни-Холла, но это действительно что-то новенькое! Дороти, я правильно понимаю: вы можете подсмотреть здесь сюжеты и похитить у нас и наших гостей черты характера?

Такой цели я перед собой не ставила, однако в качестве отговорки она послужит лучше, чем настоящая.

— Только с вашего разрешения, — отвечаю я с улыбкой и подмигиваю.

Уоттсы разражаются смехом, и я вижу, что лицо Агаты превращается в непроницаемую маску. Должно быть, ей мучительно наблюдать, с какой беззаботностью ее сестра общается со всеми, кроме нее самой. Даже если поведение Мэдж несколько и отдает наигранностью.

Затем Джим резко поднимается из-за стола.

— Ладно, дамы, мне пора. Долг зовет. Но вечером непременно увидимся! — С этими словами он торопливо удаляется, и непринужденности на террасе как не бывало.

Стоит шагам мистера Уоттса стихнуть, как его жена тоже встает. Лицо ее мрачнее тучи, и Агата бросает на меня предостерегающий взгляд.

— Не смейте держать меня за дуру! — Мэдж так

и клокочет от возмущения, испепеляя взглядом сначала сестру, а затем и меня тоже. — Уж не знаю, что вы обе затеяли, но я вас предупреждаю: сегодняшний вечер — мой. И я никому не позволю его испортить!

Глава 30

1 апреля 1931 года
Манчестер, Англия

В моде я никогда особо не разбиралась. В детстве от меня, как от единственного ребенка приходского священника и его жены, только и требовалось, что одеваться подобающе нашему статусу в Блантишеме. Вот только — раз уж мы жили в выделенном священнику доме с большущим садом — наше существование полностью зависело от финансовой милости Англиканской церкви, и жалованья преподобного никогда не хватало даже на полагающиеся мне скромные наряды. Обноски — безупречно перешитые матерью — были для меня нормой в детстве, в пансионе и в Оксфордском университете. Когда мы с Агатой отправились в Эбни-Холл, над моим единственным вечерним платьем как раз трудилась портниха, и потому на сей раз мне, ну прямо как в юности, тоже пришлось позаимствовать наряд на вечеринку: платье Мэдж, которое она носила, когда была «немножко больше», по ее собственным словам. Шелковое, ярко-фиолето-

вое — цвет совершенно не мой, но в нужде, как говорится, всякий хлеб вкусен, — с заниженной талией, модной в прошлом десятилетии, в то время как нынче предпочтение отдается приталенному силуэту, призванному подчеркивать достоинства фигуры. В этом любезно предоставленном мне одеянии я напоминаю баклажан — ну вот нисколечко не сомневаюсь, — и меня неотступно преследует мысль, что именно таким и был изначальный замысел Мэдж.

Стараясь выбросить подозрения из головы, я в назначенный час вхожу в салон на аперитив перед ужином и сразу же устремляюсь к элегантно, хотя и несколько мрачновато одетой Агате, вовлеченной в жаркий спор с сестрой. Пролавировав меж десятком гостей, облаченных в платья по последнему слову моды и сшитые на заказ фраки, я оказываюсь рядом с подругой как раз в тот момент, когда она в ярости восклицает:

— Довольно!

Я замираю, но прежде чем успеваю предпринять отступление, Мэдж с достоинством удаляется в противоположный конец зала. Агата поворачивается ко мне с жалкой улыбкой.

— Вы в порядке? — участливо осведомляюсь я.

— Обычная размолвка между сестрами, — отве-

чает она, однако за перепалкой этой явно кроется нечто большее. — Ерунда.

— Вы уверены? — настаиваю я. Не подумайте, я вовсе даже не собираюсь вынюхивать чужие тайны, но, надеюсь, Агата знает, что может мне доверять. — Точно все хорошо?

— Мэдж не слишком жалует Макса, — признается она, имея в виду мужчину, с которым состоит в браке уже год. — Не доверяет ему, потому что он, видите ли, на четырнадцать лет моложе меня. Считает, будто Макс женился на мне не просто так, а с дальним прицелом. Смешно! Ну какой из него брачный аферист — у меня и взять-то нечего!

— Может быть, Мэдж всего лишь склонна к чрезмерной опеке. Как-никак, она старшая сестра, а браки младших входят в сферу их забот. Разумеется, будучи единственным ребенком в семье, по личному опыту я судить об этом не могу.

— Может, и так. Ей доставляет удовольствие душить меня своей заботой, — с улыбкой произносит Агата. — Мэдж — сложная натура.

С такой оценкой не поспоришь. Кроме того, Мэдж неимоверно ревнива к чужим успехам. Даже если она и впрямь любит и оберегает сестру, такое ее отношение переплетается с завистью.

Это ясно как божий день.

— А еще ей как будто доставляет удовольствие запутывать вас в свою сеть — вместе с вашими театральными достижениями, разумеется, если из этого получается извлечь выгоду, — вырывается у меня, в чем я раскаиваюсь уже в следующее мгновение и запечатываю себе рот ладонью. И о чем я только думала? Мэдж — сестра Агаты, да и нахожусь я в Эбни-Холле исключительно благодаря ее приглашению. — Ах, простите меня, пожалуйста!

— За что? — со смешком отзывается Кристи. — Все правильно вы сказали. Так оно на самом деле и есть, и меня лишь радует, когда о Мэдж выражаются без обиняков.

— Вообще-то, мне не пристало так говорить о вашей сестре. Все-таки по отношению ко мне она была сама доброта. Ну, по большей части. — Я опускаю взгляд на свое платье.

— Вам не о чем беспокоиться, Дороти, — отвечает Агата и сжимает мне руку.

«Пожалуй, сейчас самое время сменить тему», — думаю я и, обводя взглядом зал, спрашиваю:

— Итак, с кого начнем?

Разделение гостей вечеринки на две фракции —

театральных деятелей и «обычную публику» (как выразился мистер Уоттс) — очевидно уже по одним только нарядам и манере держаться. Аккуратно указывая на присутствующих, Агата перечисляет актеров, актрис, режиссеров и продюсеров, известных мне из газет, и нескольким даже машет рукой. Одна персона привлекает мое внимание:

— Кто-кто, вы сказали, последний?

— Бэзил Дин. Режиссер и продюсер.

— Почему его имя кажется мне знакомым?

— Возможно, оно попадалось вам в прессе. Бэзил Дин поставил довольно много пьес Ноэля Кауарда.

— Возможно, — киваю я, хотя и уверена, что дело здесь в чем-то другом.

— Давайте с мистера Дина и начнем, — шепчет Агата.

Подруга берет меня под руку и ведет через салон в противоположный угол. Нашей целью является джентльмен с навощенными, безупречно подстриженными усами, во фраке и галстуке расцветки павлиньего пера, в данный момент занятый тем, что флиртует с крашеной блондинкой.

На полпути нас перехватывает Джим, выгля-

дящий так, будто втискивался в свой фрак с помощью рожка для обуви.

— Вы обе, как я посмотрю, уже решительно на что-то настроены. Могу я вам чем-нибудь помочь? Кого-то здесь угораздило послужить прообразом персонажа будущего романа? — Идея эта явно приводит его в восторг.

— Мы направляемся к мистеру Бэзилу Дину, — заговорщически сообщаю ему я.

— Ну-ну! Только действуйте осторожно, — предупреждает Джим. — Я подслушал, как кто-то из гостей отзывался о нем как о «весьма неприятном типе».

— А по-моему, его постановки самые потрясающие в Уэст-Энде. Разве Мэдж не мечтает заполучить продюсера вроде него? — парирует Агата.

— Мистер Дин очень талантлив, но, похоже, наводит ужас на своих актеров и актрис. Хм, вполне возможно, что и на авторов тоже. Ладно, давайте я представлю вас ему. Подготовлю почву и все такое.

— Он славный малый, этот Джим, — делюсь я с Агатой, пока ее зять ведет нас к именитому театральному деятелю.

— О да! — улыбается подруга. — И его сын-тезка

точно такой же. Жаль, что он в отъезде, с удовольствием познакомила бы вас с ним.

При появлении Джима крашеная блондинка ретируется.

— Мистер Дин, позвольте представить вам мою свояченицу миссис Маллоуэн и ее подругу мисс Сэйерс, приехавшую к нам из Лондона. Мистер Дин — уэст-эндский продюсер, а мисс Сэйерс — писательница, она сочиняет детективы.

Меня совершенно не удивляет, что хозяин дома выдвигает на первый план меня, а вовсе не Агату, которую он к тому же называет по фамилии мужа. Даже если она и известна больше меня, всякое внимание и вопросы ей претят. Да и Мэдж придет в ярость, если на «ее вечере» внимание будет уделяться младшей сестре.

Мистер Дин прочищает горло и важно замечает:

— Я также еще и режиссер.

Джим торопливо исправляет свою оплошность и вежливо удаляется.

— Я большой поклонник вашего лорда Питера Уимзи, — сообщает мне новый знакомый, после чего жадно прикладывается к бокалу и вытирает пот со лба.

Неужто здесь так жарко? Впрочем, мистер Дин

и вправду здорово раскраснелся. Возможно, та крашеная блондинка распалила его чувства.

Я благодарю его за теплые слова, и на протяжении какого-то времени мы обсуждаем мои книги. Агата в беседу не вмешивается, лишь молча изучает театрального деятеля.

— Над чем вы сейчас работаете? — наконец интересуюсь я, делая ставку на то, что напыщенному типу вроде мистера Дина будет только в радость поговорить о себе любимом. Пускай побубнит немного, а там уж я направлю разговор в нужное русло.

— Обычно я буквально разрываюсь между проектами. Например, сейчас у меня несколько пьес Ноэля Кауарда на разных этапах постановки, одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. К тому же я являюсь членом правления Королевского театра на Друри-лейн, что также отнимает немало времени.

«Вот оно! — осеняет меня. — Вот откуда мне знакомо его имя». Когда я собирала сведения о театре, где Мэй смотрела «Кавалькаду» — а это как раз и был «Друри-Лейн», — оно повстречалось мне в списке членов правления.

Я бросаю взгляд на Агату и убеждаюсь, что она тоже видит связь с расследуемым нами делом.

Однако мистер Дин еще не закончил петь себе осанну, а потому переходит к следующему пункту своих свершений:

— Кроме того, меня только что избрали председателем компании «Эсоушиэйтид токинг пикчерз». Это недавно основанная киностудия.

— Боже мой, и как же вам хватает времени на все это! Столько дел, с ума сойти! — Собеседник гордо кивает в ответ на мои охи и ахи. — Если не ошибаюсь, одна из пьес Ноэля Кауарда как раз и идет сейчас у вас в «Друри-Лейн»? «Кавалькада»?

— Совершенно верно. — Моя осведомленность льстит самолюбию мистера Дина. — Восхитительный мюзикл! В нем излагается история состоятельной британской семьи на протяжении трех последних десятилетий. Потрясающая музыка, включая популярные песни из каждого временного периода.

— Звучит великолепно, мистер Дин! — отзываюсь я и, покосившись на подругу, добавляю: — Что ж, теперь мы просто обязаны посмотреть спектакль!

— Мне не составит труда достать вам билеты, — неожиданно предлагает он.

— Ах, мы бы не хотели навязываться вам, — вежливо отнекиваюсь я, на самом деле чрезвы-

чайно обрадованная его предложением.

Королевы обсуждали возможность визита в театр, но я даже и не помышляла, что его удастся осуществить с подачи самого члена правления «Друри-Лейн». И попасть за кулисы благодаря его любезности будет как нельзя кстати.

— Да ну, ерунда. Мне это только в радость. А вы в ответ презентуете мне роман о лорде Уимзи с автографом, — отвечает Бэзил Дин.

— С удовольствием! Вас же всегда можно застать за кулисами? Я могла бы лично занести вам подписанный экземпляр после представления. — Очень хочу надеяться, что моя реплика прозвучала непринужденно.

— Отнюдь не всегда. Мы с моим соуправляющим директором распределили время в театре, и обычно я нахожусь там днем, чтобы в случае надобности иметь возможность смотаться и на киностудию. А по вечерам в «Друри-Лейн» обычно бывает сэр Альфред, — объясняет мистер Дин.

— Сэр Альфред? — недоумеваю я.

— Прошу прощения, сэр Альфред Чепмэн — мой соуправляющий директор, — поясняет Дин.

— С кем это вы здесь беседуете? — доносится вдруг из-за его плеча голос, звенящий от недовольства.

Сама элегантность в сущем водопаде вышитого бисером темно-синего шелка, в наш маленький кружок вторгается Мэдж. Что ж, это ее привилегия как хозяйки Эбни-Холла, да и вечеринка тоже устроена для нее, напоминаю я себе.

И тут, впервые после того, как Джим представил нас мистеру Дину, заговаривает Агата:

— Познакомься, Мэдж, это мистер Бэзил Дин, он возглавляет Королевский театр на Друри-лейн, а также кинокомпанию «Эсоушиэйтид токинг пикчерз». Еще он продюсер и режиссер — ставит, например, пьесы Ноэля Кауарда. Мистер Дин, это моя сестра, миссис Джеймс Уоттс. Хозяйка Эбни-Холла и автор пьес.

— Очень приятно, — произносит мужчина и целует протянутую руку Мэдж.

— О, я как раз хотела познакомиться с вами, мистер Дин. Ваша слава бежит впереди вас. — Она поворачивается к нам с Агатой. — Что ж, не будем вас задерживать.

Глава 31

2 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Наступала ли тишина хоть ненадолго на протяжении обратной поездки в Лондон? Я вовсе не подразумеваю стук колес поезда, надрывный гудок паровоза, многочисленные остановки и объявления кондуктора. Я имею в виду наш с Агатой разговор. С самого момента посадки на поезд сегодняшним утром мы не прекращали обсуждение ни на минуту.

— Нужно навести порядок в сведениях о личной жизни Мэй, которые мы нахватали, словно пара сорок, — провозглашаю я. — Что там ваш Эркюль Пуаро говорит, когда расследование идет полным ходом и факты так и сыплются?

— Пора занять работой наши «маленькие серые клеточки»!

— Точно! И эти серые клеточки, пожалуй, стоит сдобрить «житейской мудростью», которую мать Питера Уимзи считает исключительно женской умственной способностью.

— Как здорово! — весело отзывается подруга. —

Сегодня я и вправду ощущаю себя настоящим Пуаро. Обычно-то мой образ жизни больше соответствует мисс Марпл.

— Я тоже чувствую себя реально существующей Гарриет Вэйн. — Достаю свой верный блокнот и принимаюсь его листать. — Итак. Во-первых, летом и осенью прошлого года у Мэй определенно имелся ухажер. Тайный.

— И достаточно богатый, чтобы купить ей два платья от мадам Изобель и водить ее в уэст-эндские театры, — подхватывает Агата. — Весьма вероятно, это Луис Уильямс, на что указывают чеки из ателье мадам Изобель и спрятанная в Библии газетная вырезка. Нам не известно, была ли Мэй осведомлена, что он женат и имеет детей. И тем не менее порядочная, добросердечная девушка, как ее описывали сестры, навряд ли станет крутить роман с семейным мужчиной. Честно говоря, в этой истории она скорее предстает жертвой ловкого манипулятора.

— Во-вторых, в августе Мэй собиралась посмотреть с этим неизвестным кавалером «Кавалькаду». Однако по какой-то причине ему пришлось отменить свидание, и девушка отдала билет своей подруге Селии, — привожу я следующий факт, делая соответствующую запись.

Кристи кивает и продолжает:

— В-третьих, второго октября Мэй читает в «Дейли геральд» статью о пропавшей молодой скрипачке, которую в последний раз видели в «Кафе де Пари», на вечеринке уэст-эндских театральных деятелей, среди гостей которых был также не кто иной, как Луис Уильямс.

— И статья эта производит на девушку такое впечатление, что она аккуратно вырезает ее и припрятывает.

— В-четвертых, менее чем через две недели, четырнадцатого октября, накануне встречи с Селией в Брайтоне, Мэй проводит ночь в Лондоне, но где и с кем именно, неизвестно.

Я записываю и это тоже, а затем комментирую:

— Возможно, с Луисом? Других догадок у нас пока нет.

— В-пятых, шестнадцатого октября медсестры совершают однодневную поездку из Брайтона в Булонь, во время которой Мэй и пропадает. Через несколько месяцев девушку находят мертвой, причем под ее телом обнаружено большое количество крови — которую можно объяснить выкидышем или же некоей медицинской процедурой. Также имеются исчерпывающие свидетельства, что незадолго до исчезновения

Мэй изматывала непроходящая тошнота.

Занеся последний пункт в блокнот, я подытоживаю:

— На основании всего этого можно допустить, что Мэй Дэниелс забеременела от своего таинственного ухажера.

— Вполне вероятно, — отвечает Агата. — Если перед поездкой в Брайтон девушка провела ночь с Луисом и сообщила ему о беременности, он вполне мог настоять на аборте. Также не исключено, что именно он организовал путешествие в Булонь, возможно даже, в последнюю минуту.

Я задумываюсь, выстраивая все эти разрозненные факты в связную цепочку. Вот только один из них просто ну никак не стыкуется с остальными.

— Такая версия вполне объясняет кровотечение, но не тщательно спланированное исчезновение Мэй из туалета железнодорожного вокзала.

— Согласна, — вздыхает Кристи. — Да и с вескими доказательствами у нас действительно туго. Очень надеюсь, что в ходе визита в «Друри-Лейн» сегодня вечером мы раздобудем убедительное подтверждение связи между Мэй и Луисом. Вдруг кто-нибудь в театре вспомнит мисс Дэниелс и того, с кем она встречалась за кулисами, и тогда у нас появится хоть что-то, указывающее непосред-

ственно на Луиса Уильямса. А пока у нас одни лишь предположения.

Я захлопываю блокнот и меняю тему:

— Мэдж удалось обзавестись связями в театральной среде, как ей хотелось? Уж мы-то точно в этом преуспели.

— Вы не поверите, Дороти, но Бэзил Дин изъявил желание ознакомиться с ее пьесой!

— Очень даже поверю. При желании ваша сестра вполне способна пускать в ход свои чары.

— Сегодня в Королевском театре мы тоже блеснем этой способностью.

Мы наконец-то замолкаем и под замедляющееся пыхтение поезда мысленно вновь перебираем известные факты.

Через минуту, однако, я опять поворачиваюсь к подруге:

— Агата, вам же знакома такая ситуация, когда под конец книги почти все нити органично связаны, но остаются одна-две непослушных, упорно не желающих присоединяться к остальным?

— Конечно! Как раз сейчас подобная проблема стоит передо мной в «Загадке Эндхауза».

— Но тем или иным образом вам всегда удается объединить эти капризные нити с остальной связкой, верно?

— Верно.

Мы улыбаемся друг другу. Нам обеим отлично знаком этот драгоценный миг, когда все составляющие повествования — персонажи, обстановка, мотив и сюжет — вдруг сливаются в блистающее нерушимое целое. Можно сказать, мы и пишем свои романы, дабы вновь пережить этот невероятный момент.

— И мы сделаем это снова. Только на сей раз не ради себя и своих детективных историй, а ради Мэй.

Поезд со скрипом останавливается, прибыв на конечную станцию — лондонский железнодорожный вокзал Юстон. Спустившись на перрон, мы с Агатой немногословно прощаемся. Она направляется на станцию подземки, чтобы доехать до Кенсингтона, где у нее квартира на Кэмден-стрит. Мне тоже нужно в метро, только на другую ветку. Через несколько минут, когда я уже собираюсь войти в вагон, меня вдруг охватывает неодолимое желание посмотреть в лицо Луису Уильямсу. Мне достаточно будет хотя бы мельком взглянуть ему в глаза — просто попытаться понять, что он за человек. Отсюда до Лиденхолл-стрит, прикидываю я, не так уж и далеко. И в следующее мгновение решение

наведаться в страховую компанию уже принято.

По пути в финансовый центр Лондона я погружена в мысли о потенциальной роли Луиса в жизни юной Мэй Дэниелс. Быть может, они и в отношениях-то не состояли, а мы за отсутствием чего-либо существенного хватаемся за соломинку. И все же мне очевидна беззащитность Мэй, и я знаю, с какой легкостью этим может воспользоваться не слишком щепетильный мужчина. Как-никак, подобное случилось и со мной тоже. Мне просто необходимо выяснить, находилась ли Мэй во власти Луиса Уильямса.

Но вот двери лифта открываются на этаже «Страхового бюро Мэтерса», и я оказываюсь в поражающей воображение приемной. Желтовато-коричневые стены, на которые явно не пожалели лака, в изобилии украшены эффектными, отделанными серебром светильниками. По вестибюлю расставлены кресла с изогнутой спинкой и шоколадно-рубиновой обивкой с орнаментом в виде геометрического узора. В центре помещения располагается широкая стойка из красного дерева, инкрустированная сплетением металлических полосок и увенчанная блестящей столешницей из бежевого мрамора. Над ней возвышаются изогнутая лестница, ведущая на

площадку второго этажа, и стена, на которой бронзовыми буквами выведены имена директоров компании.

Ошеломленная шикарной обстановкой, я сначала даже не замечаю секретаршу за стойкой. Впрочем, она и сама как будто не очень-то спешит меня приветствовать. Молодая белокурая женщина с кудряшками кинозвезды и губами, накрашенными вишневой помадой, даже не отрывается от своего чтива.

Несколько раз старательно прочищаю горло, однако реакции по-прежнему не следует.

— Прошу прощения, но я хотела бы повидаться с мистером Уильямсом.

— С мистером Уильямсом-старшим или мистером Уильямсом-младшим? — уточняет она.

— С мистером Уильямсом-младшим, пожалуйста.

— Вам назначено? — Секретарша так и не удосуживается поднять на меня взор.

— Нет, но мне случилось быть поблизости, вот я и решила заглянуть. Видите ли, мистера Уильямса мне настоятельно рекомендовали несколько моих друзей, которые помышляют застраховать у него свой крупный бизнес.

Только теперь блондинка выпрямляется на

стуле и удостаивает меня взглядом:

— Я спрошу, сможет ли он уделить вам время. Вам ведь известно, что в основном мы занимаемся коммерческим страхованием?

— Да, я знаю это.

— Как мне вас представить?

— Миссис Флеминг.

Секретарша отодвигается на стуле от стойки и, бойко щелкая каблуками, скрывается в примыкающей к приемной комнате. До меня доносятся приглушенные голоса, а затем блондинка появляется вновь:

— Мистер Уильямс-младший примет вас прямо сейчас.

— Можно оставить у вас сумку? — Я поднимаю свой видавший виды кожаный саквояж, которым пользуюсь в непродолжительных поездках.

Просьба явно не приводит девушку в восторг, однако она кивает и указывает на место на полу:

— Поставьте ее здесь. Следуйте за мной, пожалуйста.

Едва лишь мы подходим к двери, как та распахивается, и из кабинета выходит седовласый мужчина в круглых очках и темно-сером костюме в тонкую полоску. Он с улыбкой кивает мне и произносит:

— Добро пожаловать в «Страховое бюро Мэтерса»!

К моему удивлению, в его речи различается акцент, характерный для уэльского пролетариата. Подобная неуместность наводит меня на мысль, что этот мужчина и есть тот самый Джимми Уильямс — преуспевающий страховой магнат и глава «Страхового бюро Мэтерса», человек, сделавший себя сам, пресловутый бастард низкого происхождения, осуществивший стремительный карьерный взлет.

— Благодарю вас, сэр, — отвечаю я.

Он протягивает руку, и мы обмениваемся рукопожатием.

— Меня зовут Джеймс Уильямс, я основатель этой фирмы. — Кивнув на офис сына, мужчина добавляет: — Оставляю вас в надежных руках Луиса.

Предстоящую встречу в страховой компании я практически не обдумывала, однако свою полнейшую неподготовленность осознаю, лишь переступив порог со вкусом обставленного кабинета. Внутри у меня все сжимается, когда светловолосый молодой мужчина приятной наружности, с правильными чертами лица и густыми усами, поднимается из-за стола попри-

ветствовать меня. Сейчас один из тех редчайших моментов в моей жизни, когда я лишаюсь дара речи.

— Добро пожаловать, миссис Флеминг. Чем могу быть полезен? Клиенты нечасто заходят к нам прямо с улицы. Хотя, если подумать, на днях две какие-то дамы именно так и поступили. Возможно, сейчас такое поветрие. — По-прежнему улыбаясь, Луис указывает на стул напротив своего стола.

«Да уж, молоденьких женщин он явно очаровывает без труда, — думаю я. — Симпатичный, обходительный, любезный и уж наверняка большой мастер по части комплиментов. Пожалуй, девушке вроде Мэй Дэниелс, которую чересчур опекали с самого детства, было очень легко подпасть под его обаяние. Вот только вряд ли она оказалась из тех, кого можно запросто бросить и вычеркнуть из своей жизни».

— У меня в Эссексе есть весьма крупная коммерческая и жилая недвижимость, доставшаяся в наследство от двоюродной бабушки, и я хотела бы узнать, какие страховые договоры вы предлагаете. Подозреваю, старушка о страховке даже и не задумывалась, — нахожусь я: надо же наплести что-нибудь правдоподобное.

— Наши программы страхования отличаются массой юридических тонкостей, однако полисы на дома — самое простое. Позвольте мне ознакомить вас с несколькими вариантами. — Все так же сияя улыбкой, мистер Уильямс перебирает документы и раскладывает некоторые из них передо мной.

За обсуждением множества нудных страховок загородной недвижимости я исподтишка изучаю молодого мужчину. Итак, что можно о нем сказать? Определенно хорош собой. Одет элегантно, в сшитый на заказ темно-синий шерстяной костюм; облик дополняют дорогие швейцарские часы. Вполне возможно, что живет не по средствам. Женат, о чем свидетельствует стоящая на столе фотография в серебряной рамочке, на которой запечатлены жена-блондинка и двое маленьких детей. Есть ли в его личности нечто настораживающее? О да, безусловно! Впрочем, последнее соображение может порождаться некоторой предвзятостью с моей стороны.

— Итак, миссис Флеминг, какой-нибудь из этих полисов представляется вам подходящим?

— Ох, даже и не знаю, — отвечаю я со сконфуженным видом. — Пожалуй, мне стоит обсудить все с мужем. Уж вы-то наверняка меня поймете.

Ведь ваша жена, полагаю, советуется с вами по разным поводам? — Я указываю на снимок счастливого семейства.

— Разумеется, миссис Флеминг. Иногда она даже звонит мне, прежде чем пойти в мясную лавку. — Нарисованный образ недалекой жены-иждивенки вызывает у мистера Уильямса довольный смешок, и теперь он нравится мне даже еще меньше. — Тем не менее вы сказали, что недвижимость оставила *вам*,— собеседник нажимает на это слово, — *ваша*,— он снова делает ударение, — бабушка. Я ничего не перепутал?

— Все верно, мистер Уильямс.

— Что ж, миссис Флеминг, ни в коей мере не собираюсь подрывать авторитет вашего супруга, но все же лично я считаю, что решение следует принимать именно *вам*. Давайте не будем терять время.

Улыбка Луиса Уильямса становится еще шире, и он чуть подается вперед. Небось думает, что уж теперь-то я у него на крючке. Определенная категория женщин и вправду не устоит перед подобным обращением, и вся эта предупредительность, несомненно, является частью его метода навязывать клиентам страховые услуги. Но мне подобная улыбка кажется крокодильей.

А уж стоит мне вообразить, как этот тип с такой же вот улыбочкой соблазняет Мэй, меня захлестывает потоком воспоминаний, а затем и накрывает волной гнева.

Старательно скрывая нахлынувшие эмоции, я отвечаю:

— Весьма признательна вам за оказываемое доверие, но, боюсь, мы с вашей женой одного поля ягоды. Пожалуй, я все-таки сначала проконсультируюсь с мужем. На вечер у нас запланировано посещение театра, а после хорошего спектакля он неизменно пребывает в благодушном настроении: самый подходящий момент для разговора. — Таким образом я заронила в почву семя. Теперь посмотрим, удастся ли взрастить из него желанный плод.

Луис Уильямс разом сникает. Он-то надеялся навязать мне полис прямо здесь и сейчас, без всякого контроля со стороны моего мужа. Бог его знает, на что бы я согласилась, если бы и вправду намеревалась заключить договор со страховым бюро. Впрочем, молодой человек быстро берет себя в руки, и вот уже он снова само дружелюбие:

— Ну разумеется, миссис Флеминг!

— Мы идем в «Друри-Лейн» на «Кавалькаду». Не смотрели, случайно, этот мюзикл?

— Собирался в конце прошлого лета, да обстоятельства изменились. Увы, с тех пор все как-то не до этого было.

По рукам у меня бегут мурашки. Неужели Луис только что признался, что планировал посмотреть в августе «Кавалькаду» — как раз тогда, когда представление посещала Мэй? Мне уже не терпится рассказать Королевам о появлении еще одного косвенного доказательства в пользу версии, что Уильямс-младший являлся тайным ухажером убитой девушки.

— Ах, как жаль! И сам театр, и пьеса для меня внове, поэтому я надеялась почерпнуть хоть какие-нибудь сведения. — Я всячески изображаю разочарование, хотя внутренне охвачена волнением. Раз уж мистеру Уильямсу так хочется угодить мне, возможно, у него несколько развяжется язык. Опасаться ему ничего, я ведь всего лишь безобидная матрона.

— О, этот театр мне прекрасно знаком, я смотрел там несколько спектаклей. После того как «Друри-Лейн» перестроили в двадцать втором году, он выглядит просто фантастически!

— Ах, вы, оказывается, заядлый театрал! Мне повезло!

В ответ на мои восторги Луис издает смешок:

— Ну, дело не столько в моей любви к театру, сколько в том, что нашей семье посчастливилось иметь в «Друри-Лейн» друга. Билеты словно сами идут мне в руки!

— Как интересно! — хлопаю я в ладоши. — Друг вашей семьи актер, да? Признаюсь, я большая поклонница Бэзила Рэтбоуна. В пьесах Шекспира он играет просто бесподобно!

— О, ничего столь выдающегося. Сэр Альфред Чепмэн — продюсер и руководит несколькими уэст-эндскими театрами.

И снова это имя. Сначала его упомянул Бэзил Дин, а теперь вот и Луис Уильямс, наш главный подозреваемый. Быть может, сэр Альфред и предоставит нам столь необходимое свидетельство связи Мэй и Луиса? У самого Уильямса-младшего, разумеется, спрашивать напрямик нельзя: так я выдам себя с головой. Что ж, сегодня вечером мы с Агатой все и выясним.

Я молчу, и моего собеседника это, похоже, нервирует. Не сводя с меня своих ясных голубых глаз, он вновь растягивает физиономию в этакой самонадеянной улыбочке:

— Зато благодаря близкому знакомству с сэром Альфредом я получил несколько приглашений на нашумевшие премьеры. О, когда идешь по

красной дорожке под руку с очаровательной женщиной — это просто непередаваемое, какое-то неземное ощущение!

Под очаровательной женщиной, как мне становится понятно, Луис подразумевает отнюдь не свою законную супругу. И вполне возможно, он водил под руку немало привлекательных девушек. Скорее всего, Мэй была всего лишь одной из них. Не сводя с мужчины пристального взгляда, я прищуриваюсь и стискиваю зубы. У меня нет и тени сомнения в том, что Луис Уильямс совратил бедняжку Мэй Дэниелс и каким-то образом причастен к ее гибели. Каким именно, я пока не знаю. Нам необходимы доказательства. Сыскная работа порой мучительна.

Меня едва не трясет от ярости, и мне стоит значительных усилий сдержаться, чтобы не наброситься на этого мерзкого типа. Если я задержусь в офисе еще хотя бы на мгновение, то уже совершенно точно не смогу себя контролировать. Я поднимаюсь столь резко, что стул чуть ли не опрокидывается. Луис тоже встает, на его лице отражается замешательство.

— Я как следует изучу вопрос, мистер Уильямс, чтобы к нашей следующей встрече обладать достаточной информацией для вынесения вер-

дикта.

Глава 32

2 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Занавес опускается, и свет люстр плавно заливает огромный зрительный зал. Мало-помалу показываются все четыре уровня Королевского театра. Словно золотисто-багряный слоеный торт, проявляются ярусы, увенчанные глазурью золоченого потолка. Мы с Агатой — на своих дорогих местах, любезно предоставленных нам мистером Дином, — располагаемся в самом центре этого торта.

Подруга наклоняется ко мне и шепчет:

— Не самое лучшее представление, какое я видела.

— Вполне с вами солидарна, — шепчу я в ответ. — Мне вообще больше по душе пьесы, нежели мюзиклы. А музыка, хм…

— Написана словно бы наспех, не так ли?

— Вот-вот. Как будто мистер Кауард торопился закончить «Кавалькаду», чтобы взяться за следующую работу.

— При этом заимствуя отрывки популярных

песен для отображения различных временных периодов.

— Я тоже не в восторге, но публике, судя по всему, нравится. — Я достаю из сумочки жестяную коробочку, которую всегда ношу с собой. — Не желаете угоститься черносмородинными леденцами, пока зрители не разойдутся?

Агата берет конфетку из золотистой коробочки и задумчиво произносит:

— И почему это в театре всегда тянет на сладкое?

— Лично у меня эта тяга одним лишь театром не ограничивается. Я не прочь полакомиться сладеньким в любом месте, — отзываюсь я.

Мы дружно прыскаем со смеху и продолжаем наблюдать за редеющей толпой в зале. Перед представлением мы, стараясь не привлекать внимания зрителей, показывали билетерам и буфетчикам фотографию Мэй и Селии, которую я позаимствовала у сестер погибшей девушки. Подруг, однако, никто не вспомнил. Теперь все наши надежды возлагаются на сэра Альфреда Чепмэна.

Спустя несколько минут Агата произносит:

— Идем?

В вестибюле мы направляемся в противопо-

ложную от входа сторону, но в начале служебного коридора путь нам преграждает вахтер:

— Прошу прощения, дамы. Публике сюда нельзя.

— На представление нас пригласил мистер Бэзил Дин. И он попросил нас зайти после спектакля за кулисы и оставить для него подписанную книгу сэру Альфреду Чепмэну, — самым своим высокомерным тоном заявляет Агата. С учетом ее привычной сдержанности не перестаю удивляться, сколь стремительно она может перевоплотиться в особу, подобную Мэдж. Наверное, это у них семейное.

— А! — уважительно кивает мужчина. — Но мне все равно необходимо справиться у сэра Альфреда.

— Разумеется, — тоже кивает подруга. — Ничего страшного, мы подождем.

Стоит вахтеру удалиться, оказавшись вне пределов слышимости, я тихонько говорю Агате:

— Мэй должна была проходить за кулисы тоже здесь.

— Да. Не удивлюсь, если девушки и сидели в тех же самых креслах, что и мы. Насколько я понимаю, владельцы театров имеют обыкновение на каждом представлении придерживать несколько

мест на случай, если в последнюю минуту пожалуют какие-нибудь знаменитости или политики. Если билеты остаются невостребованными, они отдают их друзьям или коллегам.

Следует ли мне рассказать подруге о своем визите к Луису Уильямсу? Вопрос этот терзал меня на протяжении всего спектакля, и в антракте я уже собиралась объясниться, однако мне очень не хотелось расстраивать Агату. К тому же я понимаю, что не должна была наведываться в «Страховое бюро Мэтерса», предварительно не посовещавшись с Королевами. Как-никак, после того, как мы с Марджери посетили ателье мадам Изобель, не предупредив остальных, нам ясно дали понять, что действовать необходимо сообща. Но теперь, когда мы вот-вот встретимся с сэром Альфредом — бесспорно, важным свидетелем, поскольку его имя за последнюю пару дней упоминалось дважды, — я осознаю, что от признания уже никуда не деться. В первую очередь потому, что нам нельзя спрашивать продюсера о Мэй напрямую, ибо он связан с семьей Уильямс. Ведь таким образом мы выдадим, что подозреваем Луиса, и тот, будучи предупрежден, наверняка попытается замести следы, что совершенно недопустимо.

— Агата, вы только, пожалуйста, не сердитесь, но сегодня днем я заходила в «Страховое бюро Мэтерса».

— После нашего возвращения в Лондон? — недоверчиво уточняет она.

— Да. Поддалась безумному порыву.

— И какую же цель вы преследовали, Дороти?

— Да просто хотела посмотреть на нашего главного подозреваемого. Вы не поверите, но Луис Уильямс тоже упомянул сэра Альфреда!

У нее понимающе округляются глаза, и я торопливо продолжаю:

— Сэр Альфред — друг семьи Уильямс, и именно он щедро снабжает Луиса билетами. Так что, полагаю, можно смело утверждать, что Мэй и Селия воспользовались билетами, которые деловой партнер мистера Дина изначально передал Уильямсу-младшему. И сэр Альфред наверняка и есть тот человек, которого Мэй по просьбе Луиса ходила поблагодарить за оказанную любезность. Еще одна связующая ниточка между убитой девушкой и сыном магната!

Подруга не сводит с меня взгляда, однако не произносит ни слова.

— Вы возмущены, Агата? — спрашиваю я.

— Да, Дороти, я возмущена тем, что вы не взяли

меня с собой.

Я испытываю некоторое облегчение:

— Так вы тоже были бы не прочь наведаться туда?

— Разумеется. Не отказалась бы от возможности присмотреться к нашему подозреваемому, подметить в нем те неописуемые черты, что столь многое говорят о человеке.

— Ах, Агата, теперь я раскаиваюсь еще сильнее. В его конторе мне не помешала бы лишняя пара глаз и ушей. Особенно таких, как ваши.

— И к каким же выводам насчет Луиса вы пришли?

— Нисколько не сомневаюсь, что он каким-то образом причастен к исчезновению Мэй. Вот только нам следует воздержаться от упоминания Уильмсов в разговоре с сэром Альфредом. Он может все рассказать Луису.

Длинный коридор оглашается стуком тяжелых башмаков, и перед нами вновь предстает вахтер:

— Сэр Альфред примет вас.

Мы следуем за мужчиной, и я обращаю внимание, что по мере нашего продвижения отделка становится все проще. Блестящий дубовый паркет в местах для публики сменяется более практичным сосновым, а контрастная цветовая

палитра из белого, золотого и багряного скуднеет до белого и янтарного. И никаких хрустальных светильников — только неброская медь. За полуоткрытыми дверьми располагаются гримерные, в которых актеры и актрисы сейчас смывают грим, и я замечаю, что зачастую их настоящие лица гораздо старее или моложе сценических образов. Мне приходится заставить себя не таращиться на них.

Когда вахтер останавливается и поворачивает дверную ручку, от директорского кабинета я уже многого и не ожидаю. Тем не менее вступаем мы в роскошную, отделанную деревянными панелями библиотеку, которая не показалась бы неуместной даже в какой-нибудь усадьбе или процветающей адвокатской конторе. И я напоминаю себе, что в распоряжении сэра Альфреда подлинная армия театральных мастеров, способных соорудить какие его душе угодно декорации.

И надо сказать, оформление кабинета вполне соответствует его хозяину. Пепельный блондин с усами такого же цвета, сама непритязательность, в твидовом костюме-тройке, сэр Альфред смахивает на эдакого доброго дядюшку или благонамеренного наставника. В то время как

настоящее амплуа — театрального импресарио, подразумевающее, насколько мне видится, бурные вечеринки, несметное количество алкоголя, молоденьких актрисочек и пышные шелковые одеяния, — этому человеку как будто и не отвечает.

— Добро пожаловать, дамы. Друзья мистера Дина — мои друзья, — приветливо возвещает он.

— Мы очень признательны, что вы нашли время принять нас, — воркует Агата. — Я миссис Маллоуэн, а это моя подруга миссис Сэйерс. С вашим деловым партнером мы познакомились в Эбни-Холле, в доме моей сестры.

— Мистер Дин любезно предоставил нам билеты на сегодняшнее представление, а в благодарность попросил лишь подписанный экземпляр одного из моих детективов. — Я вручаю хозяину кабинета «Пять красных селедок» с автографом.

— Можете не беспокоиться, он получит его. — Сэр Альфред совершенно не проявляет интереса ни к роману, ни к моей дарственной надписи, что я нахожу довольно необычным, поскольку чаще всего писательство в той или иной степени вызывает у людей любопытство.

— Спасибо большое!

— Нам очень понравилась «Кавалькада», — за-

являет моя подруга для поддержания разговора. При всей вежливости хозяина создается впечатление, что ему не терпится вернуться к своему виски и открытой книге, которая лежит на столике возле стены.

— Да-да, — подхватываю я с улыбкой. — Мы даже всерьез опасались, что не застанем вас, поскольку вы будете отмечать очередное успешное представление.

— Хм, вообще-то, вечеринки — это не по моей части. Актеры и прочая братия почти после каждого спектакля собираются в клубе «Шим-Шам» или в «Кафе де Пари», но сам я редко туда наведываюсь. Разве что после премьеры, это само собой, или по каким-либо другим особым случаям.

Я старательно избегаю смотреть на Агату. Ведь именно «Кафе де Пари» и было тем местом, где в последний раз видели Леонору Деннинг, пропавшую скрипачку! А Луиса Уильямса, между прочим, допрашивали по поводу ее исчезновения, потому что он присутствовал в клубе в тот вечер. Все фрагменты сходятся, но вот целую картину мне пока разглядеть не удается.

— Стало быть, вы не сова? — пытаюсь я пошутить.

— Да, пожалуй, — великодушно улыбается

директор. — По окончании представления я ненадолго задерживаюсь здесь, дабы убедиться, что все в порядке, а потом запираю кабинет и отправляюсь на покой.

Хотя сэр Альфред упоминался как в нашем случайном разговоре с мистером Дином, так и во время инспирированной мною встречи с Луисом Уильямсом, у меня все же не возникает ощущения, что роль сего достойного джентльмена во всей этой истории заключается в чем-то большем, нежели в простом снабжении ее участников билетами. И я очень сомневаюсь, что мы получим какую-либо стоящую информацию, если не спросим его напрямую о Мэй Дэниелс и Луисе Уильямсе. Или даже о Леоноре Деннинг. Вот только подобные вопросы, как пить дать, насторожат Уильямса-младшего, если сэр Альфред сообщит тому о нашем визите.

— Что ж, спасибо вам, что уделили нам время… — начинаю я, но тут, к моему величайшему удивлению, вмешивается Агата:

— Прежде чем мы оставим вас наслаждаться мирным вечером, позвольте поинтересоваться, не знакомы ли вы, случайно, с семьей Уильямс? Отец и сын, оба занимаются страховым бизнесом? — с вежливой улыбкой спрашивает она.

Ну прямо светская дама, болтающая об общих знакомых.

Наблюдая за нашим собеседником, я понимаю, почему подруга пренебрегла моей рекомендацией не упоминать про Уильямсов. Реакция сэра Альфреда многое говорит о его отношениях с этой семьей и о том, какого мнения он о них придерживается. Соуправляющий директор «Друри-Лейн» немедленно застывает как изваяние, а когда заговаривает, изрекает бесстыдную ложь:

— Увы, незнаком. Не имею чести.

Глава 33

8 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Я сворачиваю с широкой Тиобальдс-роуд на Грейт-Джеймс-стрит, наслаждаясь свежестью ветра, дующего мне в лицо. Слезы на щеках уже высохли. Очень жаль, что встречный поток воздуха не способен выветрить из головы воспоминания о резких словах Найо, Эммы и Марджери по поводу моего визита к Луису Уильямсу и нашей с Агатой встречи с сэром Альфредом Чепмэном.

Двигатель моего «нер-эй-кар» едва ли не мурлычет, стоит мне сбавить скорость на узкой улочке. Этот мотоцикл с низкой посадкой Мак подарил мне на день рождения, заявив, что время от времени мне необходимо сбрасывать с себя оковы поездов, трамваев и автобусов. Автомобиль нам не по карману, но такой вот транспорт вполне, а уж свободу и радость он доставляет просто феноменальную.

Увы, нынешним вечером удовольствия от поездки на мотоцикле я получаю гораздо меньше

обычного. Осуждение трех Королев лежит на мне тяжким бременем, их слова все еще эхом отдаются в голове.

— Что-что вы сделали? — так и взвилась Найо за чаем. — Не вы ли сама, Дороти, убеждали нас, будто Королевы детектива, как и Детективный клуб, должны быть равноправной группой, в которой никто не действует сам по себе?

— Визит в «Страховое бюро Мэтерса» вам следовало предварительно обсудить с нами! — вскипела и Эмма.

«Какая досада, — подумала я тогда, — что столь редкий момент согласия между ними вызван моим проступком».

— Я бы тоже предпочла, чтобы со мной посоветовались, Дороти, — мягко добавила и Марджери.

«И они имеют полное право на недовольство», — думаю я.

Без согласия остальных мне и на пушечный выстрел не следовало приближаться к Луису Уильямсу. В конце концов, он наш главный подозреваемый. И не важно, что Агату моя выходка не задела. Не важно, что из-за пасхальных выходных я призналась во всем Королевам только через несколько дней. Не важно, что их беспо-

койство, будто Луис может меня выследить — а через меня и остальных, — по большей части надуманное. И даже не важно, что я получила ценную информацию о связи Уильямса-младшего с сэром Альфредом и мюзиклом «Кавалькада», послужившую дополнительным свидетельством существования отношений между Луисом и убитой девушкой. Важно то, что я обманула доверие подруг.

Для Найо, Эммы и Марджери даже поддержка Агаты ничего не значила. Новость о том, что мы ходили на «Кавалькаду», предварительно не созвонившись с ними, разъярила их еще больше. И какая ерунда, что мы вовсе не специально организовали для себя посещение театра (ведь все и впрямь получилось на вечеринке в Эбни-Холле совершенно случайно) и что благодаря этому, между прочим, удалось сделать важные выводы касательно визита Мэй и Селии в «Друри-Лейн». Выслушав нас, Найо только и фыркнула:

— Вы обе прямо как белки в колесе крутились. Ну просто настоящие детективы-напарники!

Сворачивая с улицы в переулок, я пытаюсь утешить себя тем, что встреча все-таки завершилась на приятной ноте. Найо, Эмма и Марджери выразили готовность простить нас и забыть мою

ошибку, а также выказали желание двигаться дальше — на очереди у нас теперь получение доступа к следственным материалам дела об исчезновении Леоноры Деннинг. В конечном итоге Королевы даже признали, что благодаря моим усилиям мы еще на шаг продвинулись к истине. Если гнев и остался, то лишь тот, что я испытываю по отношению к самой себе. Ведь это отнюдь не первый раз, когда моя импульсивность едва не разрушила дружбу. А в данном случае речь и вовсе идет о дружбе с несколькими людьми.

И когда я въезжаю на стоянку, мои мысли целиком заняты вновь появившимися в деле обстоятельствами. Стоят ли эти факты того, чтобы ставить под угрозу дружбу с Королевами? Коли на то пошло, много ли я выяснила о тайной жизни Мэй Дэниелс такого, что поможет нам выйти на ее убийцу?

Нам и ранее было известно, что некий сотрудник «Страхового бюро Мэтерса» — предположительно, Луис Уильямс — покупал ей платья в ателье мадам Изобель и что вместе с тайным ухажером девушка посещала театры в Уэст-Энде. Но вот признание Луиса, что он регулярно получает от друга их семьи, сэра Альфреда Чепмэна, билеты в театр и что в конце лета в силу неких

обстоятельств у него не получилось посмотреть «Кавалькаду», — это уже достаточно веские подтверждения нашей версии, что именно Уильямс-младший и был кавалером Мэй. Не менее важно и то выявленное нами обстоятельство, что после представления актеры, занятые в «Кавалькаде», частенько наведываются в «Кафе де Пари» — ведь именно там в последний раз видели Леонору Деннинг незадолго до ее исчезновения и, мало того, в числе посетителей заведения был в тот вечер также и Луис Уильямс. Ну разве может это быть простым совпадением?

Возможно, это и не совпадение, но, как напомнила мне Найо, ни в коем случае не исчерпывающее доказательство. Затем она объяснила:

— Возможно, Дороти, вы правы: они и впрямь состояли в отношениях. Однако ничего противозаконного в этом нет, к тому же факт их связи отнюдь не означает, что Луис причастен к гибели Мэй. Но вот если все-таки причастен, да еще если он вдобавок вычислит, кто вы такая, ему не останется ничего другого, кроме как начать заметать следы. А то и предпринять еще что-нибудь похуже.

Неужели я лишила нас шансов выявить нить, неопровержимо ведущую к Луису? Вот только

имеет ли он какое-то отношение к исчезновению Мэй? А что, если Мэй, напуганная той газетной статьей, на самом деле лишь подстроила собственное исчезновение? Нет. Интуиция упорно подсказывает мне, что Уильямс-младший все-таки приложил руку к ее ужасной смерти.

Погруженная в размышления, я слезаю с мотоцикла и бреду по темному переулку. И все-таки, не проявила ли я чрезмерную беспечность, допустив, что Луису Уильямсу ни за что не раскрыть мою личность? Как-никак, сэру Альфреду известно, кто я такая, а поскольку Агата спросила его об Уильямсах, разглядеть точки соприкосновения будет несложно. Но даже если Луис сумеет сложить два и два и составить общую картину, каким образом он сможет догадаться, что миссис Флеминг и миссис Сэйерс — одно и то же лицо? Если это, конечно же, вообще имеет какое-то значение. Пойдем далее. Допустим, Уильямс-младший все-таки опознал меня. Не поторопилась ли Марш с заключением, что он решится на какие-либо крайние меры? Да с какой стати ему вдруг пугаться? Ведь во время визита в страховое бюро я его ни в чем не обвинила — да я даже имени Мэй Дэниелс не упоминала! Откуда ему вообще знать, что мы занимаемся

расследованием ее смерти? Ну разве только Луис и сэр Альфред обсудили подробно наши визиты, выявили связь между миссис Флеминг и миссис Сэйерс и сделали на основании этого логические выводы, в результате чего затем и догадались о расследовании. Однако не слишком ли много допущений? Лично мне подобное развитие событий представляется надуманным.

Сейчас, впрочем, когда совсем уже стемнело, а улочка объята зловещей тишиной, я призадумываюсь. Если Луис Уильямс причинил вред Мэй Дэниелс, что помешает ему поступить так же и со мной? С заходящимся сердцем ускоряю шаг, стремясь поскорее достигнуть освещенной Грейт-Джеймс-стрит.

Наконец со вздохом облегчения я вступаю в полоску света. Вид нашего дома, до которого уже совсем недалеко, вызывает у меня улыбку. Там, хлопоча на кухне, меня ждет Мак. Очень надеюсь, что он готовит на ужин одно из моих любимых блюд, в соответствии с рецептом из своей «Поваренной книги для гурманов».

Буквально через пару шагов по Грейт-Джеймс-стрит до меня вдруг доходит, что я оставила сумочку в кофре мотоцикла.

«Вот балда, — досадую я на себя. — Надо же

было так увлечься нюансами дела Мэй!»

Разворачиваюсь обратно в переулок — и буквально врезаюсь в какого-то мужчину, идущего прямо за мной. Споткнувшись, я инстинктивно хватаюсь за его плечо.

Мне удается восстановить равновесие, и я бросаю взгляд на лицо незнакомца, тускло освещенное уличным фонарем. Уже собираюсь вежливо извиниться, поблагодарить за помощь да пойти себе дальше, но тут различаю, что глаза у него сощурены, а челюсть угрожающе выдвинута вперед. Я отшатываюсь.

Да этот мужчина и не думал мне помогать. Собственно, на уме у него прямо противоположное. Сначала я ощущаю на себе силу его руки, а затем все вокруг погружается во мрак.

Глава 34

10 апреля 1931 года
Оксфордшир, Англия

— Ты в порядке, любимая? — шепчет Мак, и какое-то время мне кажется, что это происходит во сне. Во всяком случае, я ощущаю себя как в тумане.

— Да, — отвечаю я — или только думаю, что отвечаю.

— Ты в состоянии выйти из машины? Я помогу.

Я оглядываюсь по сторонам и осознаю, что заснула на заднем сиденье автомобиля, который Мак позаимствовал у друга-репортера, чтобы довезти меня до дома Айви. Шум и гам путешествия по железной дороге пока представляют для меня серьезное испытание, а уж про вождение мотоцикла и говорить нечего.

Муж берет меня за руку и поддерживает за плечо, и с его помощью я медленно выбираюсь из машины на ослепительный дневной свет. Щурясь и прикрывая свободной ладонью глаза, рассеянно задумываюсь: почему в оксфордшир-

ской сельской местности все кажется ярче? Из-за отсутствия загораживающих солнце зданий, которых в Лондоне сущее засилье? Из-за свежей зелени бесконечных холмов? В чем бы ни заключалась причина, мне уже лучше просто оттого, что я нахожусь здесь. Как и всегда, впрочем.

Хруст гравия от легких шагов уведомляет о появлении рядом Айви.

— Моя бедная сестричка! Давай я помогу тебе дойти до Сайдлингса.

Мак и Айви заботливо поддерживают меня с обеих сторон. Честно говоря, их помощь мне не столь уж и требуется. Я ощущаю легкую слабость после удара по голове, да побаливают ребра вследствие падения, но самостоятельная прогулка до дома Айви мне вполне по силам. С другой стороны, присутствие мужа и кузины успокаивает — после того происшествия я превратилась в сплошной комок нервов. И потому в кои-то веки позволяю себе положиться на других.

«Происшествие». Так называет случившееся Мак, и так об этом думаю я сама. По крайней мере, пытаюсь, поскольку сей эвфемизм смягчает вспыхивающие у меня в голове видения прищуренных глаз того зловещего типа и яркий свет фар приближающегося автомобиля. Однако сло-

ва обладают определенной силой, и я знаю, что мое падение на мостовую Грейт-Джеймс-стрит, где проезжающей мимо машине не хватило буквально самой малости, чтобы задеть меня, было вовсе не заурядным инцидентом из разряда несчастных случаев. И Королевы придерживаются такого же мнения.

Они позвонили мне, когда я не появилась на следующей встрече, и уже через час все вместе стояли на пороге, заваливая Мака цветами и сладостями и засыпая его вопросами. Муж, преданно ухаживавший за мной все это время, взбил мне подушки, пригладил волосы и чуть приподнял в постели, прежде чем допустил гостий ко мне в спальню.

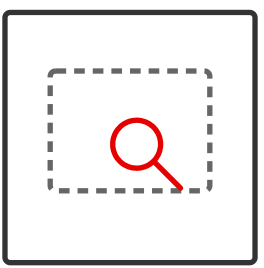
Когда Королевы собрались вокруг меня, я попыталась устроиться повыше, однако от приложенных усилий немедленно началось головокружение, и я снова упала на подушки. Суровый профиль Найо и высокомерный Эммы, равно как и напряженная поза Марджери в поле моего зрения красноречиво свидетельствовали, что они по-настоящему встревожены. К чести подруг, ни одна из них не сказала: «А ведь я же вас предупреждала». А уж когда Агата взяла меня за руку и сочувственно заглянула в глаза, я не

выдержала и расплакалась. Виновата во всем была лишь я одна, что уж тут говорить.

Королевы обступили меня плотным кружком, и я поймала себя на мысли, что в жизни не ощущала себя столь защищенной. Пожалуй, даже в детстве, когда была в семье единственным избалованным ребенком, которому все неизменно потакали и которого всячески поощряли. Сей трогательный момент, однако, прервало дребезжание фарфора, и женщины отступили, явив моему взору застывшего в дверях Мака с чайным набором на подносе.

Но прежде чем отойти, Агата прошептала мне на ухо:

— Мы добьемся справедливости, Дороти, — для вас и для Мэй.



— Дороти? — зовет меня муж, и я возвращаюсь из спутанных воспоминаний в настоящее. Как ни

противоречиво это звучит, время с тех пор шло одновременно быстро и медленно. — Ты приляжешь на диване или пройдешь в спальню?

Я поворачиваюсь к своей добросердечной кузине и встречаю ее внимательный и серьезный взгляд. Что бы я только без нее делала! Родная сестра по духу. Товарищ в юности. Спасительница в зрелости.

— Как тебе будет удобнее, Айви.

— Как будет удобнее тебе, моя дорогая сестренка! — Она направляется через гостиную к лестнице.

Сайдлингс, принадлежащий Айви традиционный коттедж из котсуолдского камня, располагается в сельской местности Оксфордшира, естественно вписываясь в окружающий древний лесной ландшафт. Подобная органичность присуща и интерьеру, с его стопками книг в кожаных переплетах, оставленных в местах чтения, и расставленной вразброс удобной мягкой мебелью, каковая приобреталась без какой бы то ни было системы, но все же вполне отвечает остальной обстановке. Что-нибудь именно в таком духе мне и хотелось бы создать с Маком в Эссексе. Теперь, когда я больше не работаю в рекламном бизнесе, возможно, у нас появится время заняться обу-

стройством собственного дома.

— Как мне кажется, внизу я буду причинять гораздо меньше хлопот, не так ли? — отзываюсь я.

Айви кивает, торопливо подходит к серовато-розовому расшитому дивану и раскладывает на одном его конце подушки.

— Так сойдет?

— Просто идеально. И пожалуйста, хватит уже со мной носиться. Через день-другой я буду в полном порядке, а у тебя скоро дети возвращаются из школы, — отвечаю я, хотя виски у меня пульсируют болью.

— Все так и есть, Айви, — подхватывает Мак. — Врач говорит, что Дороти всего лишь нужно немного отдохнуть, и, не успеем мы и глазом моргнуть, как она снова возьмется за свои выходки. Если бы не удар по голове, она могла бы оставаться на нашей квартире, пока я не вернусь из командировки, но из-за этой травмы врач настоял, чтобы до тех пор кто-нибудь постоянно находился рядом с ней.

— Да я только рада оказать услугу милой Дороти, — отмахивается кузина, хотя всяческих «услуг» она и без того уже оказала мне больше, чем от кого-либо можно было бы требовать. И меня терзает неимоверное чувство вины, что

я вновь пользуюсь ее добротой, пускай и всего лишь на несколько дней.

Устроившись на диване, я улыбаюсь Айви:

— Оглянуться не успеешь, как я уже исчезну. Лекарства лучше, чем пара денечков за городом, и не придумаешь. Особенно в такой чудесной компании. Ну просто бальзам на душу!

Айви усаживается рядом в аляповатое викторианское кресло серовато-коричневого цвета, несомненно подаренное ей соседями побогаче, которые купили себе современную мебель. А вот Мак, как я замечаю, и не думает устраиваться где-либо. Но он ведь обещал остаться на ужин. И почему же тогда муж стоит, как будто собирается уезжать прямо сейчас? Я понимаю, дела зовут, но это ужасно грубо с его стороны. В особенности с учетом того, что вот-вот вернутся дети, а я взяла с Мака обещание, что он обязательно повидается с ними.

Как раз в этот момент откуда-то из задней части дома доносятся шаги и гомон детских голосков. Несмотря на физическую и душевную слабость, не оставляющую меня с самого происшествия, я немедленно прихожу в возбуждение.

Делаю попытку встать, однако на плечо мне ложится рука Айви, крепко удерживая на месте.

— Они уже вернулись из школы?

— Да, будут здесь с минуты на минуту. Не напрягайся, милая.

— Что ж, Дороти, ты как будто устроена, так что я, пожалуй, поеду, — внезапно объявляет Мак и направляется к двери.

Да как он смеет?

— Уверен, что не можешь задержаться? А мне казалось, ты согласился остаться на ужин, — говорю я, отчаянно стараясь, чтобы мои слова не прозвучали как нытье. И все же я ужасно расстроена. — Может, хотя бы с детьми поздороваешься?

При слове «дети» выражение лица мужа разом меняется, и я знаю почему.

— Это же займет от силы пару минут! — уже упрашиваю я его. Однако Мак упрямо качает головой, и тогда я и вовсе взмаливаюсь: — Ну пожалуйста! Ты же обещал!

Взявшись за ручку, он бросает через плечо, даже не удосужившись развернуться:

— Новости не ждут, как говорится!

— По-моему, это время не ждет! — нахожу я в себе силы исправить крылатое выражение.

Однако Мак уже захлопнул дверь, и буквально через несколько секунд во дворе оживает автомобильный двигатель.

Со слезами на глазах поворачиваюсь к Айви. Но плакать некогда: в гостиной тем временем слышатся шаги, и вот он уже здесь. Мой сын.

Глава 35

13 апреля 1931 года
Оксфордшир, Англия

Если какой-нибудь женщине доведется попасть в сложную жизненную ситуацию, вроде той передряги, в какую в январе 1924 года угодила я сама, то пусть ей посчастливится иметь кузину вроде Айви. Кузину, которая с самого начала взяла на себя роль беззаветно преданной и любящей старшей сестры, даже лучше родной. Кузину, которая всегда по мере сил оказывала мне безоговорочную поддержку и помощь, независимо от серьезности ситуации. Кузину, которая сделала делом своей жизни давать приют осиротевшим и нежеланным детям, любя их, словно родная мать, и заботясь о них, как о своих собственных.

Потому что именно это Айви и сделала для моего сына, Джона Энтони. Моего золотца. Внебрачный ребенок — вот в чем заключается моя тайна.

— Джон! — радостно восклицаю я и раскрываю объятия.

— Тетя Дороти! — вопит он, мчась ко мне. Так

Айви объясняет ему наше родство. Пока, во всяком случае.

Джон обвивает меня ручонками, а я прижимаю его к себе, и этот ритуал мы повторяем на протяжении каждого из трех дней моего пребывания в Сайдлингсе. Я считаю минуты до окончания школьных занятий, и, когда слышу, как с грохотом открывается дверь в задней части дома и Джон вместе с Самюэлем и Ребеккой — двумя другими воспитанниками Айви — шумно вбегает внутрь, мне приходится сдерживаться, чтобы не вскочить от возбуждения.

Сидя перед растопленным камином за щедрой горкой свежеиспеченного печенья, я расспрашиваю детей об учебе. В первый день они с хихиканьем поведали мне об учительнице-шотландке, мисс Ламберт, у которой такой забавный акцент, а еще о щенке их одноклассника Гаса, вызвавшем переполох, когда он решил навестить учеников во время уроков в крохотной сельской школе. Сегодня я выслушиваю рассказ о том, как щенок умудрился набедокурить в кабинете, где проводятся занятия воскресной школы. Посмеиваюсь вместе с детьми и любуюсь милыми глазами Джона, такими большими и карими, а также глубокими ямочками, которые появляются у него

на щеках, когда малыш заливается смехом.

Подобный мимолетный взгляд на повседневную жизнь моего семилетнего сынишки одновременно окрыляет и разбивает мне сердце. Я не нарадуюсь, что он счастлив и здоров, но при этом горько сокрушаюсь, что в жизни его сама я всего лишь гостья. Мне живо рисуется, как я вожу мальчика в школу, готовлю ему еду, читаю с ним книги. Вот только как мать ничего этого делать я не могу, иначе разрушу его репутацию и лишу себя возможности зарабатывать на жизнь для нас обоих. Внебрачная беременность — пятно позора, которое никогда, никогда не поблекнет.

Глядя на Джона, я вспоминаю тот день, когда поняла, что беременна. В жизни себе не представляла, что окажусь одна-одинешенька и с ребенком. Ну да, одна — мысль об этом преследовала меня неотступно. С мужчинами мне всегда не очень везло, так что я вполне допускала, что обрести мужа мне так и не посчастливится. А если уж совсем честно, то до знакомства с Джоном Курносом мои избранники по большей части являлись таковыми лишь в умозрительном плане — неразделенная любовь к профессорам, братьям подруг или знакомым учителям. Все изменилось с появлением в моей жизни этого

незаурядного человека — американского писателя и переводчика, имеющего русские корни. Меня увлекли его блестящий ум и грандиозные замыслы — все, кроме его убежденности, что нам необходимо довести наши отношения до интимной близости. Здесь я крепко держалась религиозного воспитания и отказала Джону, — несомненно, это мое решение и подтолкнуло его к возвращению в Америку.

Отъезд любимого сломил меня. Несмотря на бурные ссоры из-за моих консервативных взглядов, я не переставала верить, что мы с ним все-таки будем вместе. Когда по прошествии многих дней от Джона так и не пришло никакой весточки, я была буквально убита горем. Беспомощная и одинокая, через какое-то время я обнаружила, что принимаю заигрывания соседа по дому, Билла Уайта, перекупщика автомобилей — человека, с которым общего у нас было крайне мало. И однажды вечером, после изрядного количества бокалов вина, я сделала то, что отказывалась сделать с Джоном Курносом. В результате на свет и появился маленький Джон.

Впрочем, глядя на прекрасное, невинное личико своего сына, я нисколько в этом не раскаиваюсь. Несколько заветных часов, проведенных

с ним, стоят каждой секунды боли от нашего расставания и того стыда, который я испытывала из-за его рождения. Ах, как я надеялась, что брак с Маком обеспечит мне возможность быть вместе с Джоном ежедневно, в качестве его приемной матери! Я призналась в существовании Джона Маку, и он пообещал усыновить мальчика — когда настанет подходящий момент. Мой муж и Айви — единственные люди в мире, которым известна правда. Родителям я так и не рассказала о том, что у них появился внук, поскольку знала, что это их убьет. Статус законнорожденного изменил бы для Джона все. Да вот только момент, увы, никогда не представляется Маку подходящим. Для рождения нашего собственного ребенка — всегда пожалуйста. Для усыновления Джона — извините, нет.

Возле стола, за которым сидим мы с ребятней, появляется Айви, и я хватаю ее за руку:

— Ты прекрасно справляешься с детьми!

— Забота о них — мое призвание и дар, Дороти.

Комнату оглашает собачий лай, и Джон, Самюэль и Ребекка бросаются к кухонному окну. Увидев, что пришел их друг Гас вместе со щенком, они дружно мчатся к черному ходу. От столь

трогательного зрелища на глаза у меня наворачиваются слезы, но я немедленно их вытираю. Не хочу, чтобы сын по возвращении увидел меня плачущей.

— Даже не представляю, как выразить тебе благодарность за все, что ты сделала для Джона, — произношу я.

— Я уже отблагодарена, сестренка.

— Хотела бы и я тоже получить подобный дар!

— Знаю. — Айви сжимает мне руку. — Но так уж вышло, что вместо тебя изо всех сил стараюсь я.

— Ах, когда же Мак наконец выполнит свое обещание!

— Для вас троих это было бы прекрасно. Но до той поры я только рада заботиться о Джоне. — Айви ни за что не осудит Мака. Да и кого бы то ни было другого тоже, коли на то пошло.

— Все мои чеки кажутся лишь жалкой компенсацией тебе за ежедневные труды и всю ту любовь, что ты отдаешь детям.

— Благодаря твоим чекам все это и возможно. И не только для Джона, но и для других ребятишек тоже. Так что не стоит понапрасну терзать себя, Дороти, — убеждает кузина, еще крепче сжимая мне руку.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и

говорю:

— И, раз уж речь зашла о финансовой стороне, мне, пожалуй, пора покинуть Сайдлингс да засесть за роман. Все сроки уже вышли, а рукопись так до сих пор и не сдана. Я чувствую себя гораздо лучше благодаря твоей помощи, Айви. — Головная боль и вправду отступила, и, хотя ребра все еще ноют, я уже могу почти нормально ходить. Вполне выдержу обратную поездку в Лондон на поезде.

— Дороти, мне доставляет огромное удовольствие, что ты у меня гостишь. И Джону тоже. И в любом случае я совершенно уверена, что ты поправляешься столь быстро благодаря сыну и его смеху.

— У меня такое чувство, Айви, будто ты была рядом всю мою сознательную жизнь, вдохновляя меня и спасая от самой себя. — В памяти всплывают выходные и долгие августовские недели, когда Айви с матерью — маминой сестрой — гостили у нас в доме. Мы ставили пьесы, сочиняли рассказы и запоем читали. — А помнишь, как мы читали «Трех мушкетеров»?

— Ну разумеется! Это до сих пор одно из моих самых любимых произведений. — Кузина окидывает взглядом комнату и направляется к чудом не

обрушивающейся стопке книг справа от дивана.

— Как думаешь, для Джона книга не слишком взрослая?

— Вовсе нет. Ты, правда, прочитала ее чуть позже, но ты ведь и взялась сразу же за французский оригинал. По-моему, для семилетнего мальчика самое время познакомиться с историей об Атосе, Портосе, Арамисе и д'Артаньяне — как они сражаются на шпагах за правое дело, — говорит Айви и вручает мне наш любимый роман.

В комнату вновь влетают дети и принимаются наперебой рассказывать о щенке и его последних проделках. Улучив момент, когда они останавливаются ненадолго, чтобы перевести дыхание, я поднимаю над собой книгу и спрашиваю:

— Ну что, готовы к приключениям?

Все трое отзываются радостными криками, и я усаживаю Джона себе на колени. Он смущенно ерзает, и я понимаю, что сын уже подрос и вышел из такого возраста, и быстро начинаю читать, прежде чем он успеет выскользнуть.

Поначалу повествование его не захватывает, однако описание д'Артаньяна уже привлекает внимание мальчика:

— «Молодой человек… Постараемся набросать его портрет: представьте себе Дон Кихота в во-

семнадцать лет, Дон Кихота без доспехов, без лат и набедренников… Рост слишком высокий для юноши и недостаточный для зрелого мужчины. Неопытный человек мог бы принять его за пустившегося в путь фермерского сына, если бы не длинная шпага…»[2]

Лица Самюэля и Ребекки тоже озаряются. Вскоре они подходят поближе и принимаются рассматривать иллюстрации, по мере того как я переворачиваю страницы. Мой слух улавливает стук в дверь, однако я игнорирую его. Айви играет важную роль в жизни своей оксфордширской деревушки, и соседи, помимо прочего, постоянно что-нибудь приносят для ее подопечных.

Знакомая история увлекает меня вновь, и внезапно смысл одной из моих излюбленных фраз раскрывается словно бы по-новому, так что я даже слегка запинаюсь:

— «Вы молоды и обязаны быть храбрым по двум причинам: во-первых, вы гасконец и, кроме того, вы мой сын. Не опасайтесь случайностей и ищите приключений…»

— Дороти! — доносится вдруг до меня голос Айви.

---

[2] Примечания: 2

Здесь и далее перевод В. Вальдман.

— Да? — Над головой Джона я бросаю взгляд в сторону двери.

А там стоят Агата, Эмма, Найо и Марджери. Порозовевшие на бодрящем весеннем воздухе, в застегнутых пальто, они выжидающе смотрят на меня. И как же им удалось отыскать меня здесь?

— Тебя пришли навестить подруги, — с легким недоумением в голосе сообщает Айви. — Представились Королевами.

Глава 36

13 апреля 1931 года
Оксфордшир, Англия

Я объявляю Самюэлю, Ребекке и Джону, что чтение «Трех мушкетеров» придется отложить, и они поднимают недовольный ор. Подобная реакция на мою любимую книгу очень радует меня, и я со смехом обещаю им:

— Продолжим чтение перед сном! Согласны?

Следом к детям обращается Айви, которую я уже представила подругам:

— А пока нас ждут ужин и ванна. И может быть — только может быть, посмотрим на ваше поведение! — пудинг. — Ее певучий голос, равно как и перспектива сладкого, разом утихомиривают ребятишек.

— Мы ни в коем случае не хотим нарушать ваш распорядок, — вмешивается Эмма. — Нам совершенно не составит труда зайти и завтра утром, например. Мы остановились на ночлег в деревенском гостевом доме.

Я сдерживаю смешок, представив Эмму в тесной и практически лишенной удобств ком-

натушке в «Киллингвортском замке» — столь помпезное название дает неверное представление о довольно уютном местном тюдоровском пабе с большим каменным очагом. Найо, Марджери и даже Агату я еще в состоянии вообразить в насквозь продуваемых гостевых комнатах. Но только не Эмму. Кто расстелет баронессе на ночь постель? Кто приготовит горячую ванну? То, что ей вообще пришло в голову ночевать в «Киллингвортском замке» — и что все они проделали путь сюда, — не может не трогать меня.

— Ах, да бросьте, ну что за церемонии! — воздевает руки Айви. — Мы только рады гостям. Я и дети продолжим заниматься своими обычными делами, а взрослых предоставим самим себе. Надеюсь, всех это устраивает.

— Айви, мне неловко вытеснять тебя из твоей же собственной гостиной, — смущенно говорю я.

— Дорогая кузина, ниоткуда ты меня не вытесняешь. Мне совершенно не доставит затруднений удалиться с детьми, оставив тебя с этими милыми дамами.

— Мы принесли ужин, — сообщает Марджери. — Не хотите к нам присоединиться?

— Предпочту вежливо отказаться, — отмахивается двоюродная сестра. — Так, дети, мы уходим!

Джон ни с того ни сего вдруг подается ко мне и чмокает в щеку. Я безотчетно прикладываю пальцы к еще влажному месту, словно вдавливая поцелуй в кожу. Словно стремясь продлить его хотя бы на одно краткое мгновение. И только затем, повернувшись к Королевам, я осознаю, каким неестественным им может показаться мой поступок. Не смотрят ли они на меня как-то странно? Или же я чересчур мнительна? То был первый раз, когда кто-либо, кроме Мака или Айви, видел меня с сыном.

— Какой приятный сюрприз, — тараторю я, чтобы отвлечь внимание женщин от казуса. — Но не стоило проделывать столь долгий путь, чтобы проведать меня. Вы же навещали меня в нашей лондонской квартире. Первую пару дней после удара по голове я была как в тумане, так что извините, если показалась вам немного не в себе.

— Дороти, ради бога, не смейте извиняться за увечья, полученные в результате нападения! — выговаривает мне Агата, да таким резким тоном, какого я в жизни от нее не слышала. Подобную покровительственную диатрибу я ожидала бы от Найо, но никак не от нее.

— Но откуда мы знаем, что это действительно было нападение? Мои воспоминания о том досад-

ном происшествии, — я прибегаю к выражению Мака, — довольно отрывочные. Это ведь мог быть и несчастный случай. Вполне вероятно, что я просто оступилась. Как-никак, всем известно, насколько я нескладная и неуклюжая! — Однако мне уже и самой очевидно, сколь неубедительно звучат мои слова.

В подтверждение этого Найо, в данный момент расставляющая на столе четыре аппетитных пирога, фыркает:

— Несчастный случай? Дороти, перестаньте. Вас намеренно толкнули под машину!

Эллингем, пришедшая с кухни с тарелками и столовыми приборами, тут же шикает на нее:

— И как, по-вашему, должна чувствовать себя бедная Дороти? Мы же договорились не внушать ей чувство вины за произошедшее — потому что она ни в чем не виновата! В данном случае мы имеем дело с безжалостным преступником, вынашивающим самые гнусные намерения.

Марш удивленно вскидывает брови, услышав замечание от самой младшей из нас, однако критику не оспаривает. В словах Марджери и вправду есть резон.

Обстановка несколько разряжается после вопроса Агаты о том, как продвигается мое вы-

здоровление. За вкуснейшими пирогами — с дичью, картофелем и фаршем, ливером, сыром и луком — я похваляюсь достигнутым в лечении прогрессом, всячески избегая затрагивать непосредственно само происшествие.

После того как пироги съедены, а тарелки вымыты, Кристи объявляет:

— А ведь у нас есть еще подарок для вас, Дороти.

— Ну что вы! Пирогов вполне было достаточно! — произношу я вслух, однако мысленно с предвкушением потираю руки.

Кухня Айви, несомненно, сытная и питательная для стремительно растущих детских организмов, но все же немного пресная и однообразная. Для меня не секрет, что Агата, как и я, обожает бисквиты, а потому мне очень хочется надеяться, что в одной из замеченных мною других коробок дожидаются своего часа мини-кексы «Баттенберг».

Найо встает и раскладывает эти одинаковые картонки на столе. При ближайшем рассмотрении я понимаю: коробки эти, увы, совершенно не походят на те, что в пекарнях используют для упаковки своей продукции, скорее уж, в таких хранят документы в адвокатских конторах или государственных учреждениях. Меня даже охва-

тывает разочарование: видно, сегодня я останусь без кексов.

— Что ж, материалы эти достались, прямо скажем, нелегко, — начинает Эмма, картинно поправляя на себе накидку.

«Вот те на!» — думаю я. Только посмотрите, наша баронесса явно потрудилась, дабы чего-то добиться. Чем же, интересно, Королевы занимались, пока я отсиживалась в оксфордширской деревушке?

— Ради них мне пришлось попросить об одолжении и пообещать кое-кому ответную услугу, — выразительно подчеркивает Орци, чтобы я точно понимала, кому следует быть обязанной за сию драгоценную добычу.

— За что мы вам безмерно благодарны, — раздраженно бросает Найо. Похоже, баронесса уже успела надоесть остальным тем, что кичится своим триумфом.

— Я же говорила вам, что умею ладить с престарелыми джентльменами, — как ни в чем не бывало добавляет Эмма с легкой загадочной улыбкой.

Нисколько не сомневаюсь, что ничего непотребного для получения этих коробок она не совершала, хотя в глазах у нее и поблескивает

огонек. Вне всяких сомнений, Эмма предана своему мужу, Монтегю, и я с нетерпением ожидаю встречи с этим почтенным джентльменом по его приезде в Лондон. Как и с весьма эрудированным супругом Агаты Максом, когда он вернется с археологических раскопок в Сирии, и с общительным мужем Марджери, Филипом, когда тот наконец распрощается со своими друзьями. А еще меня не перестает интриговать, как обстоят в этом плане дела у Найо. Касательно своей личной жизни она проявляет поразительную скрытность, однако совать любопытный нос в эту сферу не в правилах Королев. За что я им весьма и весьма признательна.

— Так что там внутри? — спрашиваю я, вставая над коробками.

И уже собираюсь снять крышку с первой, но быстро отказываюсь от своего намерения. Лучше сначала попросить разрешения, чем потом прощения: этот урок я хорошо усвоила после своего опрометчивого визита к Луису Уильямсу. Потому я засовываю руки поглубже в карманы юбки и сажусь на место.

— Официальный полицейский отчет, расследование дела об исчезновении Леоноры Деннинг, — провозглашает баронесса.

Потрясенная, я в следующее мгновение уже снова на ногах:

— Неужели то дело, которое даже Мак не смог раздобыть?! — Муж задействовал все свои контакты, однако так ничего и не добился.

— Оно самое, — подтверждает Найо.

— Даже не знаю, как вас и благодарить! — Я крепко пожимаю ей и Эмме руку. — Но, право, не стоило беспокоиться, дабы привезти материалы дела сюда. Я не заслуживаю затраченных вами усилий. После того, что я натворила…

Рядом со мной встает Агата.

— Чушь. Все мы допускаем ошибки, и у каждой из нас есть тайны. И мы бы не были Королевами — и друзьями, — если бы не признавали их и не оставляли в прошлом. Но мы ехали поездом до самого Оксфордшира и тащились через всю деревню вовсе не для того, чтобы выслушивать, как вы посыпаете голову пеплом, Дороти. Мы хотим изучить дело вместе с вами. Вам достанет на это сил?

Глава 37

13 апреля 1931 года
Оксфордшир, Англия

Близится полночь, и окна оксфордширских домов по соседству уже погрузились в темноту. А мы все сидим над коробками, теперь опустошенными: бумаги из них, поровну распределенные, аккуратными кучками разложены перед каждой из нас. Изучение документов продолжается вот уже несколько часов, лишь я делала небольшой перерыв, чтобы почитать детям перед сном «Трех мушкетеров», как и обещала.

— Пока что у меня упоминаются одни лишь биографические сведения, касающиеся мисс Деннинг, — произносит Марджери осипшим от усталости голосом.

— Перескажите их нам вкратце, — просит Найо, закуривая очередную сигарету.

Я встаю, чтобы снять с плиты свистящий чайник. Количество выпитого нами цейлонского чая с сахаром и сливками уже не поддается счету. Гостиная и кухня уставлены чашками, блюдцами с ложечками и несочетающимися между собой

молочниками и сахарницами. Слушая Марджери, я попутно навожу порядок.

«Жаль все-таки, что они не привезли сладкого…» — помимо воли мелькает у меня в голове.

— Леонора заканчивала в Королевской академии музыки обучение по классу скрипки. По общему признанию, она была очень талантливой. Проживала в студенческом женском общежитии, поскольку родной дом ее располагался слишком далеко, в Суссексе. Мисс Деннинг зарабатывала на жизнь, подменяя музыкантов по всему Лондону, начиная с крохотных оркестриков в кинотеатрах и заканчивая Лондонским симфоническим оркестром на представлениях в Уэст-Энде, включая и нашу любимую…

— «Кавалькаду» в «Друри-Лейн»! — перебивает ее Найо.

— И как же вы догадались? — риторически вопрошает Марджери.

— Похоже, все дороги ведут в «Кавалькаду»!

— Да здравствует королевская процессия! — отзывается Эллингем, и я возвращаюсь в гостиную как раз вовремя, чтобы увидеть, как она прикладывает руку к голове в шуточном салюте.

Мы все смеемся. Вечер выдался долгим и утомительным, так что нам не помешает даже подобная

дурашливость, дабы чуточку расслабиться.

Я потираю виски: из-за напряженного чтения головная боль вспыхивает с новой силой. Агата кладет руку мне на плечо и участливо спрашивает:

— Мы не слишком вас загрузили, Дороти?

— Нет-нет, — уверяю я ее. Мне не хочется упускать ни единой минуты нашего расследования. — Более того, полагаю, как раз сейчас настал мой черед делиться результатами. Мне достались отчеты о том вечере, когда в последний раз видели мисс Деннинг.

— Подозреваю, что мы услышим имя Луиса Уильямса, — тут же выпрямляется на стуле Эмма.

— Совершенно верно, — киваю я. — После интересующего нас представления «Кавалькады» многие актеры и кое-кто из театрального штата отправились в «Кафе де Пари» пропустить стаканчик-другой на сон грядущий. Благодаря сэру Альфреду мы уже знаем, что это у них такая традиция. Мисс Деннинг тоже позвали в клуб, хотя в тот вечер она всего лишь работала на замене. Полиция допросила присутствовавших на вечеринке: четырнадцать актеров из труппы, занятых в «Кавалькаде», восемь музыкантов из оркестра и заместителя директора театра. Большинство из

них девушку даже не вспомнили. Исключение составили лишь трубач, пригласивший ее скрипач и хористка.

— А как же Луис? — вмешивается Найо, и ее нетерпение мне совершенно понятно. — Его ведь тоже допросили, верно?

— О, я как раз к этому и подхожу. Согласно показаниям хористки, Луис разговаривал с мисс Деннинг. Судя по всему, в «Кафе де Пари» актерам «Кавалькады» составляли компанию несколько состоятельных мужчин, хотя и не ясно, пришли ли они все вместе из театра или же случайно встретились в клубе. Полиция допросила их тоже.

— И что же сказал Луис? — интересуется Агата.

— Что всего лишь проводил вечер вместе с друзьями. Утверждал, будто не помнит мисс Деннинг, — сообщаю я.

— Ну разумеется, он ее не помнит, — скептически фыркает Найо. С недавних пор мне стало ясно, что каждое фырканье подруги несет свой особый посыл, и я уже добилась определенных успехов в интерпретировании этих издаваемых ею звуков.

— А кто были его друзья? — продолжает расспрашивать Агата.

— По-видимому, два других директора из «Страхового бюро Мэтерса».

Марджери встает и принимается расхаживать по гостиной Айви, попутно рассуждая:

— Это не может быть случайным совпадением! Две пропавшие молодые женщины, причем обе были незамужними, и им приходилось работать, и Луис Уильямс связан с ними обеими?

— Он вполне может быть донжуаном, но не убийцей, — предполагает Эмма.

— Как-то все меньше в это верится, — парирует Марш и добавляет свой уже привычный рефрен: — Но нам, черт побери, необходимы убедительные доказательства!

— При каких обстоятельствах пропала мисс Деннинг? — переходит Агата к следующему этапу в хронологии событий.

Однако я в ответ лишь развожу руками:

— На этом моя подборка документов заканчивается.

Баронесса потрясает манильской папкой:

— Информация на сей счет досталась мне. На вечеринке мисс Деннинг не произвела особого впечатления на актеров из «Кавалькады», и в какой-то момент она просто исчезла. Те, кто хоть сколько-то обращал на нее внимание, решили,

что девушка ушла домой.

— И кто первым забил тревогу?

— Комендант общежития. Тем вечером мисс Деннинг к себе так и не вернулась. А она была очень приличной юной леди, так что, когда к вечеру следующего дня девушка по-прежнему не объявилась, комендантша связалась с ее родителями и обратилась в полицию, — обобщает Эмма содержимое пухлой пачки бумаг.

— И?..

Теперь наступает очередь Агаты:

— Убитые горем родители выступили с обращением в газетах и по радио. Различные сообщения полились рекой…

— Дайте угадаю, — перебивает ее Найо. — В основном выдумки всяких психов?

— В точку. Но затем родители получили письмо. Якобы от дочери.

— Да ну? — ахаю я. — И что же в нем говорилось?

— Что она сбежала со своим немецким дружком. В Шотландию, где процедура бракосочетания не отличается особой строгостью. Мисс Деннинг заклинала родителей не волноваться и заверяла, что по окончании медового месяца они обязательно к ним заедут.

— Значит, тайна раскрыта! — с явным облегчением восклицает Марджери.

— Вовсе нет, — отвечает Марш, сверяясь с бумагами. — Письмо вызвало у родителей огромные сомнения. Ни про какого молодого человека они от дочери в жизни не слыхали, к тому же пресловутая свадьба и путешествие приходились на самый разгар сессии, а мисс Деннинг была очень прилежной студенткой. Не говоря уж у том, что девушка попросту исчезла после вечеринки в «Кафе де Пари»!

— Полиция проводила экспертизу почерка? — интересуюсь я. Данный относительно новый метод все чаще применяют с целью установления авторства письменного сообщения.

— Да, но к однозначному выводу специалисты так и не пришли, — отвечает Найо.

— Еще одна подделка, — комментирую я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— О чем это вы, Дороти? — вскидывается баронесса.

— Не слишком ли много совпадений мы имеем? Сначала выясняется, что Луис Уильямс фигурирует в деле еще одной пропавшей девушки. И вот теперь снова письмо с объяснением исчезновения, которое оказывается подделкой. Равно как

и так называемое чистосердечное признание в убийстве, найденное в рыбной закусочной.

Женщины задумываются. Откинувшись на спинку потертого мягкого кресла, Агата спрашивает вполголоса:

— Так мисс Деннинг все-таки вернулась домой? Со своим молодым человеком или, может, одна?

— Нет. — Марш усаживается напротив нее. — О ней так больше ничего и не слышали с того самого октябрьского вечера.

— И к какому же заключению пришла полиция? — поколебавшись, спрашиваю я. Не уверена, что мне хочется слышать ответ, хотя я практически и не сомневаюсь, каким он окажется.

— Всего лишь очередная ветреная девица, сбежавшая с любовником. Дело закрыто, — отвечает Найо. На этот раз в ее голосе не звучит ни насмешки, ни горячности. Только печаль.

— Получается, пропавших молодых женщин либо называют «избыточными» и сбрасывают со счетов, либо клеймят шлюхами и тоже сбрасывают со счетов? — гневно вопрошает Агата. — Необходимо во что бы то ни стало отыскать связь между Луисом Уильямсом и Мэй Дэниелс. И возможно, Леонорой Деннинг.

Глава 38

14 апреля 1931 года
Оксфордшир (Англия) и Ла-Манш

— Значит, Дороти, вы чувствуете себя как огурчик? — интересуется Агата, когда мы следующим утром пьем в доме Айви чай с тостами.

Выражение лица у нее мягкое, бесхитростное и доброе, как и обычно. Что же тогда заставило меня всю подобраться?

— Почти, — отвечаю я, прожевав кусок поджаренного хлеба, щедро намазанного блестящим ярко-красным джемом.

«Еда в деревне всегда вкуснее, свежее и ароматнее», — приходит мне на ум. Или же она просто напоминает мне о детстве в Блантишеме, где фрукты и овощи были прямиком из своего сада, а джем мы делали сами?

— Готовы снова отправиться в путь? — не отрывая глаз от тарелки, подключается к расспросам и Найо.

Вид у нее более помятый, нежели у остальных Королев. Возможно, она так и не легла спать, когда вместе со всеми вернулась в гостевой дом.

— Да уж придется. Мы с Айви как раз обсуждали, что мне пора возвращаться в Лондон. Рукопись уже не просто зовет — аж криком заходится, так я опаздываю со сдачей. В общем, да, я готова к путешествию на поезде и городской суете, хотя и буду скучать по кузине.

Разумеется, мне нельзя признаваться, что скучать я больше всего буду по Джону. Никогда еще прежде я не проводила с сыном столько дней подряд, и прощание легким точно не получится. Тем более в присутствии Королев.

— На мой взгляд, Дороти и вправду выглядит гораздо лучше, чем прежде. И ее больше не изводят головные боли. Но она всегда желанный гость в Сайдлингсе, — вставляет свое слово и Айви.

Королевы переглядываются и кивают друг другу, а затем ко мне поворачивается Марджери:

— Как считаете, Дороти, а помимо железной дороги, осилите ли вы также и путешествие на корабле? Допустим, в открытом море?

С какой стати она вдруг спрашивает про морской вояж? А если подумать, с чего подруг вообще так волнует моя способность переносить дорогу? Становится все более очевидным, что меня к чему-то готовят.

— А почему вы спрашиваете?

Однако, прежде чем они успевают ответить, в гостиную гурьбой вбегают дети.

— Все готовы к школе? — тут же переключается на них Айви и осматривает каждого — все ли в форме, есть ли сумка на плече.

— Да! — отвечают они хором.

— Я буду скучать по каждому из вас, — говорю я, взъерошивая им по очереди волосы. Чуть задерживаюсь на мягких прядях и погрустневшем личике Джона. Однако я знаю, что переполняющие меня чувства с легкостью могут пробиться наружу, а потому живо добавляю: — Айви будет продолжать читать вам по вечерам «Трех мушкетеров»!

— Вы ведь скоро вернетесь, тетя Дороти, да? — спрашивает мой сын.

— Ну конечно же! — Я приседаю, чтобы заглянуть ему в глаза и обнять напоследок, а затем с задором и беззаботностью, которых абсолютно не ощущаю, провозглашаю: — А теперь, дети, шагом марш в школу!

Образ приунывшего сынишки по-прежнему стоит у меня перед глазами, когда мы снова пересекаем Ла-Манш. Как только Джон, Самюэль и Ребекка ушли, Королевы раскрыли причину своего интереса к тому, как я переношу морские

путешествия. У них появилась идея повторно посетить впятером Булонь — в надежде, что наконец-то удастся отыскать убедительное и решающее звено, однозначно связывающее Луиса и Мэй. Кроме того, их беспокоит, что в Лондоне мне по-прежнему может угрожать опасность. Вот только безопаснее ли мне будет во Франции? Лично я так не думаю — уж точно не до тех пор, пока мы заполучим веские доказательства. Так или иначе, сомневаться поздно: мы уже плывем через пролив.

— Вы хорошо себя чувствуете, Дороти? Вид у вас несколько бледный, — шепчет мне на ухо Агата, облокотившись на привинченный столик, когда мы собираемся на палубе, дабы выработать дальнейшую стратегию расследования.

Я не могу признаться ей, что больна не физически, но душой. Ведь тогда мне придется выдать Кристи свою самую сокровенную тайну, признаться в страшнейшем позоре. Нет, при всем моем безмерном уважении к этим женщинам, я ни за что на свете не расскажу им о внебрачном сыне. Даже если подруги и сохранят мой секрет, а тем самым и репутацию Джона, и возможность для меня продолжать трудиться, они уже никогда не посмотрят на меня прежними глазами.

— Ничего страшного, так, всего лишь мутит самую малость, — лгу я.

— Давайте я угощу вас чашечкой чая с сахаром и молоком, да налью его побольше.

— Последние дни я чуть ли не плаваю в нем!

— Это напиток богов! — улыбается Агата.

Она удаляется, осторожно ступая по раскачивающейся палубе, и я возвращаюсь к нашему разговору. Найо раскладывает на обшарпанном столике листки с хронологией событий — тот самый список, что я составила в Университетском дамском клубе. Правда, за это время он дополнился несколькими пунктами:

20 августа. Мэй и Селия смотрят в Королевском театре на Друри-лейн «Кавалькаду».

2 октября. В «Дейли геральд» публикуют статью о Леоноре Деннинг.

11 октября. Последняя смена Мэй в больнице перед отпуском.

12–13 октября. Мэй гостит в Доллис-Хилле у своих сестер.

14 октября, утро. Мэй покидает их, сообщив, что вместе с Селией переночует у ее сестры в Лондоне.

14 октября, день и вечер. Местопребывание Мэй неизвестно.

15 октября, утро. Мэй приезжает на поезде в Брайтон и встречается там с Селией. Они проводят в городе ночь.

16 октября, 14:00. Девушки отплывают на пароме «Глиндур» из Брайтона в Булонь.

16 октября, 14:15. Пьют чай в гостинице «Морво».

16 октября, 14:45. Гуляют по рю де Лилль, заходят в магазины. Мэй одна посещает шляпный магазин (в какой-то момент до или после своего пребывания в сквере).

16 октября, 15:40. Мэй и Селия расстаются примерно на полчаса, в Эфемерном саду Мэй встречается с мужчиной.

16 октября, 16:16. Девушки заходят в аптеку.

16 октября, 16:22. Они направляются в порт на брайтонский паром.

16 октября, 16:48. Мэй посещает уборную на Центральном железнодорожном вокзале, Селия ожидает ее снаружи.

16 октября, 16:53. МЭЙ ИСЧЕЗАЕТ.

16 октября, 17:00. «Глиндур» отбывает в Брайтон.

Эмма, сощурившись, вглядывается в листки бумаги:

— Почерк у вас просто ужасный, Найо! Ради

бога, объясните, ну вот что здесь написано?

Фыркнув в ответ на критику, Марш зачитывает записи вслух, а затем принимается их редактировать. В пункте «14 октября, день и вечер» она зачеркивает «Местопребывание Мэй неизвестно» и с величайшим тщанием и сосредоточенностью выводит: «Вероятно, Мэй проводит ночь с Луисом Уильямсом».

— Так для вас достаточно разборчиво, Эмма? — осведомляется Найо с ухмылкой и демонстрирует бумагу баронессе.

— Великолепно, — усмехается та. — Вот видите, для того чтобы сделать текст удобочитаемым, потребовалось лишь немножко времени и внимания.

— Что-нибудь еще исправить или добавить? — обращается к остальным Найо. — Я говорю про Мэй, а не про свой почерк.

Возвращается Агата с чаем для меня. Вручив мне дымящуюся чашку, она пробегает глазами список и замечает:

— Эти полчаса, на которые Мэй и Селия расстаются, сильно выделяются на фоне остального.

— Верно. И данный отрезок времени играет весьма существенную роль, — подхватывает Марджери. — Это единственный период, о котором

нам достоверно известно, что на его протяжении Мэй была предоставлена самой себе. Однако он чересчур короткий, чтобы успеть проделать определенного рода процедуру, так что сей вариант, полагаю, можно исключить.

— Что за мужчина подошел к Мэй в Эфемерном саду? — задает вопрос Эмма.

— И что она писала столь лихорадочно? — добавляет Найо. — Довольно необычное занятие для того момента.

Женщины умолкают, погрузившись в размышления.

«Бедная Мэй», — вздыхаю я про себя. Я прекрасно помню то мгновение, когда осознала, что беременна. Помню охватившие меня ужас и смятение. И как в голове разом пронеслись все возможные варианты: сделать аборт, родить ребенка и отказаться от него, родить и оставить себе. Помню, как я побежала в уборную, где меня тут же вырвало — больше на нервной почве, нежели по причине утреннего токсикоза. Однако, в отличие от Мэй, на меня не давил женатый любовник, насколько я представляю себе реакцию Луиса. Отец моего ребенка в ужасе сбежал, едва лишь я выложила ему новость, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Я откидываюсь на спинку стула и принимаюсь изучать хронологию событий, а остальные Королевы следуют моему примеру. Передо мной разворачивается учиненное над Мэй зло, и меня в равной мере переполняют гнев и боль. Я даю себе обещание, что бедная девушка не останется неотмщенной. В отличие от множества других женщин до нее. В отличие от меня самой.

Глава 39

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Лишь когда мы, покинув паром, неторопливо бредем по мощенной булыжником портовой улочке, до меня вдруг доходит, что, при всем нашем неуемном энтузиазме, какого-либо конкретного плана у нас нет и в помине. Похоже, мы вообразили, будто вполне достаточно лишь шагать по улицам Булони подобно какому-нибудь из наших вымышленных сыщиков, и улики сами повалят нам навстречу.

Посмеиваясь от этой мысли, я по очереди окидываю взглядом каждую Королеву. Марджери, осторожно ступающую в туфельках-лодочках на каблуках и модном, но не слишком теплом пальто из тонкой ткани, — увы, она так и не усвоила урок о важности удобной обуви. Найо, одетую в широкие брюки, внешне даже походящие на юбку, и практичные броги, что позволяет ей проворно лавировать меж кучами мусора. Эмму, перешагивающую на носках с булыжника на булыжник в викторианском платье и изящных туфлях,

словно это убережет ее от усеивающих улицу отбросов с рыбного рынка. Агату, в невзрачном сером твидовом костюме и пальто, с громоздкой сумкой, нисколько, впрочем, не замедляющей ее темпа. Эркюль Пуаро, мисс Марпл, Питер Уимзи, Гарриет Вэйн, Родерик Аллейн, Альберт Кэмпион и Перси Блейкни, скрывающийся под псевдонимом Алый Первоцвет, — ну куда нам до них.

Мой смех переходит в безудержный хохот, от которого я резко останавливаюсь и сгибаюсь пополам. Через мгновение глазам моим предстают носки обуви подруг, обступивших меня плотным кольцом. Похоже, Королевы перепугались, что я не в себе, так и не оправилась после нападения, которое они упорно отказываются называть досадным происшествием. Между взрывами смеха мне удается выдавить:

— Да вы только посмотрите на нас! И мы еще возомнили себя настоящими детективами!

Одной за другой им тоже открывается вся ирония ситуации, и вскоре подруги присоединяются к моему смеху. Мы оглядываемся в поисках скамеечки, чтобы немного передохнуть, и тут я вспоминаю, что недалеко отсюда располагается гостиница «Морво». Что ж, нам в любом случае нужно туда наведаться.

Призывным жестом я увлекаю остальных за собой, и мы идем по узкой улочке, пока не упираемся в тупик. Я резко сворачиваю направо, к маленькому обветшалому заведению. И предлагаю:

— Давайте заглянем. Вдруг мадам Брат разузнала что-нибудь интересное!

— Сюда? Опять? — воротит нос Эмма.

Проигнорировав ее недовольство, я уверенно двигаюсь вперед и толкаю входную дверь. Раздается знакомый звон колокольчика. На этот раз кафе не пустует, и поэтому мадам Брат не появляется из задней комнаты — она занята обслуживанием двух посетителей за столиком. Платье на ней другое, хотя передник вроде бы тот же самый.

Какое-то время мы топчемся возле стойки регистрации, поскольку никого другого из персонала тут нет. Но вот хозяйка, освободившись наконец, подходит к нам, и я обращаюсь к ней по-французски:

— Здравствуйте, мадам Брат. Возможно, вы нас не помните, но мы заходили к вам пару недель назад попить ваш восхитительный кофе.

«Восхитительный» — это, конечно же, громко сказано. «Вполне сносный» — характеристика,

пожалуй, более точная. Но мне нужно втереться в доверие к хозяйке, не отличающейся, скажем так, особой словоохотливостью.

— Напротив, я помню вас, — отвечает женщина, растягивая каждое слово. — Вы заходили выпить кофе, но больше расспрашивали про ту несчастную медсестру.

— Совершенно верно!

Она вручает мне меню, при этом хитро улыбаясь:

— Будете заказывать кофе и десерт? Или же только информацию?

Я угодливо хихикаю. В жизни не подумала бы, что хмурая мадам Брат способна на шутку.

— Мы хотели бы заказать и то и другое.

Хозяйка неожиданно одаряет меня широкой улыбкой, от которой мое изначальное впечатление об этой даме меняется: она сразу же кажется гораздо более приятной и мягкой.

— Что ж, тогда начнем с кофе.

К сожалению, после нескольких чашек крепкого эспрессо с горой вкуснейших миндальных круассанов, шукетов и шоколадных булочек узнаём мы прискорбно мало. Не то чтобы мадам Брат проявляет непокладистость. Просто информация о текущем состоянии расследования,

каковую она может предоставить, нам и без того прекрасно известна. Хотя местные и региональные власти формально и не объявили о закрытии дела, расходовать дополнительные средства на него они определенно не собираются. Так или иначе, трагедию попросту списали на наркосделку. Лавочники Булони наверняка торжествуют: шумиха, поднятая газетчиками вокруг убийства Мэй Дэниелс, навряд ли хорошо сказывается на их бизнесе.

— Все, больше в меня не влезет, — объявляет Найо, откидываясь на спинку стула и довольно поглаживая себя по животу.

— Я, признаться, думала, что вы остановитесь гораздо раньше, — упрекает ее Эмма. — Приличия ради.

Учтивые расшаркивания явно не для этой парочки. Я бросаю взгляд, дабы проследить, как Марш отреагирует на эту последнюю из множества шпилек. Однако она улыбается. Отнюдь не усмехается, нет, просто весело улыбается. Как и баронесса. Только тогда до меня доходит, что все эти обмены колкостями — всего лишь их способ общения и что две эти совершенно разные женщины — одна старосветская, сама благопристойность, а другая современная и ломающая

стереотипы — на самом деле восхищаются друг другом.

Мы оставляем щедрые чаевые и начинаем разбирать свой багаж, который прежде расставили у стены.

В этот момент нас окликает мадам Брат:

— Ваша гостиница пока еще закрыта. Почему бы вам не сдать свои вещи в камеру хранения на Центральном железнодорожном вокзале, чтобы не таскаться с ними по городу?

Я так и замираю. Камера хранения. Внезапно в голову мне приходит совершенно новая последовательность событий.

Схватив хозяйку за плечи, я целую ее в обе щеки и затем, не обращая внимания на изумление женщины, окликаю Королев:

— Идемте! Наши планы меняются!

Глава 40

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

В главный вход Центрального железнодорожного вокзала мы едва ли не врываемся. Всю дорогу от гостиницы «Морво» подруги буквально засыпáли меня вопросами, однако терять время на объяснения я не желала. Приданный словами мадам Брат импульс и внезапное озарение, которое я сама испытала, несут меня вперед, и я едва ли не физически ощущаю, что загадка вот-вот будет решена: минувшие события так и разворачиваются у меня перед глазами.

— Пожалуйста, давайте немного передохнем! — взмаливается Эмма, указывая на деревянные скамьи вдоль стен вестибюля.

Дышит она тяжело, и отказать ей было бы бессердечно. И все же останавливаться я не намерена.

— Разумеется. Мы оставим с вами наш багаж, а сами двинемся дальше.

— Но куда, Дороти? — спрашивает Марджери, в очередной раз поправляя ремешок на туфель-

ке. — Куда мы двинемся?

За какие-то пять минут, что миновали после нашего ухода от мадам Брат, вопрос этот звучит уже в миллионный раз, однако я по-прежнему игнорирую его. Мы складываем наши сумки и чемоданчики рядом с Эммой, после чего я веду остальных к уборной, из которой исчезла Мэй. В облицованном кафелем коридоре возле двери в туалет обращаюсь к Найо, Марджери и Агате:

— Можете подождать меня здесь?

— Мы это уже проходили, Дороти. И нам известно, что вы способны прошмыгнуть мимо нас, прибегнув к простейшей маскировке, — отвечает Найо закатывая глаза, словно моя просьба ниже ее достоинства.

— Ну сделайте мне такое одолжение, пожалуйста!

Бросив взгляд на наручные часы, я захожу в уборную и там закрываюсь в кабинке. Разыгрываю пантомиму, как достаю из сумки шарф и шляпу и надеваю их на себя. Затем покидаю кабинку, мою руки и вместе с группой посетительниц вновь появляюсь в коридоре. Подмигнув Найо, Агате и Марджери, быстро двигаюсь дальше.

Наверху в зале ожидания висят большие часы,

и, проходя под ними, я снова отмечаю время. Сохраняя прежнюю скорость, однако не срываясь на более приметный для постороннего наблюдателя шаг, направляюсь по стрелке, указывающей в сторону камеры хранения. По ее достижении снова сверяюсь с часами. Путь сюда занял сорок восемь секунд. Пока что моя версия подтверждается.

«Ага, отлично. — Мысленно ставлю против этого пункта галочку. — Есть!»

Окидываю взглядом зал, в котором располагается камера хранения. С одной стороны — стойка, где путешественники сдают чемоданы и большие коробки, получая затем от служащего квитанцию с номером. Подобная форма обслуживания традиционна для железнодорожных станций в Англии. Благодаря ей туристы могут осматривать достопримечательности или перекусывать перед посадкой на поезд, не занимая себя хлопотами о личных вещах.

Но в этой камере хранения имеются также еще и ряды узких деревянных шкафчиков. По-видимому, в них без всяких сложностей и за меньшую плату можно оставить на хранение небольшие предметы. Как я вижу, каждая ячейка оснащена собственным металлическим замком. Но как

оформить на себя такой шкафчик и, самое главное, получить от него ключ?

Я внимательно разглядываю ряды шкафчиков и замечаю, что из нескольких ячеек чуть подальше торчат ключи. Устремляюсь к ним, и способ, каким осуществляется аренда, немедленно становится мне очевиден. Нужно всего лишь положить вещи в отделение, бросить в щель монету и повернуть ключ. На цепочке к нему крепится серебристого цвета бирка, на которой, как я обнаруживаю, выгравирован номер ячейки.

«Есть!»

Меня так и подмывает помчаться обратно к Найо, Марджери и Агате, однако необходимо придерживаться изначального темпа, и потому уборной я достигаю через те же сорок восемь секунд. Женщины по-прежнему ждут меня, так же как и полгода назад Селия дожидалась здесь свою подружку Мэй. Итак, прогулка и возвращение (каковое, по моей догадке, Мэй все-таки планировала) из места, куда она наведывалась — а вот в этом я уже нисколько не сомневаюсь, — укладываются в отведенное время.

«Есть!»

Три женщины немедленно окружают меня.

— И что, черт возьми, все это значит? — К моему

удивлению, изводящий их всех вопрос озвучивает Агата.

— Я все объясню, только давайте вернемся к Эмме, чтобы потом не пришлось пересказывать ей заново.

На этот раз наше шествие возглавляет Кристи. Едва лишь мы достигаем скамейки, баронесса вскакивает:

— Что случилось? Почему у вас всех такой серьезный вид?

Найо и Марджери начинают наперебой что-то говорить, однако Агата осаживает их:

— Думаю, нам нужно выслушать Дороти.

— Ускользнув из-под носа Селии, Мэй намеревалась так же незаметно проникнуть обратно в уборную — после выполнения некой определенной задачи. В этом я убеждена. Избавившись в кабинке от маскировки, она бы затем как ни в чем не бывало вновь предстала перед подругой. Только что я повторила маршрут, которому девушка следовала для осуществления своего намерения и последующего возвращения в уборную. Судя по затраченному времени, фокус Мэй не вызвал бы у Селии подозрений — если бы на обратном пути ее кое-кто не перехватил. И говорю я об убийце.

Эмма вскидывает руку:

— Что значит «перехватил»?

— Дороти, прежде чем вы перейдете к этому, может, все-таки раскроете нам, какую задачу выполняла Мэй? — вмешивается Агата.

— Думаю, она кое-что спрятала в шкафчике камеры хранения.

Женщины чуть ли не в унисон ахают — не будь ситуация столь серьезной, их реакцию даже можно было бы назвать комичной. Наблюдать за лицами подруг, когда фрагмент головоломки встает на место и придает смысл бессмысленному, — одно удовольствие.

— Мэй опасалась, что это «кое-что» могут обнаружить. И ей не хотелось, чтобы Селия увидела, как она это прячет, — скорее размышляет вслух, нежели спрашивает Кристи. И мне становится ясно, что теперь ее видение общей картины совпадает с моим собственным. Однако остальным Королевам придется разъяснять все по порядку. — Полагаю, Мэй хотела защитить свою подругу. И себя.

— И что же она пыталась спрятать? — хмурится Марджери.

— Скоро мы это узнаем.

Глава 41

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Мы штурмуем холм Старого города. И несмотря на то, что шаг наш в буквальном смысле полегчал — поскольку багаж оставлен в камере хранения, — мы все уже измученно пыхтим, когда нашим взорам наконец-то открывается рю де Лилль. Крутой подъем и неровное булыжное покрытие берут свою мзду. Эмме явно не помешало бы немного отдохнуть, но баронессе не повезло: для следующей стадии нашего расследования мне необходима именно ее помощь.

По достижении перекрестка пути наши разделяются. Агата, Найо и Марджери поворачивают направо к кафе, мы же с Эммой направляемся на площадь Готфрида Бульонского, где располагаются два здания городских властей: hôtel de ville (ратуша) — увенчанное старинной колокольней строение восемнадцатого века из красного кирпича, и palais de justice (дворец правосудия) — изящное белокаменное сооружение девятнадцатого века. Наша цель размещается как

раз между ними — это le poste de police, отделение полиции.

В отличие от района рю де Лилль, туристов здесь нет. В эти правительственные здания целеустремленно входят и выходят из них лишь хмурого вида мужчины в федорах и котелках, а если попадаются дамы, то таковые равным образом серьезны и одеты одинаково строго: в костюмы с зауженной талией и весьма немногочисленными женственными деталями.

Мы тоже облачены сообразно обстоятельствам. Я надвинула клош на лоб, а волосы убрала под шляпку. На плечи поверх пальто накинула узорчатую шаль, завязав ее спереди узлом. А на носу у меня очки для чтения — те, что я редко надеваю перед посторонними. Эмма временно заменила свои легко запоминающиеся меха и жемчуг на бесформенное серое шерстяное пальто Агаты и старомодную черную мантилью, приобретенную в местном магазинчике. Найо, в Новой Зеландии много работавшая в театре, нанесла нам на щеки и глаза самую малость макияжа, а вместо обычной красной губной помады использовала коричневато-серую — по ее заверению, все это слегка изменило нашу внешность. Впрочем, никому из нас не нужно напоминать, что женщина

средних лет и среднего достатка — самый неприметный человек на свете, так что мы полагаемся и на это обстоятельство тоже.

И хотя никому из Королев не верится, что кто-нибудь вспомнит меня или Эмму после нашего предыдущего визита в Булонь, однако тогда нас все-таки угораздило ввязаться в краткую перепалку с полицейским на Морском вокзале, так что меры предосторожности лишними не будут. Потому что сейчас мне предстоит выдавать себя за сестру Мэй, миссис Ллойд, а Эмме — изображать ее тетушку. Ну а потом нас должны забыть.

Баронесса берет меня под руку, вживаясь в роль тетки миссис Ллойд. Мы толкаем входную дверь полицейского участка и направляемся к стойке дежурного. И с облегчением переглядываемся: сидящий за ней молодой жандарм в характерной сизой форме с начищенными серебряными пуговицами прежде ни разу нам не встречался. Оторвавшись от груды бумаг перед собой, он осведомляется:

— Puis-je vous aider, mesdames? Чем могу помочь, дамы?

Теперь я ясно вижу, что перед нами сущий юнец, несмотря на его тщательно ухоженные усы, — надо полагать, служитель закона завел их

для придания хоть какой-то видимости зрелости и властности своему в остальном совсем еще мальчишескому лицу.

— Nous sommes la famille de Mademoiselle May Daniels. Мы родственники мадемуазель Мэй Дэниелс, — отвечает Эмма на французском, значительно превосходящем в беглости мой.

Именно из-за хорошего знания языка данную задачу и приходится выполнять нам с Орци. Познания во французском остальных Королев весьма скромны, а вряд ли можно уповать на то, что дежурные полицейские будут владеть английским.

— Mes condoléances. Мои соболезнования, — лепечет парнишка, явно ощущая себя не в своей тарелке.

Он встает и с протянутой рукой делает было шаг к нам, однако в следующее мгновение передумывает и, пробормотав извинения, поспешно разворачивается и исчезает в комнате за стойкой.

Молодой жандарм плотно закрывает за собой дверь, скрыв от нас происходящее внутри. Эмма стискивает мне руку, и я понимаю, что ее беспокоит то же, что и меня: а вдруг из-за этой двери сейчас выйдет тот самый полицейский с Морско-

го вокзала и немедленно нас разоблачит.

Когда парень появляется вновь, его сопровождает седовласый жандарм определенно чином повыше. Мы с Эммой дружно испускаем вздох облегчения: его мы тоже видим впервые.

— Mesdames, je suis vraiment désolé pour votre perte. Дамы, приношу вам искренние соболезнования в связи с вашей утратой.

— Merci, officier… Благодарим вас, господин… — Я ожидаю, что он представится.

— Officier Durand. Et vous êtes… Дюран. А вы…

— Je suis Madame Lloyd, la soeur de May Daniels. Et voici notre tante. Я миссис Ллойд, сестра Мэй Дэниелс. А это наша тетя, — указываю я на Эмму, завершая представление.

Пожилой жандарм кивает и спрашивает:

— Comment pouvons-nous être utiles? Так чем мы можем вам помочь?

И как же это, интересно, они могут нам помочь?! Страх тут же как рукой снимает, и на смену ему приходит гнев. Мне так и хочется заорать, что полицейские могли бы начать как следует выполнять свою работу, вместо того чтобы превращать расследование смерти Мэй в самое небрежное, безграмотное и пристрастное в истории! Но, понятное дело, ничего этого я не

озвучиваю, а произношу по-французски то, что и было запланировано:

— Мы приехали забрать вещи сестры, чтобы вернуть их домой.

— О, боюсь, здесь я вам ничем не смогу помочь, — качает головой старший жандарм, само воплощение французской галантности.

— Вот как? Но почему? Поскольку наша семья не может позволить себе возбудить гражданское производство или как там это называется, дело Мэй, как нам стало ясно, фактически закрыто. А значит, надобности в ее личных вещах у вас быть не должно. — Я изо всех сил стараюсь сохранять спокойный и ровный тон. Крепкая хватка Эммы не дает мне забыть о роли, каковую каждая из нас должна сейчас играть.

— Хм, видите ли, официально дело еще не закрыто, хотя обнаруженный на месте совершения преступления шприц однозначно указывает, что смерть мисс Мэй Дэниелс связана с незаконным оборотом наркотиков, ввиду чего дальнейшего рассмотрения обстоятельств трагедии действительно не требуется. Но если бы британское правительство оказало нам содействие в вызове мисс Селии Маккарти в Булонь для дачи свидетельских показаний — и если бы таковые

вступили в противоречие с нашей доказательной базой о роли наркотиков, — тогда, не исключено, что нашей стороной были бы осуществлены дополнительные сыскные действия. Исходя из данной возможности, дело пока и не закрывают.

«Неужели не ясно, что Мэй убили?» — хочется закричать мне. Как полиция могла купиться на столь грубо состряпанную историю со шприцем, не распознать, что это явно ложный след? Они такие ленивые или тупые? Или же имеется какая-то другая причина, по которой дело не расследуют должным образом? Не кроется ли таковая в нежелании британских властей сотрудничать? Возможно, за этим упрямством стоит некая конкретная личность?

Эмма ощущает мой гнев и живо берет инициативу на себя:

— Но активно вы расследование уже не ведете?

— Это так, но… — Полицейский осекается.

— Что «но»? — властным тоном подгоняет его баронесса.

— Но мы не можем вернуть вещи вашей племянницы, пока не будут утверждены все необходимые документы, признающие дело закрытым.

— Плюс ко всему, передачу вещественных

доказательств еще должен санкционировать суд, — выпаливает молодой жандарм.

— Совершенно верно. — Старший бросает благодарный взгляд на подчиненного: противостоять в одиночестве родне Мэй ему определенно тяжело.

Я вспоминаю несчастное личико Джона и даю волю слезам, все это время угрожавшим вырваться наружу.

— Может, вы разрешите нам хотя бы посмотреть на вещи сестрички? — рыдаю я.

— Только посмотреть? — приободряется Дюран от перспективы столь простого разрешения проблемы. Бедолага понятия не имеет, что именно в этом и заключается наша изначальная цель.

— Если уж нельзя забрать вещи домой, то хотелось бы хоть взглянуть на них, — блею я дрожащим голосом. — Мы проделали такой долгий путь…

Жандармы переглядываются, и Дюран отвечает:

— Это можно устроить. При условии, что вы удостоверите свои личности, конечно же.

Королевы предвидели подобный поворот событий, и мне остается только надеться, что предложенный мною выход сработает. Поко-

павшись в недрах сумочки, я извлекаю одну из визиток миссис Ллойд, что взяла у нее в Доллис-Хилле, и важно кладу ее на стойку.

— Моя карточка, — провозглашаю я, старательно копируя властный тон Эммы.

Судя по выражению лица паренька, его так и подмывает потребовать какой-нибудь официальный документ, но вот Дюран рисковать определенно не желает, справедливо опасаясь новых вспышек гнева и потоков слез. Он кивает, и жандармы ведут нас по лабиринту коридоров. Через какое-то время мы останавливаемся у двери с табличкой «Salle des preuves» — «Хранилище вещественных доказательств».

«Ага, — думаю я. — Получилось!»

Внутри все заставлено штабелями пронумерованных коробок и контейнеров. Молодой жандарм принимается просматривать номера, а Дюран тем временем расчищает простой деревянный стол в центре помещения. Вытащив из опасно высокой стопки деревянный ящик, парень водружает его на стол.

Мужчины встают по бокам стола, и старший жестом предлагает нам открыть ящик. Они явно намерены следить за нами. Задача усложняется, однако невыполнимой отнюдь не становится.

Эмма поднимает крышку, и я заглядываю внутрь. Там лежат вещи Мэй, аккуратно сложенные, как будто она только что убрала их по окончании дня, — черное пальто, лиловая шляпка-тока, твидовая юбка угольного цвета, фиолетовый свитер, черные чулки и оксфорды.

«Наверняка Мэй выглядела в этом ансамбле очень элегантно», — думаю я.

Теперь, чтобы заплакать, мне уже не нужно вызывать в воображении личико Джона. Баронесса тоже заливается слезами.

Мы с Эммой начинаем доставать одежду и раскладывать ее на столе. То и дело я замечаю на ней пятна грязи, приставшие сухие листья. Что неудивительно, после нападения преступника, предположительного кровотечения и, не исключено, воздействия непогоды на протяжении нескольких месяцев. Лишь темный цвет пальто, чулок и юбки избавляет нас от более жестоких наглядных свидетельств зла, причиненного бедняжке Мэй.

— Это все вещи, что были при ней? — дрожащим голосом спрашиваю я, не в силах заставить себя выговорить «на ее трупе».

— Да. Насколько я понимаю, остальное личное имущество мисс Дэниелс, которое она хранила

в больнице, а также кое-какие мелочи, что она оставила в Брайтоне, было возвращено вашей семье. И хотя мы с удовольствием воспользовались бы возможностью изучить эти вещи, наряду с имеющимися у нас, британские власти сочли, что данные материальные свидетельства должны оставаться на британской территории.

Кивнув, я снова заглядываю в ящик и на дне его замечаю сумочку Мэй. Вместо того чтобы достать ее тоже, опускаю руки в контейнер. В данных обстоятельствах на большую скрытность рассчитывать не приходится.

Открываю замочек сумки и начинаю осторожно шарить внутри. На ощупь определяю расческу, тюбик губной помады, несколько монет и небольшой кошелек на молнии с какими-то бумагами — скорее всего, с документами Мэй. А затем мои пальцы нащупывают кое-что, спрятанное под подкладкой сумочки. Ключ.

Глава 42

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

— Вы сделали это! — взвизгивает Марджери, едва лишь увидев мою добычу. — Ну надо же, и в самом деле сделали!

— Тише, тише! — Найо закатывает глаза, словно утихомиривая надоедливую младшую сестренку. — Вовсе ни к чему привлекать к себе внимание.

— Вы сомневались в наших способностях, Марджери? — с усмешкой отзывается Эмма.

— Это было нелегко, — не скрываю я правды. — И нам ужасно повезло, что там не оказалось того полицейского с Морского вокзала.

— Разумеется, дело вообще выдалось сложным, — кивает Агата. Она единственная не выражала бурных восторгов — не визжала, не смеялась, — после того как мы с баронессой избавились от маскировки и встретились с подругами в кафе на рю де Лилль. — Расскажите же, как все прошло.

Этот труд берет на себя Эмма. Она живописует

по порядку, как мы внушили полицейским, будто являемся родственницами Мэй, и как обнаружили в сумочке покойной девушки ключ, очень похожий на ключ от шкафчика камеры хранения на Центральном железнодорожном вокзале. Как ловко мы ускользнули со своей добычей, хотя оба жандарма и следили за каждым нашим движением и сверяли с описью каждый предмет, который клали обратно в ящик. Наша операция удалась только потому, что о существовании ключа они даже и не подозревали.

И вот мы впятером стоим в камере хранения перед ячейкой, номер которой значится на бирке ключа Мэй: 242. После подъема и спуска с холма, всех этих хождений по Старому городу чувствуем мы себя основательно разбитыми. Даже замысловатая и обычно стойкая прическа Эммы — я частенько задумываюсь, и как только баронессе удается сохранять ее в изначальном виде, — и та взъерошена. Вероятно, укладку несколько нарушила черная мантилья. Несмотря на усталость, глаза у всех нас горят от возбуждения.

Мы как будто попали на страницы собственного романа.

Я уже собираюсь вставить ключ в замок — и внезапно замираю. А вдруг все наши предполо-

жения ошибочны? Или мы правы, да только дело обстоит гораздо хуже?

— Чего вы ждете, Дороти? — нетерпеливо бросает Найо.

— Да ничего. — Я пожимаю плечами и пытаюсь вставить ключ.

Не входит. Чуть надавливаю, однако меня беспокоит, что при чрезмерном усилии он может погнуться, а то и вовсе сломаться.

— Ох, надеюсь, ключ откроет замок, — хмурится баронесса. — Если сумочка Мэй все это время действительно оставалась на улице, он ведь мог и деформироваться от мороза.

— Жаль, что вы не вспомнили об этом раньше, — едко отзывается Агата, что весьма нехарактерно для нее.

— Откуда вы столько знаете о ключах, Эмма? — интересуется Найо. — Все-таки вы не Алый Первоцвет!

— Нет, хотя изображать его занятно. — Орци улыбается, а затем снова принимает серьезный вид. — И все же я собирала сведения по взломам, слесарному делу и замкам достаточно основательно, чтобы кое-что усвоить.

Ключ между тем полностью вошел в замочную скважину. Но когда я пытаюсь его повернуть, он

снова не двигается. Осторожно надавливаю на него, пытаясь покрутить влево-вправо.

— Хотите, я попробую? — предлагает Марджери.

— Нет-нет! Кажется, зашевелился! — отзываюсь я, про себя задаваясь, однако, вопросом: ну почему мне так хочется непременно проделывать все самой? Ведь меня окружают толковые, находчивые коллеги, не раз уже доказавшие, что ради дела выполнят что угодно — и ради меня, коли на то пошло. Неужели мне так трудно смириться с тем, что вовсе не обязательно взваливать на свои плечи все подряд?

Королевы смолкают и стоят, не сводя глаз со шкафчика. Я продолжаю теребить ключ, но ничего не получается. А нажимать сильнее страшно.

И тут Марджери, на этот раз обойдясь без вопросов, обхватывает мою руку, и мы вместе нажимаем на ключ, поворачивая его вправо. И замок со щелчком открывается!

Баронесса хлопает в ладоши, и, несмотря на ее седые волосы и морщинистую кожу, на какое-то мгновение моему взору предстает девочка из аристократической семьи, какой Эмма некогда была: под надзором бдительной гувернантки светловолосая кудрявая малышка в розовом глазетовом

платьице по щиколотку, отделанном кружевами и жемчугом, шумно радуется какому-то особому подарку из Вены или Будапешта — как-никак, выросла наша подруга в Австро-Венгерской империи. В окружении, готова поспорить, изделий Фаберже.

Станет ли эта ячейка моим яйцом Фаберже? Только с сокровищем совершенно иного рода?

Поднимаю задвижку и со скрипом открываю дверцу. Внутри отделения темно, и поначалу мне даже кажется, что там пусто. А затем у задней стенки проявляется что-то белое.

Неужели это то, что я думаю? Сообщение Мэй, которое она лихорадочно писала в сквере возле рю де Лилль?

Дрожащей рукой тянусь за находкой, и мои пальцы нащупывают несколько сложенных листов бумаги. Осторожно вытаскиваю их из мрака ячейки на свет вокзала. Разворачиваю и зачитываю вслух:

— «Вниманию всех заинтересованных лиц. Меня зовут Мэй Дэниелс…»

Это последние слова убитой девушки.

Глава 43

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Ну кто бы мог подумать, что Королевы проявят подобную прыть? Практически одновременно все они бросаются к бумагам — даже Агата пытается схватить записи!

— Это то, что Мэй писала в сквере? — нетерпеливо выпаливает Марджери, протягивая руки. — Значит, она предчувствовала свою судьбу?

Я отшатываюсь от нее и от остальных подруг, от их нетерпеливых рук и лиц. И, переводя взгляд с одной женщины на другую, изумленно восклицаю:

— Дамы, дамы, да что это на вас такое нашло?!

Я напугана и расстроена. Всего лишь несколько дней назад я корила себя за собственную безрассудную импульсивность, и вот теперь стала свидетельницей сущего массового помешательства!

Женщины переглядываются, словно видя друг друга впервые. Словно потрясенные собственным поведением. Первой извиняется Агата, что

совершенно не удивительно. Ее примеру следуют и остальные, и даже баронесса сконфуженно опускает глаза.

— Я понимаю, что всем нам не терпится прочесть записи Мэй, но вокзал едва ли подобающее место для добросовестного изучения документа, а уж особенно здесь, в Булони. Давайте доберемся до нашей гостиницы и там исследуем находку за закрытыми дверями.

«Да уж, выдуманные нами детективы так бы себя не повели», — приходит мне в голову. Озвучивать мысль вслух нет необходимости. Королевы и сами это прекрасно понимают.

Ответом мне служат их смущенные выражения лиц да поджатые губы. Мы забираем свой багаж из камеры хранения и выходим на улицу, уже сонную и погруженную в темноту. Два кафе на набережной ярко освещены огнями и полны посетителей, в остальном же портовый район пуст. Лишь бряцает такелаж, покачиваются пришвартованные суда, да горстка пассажиров покидает вокзал.

К счастью, несмотря на поздний час, на стоянке такси в надежде на клиентов стоит одинокая машина, и мы направляемся прямиком к ней. Не задает нетерпеливых вопросов Марджери, не

обмениваются беззлобными колкостями Эмма и Найо, не бросает на меня мрачных взглядов Агата.

Длинный черный «рено» медленно подкатывает нам навстречу, и водитель осведомляется из приоткрытого окошка:

— Vous tous? Вы все вместе?

— Oui, да. Мы поместимся? — отвечаю я на французском, окидывая взглядом сиденье в задней части автомобиля и одиночное место рядом с водителем.

— Quatre derrière, un devant. Четверо сзади, одна спереди, — объясняет таксист, даже не удосуживаясь вынуть сигарету изо рта. На случай, если мы туго соображаем, он указывает четырьмя растопыренными пальцами на салон, а затем одним тычет на переднее пассажирское место.

Где мне садиться, я знаю. Одной, спереди. Сзади слишком много алчных рук.

— Рю де Берне, дом один. — Эмма, бронировавшая нам номера, называет с заднего сиденья адрес гостиницы.

Я устраиваюсь рядом с неразговорчивым водителем. После сцены на вокзале окутывающие его клубы дыма представляются мне вполне терпимыми.

Поездка вверх по холму, обратно в Старый город, проходит безмолвно. Однако молчание женщин объясняется не усталостью, но раскаянием. Впрочем, тишина разбивается подобно хрупкому стеклу, стоит лишь такси остановиться перед огромным каменным зданием, выглядящим словно часть замка. Мы выбираемся с багажом на тротуар, громко хлопая за собой дверцами, и я осматриваюсь по сторонам. Единственным признаком того, что в наши дни в этом строении обитают люди, являются две пробитые в стене лакированные лазурно-голубые двери. Громада здания сложена из неотесанных рыжевато-коричневых камней неправильной формы, красноречиво свидетельствующих о солидном возрасте сооружения.

Эмма распахивает голубую дверь с такой уверенностью, будто является владелицей заведения. Мы подхватываем сумки и чемоданы и следуем за ней внутрь. Стоящий за конторкой щеголеватый джентльмен в узком костюме темно-синего цвета выходит поприветствовать баронессу, едва лишь она представляется. Похоже, она произвела на него сильное впечатление: нечасто здесь бывают такие постояльцы.

Переговариваясь вне пределов нашей слы-

шимости, Эмма и мужчина — полагаю, управляющий гостиницы — вступают в соседнее помещение, роскошно отделанный зал: стены выкрашены в кремово-желтый и украшены золоченой накладкой в стиле барокко; с расписанного фресками потолка свисает непропорционально большая хрустальная люстра. Множество столов, накрытых накрахмаленными белыми льняными скатертями и поблескивающих серебром и фарфором, подсказывает мне, что это ресторан при отеле. После тяжелого дня я ощущаю себя одетой прискорбно неподобающе и неопрятно, а потому очень надеюсь, что нам удастся помыться.

— Дамы, идемте! — машет нам баронесса. — Ресторан уже закрыт — как-никак, сегодня понедельник, — но месье Обер любезно согласился открыть его для нас, чтобы мы могли здесь уединиться.

— Великолепно! — восклицает Марджери.

— Да, Эмма, это просто замечательно, — отзываюсь и я тоже, в то время как остальные словно лишились дара речи. — Но может, сначала быстренько освежимся?

— Время не ждет, не так ли? — Вопрос Эммы, разумеется, риторический. — Месье Обер проследит, чтобы багаж доставили в отведенные

нам номера. А мы пока поужинаем и займемся письмом.

Орци, которая при обычных обстоятельствах первая стала бы настаивать на необходимости переодеться к ужину, сейчас, судя по всему, возражений не потерпит. Ее стремление ознакомиться с последними словами Мэй превосходит все остальное, даже собственные манеры. Так что мы подобно утятам, спешащим за уткой, следуем за ней и месье Обером к столику возле камина, в котором уже пытается разжечь огонь светловолосая горничная.

Приносят меню, мы делаем заказы и совсем скоро уже держим в руках бокалы. После нескольких глотков бодрящего напитка, который из-за пустого желудка ударяет прямо в голову, я начинаю:

— Итак, все спокойны и готовы выслушать сообщение Мэй?

Подруги кивают, и на их лицах вновь появляется сконфуженное выражение. Но с меня уже довольно извинений. Мэй заслуживает скорбной сосредоточенности. И больше никаких жадных рук, как будто завещание девушки — лишь награда за победу в гонке, а не требующее бережного отношения достояние.

Осторожно достаю из сумочки письмо и наде-

ваю очки для чтения.

«Какой же детский и неровный почерк у Мэй, — думаю я, опустив взгляд на первую фразу. — Или же она дрожала от страха, когда это писала?»

Глава 44

14 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

— Вниманию всех заинтересованных лиц.

Меня зовут Мэй Дэниелс, я проживаю в Доллис-Хилле, Лондон. На протяжении вот уже полутора лет я прохожу стажировку в качестве медсестры в инфекционной больнице Чизвика и Илинга, тоже в Лондоне. Здесь, во Франции, в городе Булонь-сюр-Мер, я нахожусь в однодневной поездке вместе со своей подругой и коллегой Селией Маккарти.

Не знаю, кто и когда найдет это письмо в камере хранения на Центральном железнодорожном вокзале, лишь надеюсь, что нынешняя ситуация окажется менее критической, нежели я сейчас опасаюсь.

Марджери ахает, и я отрываюсь от чтения. Лицо самой младшей Королевы залито слезами.

— Бедняжка знала, что ей угрожает…

— Похоже на то, — отзывается Агата и участливо накрывает ее руку своей.

— Последние полгода я встречалась с муж-

чиной, с которым у меня завязались первые серьезные отношения. Мы вместе посещали театры и рестораны, но я никому не рассказывала о нашей связи, потому что об этом просил меня мой возлюбленный. Я наивно поверила его объяснению, будто он еще только начинает карьеру в страховом бизнесе и сперва хочет твердо встать на ноги и только потом уже сможет познакомиться с моей семьей и подругами. Так же как и познакомить меня со своими близкими.

Минувшим летом я лишилась невинности при постыдных для меня обстоятельствах. Посредством внезапного нападения. Против своей воли.

Сокрушенная и потрясенная, я попыталась предать случившееся забвению и продолжала встречаться со своим ухажером, как прежде, хотя мои чувства к нему и начали меняться. У меня появились подозрения, что он уже женат или, возможно, разведен. Однажды я специально устроила свидание днем, после чего тайком проследовала за ним до места его работы, а вечером увидела его в обществе женщины. Полагаю, то была его законная супруга. Разгневанная и уязвленная, я не отвечала на его звонки и не виделась с ним на протяжении нескольких недель. И полагала, что на этом наши отношения окончены.

К началу октября стало очевидно, что я беременна…

Меня начинают душить слезы. Мы предполагали это, однако документальное подтверждение беременности Мэй и описание ее отчаяния оживляют в памяти мои собственные мучения.

Агата наклоняется ко мне и шепчет:

— Хотите, я продолжу?

Я киваю, и сдерживаемый поток слез вырывается наружу. Я оплакиваю Мэй, себя и всех молодых женщин, которым довелось испытать подобное несчастье. Кристи берет у меня листок и возобновляет чтение с того места, где я прервалась. Голос у нее ровный и спокойный — отнюдь не тот, какой можно было бы ожидать от человека, некогда тоже травмированного ложью.

— …и мне пришлось встретиться лицом к лицу с отцом моего будущего ребенка. Тогда я еще и сама толком не знала, как поступлю, однако понимала, что, если решу оставить ребенка, мне потребуется финансовая поддержка. Беременной женщине не разрешается продолжать трудиться на любой работе, даже будучи замужней, а если уж она мать-одиночка — все, считай, рабочего места у нее больше нет. Сестры — единственная моя семья, и, хотя я могу рассчитывать на их любовь

и заботу, содержать им меня не по средствам.

«Избавься от него, — то были его первые слова. Ну а потом он безжалостно добавил: — Я найду того, кто это сделает». Подобной жестокости наш ребенок не заслуживал, равно как и я сама. Разногласия сперва вылились в резкости с обеих сторон, а затем последовали также и угрозы. Я была убита горем и вне себя от тревоги.

Вскоре после этого мне случайно попалась газетная заметка о бесследно пропавшей молодой скрипачке, и в качестве подозреваемых в ней упоминались знакомые мне лица. И тогда я испугалась за собственную жизнь. Что же я наделала?

Мы с Селией Маккарти договорились вместе съездить в Брайтон и Булонь. И вот, за несколько дней до нашей поездки, я получила письмо от бывшего ухажера. Он извинялся за свое поведение и приглашал меня поужинать в ресторане „Рулз“, что на Мэйден-лейн. И хотя у меня и в мыслях не было восстанавливать отношения с этим мужчиной, я все же согласилась повидаться с ним вечером накануне встречи с Селией в Брайтоне. Пожалуй, я не столько боялась последствий самого свидания, сколько опасалась того, какие последствия может повлечь за собой мой отказ.

— Можно только гадать, как страшно ей было в тот момент, — бормочет Эмма.

— Вот же ублюдок! — восклицает Марш.

Я внутренне сжимаюсь, услышав это слово. Оно не перестает меня обжигать.

— Выбирайте выражения, Найо! — бросает баронесса и машинально оглядывается по сторонам. Однако, вспомнив, что, кроме нас, в ресторане больше никого нет, признает: — Хотя согласна, просто отвратительный тип. Даже хуже ублюдка — сущий дьявол!

Агата продолжает читать письмо:

— Когда я встретилась с ним в назначенное время — одетая в самое обычное платье, потому что в подаренные им дорогие наряды уже не влезала, — меня буквально парализовал ужас, и унять нервы мне удалось, лишь выпив несколько коктейлей. Сделав заказ, мы немного поболтали о моей предстоящей поездке, и он начал расспрашивать о нашем маршруте. Не могу сказать точно, что именно меня насторожило в его вопросах, но я извинилась и удалилась в уборную, молясь, чтобы мне удалось улизнуть.

Когда я вышла из туалета, он сидел спиной ко мне, так что путь к выходу оказался свободен. Прокравшись мимо нашего столика, я поспеши-

ла к стойке старшей официантки, забрала свою дорожную сумку и покинула ресторан. Идти мне было некуда, так что я раскошелилась на такси и провела ночь на вокзале. Поезд на Брайтон отходил рано утром.

Во время путешествия я старалась скрыть от Селии свою тревогу и постоянную, непрекращающуюся тошноту. Это было нелегко, поскольку меня изводили мысли о том, что же делать дальше. Все больше во мне крепло убеждение, что я хочу сохранить ребенка. Но на что мы с ним будем жить?

По прибытии в Булонь я прикладывала все усилия, чтобы не омрачать наш с Селией выходной. Но когда я отказалась от посещения ателье на рю де Лилль и отдыхала одна в городском сквере — молясь, чтобы тошнота меня отпустила, — ко мне на скамейку подсел незнакомец. Он сказал, что для меня организовали „визит“ к местному врачу, и мне только и нужно, что пойти с ним.

Я была в такой ярости, что аж лишилась дара речи. Да как он смеет? Но тут к нам подошел сидевший на соседней скамеечке джентльмен и на хорошем английском поинтересовался у меня, все ли в порядке. Я ответила, что нет, не в порядке, и тогда незнакомец вынужден был убраться.

По-прежнему пребывая в расстроенных чувствах, я отказалась от предложения любезного джентльмена угостить меня чаем и принялась за это письмо. По мере того, как я излагала свою невеселую историю, кое-что в ней обрело для меня более ясную форму, и тогда я задумалась: а вдруг этого типа подослали с целью избавиться не только от моего ребенка, но и от меня самой?

Значит, рассудила я, мне необходимо принять меры предосторожности. Не знаю, как события будут развиваться дальше, но я оставлю это свидетельство на случай, если со мной что-либо произойдет. Спрячу письмо в ячейке камеры хранения на Центральном железнодорожном вокзале и предупрежу о нем Селию. Она заберет его, если того потребуют обстоятельства.

Селия, если ты читаешь мое послание, прости, что втянула тебя в эту передрягу. Ты всегда была хорошей и верной подругой, и мне искренне жаль, что так получилось. Ради твоей безопасности я по возможности избегала каких бы то ни было имен. Надеюсь, если ты передашь мои записи полиции, они смогут восстановить недостающие детали. Если же это письмо попадет к кому-то другому — что ж, тогда я тоже извиняюсь, но уже по совершенно иной причине.

Глава 45

15 апреля 1931 года
Булонь-сюр-Мер, Франция

Мне не спится. Ворочаясь с боку на бок, я пытаюсь убедить себя, будто сон не идет из-за слишком тонкого одеяла или слишком мягкой постели. И все же причина бессонницы вполне очевидна. Моему телу и душе не дает покоя несчастная Мэй.

«Я оставлю это свидетельство на случай, если со мной что-либо произойдет». Слова эти эхом отдаются у меня в голове, подобно шепоту под куполом собора Святого Павла, в его прославленной Шепчущей галерее, к которой ведет лестница в двести пятьдесят ступенек. Там даже тишайший звук отражается от одной ее стороны к другой и затем многократно повторяется.

Королевы должны действовать. Ведь именно для этого мы и объединились, верно? Поначалу-то мы, конечно, строили из себя детективов. И, даже взявшись за настоящую загадку, лишь играли в раскрытие мерзкого преступления, совершенного против безвинной молодой женщины. Мне

стыдно в этом признаваться, но сперва то действительно была лишь забава.

Однако на деле, увы, все оказалось слишком реально и слишком трагично. То была невыдуманная история про девушку, оказавшуюся меж двух огней. И про ее неродившегося ребенка.

И мы единственные — не считая убийцы, разумеется, — кто знает правду, и уж точно единственные, кто способен восстановить справедливость в отношении Мэй. Но как мы можем быть настоящими детективами, если всего лишь пишем об их приключениях? Именно этот парадокс и не дает мне покоя, заставляя ворочаться в постели.

С приближением рассвета комната из черной как смоль постепенно становится сизой. Из темноты проступают очертания шкафа и умывальника, а мое дорожное платье, пальто, шляпка и перчатки, разложенные на столе рядом с сумкой, словно бы обретают форму человека.

Но что же мне предпринять? Пойти с письмом Мэй в участок в Англии или во Франции? Честно говоря, я не доверяю полицейским обеих стран, ввиду их вялых, мягко выражаясь, поисков убийцы и полнейшего нежелания взаимодействовать друг с другом. Ну и какие же тогда остаются вари-

анты? Попытаться обратиться в обход полиции к какому-нибудь высокопоставленному чиновнику, которого мы считаем надежным? И стоит ли подключать прессу?

Да, здесь Мак мог бы здорово нам помочь, однако мне не хочется привлекать его к делу, если только уж совсем не будет никакого иного выхода. Сна ни в одном глазу, я продолжаю перебирать в уме различные способы разрешения ситуации, как вдруг до меня доносится какой-то тихий звук. Я замираю и прислушиваюсь. Может, это мышка бродит по изысканному зданию в поисках крошек круассанов или кусочков камамбера? Я уже готова списать шум на скрип древних половиц, но в следующее мгновение раздается отчетливый щелчок замка. А за ним еще один. И тогда мне становится очевидно, что это вовсе не безвредная тварь.

Взломщик.

Я хватаю с прикроватной тумбочки тяжелый оловянный подсвечник и, держа его под боком, снова неподвижно замираю, словно бы крепко сплю. И вижу, как дверь в номер приоткрывается. В тусклом свете коридорных светильников вырисовывается силуэт человека, и я собираю всю волю в кулак, готовясь к встрече с ним. И не

перестаю молиться, чтобы это оказалось всего лишь ночным кошмаром, страшным сном.

Незваный гость между тем делает шаг в комнату.

Внезапно я осознаю, что сейчас самое время сыграть на упреждение. И когда дверь открывается пошире — незнакомец довольно плечистый, — ору во всю мощь легких:

— А ну убирайся из моего номера!

Вместо того чтобы кинуться на меня с оружием, злоумышленник действует по другому сценарию. Бросается наутек.

Спустя несколько секунд в распахнутую дверь влетают Королевы. Агата в своей широкой ночной рубашке в цветочек. Найо в шелковой пижаме в полоску (Мак, кстати, без ума от таких). Марджери в темно-лиловой ночной сорочке с оборками и без рукавов. И, наконец, Эмма в кружевной ночнушке с таким высоким воротником, что я начинаю задыхаться от одного его вида. Даже здесь подруги верны себе, у каждой отчетливо просматривается свой стиль.

Женщины присаживаются ко мне на кровать, и мы все возбужденно тараторим, пока не раздается вопрос:

— Но чего он хотел? — Королевы успели заме-

тить удирающего чужака, и это определенно был мужчина.

— Есть у меня одно предположение…

— Да? — подбадривает меня Агата.

— Этот тип собирался украсть письмо Мэй. Ну что еще интересного может быть в моем номере? Ценностей здесь как будто нет. Покушайся он на жемчуг или драгоценные камни, вломился бы в двести первый. — Я ссылаюсь на комнату баронессы.

— Но как он узнал о письме? — недоумевает Эмма, одновременно заправляя непослушные пряди в свою высокую прическу, по-прежнему практически неповрежденную. Неужто она и спит с такой фризурой, поражаюсь я, несмотря на всю сумятицу.

— Полагаю, за нами следили на протяжении всего пребывания в Булони. Взломщик, возможно, в сговоре с тем, кто организовал нападение на меня в Лондоне. Не удивлюсь, если он прознал о нашем приезде, едва лишь мы покинули «Морво». Пускай мадам Брат и проявила по отношению к нам доброжелательность, Булонь — городок маленький, здесь все друг друга знают. Готова поспорить, она рассказала кому-то, что мы опять объявились и разнюхиваем про несчастную ан-

глийскую медсестру, ну а тот человек сообщил новости заинтересованной стороне.

— И кто же эта заинтересованная сторона? — спрашивает Марджери.

— Если правда откроется, определенно, больше всех пострадает Луис, — отвечает Агата с присущей ей логикой. — Нетрудно догадаться, что в письме речь идет о нем.

— Может, нам стоит заявить о ночном взломщике в полицию? — предлагает Эллингем.

— А вы уверены, что к этому не причастны полицейские? — возражает Кристи, предоставляя нам новый повод задуматься. — Их явное нежелание вести расследование выглядит весьма подозрительно.

— Сомневаюсь, — качаю я головой. — Спускать на тормозах расследование убийства Мэй, пусть даже по приказу какого-нибудь правительственного чиновника — это одно, а вот намеренно проникать в чужое жилище — это уже совершенно другое.

— Может, вы и правы, Дороти. — Агата потягивается и продолжает: — Уже почти четыре утра, и не знаю, как себя чувствуют остальные, но у меня сон как рукой сняло. Теперь я уже точно не засну. Как насчет того, чтобы позавтракать и

отправиться на первый паром?

— Только если вы все пообещаете на обратном пути заняться составлением плана дальнейших действий, — отвечаю я. — Надеюсь, на кого-нибудь из вас снизойдет озарение. У меня самой, увы, с идеями туго. Ну что, согласны?

— Только если вы, Дороти, пообещаете соблюдать меры предосторожности, о которых мы все условимся, — парирует Найо. — Теперь, когда мы ознакомились с письмом Мэй, и после этого ночного вторжения вам нужно окончательно распрощаться с отговоркой, будто ваши травмы могли быть результатом несчастного случая.

Она права. Больше нельзя притворяться, что машина чуть не сбила меня, потому что я всего лишь оступилась. Это было спланированное нападение. И как знать, вполне возможно, что за ним последуют также и другие.

— Обещаю! — говорю я.

Глава 46

15 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Моя лондонская квартира выглядит в точности такой же, какой я и покинула ее более недели тому назад. Гора грязных тарелок в раковине, незаправленная постель — уделить внимание уборке было некому, поскольку Мак до сих пор еще не возвращался. Из Оксфордшира он направился прямиком в Эссекс, чтобы работать там над своим новым журналистским заданием. На тумбочке возле моей кровати стоит недопитая чашка чая — как муж и оставил ее перед нашим отъездом к Айви. Квартиру усеивает и прочий мелкий мусор, накопившийся, пока Мак ухаживал за мной. Вроде бы все по-прежнему.

Однако изменилась я сама, ибо столько всего пережила. Ужас нападения. Ушибы головы и ребер. Время, проведенное с Джоном. Приезд Королев в Сайдлингс. Захватывающие поиски улик в Булони. Душераздирающее знакомство с посланием Мэй, которое бедная девушка составляла, предчувствуя свою гибель. И наконец, ночной ви-

зит незваного гостя в мой гостиничный номер.

Пока еще не ясно, к лучшему или к худшему произошедшие со мной изменения. Слишком много было потрясений, чтобы вот так сразу определить. Единственное, в чем я сейчас абсолютно уверена, так это в своем желании принять ванну. После многодневного путешествия и бессонной ночи чувствую себя необычайно грязной, можно сказать, чумазой.

Направляясь в ванную, я замечаю груду почты, которую бросила на шкафчике в прихожей. Один лишь вид ее служит мне упреком. Где-то между счетами и личными письмами, как пить дать, таится послание от возмущенного редактора. Мы с ним договорились передвинуть сроки сдачи романа «Найти мертвеца», но даже к новой дате я так и не отослала рукопись в издательство. И как же мне теперь снова браться за вымышленное расследование Гарриет и Питера? Может, ради того, чтобы простимулировать собственную фантазию, добавить в сюжет «загадку запертой комнаты»? При мысли о том, что необходимо срочно возвращаться к сочинительству, у меня вырывается стон, однако гонорар, который будет выплачен лишь за готовое произведение, необходим нам всем — то есть Маку, Айви, Джону и

мне. Я не могу позволить себе роскошь и дальше тянуть время.

«Стоп, — осаживаю я себя. — После горячей, наполненной ароматной пеной ванны все станет выглядеть проще. И покажется более осуществимым. Может, ванна и пустяк, но пустяк необходимый».

Бросив грязную дорожную одежду на пол ванной комнаты, я погружаюсь в испускающую пар воду и закрываю глаза.

Едва я вспомнила наше обратное путешествие на пароме, как на меня сразу же нахлынули образы. Серьезное выражение лица Марджери и задумчивое Агаты. Добродушные подначки, а затем и откровенные колкости, которыми обменивались Найо и Эмма, когда кардинально разошлись во взглядах на наши дальнейшие действия. Обрывки планов, предложенных и отвергнутых. Решения, принятые и отмененные.

Ну и к чему же мы в итоге пришли? Решили не мчаться в полицейский участок сразу по прибытии в Англию. Когда Эмма назвала подобную идею глупой, Найо поначалу не обратила на это внимания, однако она прислушалась к замечанию Агаты, что кое-кто из полицейских чинов может оказаться подкупленным, а у Джимми

Уильямса вполне могут обнаружиться определенные рычаги давления. В конце концов мы согласились обратиться к властям, но лишь после того, как хорошенько обдумаем, какие связи с полицией или иными государственными структурами у каждой из нас имеются, чтобы затем осуществить контакт через заслуживающих доверия знакомых.

Есть ли лично у меня выходы на влиятельных особ? Увы, поскольку родилась я в семье приходского священника, обзавестись знакомствами в высших сферах общества просто не было возможности. Зато некоторые мои однокурсницы в Оксфорде происходили из более благородных семейств. Впрочем, большинство моих нынешних подруг все равно работают преподавательницами: учительская стезя и вступление в брак — вот, похоже, две единственные перспективы, открывающиеся женщинам с образованием. В этом плане я представляю собой аномалию, исключение из правил.

И тут в памяти у меня вдруг всплывает одно имя. А как насчет Чарис Франкенберг, урожденной Барнетт, моей подружки по Сомервильскому колледжу, которая состояла в Обществе взаимного восхищения, учрежденном мною для девушек

с литературными амбициями? Тогда она, правда, так ничего и не написала, а потом и вовсе стала работать акушеркой и сделалась активисткой в области охраны материнства. Тем не менее через какое-то время ее назначили мировым судьей в Манчестере — достижение для женщины небывалое. Вообще-то, Чарис занимается исключительно делами несовершеннолетних, но, быть может, порекомендует нам кого-нибудь заслуживающего доверия в органах правосудия, с кем мы могли бы переговорить. Задействовать мою однокашницу можно лишь косвенно, и все же я обязательно свяжусь с ней.

Выбираясь из ванны, я случайно замечаю в зеркале отражение своего тела. Багровые отметины на ребрах — все, что осталось от боли, уже почти полностью исчезнувшей, да и от самого происшествия, которое я отчаянно пытаюсь выбросить из памяти. От нападения, как я обещала Найо называть это впредь.

Плотно запахиваюсь в халат, выхожу в прохладный коридор и сразу бросаюсь проверить, заперла ли входную дверь. Слава богу, все закрыто.

Удовлетворенная, я собираюсь направиться в спальню, чтобы одеться, но на глаза мне снова по-

падается горка почты. «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня», — вспоминаю я излюбленную поговорку покойной матери. Поразительно, но матушка всегда со мной — в душе. Добьюсь ли я когда-либо таких же близких отношений с Джоном? Ах, это во многом зависит от Мака…

Согревшись и расслабившись, я решаю, что теперь мне по силам снести гневную отповедь редактора. Разложив по кучкам полученные счета и письма от друзей и родственников, я уже собираюсь вскрыть послание от издателя, Виктора Голланца, но вдруг замечаю нечто странное. Конверт без адреса отправителя.

Я прохожу к своему рабочему столу в углу гостиной и беру с него медный канцелярский нож. Перед отъездом на учебу в Оксфорд отец подарил мне настольный прибор из настоящей кожи и меди, которым я и по сей день очень дорожу. Воспоминание о моем дорогом Болтуне, как я любила называть отца в честь одного из «потерянных мальчиков» из книги о Питере Пэне, вызывает у меня грустную улыбку. Как же мне его не хватает!

Вскрываю конверт, и оттуда выпадает небольшой квадратик тонкой бумаги. Отнюдь не

плотной гофрированной, какую предпочитают использовать мои друзья, машинально отмечаю я. Поднимаю записку с пола и пытаюсь разобрать слова, написанные неровным почерком. В наступающих сумерках да еще с моим зрением задача это непростая, и тогда я достаю из сумочки очки, включаю настольную лампу и подношу послание к свету.

На клочке бумаги накорябано всего две строчки: *«Нам известно о твоем сыне. Прекрати задавать вопросы о Мэй Дэниелс, а не то про него узнают все»*.

Глава 47

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Неужели с тех пор, как я прочитала письмо с угрозой, миновали целые сутки? Ей-богу, понятия не имею, но, когда я бросаю взгляд за окно, на улице уже вновь сумерки. Какое странное ощущение: я как будто пришла в себя после ужаснейшего помрачения сознания, да вдобавок еще и голова раскалывается, словно накануне я перебрала спиртного.

Первой мой реакцией на шантаж было пропустить стаканчик. Поведение, прямо скажем, не слишком добродетельное и отнюдь для меня не характерное, но потрясение, которое я испытала, вкупе со страхом за Джона буквально раздавили меня, так что лишь притупляющий чувства алкоголь и был способен внести хоть какую-то ясность в мысли. Из хмельных напитков в квартире имелся только односолодовый виски: Мак привез его с шотландской винокурни близ своего родного города. Как правило, я всячески избегаю употреблять сей напиток, ввиду его исключи-

тельно сильного воздействия на мой организм, но на этот раз, за отсутствием вина, ликера или чего-нибудь подобного, осушила целый стакан. А потом и еще один.

Последнее, что я более или менее четко помню, это как в сгущающихся сумерках сидела в комнате на диване со стаканом в руке и таращилась на письмо. Еще в памяти запечатлелась расплывчатая картина, как я бреду в уборную, после чего падаю на кровать. Вот только в тот момент было светло, а сейчас опять темнеет. Похоже, я проспала целый день — вернее, если не кривить душой, провела его в отключке.

Не без усилий усаживаюсь в постели. В висках стучит, но в остальном я как будто в порядке. Вот только одета по-прежнему в халат. «Просто позор для приличной женщины», — пеняю я себе. Хотя понять меня, наверное, можно. Слава богу, свидетелей моего падения нет.

Достаю из шкафа удобный шерстяной костюм, состоящий из юбки и свитера, и надеваю его вместе с чулками и мягкими туфлями, которые предпочитаю носить дома. Быть может, в будничной одежде мне удастся создать видимость нормальности и как следует обдумать создавшееся положение.

Не обращая внимания на царящий в квартире бардак, я направляюсь на кухню и совсем скоро устраиваюсь за своим рабочим столом с дымящейся чашкой чая — положив туда четыре кусочка сахара, ну прямо как Эркюль Пуаро, хотя он предпочитает кофе. Сделав глубокий вдох, в конце концов набираюсь мужества снова изучить записку. Что по ней заключила бы Гарриет Вэйн? Или лорд Питер Уимзи? Надо полагать, они начали бы с составления списка характерных особенностей — вот и я поступаю так же.

1. Послание написано от руки синими чернилами, что уже заслуживает внимания, ибо в ходу в основном черные. Синие стоят дороже, их сложнее раздобыть, а потому ими пользуются, как правило, люди состоятельные. Кроме того, поскольку синими чернилами ставится подпись на документах, они всегда под рукой у тех, кто часто подписывает договоры и тому подобное.

2. Послание с угрозой не напечатано, что тоже представляет интерес, поскольку этому могут быть два объяснения. Во-первых, на ленте пишущей машинки сохранились бы набитые слова. А во-вторых, пишущие машинки обычно используются в конторах, мало у кого они есть дома.

3. Бумага тонкая и дешевая, типичная для клер-

ков или школьников, но определенно не для людей, занимающихся интеллектуальным трудом или принадлежащим к моему социальному кругу. С другой стороны, подобная бумага продается повсюду и приобрести ее очень легко.

4. Обратного адреса на конверте нет, но почтовый штемпель все же имеется. Белгравия — район проживания весьма зажиточных лондонцев. Причем это не финансовый центр, и он удален от Вестминстерского дворца, где проходят заседания парламента, и прочих правительственных зданий.

5. Дата на штемпеле — 14 апреля. В этот день мы отправились в Булонь, а накануне Королевы приехали в Оксфордшир к Айви. Можно предположить, что по пути туда за мной или за ними следили. Так же как и то, что на месте шпионили за кузиной, Джоном и мною.

Немного подумав, добавляю к списку еще один пункт. Он не имеет прямого отношения к письму с угрозой или конверту, в котором его прислали. Но отражает всю суть моих страхов:

6. Угрожает ли мне тот же самый человек, что и Мэй? Способен ли он применить физическое насилие по отношению к Джону и Айви?

Можно ли почерпнуть из этого списка что-ни-

будь новое? Сообщает ли он мне нечто такое, чего я еще не знаю? Едва ли. Разве что в очередной раз подтверждает народную мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь». Какой же дурой я была, когда сунулась в «Страховое бюро Мэтерса». По глупости каким-то образом выдала на той встрече свою личность, и с тех пор Луис или один из его прихвостней постоянно следил за мной — незаметно сопровождал до моей квартиры, а затем до дома Айви, да и в Булони тоже. Получается, я поставила под удар и себя, и Джона, и Королев, и наше расследование.

Наряду с этим я понимаю также и еще кое-что. Подобного рода список, возможно, и выглядел бы многообещающе на станицах какого-нибудь детективного романа, но в реальности от него никакого толку нет. Изображать сыщика в литературном произведении и по-настоящему гоняться за преступниками во плоти — две совершенно разные вещи. Не исключено, кстати, что мы только внушили себе, будто добились прогресса в деле Мэй. И может, пора передать его профессионалам?

Внезапно раздается стук в дверь, и я так и подскакиваю на месте. Отвечать ни в коем случае нельзя. А вдруг это один из головорезов Луиса —

то есть, конечно, если допустить, что таковые состоят у него на службе, — явился закончить работу, начатую неделей раньше? Нужно спрятаться на случай, если злоумышленник вышибет дверь. Но куда? Залезть под кровать? В шкаф? Даже звучит глупо — уж в эти-то места он первым делом и заглянет. Пожалуй, лучше всего вооружиться.

Я крадусь на кухню за ножом, и тут из-за двери доносится тихий женский голос:

— Дороти? Вы дома? Это я, Агата.

Голос как будто ее, и я отпираю дверь. В темном коридоре и вправду стоит моя подруга, в ее голубых глазах отражается тревога. Я веду гостью в комнату, и она обеспокоенно спрашивает:

— С вами все в порядке?

— Конечно, разве не похоже? — с наигранной беспечностью отзываюсь я, однако уже и сама понимаю, что подобная увертка не сработает.

— Дороти, мы вам с самого утра названивали. Днем Эмма даже отправила сюда курьера, но ему никто не открыл. Где вы были?

Я тяжело опускаюсь на диван и приглашаю Агату сесть рядом. Никак, из-под пальто Кристи, столь типичного для нее и ничем не примечательного, выглядывает подол шелкового платья?

Уж не наведалась ли она по пути ко мне на званый ужин? Вообще-то, не слишком похоже на нашу писательницу-отшельницу, но, возможно, ее муж вернулся из Сирии раньше запланированного срока.

— Я была здесь, Агата, — отвечаю я. — Стыдно признаться, но я просто спала и ничего не слышала.

— Ах, всего лишь! — облегченно вздыхает Кристи. — Что ж, столь напряженное расследование неизбежно сказалось на всех нас. Но, признаться, мы страшно переволновались за вас, Дороти. Мы уж подумали, хм…

— Я представляю, что вы подумали, и мне очень жаль, что доставила вам беспокойство, — перебиваю я. — Я вовсе не хотела этого.

Она встает и окидывает взглядом мои домашние туфли.

— Теперь, когда я убедилась, что вы живы и здоровы, надевайте вечернее платье и подобающую обувь. Через полчаса мы встречаемся с остальными Королевами детектива в ресторане «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд».

Как же я могу отправиться туда? После получения записки с угрозой совместный ужин в ресторане равносилен предупредительному вы-

стрелу в сторону врага. По сути, это сигнал, что я продолжаю расследование. Что шантажом меня не пронять. Что мне плевать: пускай рассказывают всему миру о моем незаконнорожденном сыне.

Разумеется, так поступить я не могу.

Но как объяснить это Агате, не раскрывая своей тайны?

— Идемте же. Давайте, собирайтесь! — поторапливает меня подруга, но я не двигаюсь с места. — В чем дело, Дороти? Впервые вижу, чтобы вы лишились дара речи!

— Я… Боюсь, я больше не смогу принимать участие в расследовании.

— Прошу прощения? — Вид у Агаты крайне озадаченный.

— Я получила письмо с предупреждением… Дескать, если я буду и дальше продолжать искать убийцу Мэй, то горько об этом пожалею, — объясняю я, умалчивая о сути самой угрозы.

Лицо Кристи разом каменеет.

— Да как этот негодяй смеет! Ах, Дороти, почему же вы нам сразу не рассказали? Мы бы спрятали вас в каком-нибудь безопасном месте! А потом вчетвером выследили бы убийцу, отправили его за решетку, и тогда бы вам уже ничего не

угрожало!

Прекрасный план, но вот сработал бы ли он? Если бы Королевы укрыли меня в жилище одной из них и продолжили поиски, удовлетворило бы это Луиса — или кто там меня шантажирует? Или же он все равно решил бы, будто я тайком помогаю подругам, и сделал мою тайну достоянием общественности? Об этом остается лишь гадать.

Бедный мой Джон. Он не заслуживает, чтобы его использовали в качестве пешки в этой ужасной игре. Однако ребенок Мэй тоже этого не заслуживал.

— Давайте обсудим все за ужином, — продолжает Агата, с теплой улыбкой сжимая мне плечо. — Дороти, вы не одна. Теперь у вас есть мы.

Ее чуткость и доброта надламывают меня. И как-то само собой получается, что при таком проявлении дружбы личина сильной и независимой женщины, которую мне приходилось изображать годами, порой очень долгими и наполненными одиночеством, вдруг спадает с меня. И я начинаю плакать. За последние несколько дней я пролила перед Королевами больше слез, чем за целое минувшее десятилетие.

— Дело ведь не только в угрозе, верно? — осведомляется Кристи, поглаживая меня по спине.

Не поднимая на нее глаз, я отрицательно качаю головой. — И все же я так не думаю, Дороти. Вы и бровью не повели, когда вас при подозрительных обстоятельствах едва не сбила машина, так что сомневаюсь, будто какая-то угроза настолько вывела вас из равновесия.

Могу ли я доверить ей свою тайну? Но как иначе мне объяснить свое решение больше не участвовать в расследовании? Я разрываюсь между теплым дружеским участием Агаты и инстинктивным, ставшим уже моей второй натурой стремлением во что бы то ни стало защищать своего ребенка, скрывая его от всех. Наконец, положившись на интуицию, я встаю, подхожу к столу и достаю записку. Молча протягиваю ее подруге и снова усаживаюсь рядом, обхватив голову руками. Неимоверный стыд не позволяет мне смотреть, как она читает письмо шантажиста.

Через несколько бесконечных мгновений Агата берет меня за руку и, ласково улыбаясь, спрашивает:

— Это ведь Джон, да? Ваш сын, я имею в виду? — В голосе Кристи не различается ни потрясения, ни осуждения. И никакого бурного негодования.

Я изумленно поворачиваюсь к ней:

— Откуда вы знаете?

— Догадаться несложно. По тем взглядам, которые вы бросаете на него. По голосу, когда рассказываете о мальчике. Это материнская любовь к сыну, очевидная всякому, кто способен видеть. Так что теперь все встало на свои места.

Почти восемь лет я тщательно хранила в секрете само существование Джона. Восемь долгих лет, на протяжении которых мысли о сыне не оставляли меня, и мне приходилось постоянно отгонять их, чтобы у всех на виду вести жизнь бездетной писательницы. Восемь лет, на протяжении которых я носила на себе тяжкое бремя позора, притворяясь при этом уверенной и оптимистично настроенной, а при необходимости и высоконравственной дамой. И мягкосердечное принятие Агатой моего ребенка — того факта, что у меня есть внебрачный сын, — столь неожиданно, что мой тихий плач мгновенно перерастает в рыдания.

Обняв меня, Кристи шепчет:

— Ну же, ну же, милая подруга, успокойтесь, пожалуйста. Если вы настаиваете, то никто больше, кроме меня, вашу тайну не узнает. Но что-то мне подсказывает, что остальные Королевы воспримут эту новость так же, как и я.

— Вы и правда так думаете?

— Ну да. Вообще-то, я даже не удивлюсь, если кое-кто из них уже и сам догадался. Но разумеется, выбор всецело за вами. Рассказывать или нет. Продолжать расследование или не продолжать. Это ваша жизнь и жизнь вашего сына, и ничего важнее этого не существует.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Ах, Дороти, решение принимать вам, и только вам, — вздыхает она. — Но как человек, у которого имеются собственные тайны, и чей страшный позор был выставлен на всеобщее обозрение на первых полосах газет по всему миру, я знаю, что пережить можно все — и после этого даже вновь обрести счастье. Ради собственных детей мы делаем и будем делать все, что только в наших силах. — А затем, слегка усмехнувшись, Агата подначивает меня: — Да и как знать, может, благодаря скандалу вы прославитесь еще больше.

Глава 48

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Мы проходим под расписанным под шахматную доску сводом арки и словно бы оказываемся в прошлом. Основанный в начале девятнадцатого века как шахматный клуб (отсюда и узор), «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд» превратился в место, завсегдатаи которого — люди денежные, титулованные и вовлеченные в политику. Слава заведения столь широка, что оно даже упоминается в нескольких произведениях Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. По-моему, весьма подходящие декорации для заключительного акта в расследовании дела Мэй Дэниелс.

Точнее говоря, на заключительный акт я лишь надеюсь. Потому что для меня на кон сейчас поставлено абсолютно все. Но как я могла отказаться? Мэй заслуживает правосудия, как и ее бедное дитя. И мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь сделал то же самое и для нас с Джоном, окажись я на ее месте.

Нас с Агатой проводят в громадный обеден-

ный зал, высокий потолок которого украшен замысловатой лепниной и люстрами, буквально изливающимися хрусталем. Стены здесь обшиты поблескивающими деревянными панелями с резьбой, своей затейливостью не уступающей потолочным узорам. Каким-то непостижимым образом в «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд» создается одновременно уютная и помпезная атмосфера, что, безусловно, всецело отвечает репутации заведения.

В этом ресторане я никогда прежде не бывала. Здесь слишком дорого и изысканно. Слишком пафосно, на вкус Мака или наших с ним друзей и коллег. Даже сейчас я гадаю, уместно ли тут мое унылое черное платье, только вернувшееся из химчистки, и, кажется, ощущаю на себе взгляды всех до единого посетителей. Неужели пятно моего позора настолько заметно? Теперь, когда о Джоне знает еще один человек, я чувствую себя словно бы обнаженной. Со всех сторон доносятся перешептывания.

В приглушенном свете мое внимание привлекает сверкание бриллиантов в другом конце зала, и я понимаю, что их источником является рука Эммы, поднятая в приветствии. За спрятанным в углу столом на пятерых сидят Королевы. Орци

в своих бриллиантах, жемчугах, мехах и многослойных кружевах выглядит до мозга костей аристократкой, почтенной престарелой баронессой. Найо в кои-то веки отказалась от своих извечных брючных костюмов и юбок-брюк и облачена в эффектное платье-футляр в серебристых блестках и с рукавом три четверти. Мы с Агатой, пожалуй, не впечатляем: она выбрала на этот вечер бежевое шелковое платье с юбкой в складку и неброский кардиган; на мне же мое обычное черное платье и свободная плиссированная пелерина. Марджери, заново подрезавшая свои черные как смоль волосы, в эффектном малиновом платье косого кроя, подчеркивающем достоинства ее фигуры, как будто единственная, кто всецело отвечает чарующей обстановке заведения.

Выдохнув облачко дыма, Марш изрекает:

— Безумно рады вас видеть, Дороти. Решили наконец-то напомнить о себе, да?

Мне кажется, или она и впрямь смотрит на меня с гневом? Машинально отшатываюсь, но Агата кладет мне руку на плечо и шепчет:

— Она всего лишь шутит. Не обращайте внимания.

— Найо, мы же договорились, — добавляет Эмма, сама, впрочем, отнюдь не источающая

приветливость. — Никаких упреков.

Стол заставлен хрустальными бокалами с напитками всевозможных цветов, начиная от золотистого и заканчивая бордовым, и про себя я задаюсь вопросом, сколь долго подруги меня дожидались. Усевшись на указанное место, я немедленно принимаюсь каяться в совершенных грехах:

— Хочу извиниться перед всеми вами. Агата рассказала, как вы волновались за меня. Если бы я знала, ни за что не поддалась бы искушению выпить и не уснула бы потом беспробудным сном.

— Ах, Дороти, забудьте, — едва ли не беспечно отзывается Марджери. — Мы рады видеть вас снова, целой и невредимой.

— Да к тому же в такой шикарной ресторации, — подхватываю я с улыбкой. — Мы что-то отмечаем? Дело ведь еще не раскрыто. Вроде бы Шерлок Холмс и доктор Уотсон отправились в «Симпсонс» только после поимки убийцы, — нарочито легкомысленно произношу я, имея в виду рассказ Артура Конан Дойла «Шерлок Холмс при смерти».

— Так вы ей не сказали? — Эмма поворачивается к Агате.

Та в ответ пожимает плечами:

— Не все сразу. Сначала мне нужно было вытащить Дороти из квартиры.

— Да вы смеетесь, что ли? — фыркает Найо. — Сперва она практически исчезает, а теперь оказывается совершенно не готова!

Да что происходит? К чему я не готова? Мое положение среди Королев на данный момент, пожалуй, несколько шаткое, так что задавать вопросы я не осмеливаюсь. Меня вообще не оставляет чувство, будто я вмешалась в чужой разговор.

— Дороти будет готова, когда настанет время, — в тон Марш отвечает Кристи.

— Надеюсь, я не помешала вам сделать заказ, — пытаюсь я перевести разговор в безопасное русло.

— Я заказала ужин на всех, — сообщает баронесса. — Сегодня я угощаю.

— Очень мило с вашей стороны, Эмма, — благодарю я ее, про себя радуясь, что хоть одной заботой стало меньше.

— Видите ли, Дороти, дело в том, что подать блюда и убрать со стола должны в строго определенное время. Обеспечить выполнение этого условия можно было только посредством предварительного заказа, — отвечает она совершенно

обыденным тоном, как будто это все объясняет. Однако я по-прежнему ничего не понимаю.

И тут, словно бы по волшебству, возле нашего стола возникают два официанта. Один привозит тележку с большущим куском жареного мяса, которое он, вооружившись огромным ножом, тут же принимается разрезать. Второй со своей тележки раздает порции хрустящего жареного картофеля, сладкой моркови и йоркширского пудинга. Это традиционная еда, которой и славится «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд», и каким-то образом, вопреки переполняющим меня тревогам, тайнам и нервозности, происходящее ощущается как праздник. В особенности с учетом того, что я голодна.

Женщины едят быстро, обмениваясь репликами крайне скупо. Удивленная подобной скоростью и молчаливостью, я все же следую их примеру. Надо полагать, уплетают они такую вкуснятину, едва разжевывая угощение, не без причины, и единственное объяснение, которое приходит мне на ум: это необходимо для нашего расследования. Мы собрались в элитном ресторане вовсе не с целью насладиться трапезой или атмосферой, но дабы кого-то выследить или же что-то выяснить.

В рекордное время с блюдами покончено, и посуду уносят. Королевы заказывают кофе и ликеры, и внезапно всё и вся замедляется. Найо закуривает сигарету, Эмма поочередно потягивает кофе и золотистый портвейн. Агата быстро оглядывает Марджери, и та по ее указаниям поправляет бретельку и подкрашивает губы после еды.

— Довольно уже интриговать меня, — не выдерживаю я, но, прежде чем успеваю продолжить, Найо парирует:

— А разве интрига не наше все?

— Вы понимаете, о чем я, — конфужусь я. — Объясните мне, пожалуйста, что вообще происходит?

Орци оглядывается по сторонам, желая убедиться, что нас не подслушивают, и затем подается ко мне:

— За прошедший день мы, как и договорились на пароме, связались с несколькими людьми, занимающими ответственные посты, и ознакомили их с письмом Мэй. Вмешательство этих лиц, несомненно, помогло бы сдвинуть расследование с мертвой точки. Однако нам стало очевидно, что никто из них, увы, не воспринимает ее историю всерьез. В особенности полиция.

— В первую очередь потому, что репутация

Мэй дискредитирована прессой, — добавляет Найо. — Это очень на руку тем, кто стремится закрыть дело, спустить все на тормозах.

— Брат моего мужа свел меня со своим одноклубником, шишкой из правительства, — подключается к беседе и Агата. — Так тот без обиняков заявил мне, что ни один начальник полиции или судья в стране не примет на веру письменное свидетельство девушки нестрогих правил, да к тому же наркоманки.

— Господи, что же газетчики сотворили с бедной Мэй! — вздыхаю я, и мне противно оттого, что к этому приложил руку также и Мак. — Ее уже осудили, лишили всякого доверия и приговорили на суде общественного мнения за преступления, которые она не совершала!

— Что ж, не она первая и не она последняя, — с обреченностью в голосе отзывается Кристи. Вспомнила ли Агата нападки прессы, которым подвергалась во время своего исчезновения? Или же подумала о шквале газетных статей, что обрушится на меня и Джона, если шантажист все-таки осуществит свою угрозу?

— Значит, мы провернули эту авантюру в Булони впустую? — Мне трудно сохранять спокойный тон, поскольку меня переполняет ярость. — И

письмо Мэй ничего не стоит?

— Ваше разочарование и гнев абсолютно понятны, — отзывается баронесса. — Мы тоже целый день аж кипели от злости…

— Пока Агата не предложила план, — перебивает ее Найо. — Буквально взятый со страниц вашей книги, Дороти. — Впервые за сегодняшний вечер она улыбается мне.

— Что еще за план? — поворачиваюсь я к Агате.

Та тоже улыбается:

— Мы собираемся заманить Луиса Уильямса в его собственную ловушку.

Глава 49

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Теперь мы ждем. Никогда еще час не тянулся так мучительно долго. Стол словно бы опустел без Марджери. Мы неспешно попиваем кофе и ликер и заказываем порцию десерта, чтобы отделаться от маячащего поблизости официанта. Аппетитный бисквит с патокой позволяет скоротать почти пятнадцать минут, однако нам все равно не оторвать глаз от входа в зал ресторана.

Ну когда же наконец появится Марджери? На нервной почве я даже начинаю постукивать ногой, да столь неистово, что Агата не выдерживает и требует прекратить. Но уже миновал почти час, и согласно плану, которым Королевы наконец-то соизволили со мной поделиться, Эллингем должна вернуться с минуты на минуту.

Основная часть их хитроумного замысла созрела, пока я страдала в одиночестве дома, причем замысел этот, похоже, именно мною и был вдохновлен. Когда подругам так и не удалось связаться со мной и когда им стало очевидно, что предъ-

являть представителям властей письмо Мэй абсолютно бессмысленно, они задались вопросом: а как в такой ситуации поступила бы Дороти? Какой бы выход она нашла из сложившегося положения? Скорее всего, рассудили Королевы, я не стала бы дожидаться, пока чаша весов правосудия склонится в пользу Мэй, а расставила бы преступнику ловушку. И действительно, Гарриет Вэйн прибегла бы как раз к такому приему — что представляется мне наивысшей похвалой, какой я только могла удостоиться от коллег.

Итак, дамы принялись за дело. Позвонив в «Страховое бюро Мэтерса», они под тем предлогом, что на одном важном документе якобы срочно потребовалась его личная подпись, выведали рабочий график Уильямса-младшего и узнали, что сегодня вечером в одном из закрытых залов «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд» проводится ежегодная встреча представителей страховых фирм, и Луис должен там появиться. Эмма заказала столик в общем обеденном зале ресторана. А вот к выполнению следующего пункта коварного плана можно было приступить только по наступлении нужного момента.

Что это за следующий пункт? Каким образом Уильямса-младшего собрались заманить в ло-

вушку? Да очень просто, с помощью Марджери. Мы обратим пристрастие Луиса к привлекательным и беззащитным молоденьким женщинам против него самого. Когда страховщики после трапезы и речей отправятся в бар — как заверил Эмму метрдотель, такая у них традиция на ежегодных встречах, — там его уже будет поджидать Марджери. Очаровательная ясноглазая брюнетка в эффектном малиновом платье, как пить дать, привлечет внимание Уильямса. В особенности потому, что в нашем обществе молодые женщины, как правило, не посещают рестораны без сопровождающих, а Марджери будет одна.

Но это лишь видимость. Мы ни за что не оставили бы свою подругу без прикрытия в баре «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд», как и в любом другом месте, коли на то пошло. Лично присутствовать там мы, разумеется, не можем, ведь большинство из нас прежде уже встречались с Луисом. Поэтому вместо нас в баре несет вахту детектив из Агентства Пинкертона, которого баронесса частенько использует в роли консультанта при написании своих книг, так что Марджери, пока она завлекает Уильямса в ловушку, ничто не угрожает.

Но вот часы отбивают десять, и возле нашего столика, направляясь в уборную, наконец-то

появляется Марджери. Она подмигивает нам:

— Все на мази!

Мне охватывает такое облегчение, что я готова вскочить и обнять подругу, но вовсе не потому, что ей удалось подцепить Луиса на крючок. А потому что я места себе не находила от тревоги. Да у меня все внутри сжимается от одной лишь мысли, что Марджери осталась наедине с этим типом, пускай и в довольно людном месте.

Она намеревается пройти дальше, но я хватаю ее за запястье:

— У вас все в порядке? Ах, если бы я разрабатывала план вместе с остальными, ни за что бы такого не предложила! Мне невыносимо даже думать, что вы подвергаете себя риску!

— Не терзайте себя, Дороти. Мне и вправду доставляет удовольствие заманивать этого негодяя в сети, действуя так же расчетливо, как и он сам, когда завлекал Мэй. И возможно, Леонору. Вполне подобающее воздаяние, — заверяет меня Марджери и удаляется в дамскую комнату.

В это самое время Агата — единственная из нас, кто еще не встречалась с Уильямсом, — выходит в вестибюль. Согласно договоренности, пока Марджери пудрит носик, она проясняет ситуацию у детектива из Агентства Пинкертона.

По возвращении Кристи сообщает нам, что Луис дожидается свою новую подругу в баре, чтобы, как и было запланировано, вместе покинуть ресторан. Сыщик подслушивал их разговор от начала до конца.

Это сигнал нам. Мы собираем свои сумочки и верхнюю одежду, встаем из-за стола, неотъемлемой частью которого являлись на протяжении вот уже нескольких часов, и оставляем «Симпсонс-ин-зе-Стрэнд» — к вящему облегчению обслуживавшего нас официанта.

Быстро проходим через центральный квартал, где жизнь бьет ключом, и оказываемся у подъезда гостиницы «Савой». Сей роскошный отель ничуть не уступает отделанному дубовыми панелями и витражами «Браунсу», где я не так давно встречалась за чаем с Агатой, однако атмосфера здесь царит совершенно иная. «Савой» расположен близ шумного театрального района, что весьма сказывается на облике заведения, в противоположность «Браунсу», который в строгом Мейфэре практически растворяется среди окружающих его викторианских террасных домов.

Признаться, я несколько удивлена, что для своих вылазок в Лондон Эмма предпочитает эту гламурную гостиницу, демонстрирующую

полнейший контраст с сельским Кентом, где она владеет поместьем под названием Сноуфилд.

Когда я делюсь с баронессой своими соображениями, она фыркает и объясняет:

— Вообще-то, мне бы и в голову не пришло останавливаться в этом отеле, но меня приобщили к нему актеры, задействованные в моем фильме, и незаметно для себя я свыклась с его излишествами. Зато сегодня вечером расположение «Савоя» пришлось весьма кстати.

Надо же, я совсем забыла, что по роману Эммы «Алый Первоцвет» снимают одноименный фильм, главные роли в котором исполняют настоящие кинозвезды — Лесли Говард и Мерл Оберон. Наверняка получится захватывающе, я уже заранее в восторге!

Когда мы входим в апартаменты баронессы, из элегантно обставленной гостиной открывается прекрасный вид на Темзу. Однако времени наслаждаться пейзажами у нас нет. Найо, Агата и я скрываемся в гостевой спальне справа, и через мгновение к нам присоединяется также и хозяйка номера, которая устраивала агента Пинкертона — «крепыша», как она его именует, — в гостевой спальне слева.

К тому времени, когда раздается звук повора-

чивающейся ручки и скрип открываемой двери, мои нервы уже на пределе. Получится ли у нас задуманное? Все ли в порядке с Марджери? Мы ведем игру на грани фола, но что еще нам остается?

Из гостиной до нас доносятся игривый женский смех и позвякивание кубиков льда о стенки бокалов. Мы вчетвером неподвижно сидим на задрапированной шелковым покрывалом кровати, готовые по условленному сигналу вскочить и броситься в соседнюю комнату. Большинство из нас, во всяком случае. Эмма-то вряд ли резво вскочит, да и я, честно говоря, не очень легка на подъем.

Тем не менее, когда ваза, предусмотрительно поставленная баронессой на самый краешек прикроватной тумбочки, падает на пол и разбивается, мы все мобилизуем невесть откуда взявшиеся запасы сил и бросаемся в гостиную. Именно этого звука мы и дожидались. Детектив из Агентства Пинкертона уже на месте, с фотоаппаратом в руках. На мгновение меня ослепляет вспышка — раз, потом другой, — это сыщик делает компрометирующие снимки примерного мужа и отца семейства Луиса Уильямса, застигнутого в номере гостиницы «Савой» в обществе некой

брюнетки, чье лицо не разобрать, ибо черты его оказываются вне фокуса объектива.

Для чего же нам понадобилось, заманив Луиса в ловушку, получить документальное свидетельство его супружеской неверности? Когда стало понятно, что реальных средств для достижения прогресса в деле Мэй у нас нет и что власти откровенно пренебрегают даже оставленным девушкой письмом, Королевы решили, что надо взять все в свои руки и самим создать рычаг воздействия.

— Какого черта здесь происходит? — кричит Луис.

Ему никто не отвечает. Мы просто смотрим на него как завороженные, ожидая его следующих слов. Может, сейчас преступник и выдаст себя.

Горящий яростью взор молодого мужчины сначала падает на Марджери, но та лишь пожимает плечами. Затем он оглядывает нас, и на его лице обозначается узнавание:

— Вы трое… Я ведь видел вас раньше! В нашем страховом бюро!

Судя по голосу, Уильямс изрядно удивлен, причем искренне. Что, в свою очередь, удивляет меня — и Агату, насколько я понимаю по ее лицу. Если на совести этого человека действительно

не только убийство Мэй Дэниелс, но и нападение на меня в Лондоне, если это Луис организовал слежку за мной в доме Айви и за всеми нами в Булони и, наконец, отправил мне на квартиру письмо с угрозой, то почему же он столь изумлен при виде нас? Ведь он должен точно знать, кто мы такие и почему заманили его сюда.

Марджери поднимается с дивана, где сидела рядом с Луисом, и присоединяется к нам: Эмма для пущего эффекта расставила напротив пять стульев. Уильямс, впрочем, ни малейшего желания участвовать в спектакле не изъявляет. Он вскакивает с дивана и устремляется к двери, однако агент Пинкертона предвидел попытку побега и уже стоит там, не позволяя нашей жертве покинуть номер.

При всем драматизме ситуации мне становится любопытно, сколько же баронесса платит сыщику за работу. Как здорово все-таки иметь богатых друзей!

Между тем наступает моя очередь взять слово:

— Вы останетесь в этом помещении и будете отвечать на наши вопросы! В противном случае ваша жена, а также все родные и знакомые увидят эти фотографии — можете даже не сомневаться!

— Да кто вы такие, черт возьми?

— Кто мы такие, не имеет ни малейшего значения, — отрезаю я. — Имеет значение лишь то, чего мы от вас хотим.

— И что же вам нужно? — Луис говорит громко, однако в голосе его отчетливо различается страх.

— Мы хотим, чтобы вы ответили за убийство Мэй Дэниелс.

Глава 50

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

При упоминании о Мэй он бледнеет. Вернее, при упоминании об ее убийстве.

— Что-то не слышно остроумного ответа! — усмехается Найо.

— Я непричастен к ее смерти. Абсолютно непричастен! — заявляет Луис. На его лицо вернулась краска, теперь щеки у него пылают от гнева.

— Мэй высказывалась на сей счет иначе, — парирую я, делая шаг к нему.

— Да как вы смеете! Вы… — бушует Уильямс, указывая на меня пальцем. — Вы были в моем кабинете… в нашем страховом бюро!

— После чего вы выследили меня и напали! — Я делаю второй шаг в его направлении. Никогда еще я не была настолько преисполнена решимости отомстить. И такой ярости я прежде тоже не испытывала, даже когда Билл Уайт бросил меня, узнав о беременности.

Луис пятится от меня, пока не упирается спиной в стену.

— Да что вы такое несете, ради всего святого! Вовсе я не выслеживал вас и не нападал! И никому не приказывал этого! Да я даже имени вашего не помню!

Бросаю взгляд на Агату, и она едва заметным покачиванием головы дает мне понять, что следует сменить направление. Что ж, к возмездию и угрозам мы еще вернемся. Сначала нужно разобраться с главным.

— Вы отрицаете, что у вас был роман с Мэй Дэниелс? — спрашиваю я, уже стоя к мужчине едва ли не вплотную, так что даже ощущаю его дыхание, кислое от вина и напитков покрепче.

Теперь Уильямс и вовсе багровеет от гнева. Найо поднимается со стула и встает рядом со мной:

— Отрицать сей факт вы, как я понимаю, не собираетесь?

Он не отвечает. Да в этом и нет нужды — все написано у него на лице.

Марш между тем продолжает свою обвинительную речь:

— Как, полагаю, вы не станете отрицать и то, что внушили бедной девушке, якобы она вам дорога?

Луис шепчет что-то так тихо, что и не разо-

брать.

— Что вы сказали?

— Мэй действительно была мне дорога, — повторяет он лишь немногим громче.

Найо снова набрасывается на него:

— Что ж, вы избрали весьма оригинальный способ продемонстрировать это. Убийство, я имею в виду.

— Я не убивал Мэй Дэниелс! — орет Уильямс.

— Тогда, может, начнем с других ваших преступлений, помельче? — снова вступаю в беседу я. — Супружеской измены и обмана. Вы лгали Мэй о своем семейном положении, не так ли? Убеждали ее, будто не женаты. Упорствовали в своей лжи и в итоге прельстили девушку своими байками!

Снова молчание. И в душе у меня постепенно начинают назревать сомнения относительно более серьезных обвинений, вызывающих у Луиса всплеск эмоций.

— А потом, когда Мэй рассказала вам о своей беременности, вы велели ей сделать аборт. — Я обвожу взглядом подруг. — Я ведь не ошибаюсь, в нашей стране аборты запрещены?

— О да, несомненно, — живо поддакивает мне Агата.

— Что вы несете? — рявкает Луис.

— А вот пусть мисс Дэниелс сама все расскажет. — С этими словами я достаю из кармана копию предсмертного послания Мэй.

— Она оставила письмо?

— К счастью для нас, да. В тот день, когда мисс Дэниелс погибла, в Булони, ее терзало предчувствие, что с ней что-то случится, и поэтому в сквере в Старом городе она изложила на бумаге свою историю, а затем спрятала это сообщение. Итак, цитирую: «…Мне пришлось встретиться лицом к лицу с отцом моего будущего ребенка. Тогда я еще и сама толком не знала, как поступлю, однако понимала, что, если решу оставить ребенка, мне потребуется финансовая поддержка… „Избавься от него, — то были его первые слова. Ну а потом он безжалостно добавил: — Я найду того, кто это сделает“».

— Что за чушь! — снова орет Уильямс.

— Нам известно, что вы убеждали мисс Дэниелс сделать аборт, и более того, вы давили на нее. В этом же послании — напоминаю, написанном в последний день ее жизни, — она сообщает: «По прибытии в Булонь я прикладывала все усилия, чтобы не омрачать наш с Селией выходной. Но когда я отказалась от посещения ателье на рю

де Лилль и отдыхала одна в сквере — молясь, чтобы тошнота меня отпустила, — ко мне на скамейку подсел незнакомец. Он сказал, что для меня организовали „визит“ к местному врачу, и мне только и нужно, что пойти с ним».

— Ничего такого я не организовывал, — выдавливает потрясенный Луис, и глаза его округляются. — Понятия не имею, кто подходил к Мэй в том сквере. Да и как я мог подослать какого-то там человека во Франции? И зачем?

Мы не сводим с Уильямса глаз. Дожидаемся, когда же преступник сам выроет себе могилу. Однако он снова срывается на крик:

— Я не могу быть отцом ребенка, про которого упоминает Мэй, потому что никогда не спал с ней!

Тут уж мы с Королевами недоуменно переглядываемся. Ну не глупо ли оправдываться подобным образом? Почему из всех возможных отговорок Луис выбрал именно это нелепое заявление? Причем возмущение его выглядит совершенно искренним. Либо он невероятно одаренный актер, либо и вправду сильно озадачен. Но если Мэй забеременела не от него, то от кого же тогда?

— Хотите повесить на меня преступление, ко-

торого я не совершал? — Уильямс уже визжит.

— То, что мисс Дэниелс была убита, не подлежит сомнению. У нее на шее обнаружены следы удушения, а под ее телом французская жандармерия обнаружила значительное количество крови. — Мне стоит немалых усилий произнести это недрогнувшим голосом.

Луис не отзывается, однако от его молчания мне становится не по себе.

Тем не менее я снова берусь за письмо:

— Пожалуй, стоит освежить вашу память. Вот что сообщает мисс Дэниелс: «Минувшим летом я лишилась невинности при постыдных для меня обстоятельствах. Посредством внезапного нападения. Против своей воли».

— Это был не я. — На глаза у Луиса наворачиваются слезы, и он обессиленно опирается рукой о стену. — Клянусь! Я не знал! Мэй мне об этом ничего не рассказывала!

И внезапно этот самодовольный, зарвавшийся молодой мужчина разражается рыданиями. Интересно почему? Оплакивает свой неминуемый арест и заключение в тюрьму? Где-то в глубине души ощущает раскаяние? Или же он действительно испытывал какие-то чувства к Мэй? А может, все вместе?

Но это не важно. Нам важно, чтобы Луис либо признался, либо неосторожно выдал себя и мы заполучили какую-нибудь неопровержимую улику, которую в дальнейшем сможем использовать. И еще я молю Бога, чтобы Уильямсу не пришло в голову поинтересоваться, с какой стати мы подстроили ему ловушку вместо того, чтобы со своими пресловутыми вескими доказательствами отправиться прямиком в полицию.

— Я клянусь, что в жизни не вступал в интимные отношения с Мэй! У нас с ней ни разу не было физической близости. Да и вообще, примерно с августа она начала отдаляться от меня, явно потеряв интерес. Стыдно признаться, но подобное охлаждение с ее стороны всецело меня устраивало. И даже было весьма кстати. Честно говоря, мне уже порядком надоело, что Мэй постоянно мне отказывала.

— Значит, вы признаёте, что пытались склонить мисс Дэниелс вступить с вами в интимные отношения? — Найо надеется таким образом прижать Луиса.

— Конечно признаю, хотя повторяю: я так и не добился успеха. И кстати, я отнюдь не горжусь своими домогательствами. Как-никак, я человек женатый. Но поверьте, я ни за что не посмел бы

взять женщину силой. В общем, я не предпринимал ничего, чтобы удержать Мэй, и вскоре наши отношения прекратились.

— И все же в октябре вы снова встретились с ней, — подключается к допросу Агата.

— Видите ли, ситуация у меня дома стала несколько… — Уильямс смолкает, подыскивая подходящее слово, — нестабильной. Я чувствовал себя одиноко и начал ходить по клубам вместе с кое-какими коллегами из страхового бюро. Но меня отталкивала убогость клубной жизни.

— Значит, Леонора Деннинг пришлась вам не по вкусу? — Марш не может удержаться, чтобы не отпустить шпильку, хотя, надо признать, и весьма уместную.

— Вы читали об этом в газете? — Луис разом бледнеет.

— Нам известно, что вас допрашивали по поводу ее исчезновения. Итак, две пропавшие молодые женщины оказались связаны с вами, — ухмыляется Найо. — Незавидное у вас положеньице, прямо скажем.

Вид у Луиса такой, будто его вот-вот вырвет.

— Да, я понимаю, как это выглядит со стороны. Но уверяю вас, тем вечером все мое общение с Леонорой Деннинг свелось лишь к пятиминут-

ной беседе. После чего я больше ее не видел.

— Ну надо же, как интересно получается: никто другой после этого ее тоже не видел, — продолжает давить на собеседника Марш.

— Вы встречались с мисс Дэниелс в октябре. Расскажите об этом. — После того как мы деморализовали нашего подозреваемого, я возвращаюсь к Мэй.

— У нас было свидание в ресторане «Рулз», и мы совершенно нормально общались: болтали о ее предстоящей поездке. А потом Мэй пошла в дамскую комнату и — бац! — как сквозь землю провалилась. И когда в газетах появилась новость о ее загадочном исчезновении, я был даже несколько озадачен. Потому что как по мне, так она уже пропала раньше.

— И вам не пришло в голову сообщить в полицию о ее исчезновении из ресторана?

— Еще чего не хватало! Ведь это равносильно признанию в том, что я изменяю своей жене.

— И как ваша супруга отреагировала бы на это?

— О, это ясно как божий день. Моя жена — дочь баронета и при каждом удобном случае кичится передо мной своим титулом. Она вполне способна выставить меня вон и замки в доме сменить.

Мы сидим не шевелясь и не сводим с Уильямса суровых взглядов, в то время как он достает из кармана пиджака носовой платок и вытирает слезы. На лице его проступают красные пятна, глаза налиты кровью. Некоторое время Луис смотрит на нас, подавленный и печальный, а потом вдруг хмурится, словно в голову ему приходит некая ужасная догадка.

После чего он обреченно, но твердо произносит:

— Я никогда не причинял Мэй Дэниелс вреда и никому не приказывал сделать это. Клянусь. Но возможно, я знаю, кто во всем виноват.

Глава 51

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

— Какие же мы дуры, что отпустили его! — восклицает Найо, стоит лишь двери гостиничного номера закрыться за Луисом. — Несмотря на все имеющиеся у нас доказательства! После того, что этот тип нам рассказал! И почему, кстати, мы вообще ему поверили?

Признаться, я и сама, глядя в спину покидающему нас Уильямсу, терзалась сомнениями. Стоит ли верить его россказням? Может, все это лишь ложь отчаявшегося преступника? Однако, развернувшись от двери, я напоминаю Марш:

— Едва ли мы были вправе не позволять ему уйти. Как-никак, мы же не настоящие полицейские. Да и потом, я отчасти — только отчасти — склонна верить рассказу Луиса. В конце концов, сообщенная им информация компрометирует и его самого, хотя и не в той мере, конечно же, как обвинение в убийстве.

— К тому же, Найо, мы вовсе не отпустили Уильямса на все четыре стороны. Мой помощник из

Агентства Пинкертона будет за ним следить, — добавляет Эмма. — И сегодня мы получили то, что нам было нужно.

— Верно, теперь у нас имеются, так сказать, страховые полисы, простите за каламбур, — письмо и фотографии, — подключается к беседе и Марджери, ссылаясь на свою недавнюю роль наживки.

— За которые мы вам бесконечно благодарны, — отзываюсь я. — Задача была нелегкой. И я очень беспокоилась за вас.

— Если честно, — Эллингем заговорщически подается ко мне, — мне доставляло удовольствие крутить-вертеть Уильямсом, пускай он и негодяй. И я буду только рада, если это поможет нам, и…

— Нет уж, Эмма, давайте-ка разберемся! — взрывается вдруг Найо, и последние слова Марджери тонут в ее крике. — У нас на руках имеется письменное свидетельство Мэй Дэниелс, в котором недвусмысленно указывается на то, что Луис Уильямс являлся отцом ее ребенка, настаивал на аборте и предпринял попытку организовать в Булони противозаконную операцию по прерыванию беременности. И полагаю, у нас есть все основания допустить также и то, что именно этот человек насильно увел девушку с Центрального

железнодорожного вокзала через несколько минут после того, как она спрятала письмо, — увел, а потом убил. И при таком раскладе мы просто позволяем преступнику уйти? Хотя и располагаем компрометирующим материалом на него? Да надо было привязать мерзавца к стулу, чтобы сутками мучился от голода и жажды и гнил в своих нечистотах, пока во всем не признается! В письменном виде! — Под конец своей тирады Марш едва ли не визжит.

Я всецело понимаю подругу и даже во многом с ней согласна. Меня и саму переполняет жажда отомстить прямо сейчас, тем более почти все как раз и указывает на вину Луиса. Но в кои-то веки чутье подсказывает мне, что спешить не следует. Играем мы вдолгую, и поддаваться импульсивным всплескам эмоций ни в коем случае нельзя. Как бы нам этого и ни хотелось. Лучше направить энергию на наш следующий ход.

Кроме того… А действительно ли Мэй называла отцом своего ребенка Луиса Уильямса?

Я уже собираюсь рискнуть вызвать на себя гнев Найо, озвучив свои сомнения, но тут заговаривает Эмма, само спокойствие:

— Перво-наперво, позвольте заметить: в своем письме Мэй употребляет слова весьма осмотри-

тельно. Мужчину, о котором мы думаем как о Луисе, она именует исключительно «ухажер». Еще она использует слово «отец» — применительно к ее ребенку, — однако ни разу не уточняет, кто это. С чего мы вообще взяли, что речь идет об одном и том же человеке? Полагаю, при тщательном изучении послания Мэй можно заключить, что она ссылается на двух разных мужчин, ни одного из них не называя по имени.

— Да бросьте! — гаркает Марш. — Это притянуто за уши, всего лишь ваши досужие домыслы!

— Вы так думаете? — парирует баронесса. — А может, мы просто увидели в письме лишь то, что нам хотелось увидеть?

Здесь-то я и вмешиваюсь, в тысячный раз перечитав послание несчастной девушки:

— Послушайте внимательно вот этот отрывок, где Мэй обращается к Селии: «Ради твоей безопасности я по возможности избегала каких бы то ни было имен. Надеюсь, если ты передашь мои записи полиции, они смогут восстановить недостающие детали».

— Но даже если бы Мэй и четко называла имена, — продолжает Эмма, — несколько надежных источников уже предупредили нас, что власти не сочтут ее письмо заслуживающим доверия, и все

благодаря стараниям журналистов. А нас, между прочим, несмотря на все наши старания помочь в расследовании, вполне могли бы арестовать за незаконное удержание Уильямса, лишение его свободы. Веселенький получился бы финал, что и говорить!

— Не важно, что письмо не дает полиции оснований для ареста Луиса! Это не имеет никакого значения! — громче прежнего заходится Найо. — Ведь мы вполне можем и сами надавить — на Уильямса или, если верить ему, на того человека, который якобы убил Мэй, — просто передав послание прессе. Но ведь для этого нужна смелость! А мы лучше будем праздновать труса и потакать стереотипам, оправдывая ярлыки, которые в нашем обществе принято навешивать на женщин! — фыркает она. — Обычное дело, Эмма, чего еще от вас ожидать!

От недавних дружелюбных колкостей, к которым я в конце концов привыкла, Марш и Орци уже перешли к довольно резким препирательствам. Сдержанное восхищение женщин друг другом, подразумевающее в том числе и благодарность, а то и благосклонность одной по отношению к стараниям другой преодолевать барьеры между ними, развеивается словно дым.

Сейчас они обращают свои различия друг против друга, чего я ранее и опасалась.

— Праздновать труса?! — Теперь и Эмма тоже повышает тон.

Орци стремительно подходит к Найо и непостижимым образом — хотя ростом она на несколько дюймов ниже оппонентки — нависает над ней.

Марш никак не реагирует, и тогда баронессу несет вовсю:

— Потакать стереотипам?! Обычное дело?! Да как вы смеете? Вы росли в эпоху, когда часть женщин уже получила право голосовать и располагала возможностями, пускай и весьма ограниченными, обрести в жизни независимость — даже если это стоило им ярлыка «избыточная»! А вот я такой привилегии не имела! В мое время женщинам приходилось несоизмеримо тяжелее, и мы были практически лишены выбора! Собственно, такие, как я, и вымостили вам путь! Я, между прочим, добилась беспрецедентного успеха без помощи денег и уж тем более титула, а трусость и потакание мне были неведомы! И не смейте считать меня трусихой, потому что я ношу юбку, а не брюки, и не забываю об элементарной вежливости!

Найо по-прежнему молчит, и Эмма тоже более

ничего не говорит. Две женщины замирают в воинственных позах и испепеляют друг друга взглядами.

Я решительно пересекаю комнату и встаю между ними.

— Вот что, милые дамы, ссориться совершенно ни к чему! Мы все пришли к одному и тому же разными путями, но ни в коем случае не должны забывать о своем единстве. Разумеется, каждой из нас хотелось бы прямо сегодня вечером разоблачить убийцу Мэй и прижать его окончательно и бесповоротно. А Луис Уильямс не только негодяй, вполне способный на подобное преступление, но и находится сейчас в нашей власти. Тем не менее, выслушав этого типа и вновь перечитав письмо, я уже не столь уверена, что он и впрямь виноват в убийстве. Да, он обманывал девушку. Безусловно, ложью толкнул ее к грехопадению. Однако нам нужно будет всем вместе — повторяю: вместе! — решить, можно ли верить его словам, будто убийство Мэй на совести совсем другого человека.

Агата немедленно подхватывает мою мысль:

— Только вместе мы способны выявить, правдиво или ложно его утверждение. И я бы предложила разрешить эту задачу тем же образом,

каким мы в своих книгах разрабатываем план раскрытия преступления. Может, мы и не настоящие сыщики, но в распутывании головоломок равных нам нет.

И хотя мы с Кристи предварительно ни о чем не договаривались, однако сейчас определенно выступаем единомышленниками. Она жестом предлагает мне продолжать.

— Давайте начнем с начала, — предлагаю я.

— Только не опять эта ваша хронология! — уже незлобиво стонет Марш.

Марджери и Агата смеются, а затем к ним присоединяется и Эмма. Они с Найо не извинились друг перед другом, однако совместное веселье уже свидетельствует о некоторой оттепели. Так что я и не думаю обижаться из-за насмешки над моим любимым списком событий.

— Нет, я говорю вовсе не о хронологии, хотя и оставляю за собой право вновь привлечь ее на помощь в будущем, — провозглашаю я с улыбкой. — Под «начнем с начала» я подразумеваю нечто иное. Мне хотелось бы, чтобы мы как следует поразмыслили над тем, как разрешаем загадки — в качестве писательниц. И рассказали об этом друг другу.

— По-моему, у нас сейчас есть дела гораздо

более важные, нежели трепаться, повествуя коллегам о своем творческом процессе, — возражает мне Марш тем же высокомерным тоном, каким до этого общалась и с баронессой. Неужели она так и не усвоила, что не стоит вести себя с нами столь агрессивно и оскорбительно? Что это лишь приведет к напряженности, абсолютно излишней в данных обстоятельствах?

Я не удостаиваю Найо ответом. Мы и без того уже достаточно отвлекались на всякую ерунду.

— Воображая себя детективами, мы продвинулись довольно далеко. На удивление далеко, по правде говоря. И мне кажется, что без обращения к нашим действительным талантам большего нам уже не достичь. А потому завтра утром мы соберемся у меня на квартире, чтобы распутать эту интригу так же искусно, как мы разрешаем загадки в своих собственных сочинениях.

Глава 52

16 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Королевы сопровождают меня до самой квартиры и дожидаются на лестничной площадке, пока я не сообщаю, что все в порядке. И лишь когда замок щелкает, по ту сторону двери раздается удаляющийся стук их каблуков. Меры предосторожности, предпринятые бдительными подругами, вызывают у меня вздох облегчения. После нападения на улице, вторжения в мой гостиничный номер в Булони и получения письма с угрозой — хотя о последнем известно лишь Агате, — я больше не могу притворяться, будто чувствую себя в безопасности. И все же, невзирая на риск разрушить репутацию — как свою, так и Джона, — я решила не оставлять расследование. Не позволю страху сбить меня с пути истинного!

Агата помогла мне поверить в свои силы и укрепить волю. Неужели с тех пор, как она объявилась на моем пороге, облаченная в вечернее платье, миновало всего лишь семь часов?

«О боже! — я так и ахаю, обводя взглядом раз-

бросанную одежду, тарелку с недоеденными бисквитами, уйму стаканов из-под разбавленного виски и чайных чашек. Меня едва не мутит от подобного зрелища. — Какой же кавардак предстал ее глазам! Наверное, большего разгрома у меня в жизни не бывало. Но даже после этого, — приходит мне в голову, — она остается моей подругой. Просто чудо!»

Даже не сняв вечерний наряд, берусь за уборку. Королевы прибудут завтра ровно в девять утра, и мне совершенно не хочется, чтобы они сочли меня неряхой. Когда грязная одежда перекочевывает в корзину, посуда — отмачиваться в раковину, а стол и стойка начисто вытерты и я уже начинаю подметать пол, до моих ушей вдруг доносится характерный звук, весьма напоминающий щелчок дверного замка.

Уже, наверное, в миллионный раз я принимаюсь лихорадочно соображать, как мне поступить. Но тут из прихожей доносится шотландский говорок Мака:

— Эй, жена! Ты дома?

Меня охватывают неимоверное облегчение и радость. Я мчусь к мужу и обнимаю его, не успевает он даже снять шляпу и пальто.

— Как приятно видеть, что ты рада мне, Дороти!

После нашего расставания у Айви я, признаться, даже не ожидал столь радушного приема и теперь просто в восторге. — Мак радостно улыбается, и в уголках его глаз собираются морщинки.

— Я так скучала по тебе, милый. Дни у Айви казались невероятно долгими, — шепчу я. — Как и все дни после нашего расставания, по правде говоря.

— Лечение не принесло плодов? Айви вроде как не выражала в письмах особых опасений, и, насколько я знаю, к тебе наведывались гости. — На его лице отражается искренняя озабоченность. Я и понятия не имела, что муж и двоюродная сестра поддерживали связь, и теперь очень тронута этим обстоятельством.

Легонько отстранившись, Мак наконец-то снимает пальто и вешает его на крючок, а следом и шляпу. Приглаживает ладонью волосы и ждет, что я скажу.

— Лечение подразумевало временный запрет на писательство, а уж ты-то понимаешь, насколько это может угнетать, — отвечаю я, и он сочувственно кивает. Прощупывая почву, добавляю: — Хотя присутствие Джона, конечно же, действовало на меня живительно.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Джон

славный мальчуган, — благожелательно комментирует муж, а затем с легкой выжидательной улыбкой предлагает: — Пожалуй, мы могли бы взять его на недельку на летних каникулах.

— О Мак! — Я снова обнимаю супруга. — Ты не шутишь? Это для меня столько значит!

— Не шучу, — произносит Мак со своим шотландским акцентом, от которого я просто млею.

Мы сливаемся во французском поцелуе, и на какое-то время я забываю, как дышать.

Потом я веду Мака к дивану, и по пути он интересуется:

— А как поживают твои подруги? Айви писала, что к тебе целая компания нагрянула. Королевы, вроде?

— Да, мы создали новую группу, называется «Королевы детектива». С их стороны было очень мило навестить меня. Хотя приезжали они в том числе и по работе… — Я умолкаю. Возможно, сейчас самый подходящий момент упомянуть про расследование убийства Мэй Дэниелс.

Муж заглатывает наживку:

— По работе? Вместе пишете книгу? Должно получиться захватывающе. — Судя по всему, подобное совместное предприятие вызывает у него искренний интерес.

— Может, в будущем этим и займемся. На самом деле мы работаем над делом Мэй Дэниелс.

— Мэй Дэниелс? — хмурится Мак. Он явно в замешательстве. — Той самой?

— Ага. Когда я рассказала Королевам о нашей с тобой командировке во Францию, их это очень заинтриговало. Исчезновение Мэй Дэниелс из уборной Центрального железнодорожного вокзала — идеальный случай «загадки запертой комнаты». — Я бросаю на мужа быстрый взгляд, чтобы определить его реакцию.

— Хм, мне такое даже в голову не приходило, но, пожалуй, ты права.

«Звучит обнадеживающе», — мелькает у меня мысль, вдохновившись которой я продолжаю:

— Вот им и захотелось попробовать свои силы в раскрытии этой загадки. С тех пор мы периодически занимались расследованием трагедии. Подруги даже потащили меня в Булонь пару дней назад.

— Представляю себе это зрелище — как вы впятером высаживаетесь во Франции, — посмеивается Мак. — Признаться, мне даже жаль бедных жителей Булони. Вряд ли они догадывались, какому нашествию подверглись. Ты и твоя выдающаяся соратница — не кто иная, как

Агата Кристи. Наводящий ужас дуэт из баронессы Орци и той австралийки, чье имя я даже выговорить не в силах. Единственная, пожалуй, от кого французы не дрожали, — это Марджери… Как ее фамилия?

— Эллингем.

— Ах да, точно.

Нарисованная мужем картина искренне меня веселит:

— Да уж, описание точное, ни убавить, ни прибавить!

— Удалось что-нибудь выяснить? — интересуется Мак. Мы сидим на диване бок о бок, касаясь друг друга бедрами.

— Да так, накопали несколько интересных фактов. Просто я не уверена, что их примут в качестве доказательств или что на их основании можно будет произвести арест. Одна цепочка улик выявила связь между Мэй Дэниелс и некими успешными дельцами в театральном бизнесе и страховании. Но, как я уже сказала, у нас остаются сомнения в вескости свидетельств, так что пока причастность этих людей нельзя считать доказанной.

— И кто же эти люди?

— Джимми и Луис Уильямсы, отец и сын, ко-

торые заведуют «Страховым бюро Мэтерса». А также сэр Альфред Чепмэн, соуправляющий директор Королевского театра на Друри-лейн и еще нескольких в Уэст-Энде.

Мак тут же выпрямляется и поворачивается, чтобы заглянуть мне в глаза. Легкомысленного настроения как не бывало, теперь он сама серьезность:

— Будь осторожна, Дороти. Окружающим Уильямсы кажутся обычными дельцами, заботящимися о своем социальном статусе, однако Джимми добился столь высокого положения посредством разнообразных темных делишек — азартные игры, скачки и все такое прочее. И мне доподлинно известно, что Уильямс-старший по-прежнему активно промышляет подпольным ростовщичеством. Он и своего сына тоже ввел в бизнес, да еще устроил ему брак с дочерью разорившегося баронета, обеспечив себе таким образом родственную связь с аристократами. И поверь мне, Джимми не остановится ни перед чем, чтобы удержаться в этом новом для себя статусе, ведь теперь он принадлежит к респектабельным богачам.

Мы таких подробностей не знали. Интересно, что еще известно Маку?

— А что скажешь про сэра Альфреда Чепмэна?

— О, таких мерзавцев, как он, еще поискать. Получил рыцарство за заслуги в контроле нормирования продуктов во время войны, однако, по слухам, он-то как раз и заправлял черным рынком, воруя кусок хлеба у женщин и детей. Впоследствии переквалифицировался в видного театрального деятеля, вот только не хотел бы я увидеть, что за номера он откалывает за кулисами.

— Вот этот тихий джентльмен? — ахаю я.

— О, его видимая кротость и невзыскательность зачастую и используются им как главное оружие. — Помолчав немного, муж интересуется: — А с чего ты взяла, что сэр Альфред тихий, Дороти? Только, пожалуйста, не говори мне, что имела с ним какие-то дела!

Тут я оказываюсь в затруднении. Остается лишь выложить правду:

— Мы с Агатой встречались с этим человеком в Королевском театре на Друри-лейн после представления. Но у него наверняка сложилось впечатление, что мы всего-навсего скучающие матроны, случайно познакомившиеся на вечеринке с Бэзилом Дином.

Об оставленном экземпляре «Пяти красных

селедок» с автографом я умалчиваю. Как и о том, что после этого подарка сэр Альфред абсолютно точно знает, кто я такая. Просто незачем понапрасну волновать Мака. Сами-то мы уже зашли в своем расследовании слишком далеко, чтобы теперь отступать.

— И на этом лучше остановиться, любимая. — Муж обнимает меня и совершенно серьезно продолжает: — Обещай, что вы и близко к ним не подступитесь. Это мерзкие типы!

Я покладисто киваю и одариваю супруга широкой улыбкой. Недооценивать меня ему совершенно не свойственно, однако в столь поздний час, когда мы вот так сидим рядышком на диване, он, пожалуй, может и поддаться на мою уловку.

— Мак, дорогой, причин для беспокойства нет. Мы всего лишь группка писательниц детективных романов, собирающихся в Университетском дамском клубе или кафешках, чтобы за чаем обсудить удивительную загадку. Ну подумай сам: какую угрозу мы можем представлять для этих типов?

Глава 53

17 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Я тщательно протерла книжные полки и подмела паркет. А еще прибралась на кухне и навела порядок в разбросанных на письменном столе черновиках романа «Найти мертвеца». («Все сроки уже давно прошли, — с ужасом думаю я, — а рукопись до сих пор не сдана».) Листы с хронологией событий приколоты к стене, рядом с чистыми, на которых нам предстоит расписать план дальнейших действий. Незадолго до этого я бросила вызов не по сезону бодрящей температуре раннего утра и пробежалась по Грейт-Джеймс-стрит до пекарни на углу, так что теперь на столике возле дивана выставлены разогретые пончики и сконы, вместе с розетками с апельсиновым джемом и ягодным вареньем, стопками фарфоровых блюдец, чашками и свежевскипяченным чайником. Камин разожжен. И мало того, квартира даже освобождена от Мака, хотя это уже не моя заслуга, а его собственная: муж уехал по своим журналистским делам.

Раздается осторожный стук в дверь, и манера стучать подсказывает мне, что первой явилась Агата. Однако, открыв дверь, я обнаруживаю, что чутье меня подвело: на пороге стоит Эмма. Признаться, я боялась приглашать баронессу к себе в гости. Она ведет изысканную жизнь в Монте-Карло, Тоскане и Кенте, и меня беспокоит, что знакомство с моим, чего уж греха таить, не слишком романтическим бытом негативно скажется на ее отношении ко мне.

Орци входит в квартиру, передает мне пальто и шляпу, а затем заглядывает в гостиную и немедленно выносит вердикт:

— Просто чудесно! Лондонское временное пристанище самого что ни на есть писательского сорта!

Никогда не воспринимала свою квартиру в таком качестве, но от комплимента решаю не отказываться.

Стоит мне усадить гостью в самое удобное мягкое кресло, как снова раздается стук в дверь, и я мчусь открывать. На пороге глазам моим предстают три других Королевы, и мое жилище немедленно затопляет волной смеха и болтовни.

«Интересно, оглашала ли хоть раз эту квартиру такая вот жизнерадостная какофония? — заду-

мываюсь я с улыбкой. — Какая же досада, что поводом для нашего столь веселого собрания служат убийство, нападения и угрозы!»

Гостьи устраиваются на диване и стульях с мягкой обивкой и угощаются пончиками и сконами, а я разливаю им чай. Когда же щебет подруг смолкает, я подхожу к стене и обращаюсь к ним, дабы привлечь внимание.

— А вот и наша любимая хронология, — шучу я, указывая на уже знакомые листы бумаги, и в ответ раздается смех. — Однако к ней мы обратимся чуть позже. А начнем мы с вопроса, на сегодня для нас наиболее насущного. Как вы раскрываете убийства собственного сочинения?

— Что конкретно вы имеете в виду? — спешит уточнить Эмма. — Как мы намечаем и продумываем преступления при написании произведения? Или же каким образом разоблачаем злоумышленников на страницах книги?

— Второе.

— Давайте переадресуем вопрос тому, кто его задал, — с улыбкой предлагает Марджери. — А как вы сама это делаете, Дороти?

Хм, подобный внезапный поворот может несколько сбить нас с курса. Дело в том, что вчера вечером мне в голову пришла вполне определен-

ная идея, как можно распутать стоящую перед нами загадку, и теперь я хочу, чтобы остальные самостоятельно пришли к такому же решению.

Однако я все-таки отвечаю:

— Думаю, для описания моего способа раскрытия убийств лучше всего подойдет следующая формулировка: «я обслуживаю свое творение».

— И что это значит? Звучит как мистика какая-то, — фыркает Найо, кто же еще.

Однако я игнорирую насмешку.

— Я получаю от него указания и согласно им придаю ему форму. И ни в коем случае не позволяю собственным пристрастиям или желаниям потенциальных читателей навязывать мне развитие сюжета или развязку романа.

— Иными словами, вас направляет муза? — уточняет Эмма.

— Можно и так выразиться. Хотя лично для меня музой служит Бог, а не персонаж древнегреческих мифов. Я выросла в религиозной семье, мой отец был англиканским священником. И христианские наставления отца и матери никогда не оставляли меня, разве что несколько видоизменились в зрелом возрасте.

Женщины молчат. Тему религии прежде мы никогда не затрагивали. Интересно почему?

В расследовании убийства Мэй Дэниелс мы имеем дело с жизнью и смертью, так же как и с добром и злом. Светская эпоха, в которую мы живем, и интеллектуальный труд, которым мы занимаемся, для религии, полагаю, места не оставляют. Впрочем, это тема не для сегодняшней встречи.

Или же все-таки нет?

— Я вовсе не имею в виду, что религия поможет нам раскрыть убийство Мэй Дэниелс — уж точно Моисей не спустится к нам с табличками, на которых будет начертано имя убийцы и описан наилучший способ заманить его в ловушку, — поясняю я, и Королевы с облегчением смеются. Неужто они решили, будто я собираюсь читать им проповедь? — Но если уж мы прибегаем в качестве проводника к своим личным музам — или что там вдохновляет нас как писателей, а не детективов, в которых мы играли, — то скажите: в каком виде каждая из вас вывела бы на страницах книги раскрытие преступления для случая Мэй? К какому приему вы обратились бы, чтобы все выглядело справедливо и объективно?

— Я знаю, какую бы технику использовала, — отвечает Найо.

— И я тоже, — отзывается Эмма.

— Да, и я знаю! — вторит им Марджери. — Интересно, не получится ли у нас всех решение одинаковым?

— Что ж, давайте я начну. — Агата с широкой улыбкой подается вперед.

Наша маленькая игра определенно доставляет ей огромное удовольствие. Пожалуй, не так уж и часто рядом оказываются те, с кем можно запросто обсудить тонкости нашей работы. Но не по этой ли самой причине я в первую очередь и основала Детективный клуб? Чтобы подобные дискуссии было где и с кем проводить? Чтобы нас не держали за психов, разглагольствующих в неподобающем месте о способах использования в качестве орудия убийства какого-нибудь наисовременнейшего кухонного приспособления? Разумеется, изначально я имела в виду исключительно вымышленные убийства. Мне даже и в голову не приходило, что поведение кое-каких коллег-мужчин из клуба подстегнет нас к раскрытию настоящих преступлений!

— Сделайте такое одолжение, Агата. Мы все внимание.

— Закройте на секундочку глаза, — начинает Кристи, и мы подчиняемся. — Итак… Вы все не раз бывали в подобной ситуации. Все фактоло-

гические нити сходятся. Вроде бы складывается картина из отдельных фрагментов: Мэй, Луис, изнасилование, беременность и исчезновение одной девушки, другая пропавшая девушка-скрипачка, обстоятельства, из-за которых связь с Мэй стала для преступника опасной. Так ведь?

Я подглядываю сквозь ресницы и вижу, что все согласно кивают. Прежде чем снова закрыть глаза, присоединяюсь к подругам.

— Однако картина эта — лишь набросок, не имеющий четкой формы. У нас есть представление о «почему» и «как». Тем не менее в самом центре полотна зияет большущее пустое пятно — «КТО?», — и для внесения ясности в данный пункт нам необходимо, чтобы подозреваемые каким-то образом раскрыли свою вину или невиновность.

И тут, вполне ожидаемо, вмешивается Найо:

— Готова поспорить, что Луис Уильямс и есть этот самый «кто»! Мэй практически называет его в своем письме!

— Возможно, Найо, вы и правы, но сейчас речь идет совсем не об этом, — не сдерживаюсь я. — Мы, вообще-то, обсуждаем, какой прием следует использовать, дабы доказать это.

— Совершенно верно, — кивает Агата. — И на мой взгляд, выбор здесь очевиден: следует

очертить круг подозреваемых и собрать их всех. Дабы разоблачить убийцу, мы сведем вместе всех потенциальных виновников — и они сделают за нас всю работу!

— Именно так я и думала! — восторженно взвизгивает Марджери.

Эмма откидывается на спинку кресла и удовлетворенно улыбается во весь рот:

— Великолепно!

— Интересно, каких это потенциальных виновников вы намерены собрать вместе? — бурчит Найо. — Откуда возьмется круг подозреваемых, если у нас имеется только один-единственный кандидат в убийцы.

— Один ли? — отзываюсь я, и взоры всех Королев устремляются на меня. — Да, разумеется, у нас есть Луис Уильямс. Наш подозреваемый по умолчанию. И хотя лично я в его виновности уже сомневаюсь, он все же слишком омерзителен, чтобы окончательно отказываться от его кандидатуры. Нам известно, что у него есть жена и дети, и при этом он изменяет супруге. Крутил роман с Мэй Дэниелс, а потом отделался от нее, когда она ему надоела, — и, несомненно, имел множество других любовниц. Наверняка Луис флиртовал с Леонорой Деннинг в ее последний вечер — та-

кое совпадение игнорировать невозможно, — и только вспомните, как живо он набросился на Марджери, когда та показалась ему доступной.

Марш неожиданно улыбается мне:

— А я о чем толкую, Дороти!

— То, что я узнала об отце и сыне Уильямсах вчера вечером от своего мужа, словно бы предопределило судьбу Луиса как убийцы.

— И что же вы узнали? — интересуется баронесса.

— Мы с Маком обсуждали то обстоятельство, что отец Луиса очень низкого происхождения. — Мне не заставить себя выдавить слово «бастард», и Агата кивает с пониманием и сочувствием. — Ради того, чтобы совершить небывалый карьерный взлет, Джимми не раз пускался во все тяжкие. Чтобы разбогатеть и обзавестись связями с прощелыгами из числа аристократов, знаменитостей и влиятельных бизнесменов, которые и сами погрязли в грехах, рожденному в трущобах приходится прибегать лишь к тем средствам, какие имеются в его распоряжении. В случае Уильямса это были азартные игры, скачки, ростовщичество и, не исключено, кое-что похуже. Накопив достаточно наличных, он принялся отмывать деньги и создал «Страховое бюро

Мэтерса». Джимми всегда мечтал вести зажиточное и респектабельное существование, и сейчас он старательно упрочивает для своего сына положение, которого сумел добиться с таким трудом.

— Луис занимается теми же незаконными махинациями, что и его отец? — спрашивает Марджери.

— Мак считает, что нет. До него доходили слухи, что Джимми до сих пор промышляет подпольным ростовщичеством и тому подобным, но вот сына, судя по всему, он от темных делишек оберегает, и тот причастен лишь к законной стороне деятельности почтенного страхового бюро. И все же Луис должен осознавать сущность людей, которым он продает полисы и с которыми по-прежнему якшается его отец. И иллюзий насчет него Уильямс-младший уж точно не испытывает, поскольку Джимми держит Луиса в ежовых рукавицах. Уповает на то, что сын станет настоящим аристократом.

— Дайте-ка угадаю, — усмехается баронесса. — Вы предлагаете добавить Джимми Уильямса в круг наших подозреваемых.

— А вы сами разве со мной не согласны?

— Согласна.

Эмма, Агата и Марджери дружно кивают, и

Найо только и остается, что констатировать очевидное. Не без сарказма, разумеется:

— Ладно, теперь подозреваемых у нас двое. И все же я бы сказала, что это пока линия, а никак не круг.

— А как насчет еще одного человека, имя которого постоянно всплывало в ходе расследования? — продолжаю я. — Сэра Альфреда Чепмэна?

— Сэра Альфреда? — удивляется Найо. — Но ведь, по вашим словам, он и мухи не обидит.

— На самом деле Чепмэн совсем не такой, каким кажется. Да, его посвятили в рыцари за организацию нормирования продуктов во время войны, но Маку доподлинно известно о его грязных делишках на черном рынке. Сэр Альфред настоящий спекулянт: воровал у населения молоко, яйца и прочую фермерскую продукцию и продавал ее втридорога. Сейчас, конечно же, он больше известен своей театральной империей — в Уэст-Энде и где-то еще ему принадлежит множество театров. Но не стоит забывать и о темной стороне театрального мира. Об этих беззащитных девушках, отчаянно ищущих работу и бьющихся за роли.

— Да они все подлецы, эти соучредители и продюсеры! — с отвращением комментирует

баронесса.

— Ну так что, добавляем сэра Альфреда в круг подозреваемых? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Агата, и глаза у нее так и горят. — Давайте соберем трех этих типов вместе и вынудим их раскрыться!

— То есть сделаем так, как вы поступили в «Загадочном происшествии в Стайлзе»? — улыбаюсь я ей.

— И как вы сама в «Пяти красных селедках», Дороти, — отвечает Кристи.

Я с улыбкой обращаюсь к остальным Королевам:

— Ну что ж, быть может, использование подобного приема и впрямь расшевелит убийцу. И тогда-то правда и откроется.

Глава 54

18 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Я и остальные Королевы поднимаемся в лифте молча. Кроме нас, в кабине никого нет, так же как и почти во всем офисном здании. Для выполнения этой ответственной задачи мы специально назначили время после завершения рабочего дня.

Интересно, волнуются ли мои подруги? Уж я-то сама волнуюсь, да еще как! Слава богу, оделась в темное, так что проступающей нервной испарины со стороны не заметно. Пускай мы и не в первый раз уже играем в детективов, однако исполнять роли в решающей сцене развязки нам, бесспорно, в новинку. Хотя мы и составили весьма хитроумный план, но сегодня на кону стоит нечто гораздо большее, нежели судьба какого-нибудь вымышленного персонажа.

Двери лифта раздвигаются, и наша группа выходит в вестибюль «Страхового бюро Мэтерса». Мы киваем расположившемуся здесь сотруднику Агентства Пинкертона, которому поручено следить за обстановкой и держать ситуацию

под контролем. За стойкой сидит та же скучающая блондинка-секретарша, что и в прошлый раз, — вероятно, задержавшаяся на рабочем месте исключительно ради нас.

Я бросаю взгляд на газету, которую она читает: это «Стэйдж», еженедельник, посвященный событиям в мире театра. Следующее на очереди издание, лежащее на верху пачки, — «Эра», тоже театральный еженедельник. Очень интересно. Я лихорадочно обдумываю данное обстоятельство.

После нескольких «прошу прощения» Эммы женщина в конце концов снисходит до ответа.

— Да? — осведомляется секретарша таким недовольным тоном, как будто мы оторвали ее от важного дела. Затем она прищуривается, словно вдруг признав некоторых из нас, хотя это может быть и еще одной составляющей ее привычного негостеприимного приветствия.

— У нас назначена встреча с мистером Уильямсом. — Ранее мы условились, что говорить за всех будет Эмма. Такой попробуй откажи. — Младшим, — добавляет она после того, как я толкаю ее локтем.

Блондинка бросает взгляд в открытый ежедневник у себя на стойке.

— У него уже проходит наверху встреча с джентльменами, а вот женских имен в списке участников я не вижу.

— Если вы спросите у мистера Уильямса, уверена, он велит вам проводить нас туда, — настаивает баронесса. Говорит Орци негромко и вежливо, однако глаза ее отражают суровость.

— Нет имени в списке — вход воспрещен. Так что тревожить мистера Уильямса нет необходимости. Все очень просто. — Твердостью и непреклонностью секретарша нисколько не уступает Эмме. Голос ее смягчает лишь мелодичный ирландский акцент, как ни старается она его скрыть.

Судя по всему, в лице этой бескомпромиссной, источающей скуку дамы наша баронесса наконец-то повстречала достойного соперника.

В этот момент в помещение входит Луис, приветствуя нас вымученной улыбкой. Непомерно самоуверенного молодого мужчины, которого мы повстречали в гостинице «Савой» и от которого отбивалась Марджери, нет и в помине. Он, прямо скажем, отнюдь не горел желанием принимать участие в нашем сегодняшнем действе, но в конце концов уступил. В противном случае, как мы ясно дали ему понять, письмо Мэй будет разо-

слано во все городские газеты, вкупе с кратким разъяснением, что под «ухажером» подразумевается не кто иной, как Луис Уильямс. Возможно, этого письма и недостаточно для изобличения убийцы, но для инициирования супружеской междоусобицы должно вполне хватить. Судя по осанке и бледному виду Луиса, он полностью подчинился нашей воле, и мои страхи, что этот тип мог подготовить для нас ловушку, рассеиваются. Успокоились ли остальные Королевы? Не все были согласны, что страховое бюро — самое подходящее место для того, чтобы собрать вместе всех троих подозреваемых. Как-никак, это вражеская территория.

— Все в порядке, мисс Беннетт. Дам пригласили на встречу в последний момент, поэтому в списке они не значатся, — объясняет Луис.

— Как скажете, мистер Уильямс, — отвечает секретарша.

К словам ее не придраться, но вот в тоне явно сквозит не слишком уважительное отношение. Быть может, мисс Беннетт — одна из тех особ женского пола, за которыми Луис волочился? И возможно, с ней-то Мэй его и застукала? И вот теперь секретарша затаила на шефа обиду? Вообще-то, она не похожа на уязвимую женщину,

которая способна подпасть под его чары, но я ведь могу и ошибаться касательно их обоих.

Не говоря ни слова, Луис ведет нас к лестнице. Когда мы достигаем площадки, я замечаю слева некое смахивающее на пещеру пространство, заставленное в несколько рядов пустующими сейчас типовыми столами из вишневого дерева, числом около двух десятков. Похоже, клерки работают за ними лишь при свете небольших настольных ламп, чьи зеленоватые отблески на столешницах придают месту несколько жутковатую атмосферу.

Впрочем, в пещеру мы не направляемся, но останавливаемся перед широкой двустворчатой дверью из красного дерева со встроенными стеклянными окошками. Дорогая, хорошо выделанная древесина резко контрастирует с дешевой вишневой мебелью чуть в отдалении. Луис открывает дверь, и Агата (мы с ней замыкаем группу) шепчет мне:

— Представление начинается.

Я делаю глубокий вдох и замечаю, что и она поступает так же.

Помещение затянуто табачным дымом. За большим овальным столом из красного дерева сидят, попыхивая сигарами, двое мужчин, и

под их пристальными взглядами мы гуськом входим в конференц-зал. Некоторым из нас присутствующие уже знакомы. Седовласый мужчина в элегантном темно-сером костюме в крупную клетку и очках в роговой оправе — отец Луиса, Джимми Уильямс. А второй, невзрачный, с тронутыми сединой светлыми волосами и в синевато-черном костюме из твида, — разумеется, сэр Альфред Чепмэн. Вид у него самый безобидный.

«Все мы не такие, какими кажемся со стороны», — напоминаю я себе.

Прежде чем Луис успевает нас представить, Джимми вскакивает и принимается тараторить:

— Это и есть те самые дамы, располагающие шокирующей информацией о некоей преступной деятельности? Хм, вид у них не слишком для этого подходящий, недостаточно солидный. Вообще-то, — бормочет он затем, вскинув брови, — они здорово смахивают на кое-каких перспективных клиенток нашего бюро, с которыми я уже встречался.

«И снова этот пролетарский валлийский выговор», — отмечаю я про себя.

В отличие от мисс Беннетт, Уильямс-старший свой мелодичный акцент не скрывает и даже, подозреваю, умышленно выставляет напоказ,

если, по его мнению, это может принести пользу. И какие же, интересно, струны наших душ Джимми надеется затронуть, демонстрируя свое плебейское валлийское произношение? Воображает, будто мы проникнемся к нему симпатией? Он явно помнит некоторых Королев по нашим разведывательным вылазкам сюда, однако мне все-таки хотелось бы знать, как Луис представил нас отцу. Когда мы уговаривали его помочь нам сегодня — а если уж быть до конца честной, шантажом вынуждали молодого человека сделать это, — то под конец назвали ему свои настоящие имена. Однако наряду с этим снабдили Уильямса-младшего строгими инструкциями, велев ему ни в коем случае не раскрывать наши личности.

Неизменно импозантная Эмма выступает вперед и невозмутимо произносит:

— Вид у нас очень даже солидный и вполне подходящий. Не стоит нас недооценивать!

— Нет, вы только посмотрите! — фыркает Джимми, поворачиваясь к сыну и сэру Альфреду, а затем снова к нам. — Что ж, отдаю должное вашей дерзости. И жду не дождусь поглядеть на ваши жалкие фокусы — что там у вас припасено в рукаве?

— Отец, пожалуйста, не надо! — взмаливается

Луис.

— Присаживайтесь, дамы. Еще не хватало, чтобы нас обвинили в неучтивости по отношению к пожилым женщинам, — говорит Уильямс-старший, предлагая нам стулья и устраивая из этого целое представление. Взглянув на Марджери, он добавляет: — К вам это не относится, милочка.

— Я останусь здесь, — громко и спокойно заявляю я. Ему не сбить меня своими колкостями. Уверенным движением достаю из сумочки письмо и продолжаю: — Это последние слова мисс Мэй Дэниелс, написанные за несколько часов до ее исчезновения и гибели шестнадцатого октября минувшего года.

Краем глаза я замечаю, как сэр Альфред бросает взгляд на Джимми, который, в свою очередь, рявкает:

— Кто такая Мэй Дэниелс?

Пропустив его вопрос мимо ушей, я приступаю к чтению. Не поясняя обстоятельств написания данного послания, равно как и его обнаружения. Я хочу, чтобы Мэй говорила сама за себя перед людьми, причинившими ей зло.

Зачитывая письмо вслух, периодически поднимаю взгляд на лица мужчин. Даже не знаю, чего я от них ожидала, однако все трое ведут себя

странным образом тихо. Рисовалось ли мне в воображении яростное отрицание, уступающее затем место признанию? А то и слезы раскаяния? В каком-нибудь из своих детективных романов я наверняка заставила бы их проделать все это одно за другим.

— Что за бред! — изрекает наконец Джимми, выдавливая из себя смешок, весьма, впрочем, неубедительный. — Да как вы смеете заявляться в мое бюро и обвинять нас в причастности к смерти этой девушки, какой-то там медсестры, притом что в письме никто из нас даже не упоминается! Да я запросто могу засудить вас за клевету!

— Мистер Уильямс, вы и вправду решили, будто письмо — это все, что у нас есть? — Настает мой черед посмеиваться. — Мне всего лишь хотелось дать мисс Дэниелс высказаться в последний раз, коль скоро вы все лишили ее возможности говорить.

Джимми смотрит на Луиса, театрально мотая головой:

— Как ты мог привести сюда этих сумасшедших, сынок? Что за бредни она несет!

Я снова не удостаиваю его ответом и продолжаю:

— В июне одна тысяча девятьсот тридцатого

года Луис Уильямс завязал отношения с молодой медсестрой по имени Мэй Дэниелс. Желая, чтобы она элегантно выглядела на их свиданиях в ресторанах или театрах, билеты в которые любезно предоставляли вы, сэр Альфред, мистер Уильямс-младший приобрел для мисс Дэниелс два вечерних платья в ателье мадам Изобель. У нас имеются чеки, подтверждающие покупку. Отношения продолжались все лето, что может удостоверить подруга мисс Дэниелс, Селия Маккарти. Нет никаких сомнений, что Луис Уильямс и есть упоминаемый в письме «ухажер».

— Здесь все правда, отец, — потупив взор, подтверждает Луис.

Джимми демонстративно не смотрит на сына, и я не замечаю на его лице даже намека на удивление.

— Собственно, мистер Уильямс-младший был одним из последних, кто видел мисс Дэниелс живой, — возобновляю я свою обвинительную речь. — Вечером четырнадцатого октября, накануне поездки девушки в Булонь, они встречались в ресторане «Рулз», персонал которого подтвердит, что у них там было свидание.

В конференц-зале воцаряется тишина. Мужчины избегают смотреть мне в глаза — как и друг

другу, надо заметить.

— В целом события развиваются крайне подозрительно, в особенности в свете содержимого письма Мэй. Что там у нее говорится? «Минувшим летом я лишилась невинности при постыдных для меня обстоятельствах. Посредством внезапного нападения. Против своей воли… „Избавься от него, — то были его первые слова. Ну а потом он безжалостно добавил: — Я найду того, кто это сделает“… В городском сквере… ко мне на скамейку подсел незнакомец. Он сказал, что для меня организовали „визит“ к местному врачу, и мне только и нужно, что пойти с ним… И тогда я задумалась: а вдруг этого типа подослали с целью избавиться не только от моего ребенка, но и от меня самой?»

Делаю паузу в ожидании возможной реакции, однако таковой не следует. Ну и куда подевались насмешки Джимми? Я продолжаю:

— Все это убедительно свидетельствует против мистера Уильямса-младшего. К тому же под телом Мэй Дэниелс было обнаружено большое количество крови, что указывает на аборт или выкидыш. И разумеется, сюда следует присовокупить еще и тот факт, что ранее полиция уже допрашивала мистера Уильямса в связи с

исчезновением другой девушки — лондонской скрипачки Леоноры Деннинг, которая также пропала минувшей осенью, после представления «Кавалькады», — сие обстоятельство отнюдь не сыграет ему на руку.

— Боже мой, — выдавливает из себя Джимми Уильямс, уставившись в стол. Бравады и снисходительности как не бывало, теперь остались лишь обеспокоенность и удивление.

— Во всей этой истории есть одна неувязка, отец, — подает голос Луис, встретившись взглядом с Джимми.

— Только одна? Да вся эта история — сплошное решето из неувязок и недоразумений! Начиная с этих самых дамочек! — Уильямс-старший тычет в нас пальцем, источая праведный гнев. Однако его негодование быстро истощается, и он сдувается, словно старая покрышка. — Ну?

— Я никогда не вступал в интимные отношения с Мэй Дэниелс. У нас с ней ни разу не было физической близости.

— Что?! — снова взвивается Джимми. — Быть того не может!

— Клянусь, ни разу. Да, я ухаживал за Мэй, обманывал ее, уверяя, что холост, и, конечно же, пытался с ней переспать, но добиться этого мне

так и не удалось. Да и вообще, наши отношения закончились задолго до ее поездки в Булонь. Я точно не был отцом ребенка и не имею никакого отношения к смерти Мэй. — В его слезящихся глазах застывает мольба.

Я переглядываюсь с Королевами. Перед нами стоит задача оценивать реакцию подозреваемых, и лично мне чутье подсказывает, что ни сын, ни отец не лгут. Хотя остальные могут со мной и не согласиться.

— Если Луис непричастен к беременности и смерти Мэй, тогда, полагаю, становится очевидно, кто во всем этом виновен, не так ли? — Несмотря на то что во фразе содержится вопрос, интонацию своим словам я намеренно придаю утвердительную. Оба мужчины должны поверить, будто ответ нам действительно известен и даже подкреплен доказательствами.

— Во всяком случае, уж это точно был не я! Неужели, по-вашему, я мог послать кого-то причинить вред этой девочке, а потом свалить все на собственного сына? — фыркает Джимми.

По лицу сэра Альфреда пробегает тень, и внезапно пожилой джентльмен уже больше не кажется безобидным и невзрачным — теперь он выглядит настоящим злодеем. С него словно

стянули невидимую маску.

С кривой усмешкой Чепмэн обращается к Уильямсам:

— Джентльмены, да с какой стати мы вообще выслушиваем этих безумных старух? Ну как можно верить пяти сочинительницам детективных романов? Они ведь зарабатывают на жизнь враньем! Все это сплошной вымысел!

Так он, стало быть, в курсе, кто мы все такие! Ясное дело, ему известна моя личность, поскольку я оставила тогда в театре свою книгу с автографом. Однако Агата на той встрече после «Кавалькады» представилась миссис Маллоуэн. Впрочем, сэр Альфред запросто мог выведать правду о ней у своего партнера, Бэзила Дина, знакомого с сестрой Агаты. Но про остальных он не должен был ничего знать — если, конечно же, Луис поступил, как ему было велено.

— Доказательства превращают наш так называемый вымысел в реальность, сэр Альфред, — парирую я.

Он смотрит на меня, и его неприятно бесцветные глаза так и сочатся ядом.

— Под «доказательством», полагаю, вы подразумеваете ваше драгоценное письмо, Дороти? — Называя меня по имени, сэр Альфред наносит

мне оскорбление и надеется таким образом унизить. — Которое вам стоило таких трудов раздобыть? Которое ни один суд, ни в Англии, ни во Франции, никогда не примет в качестве документального свидетельства? Да и чем, интересно, таким влиятельным лицам, как мы, может навредить писулька какой-то глупой девки, которая, согласно газетам, была легкого поведения и вдобавок еще баловалась морфием? — Театрально покачав головой, он поворачивается к Уильямсу-младшему. — Какой у тебя ужасный вкус, Луис! Это надо же было выбрать такую женщину: шлюху и наркоманку! И ты ожидаешь, что мы поверим, будто ты не занимался с девкой сексом и не обрюхатил ее? Не держи нас за идиотов. По мне, так у тебя были все мотивы для убийства.

— Да как ты смеешь так разговаривать с моим сыном! — ревет Джимми.

— Это были вы, так ведь? — взрывается Луис. — Это вы изнасиловали Мэй! Я по неведению сам отдал ее в ваши мерзкие руки, когда попросил заглянуть к вам в кабинет после представления!

— Ты хочешь сказать, что на самом деле не посылал ее мне в качестве подарка? — Чепмэн адресует Луису мерзкую улыбочку, а затем и вовсе издает зловещий смешок. И как только я

могла принять это чудовище за милого, безобидного джентльмена? — А я-то счел это услугой за услугу — платой за актрисулек из кордебалета, которых регулярно направлял к тебе. Не говоря уже о той скрипачке. — Чепмэн многозначительно вскидывает брови. — Жаль, кстати, что скрипачка не оказалась такой же покладистой, как твоя медсестра.

Что он имеет в виду? Внезапно меня озаряет догадка — и немедленно захлестывает волна отвращения.

Луис бросается на сэра Альфреда и наносит ему удар аккурат в нижнюю челюсть, попутно отталкивая Джимми в сторону. Схватившись за лицо, Чепмэн отшатывается, в то время как молодой мужчина нависает над ним, заходясь криком:

— Мэй была чистой и порядочной девушкой! Да как ты смеешь ее оскорблять, мерзавец!

Он заносит кулак для второго удара, однако отцу удается оттащить его в сторону.

Я наблюдаю за происходящим. Фактически сэр Альфред только что признался в изнасиловании Мэй — и склонении ее к аборту, как упоминаемый в письме в качестве «отца», — но останавливаться сейчас нельзя. Необходимо развивать успех. Осталось совсем чуть-чуть.

Приложив к окровавленной губе носовой платок, Чепмэн другой рукой указывает на нас:

— Поверить не могу, Луис, что ты принимаешь на веру голословные обвинения, которые изрыгают эти бабенки, пытаясь меня оговорить. Да и ты тоже хорош, Джимми. Та девка абсолютно ничего не значит, если только ты сам не придаешь ей значение. И с этими старухами все обстоит точно так же.

Я поворачиваюсь к Марджери:

— Будьте так добры, попросите секретаршу принести салфетку для раны сэра Альфреда.

Она озадаченно смотрит на меня, а Найо уже раскрывает рот — несомненно, чтобы выговорить мне за помощь этому гнусному типу, — но тут Агата, положив руку на плечо Марш, усмиряет ее. Этой частью плана я поделилась лишь с Кристи, буквально несколько минут назад.

Вскоре дверь распахивается, и в конференц-зале вслед за Марджери появляется явно обеспокоенная мисс Беннетт с несколькими салфетками в руке.

— Альфред, что стряслось? — восклицает она при виде его окровавленного лица и тут же прикрывает рот ладонью. — То есть, сэр Альфред, вы в порядке?

Секретарша спешит к Чепмэну, а я бросаю взгляд на Агату. Та кивает и обращается к нему:

— Сэр Альфред, неужели после признания в том, что вы сочли мисс Дэниелс «подарком», вы по-прежнему будете уверять, что не насиловали ее? И что вы не являлись отцом ее ребенка?

— Ха, да я просто пошутил. Ну подумайте сами: что привлекательного для меня может быть в какой-то неприметной медсестре, к тому же шлюхе? Да у меня в театре целая труппа восхитительных танцовщиц, одна другой лучше — только свистни, любая прибежит! Я не такой идиот, как Луис!

Секретарша, хлопочущая над его разбитой губой, потрясенно замирает. Луис весь напряжен, как будто снова собирается наброситься на Чепмэна. Как, впрочем, и Джимми. Ему не по нраву, когда унижают его сына.

Не обращая на них внимания, сэр Альфред продолжает:

— Да и вообще, разве не было чистосердечного признания убийцы?

При упоминании об этом я вздрагиваю и настораживаюсь. Откуда Чепмэну известно о так называемом чистосердечном признании? О том, что в закусочной обнаружили записку, в газетах не сообщалось. Полиция сразу же отмахнулась от

находки, объявив ее фальшивкой, и репортеры не проявили к новости никакого интереса.

И вдруг мне становится ясно: да наверняка сэр Альфред сам и состряпал «признание». А затем на меня снисходит еще одно озарение: он также подделал и письмо Леоноры Деннинг родителям, якобы объясняющее ее исчезновение. Получается, на этом ужасном человеке лежит еще и вина за содеянное с бедной мисс Деннинг и за сокрытие этого преступления, в чем бы оно ни заключалось.

Может, стоит поймать его на этой оговорке? Или же лучше продолжать выбранную линию допроса? Кроме Луиса, нас теперь внимательно слушает также и мисс Беннетт, так что сейчас самое время закончить начатое.

— Кстати, сэр Альфред, вы, часом, никого не подсылали сюда, в «Страховое бюро Мэтерса», чтобы следить за Луисом Уильямсом? Кого-нибудь, кто, не вызывая никаких подозрений, мог бы приглядывать за тем, как развиваются его отношения с мисс Дэниелс? Полагаю, вы сделали это по настоятельной просьбе его отца, которого сильно беспокоила подобная связь? Мистер Уильямс-старший наверняка считал, что его женатому сыну не следовало путаться с… Как вы

выразились? С «какой-то там медсестрой».

Чепмэн сверлит меня налитым ядом взглядом, как и Джимми. Луис смотрит сначала на первого, потом на второго, и до него постепенно начинает доходить.

Когда я заговариваю снова, с меня не сводят глаз уже все трое. Секретарша, однако, по-прежнему глядит только на сэра Альфреда.

— Вы ведь внедрили сюда мисс Беннетт, верно? Бывшую актрису одного из ваших уэст-эндских театров, возможно несколько состарившуюся для участия в представлениях. Она согласилась оказать подобную услугу в обмен на некоторое вознаграждение. Например, на получение роли. Или же на постоянные отношения с вами.

Вот теперь я завладеваю вниманием и мисс Беннетт тоже, и моя дальнейшая обличительная речь адресована уже непосредственно ей:

— Поначалу для получения необходимой информации вам требовалось делать не так уж и много, да? Всего-то подслушивать кое-какие разговоры, вскрывать кое-какие письма, копаться кое в каких ящиках. Узнать адрес мисс Дэниелс. Выявить все их с Луисом возможные контакты, где и когда эти двое встречались. — Не обращая внимания на прищуренный взгляд женщины,

я, образно выражаясь, повышаю ставки: — Но затем мисс Дэниелс пропала. Вы упрашивали сэра Альфреда освободить вас от этого задания, однако он настаивал, что на должности секретарши необходимо немного задержаться — мол, ваша долгожданная роль еще не совсем готова, — и в итоге уговорил. Когда тело Мэй Дэниелс обнаружили, это вас очень обеспокоило, но вы все равно продолжали работать на него. Более недели назад я оставила у вас свою дорожную сумку, когда заходила в кабинет мистера Уильямса внизу, тогда-то вы и узнали, кто я такая и где живу, верно? В результате сэр Альфред после моего визита сюда смог подослать кого-то, чтобы напасть на меня.

Джимми резко поворачивается к Чепмэну:

— Ты действительно все это сделал? Изнасиловал ту бедную девочку в театре? А потом убил ее? Преследовал эту женщину и напал на нее? — Он указывает на меня.

Какое-то время сэр Альфред лишь молча сидит, не в состоянии оторвать от меня свирепого взгляда, но в конце концов отвечает Уильямсу-старшему:

— Только не надо строить из себя невинную овечку, Джимми. Кто изначально попросил меня

последить за твоим непутевым сынком? Кто уговорил меня уладить ситуацию, когда я сообщил, что девка беременна? Кто свел меня с Чарли Флетчером, этим головорезом, что вышибает долги с не желающих платить в срок бездельников, которых угораздило связаться с твоей ростовщической конторой?

— Но я же не знал, что девчонка залетела от тебя! — орет Уильямс-старший. — Потому что ты соврал, будто отцом является Луис! И я думал, что через Чарли Флетчера ты организуешь аборт, а вовсе не убьешь ее! Ты использовал меня и мое стремление защитить сына для сокрытия своих гнусных поступков!

— Вот что, Джимми, имей в виду: если в убийстве Мэй Дэниелс обвинят меня, ты окажешься за решеткой вместе со мной. Не забывай, Чарли Флетчер — твой человек. И именно ты подбил меня прибегнуть к его услугам, чтобы «позаботиться о девчонке». В сущности, именно ты приказал Чарли поехать в Булонь и вытащить Мэй с вокзала, в этой ее дурацкой маскировке, — под угрозой, что ее подружке не поздоровится, если она не будет вести себя тихо. Ну а затем он и «позаботился о ней». Прерванная беременность оказалась лишь непредусмотренным бонусом

вследствие его рьяных стараний возле Наполеоновской колонны. Уж я позабочусь, чтобы полиция просекла, что все это на твоей совести. Не думаю, Джимми, что ты захочешь погубить свою жизнь — и жизнь своего сына тоже — из-за какой-то там девки.

Луис не сводит глаз с отца, и все остальные тоже замирают: Джимми, сэр Альфред, мисс Беннетт, Королевы. Наступает переломный момент.

Глава 55

18 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Конференц-зал прорезает неистовый визг. Однако, несмотря на то что меня так и переполняет гнев, вопль издаю вовсе не я.

— Какая же ты мразь, Альфред! Изнасилование? Убийство? Да как ты мог? — Это заходится мисс Беннетт.

— Миллисент, пожалуйста, успокойся! Ты всего лишь запуталась в паутине лжи, что сплели эти глупые бабы. Ты просто сейчас не понимаешь этого, — пытается утихомирить ее сэр Альфред.

Вглядевшись, однако, в выражение лица секретарши, он начинает потихоньку пятиться от нее.

Женщина и вправду выглядит словно одержимая. Дьяволом — так, пожалуй, мог бы сказать сторонний наблюдатель. Но я бы выразилась иначе: она одержима истиной.

— А вот мне кажется, что я, напротив, наконец-то все понимаю, впервые с момента нашего с тобой знакомства! — продолжает бушевать Беннетт, с каждым словом наступая на Чепмэна. — С

тех самых пор, как несколько лет назад ты выбрал меня из всего кордебалета и заявил, будто жить без меня не можешь! И ведь я продолжала верить этой лжи, даже когда ты на долгие месяцы сослал меня сюда ради собственных омерзительных целей и мы почти не виделись!

— Миллисент, ты по-прежнему очень мне дорога. И я докажу тебе это, — воркует сэр Альфред с улыбкой, которую наверняка считает обаятельной, да вот только на секретаршу его ужимки больше не производят впечатления. То есть такого, какого ему хотелось бы.

Нимало не смущенный ее реакцией, он прищелкивает пальцами и продолжает:

— Я как раз вспомнил, что в «Кавалькаде» появилась свободная роль. Вот что, дорогая. Ты немедленно увольняешься из этой унылой конторы и возвращаешься на сцену, где тебе самое место. Ей-богу, Миллисент, тебе понравится пьеса. Это сочинение Ноэля Кауарда, повествующее о жизни семьи Мэрриот на протяжении трех десятилетий. Там полно всяких популярных песенок, уйма танцевальных номеров, и тебе достанется роль со словами — и даже с сольной вокальной партией!

— И давно ты прознал об этой вакансии? —

спрашивает Беннетт, вскинув бровь.

— Да вот только-только выяснилось.

— Надо же, какое удачное совпадение, — усмехается секретарша.

Однако Чепмэн по-прежнему будто и не замечает ее настроя:

— Мы сможем быть вместе с утра до вечера! В театре и где угодно. Как в старые добрые времена, помнишь?

— Разумеется, помню, да еще как! Ты крутил со мной интрижку и одновременно волочился за бессчетным количеством других танцовщиц. Я постоянно видела, как ты тайком выбирался из гримерок, шушукался за кулисами да периодически убегал в зрительный зал, чтобы ублажить жену. Такие вот у нас были старые добрые времена, — мисс Беннетт вся аж клокочет от гнева, — и я сыта ими по горло!

Она отворачивается от сэра Альфреда, однако тот хватает ее за плечо, пытаясь удержать.

— Миллисент, пожалуйста, не дури! Не позволяй этим мегерам всякими сумасшедшими обвинениями и идиотской брехней вбить между нами клин, разрушить наши отношения! Это же сущее безумие! Мы непременно во всем разберемся! Ты так мне нужна!

Мисс Беннетт стряхивает с себя руку бывшего любовника, но затем резко разворачивается к нему. На какое-то мгновение меня охватывает опасение, что она смягчилась, уступила его уговорам, и я молюсь про себя, чтобы секретарша сохранила ясность мышления и твердость духа. Если она сейчас вдруг сломается, мы многое потеряем. Все в конференц-зале затаив дыхание ожидают ее ответа.

На губах женщины появляется легкая улыбка, поразительно неуместная ввиду серьезности происходящего. И затем я понимаю: мисс Беннетт отнюдь не смягчилась. Наоборот, прямо у нас на глазах она ожесточается еще больше.

— Нисколько не сомневаюсь, Альфред, что я нужна тебе, чтобы выпутаться из передряги, — с трудом сдерживаясь, отчеканивает секретарша. — Если я не поддержу твою версию событий, полагаю, ты увязнешь по самые уши. Но видишь ли, у меня возникла одна проблема.

— Что такое, Миллисент? — участливо, словно не притворяясь из отчаяния, но искренне переживая за нее, вопрошает Чепмэн.

— Это не писательницы, как ты выражаешься, вбили между нами клин. Ты сам все испортил и разрушил. — Она вновь делает шаг к сэру Аль-

фреду. — Тем, что вынудил меня сомневаться в себе. Тем, что внушил мне, будто меня можно заменить массой незамужних девушек, таких же «избыточных» и одноразовых, как и та бедняжка, которую ты сперва изнасиловал, а потом убил. Но более всего тем, что сделал меня причастной ко всем своим мерзостям! — Беннетт снова срывается на крик.

Я смотрю на секретаршу не отрываясь. Глаза ее горят яростью, а прежде аккуратно зачесанные кверху волосы разметались по плечам и теперь выглядят эдаким дьявольским нимбом. Мисс Беннетт ужасна и прекрасна одновременно, и все в конференц-зале буквально заворожены ею.

— Нет-нет, милая, ты все не так поняла! Просто эти старухи — сущие ведьмы, которые околдовали тебя, наложив заклятье. Не поддавайся на обман. — Чепмэн берет свою помощницу за руку, и она не сопротивляется. — Помнишь, только вчера вечером мы распланировали эту встречу так, чтобы уйти с нее вместе?

Как будто и вправду стряхнув с себя злые чары, Миллисент смотрит на нас пятерых — смотрит вполне доброжелательно и улыбается.

— Что ж, может, у этих писательниц и вправду есть магические посохи, и они меня заколдовали.

Вот только их заклятье развеяло пелену перед моими глазами. Потому что теперь я вижу тебя насквозь, и истина очевидна. Как и все то зло, которое ты причинил — мне, бессчетному количеству женщин и в особенности Мэй. Все то зло, что ты еще сотворишь в будущем. И отныне мне не стереть это из памяти.

Сэр Альфред все еще держит секретаршу за руку, и она переплетает его пальцы со своими. А затем со всей силы отталкивает Чепмэна, отшвырнув его к двустворчатой двери со стеклянными окошками, и уже в следующее мгновение он спиной пробивает их и оказывается на лестничной площадке, в то время как осколки разлетаются по всему конференц-залу.

Стекло хрустит под ногами у Луиса и Джимми, когда они бросаются за Чепмэном. Сквозь разбитую дверь я вижу, как тот спотыкается, все еще двигаясь по инерции задом наперед, и хватается за перила сбоку лестницы. Уильямс-старший уже пытается его перехватить, однако рука сэра Альфреда соскальзывает, и он кубарем скатывается по ступенькам вниз.

Джимми мчится за Чепмэном по лестнице с вытянутой рукой, словно еще надеясь вцепиться в него. А затем раздается громкий глухой стук.

Луис тоже двигается вниз, но странным образом медленно и нерешительно. Я переглядываюсь с Агатой, Эммой, Найо и Марджери, а затем мы вместе осторожно выбираемся на площадку.

У самого основания лестницы лежит Чепмэн. Ноги у него вывернуты под неестественным углом, отчего у меня по спине пробегают мурашки. Уильямс-старший опускается на колени возле головы упавшего, в то время как его сын держится в стороне. Из-за него мне не видно тела, однако я замечаю, что к группе мужчин внизу спешит детектив из Агентства Пинкертона.

Затем Луис немного перемещается, и от открывшегося зрелища Марджери ахает, а рука баронессы взлетает ко рту. Я, Найо и Агата одновременно делаем шаг к краю площадки, и тогда нашим взорам предстает лужа крови вокруг головы Чепмэна, причем багровая жидкость продолжает растекаться прямо у нас на глазах. Сэр Альфред мертв.

Подобное, разумеется, в наш замысел не входило. Я не испытываю особой симпатии к Миллисент Беннетт, однако ни в коем случае не дам повесить ее за то, что она натворила. Что бы там ни представляла собой прежде эта женщина, человек, который ее обманывал и использовал в

своих целях, — настоящий изверг, чудовищный негодяй, организовавший убийство Мэй Дэниелс и, скорее всего, Леоноры Деннинг. И в последние мгновения жизни этого гнусного типа мисс Беннетт осознала все масштабы, всю глубину его порочности, равно как и роль, что ей пришлось сыграть в его преступлениях, пускай даже и невольно. И тогда, словно в нее вселился дух самой Мэй Дэниелс, она отомстила за них обеих. И за всех других «избыточных» женщин.

Глава 56

18 апреля 1931 года
Лондон, Англия

Даже если месть и свершилась, в отправлении правосудия точка пока еще не поставлена.

Королевы во главе со мной гуськом спускаются вниз. Эмма жестами велит агенту Пинкертона оставаться на месте, но не предпринимать каких-либо действий. Сыщик проворно занимает позицию возле лифта — надо полагать, с целью воспрепятствовать кому бы то ни было покинуть место происшествия. Мы, в свою очередь, знаками даем понять мисс Беннетт, чтобы она сидела пока в конференц-зале.

Когда я схожу со ступенек, Луис уже яростно спорит с Джимми. Как будто сэр Альфред и не лежит подле их ног в расползающейся луже крови. Похоже, сына сейчас занимает только вина отца перед Мэй.

Уильямс-старший резко поворачивается к нам и шипит:

— Полюбуйтесь, ведьмы, что вы устроили! Сэр Альфред мертв, и мерзавка Беннетт заплатит за

это сполна! Свидетелей полно.

— За что она заплатит? Я лично видела, только как сэр Альфред случайно навернулся с лестницы, столь неудачно расположенной в вашей конторе, — заявляю я, глядя ему прямо в глаза.

— Не стройте из себя идиотку! Да все присутствующие здесь подтвердят, что Миллисент Беннетт умышленно его толкнула! — восклицает Джимми и затем переводит взгляд на сына, явно ожидая от того поддержки. Луис, однако, отворачивается.

— Я этого не видела, — снова возражаю я.

— Я тоже, — вторит мне Агата.

— И я видела, только как сэр Альфред пошатнулся и упал, — вздыхает Эмма. — Сдается мне, он позволил себе лишнего. Во всяком случае, координация движений у него была, как у пьяного.

— Совершенно верно, — подключается Марджери, хотя и говорит очень тихо, что абсолютно не характерно для нее. Вид трупа — пускай даже и этого мерзавца Чепмэна — действует угнетающе на всех нас, как бы уверенно мы себя ни вели.

— Сэр Альфред слетел кубарем с лестницы лишь по собственной неловкости, — скрестив на груди руки и не сводя взгляда с Уильямсов, заявляет и Найо. — Вы, джентльмены, отчаянно

пытались остановить его падение, но он, увы, набрал слишком высокую скорость.

— Против ваших показаний будут наши, — не сдается Джимми, — и лично мне представляется весьма сомнительным, что кто-то сочтет бабье кряканье более весомым, нежели слова двух мужчин.

— Да неужели? Вот только непохоже, что сынок вас поддержит! — Это колкое замечание Найо сдабривает своим фирменным фырканьем, и Уильямс-старший едва ли не в ужасе отшатывается. Просто поразительно, что нарушение норм поведения — женщинам следует вести себя скромно и благопристойно — способно задевать чьи-либо чувства даже при столь трагичных обстоятельствах.

— А теперь хорошенько подумайте, что произойдет, если вы обвините мисс Беннетт в убийстве! — устремляюсь я в атаку. — Полицейских заинтересует, по какой причине она лишила его жизни: иными словами, им будет необходимо выявить пресловутый мотив преступления. Полагаю, следствие быстро установит, что сэр Альфред специально подослал ее в «Страховое бюро Мэтерса», дабы следить за Луисом Уильямсом. Затем служители закона, как пить

дать, задумаются, чем было вызвано подобное внимание. И им достаточно будет копнуть лишь самую малость, чтобы обнаружить: мисс Беннетт собирала сведения об отношениях вашего сына с убитой Мэй Дэниелс. Следующий вопрос полицейских очевиден: ну и почему же сэру Альфреду не давала покоя связь Луиса Уильямса и Мэй Дэниелс? И я нисколько не сомневаюсь, что на этот раз прощальное письмо девушки будет рассмотрено с должным вниманием, а главная роль в нем отводится, напомню, Луису. Даже если ваш сын и не предстанет перед судом, приговор ему вынесет общественное мнение.

Джимми потрясенно застывает на месте, словно в немой сцене из какой-нибудь пьесы. Наконец он выдавливает:

— Чего вы хотите?

— Ну, прежде всего, чтобы вы увидели то же, что и мы: гибель сэра Альфреда Чепмэна была трагической случайностью. — Я киваю на тело. — И еще мы хотим, чтобы вы осознали, что произошедшие с Мэй Дэниелс ужасные события отчасти были вызваны вашими действиями. Мы хотим, чтобы вы искупили свою вину.

— Ну и как, по-вашему, я это сделаю, черт побери? Я же не могу воскресить мисс Дэни-

елс! — восклицает Уильямс-старший. Достигнув высокого положения в обществе, он, судя по всему, уверовал, будто свергнуть его оттуда не способен никто. И уж точно не горстка каких-то женщин.

«Да уж, раскаянием здесь и не пахнет», — заключаю я.

Мы с Королевами обмениваемся взглядами, и мне становится понятно, что им тоже очевидно полнейшее отсутствие угрызений совести у Джимми. В отличие от Луиса, который, похоже, свою вину ощущает. Чудовищна гордыня Уильямса-старшего, сэра Альфреда и бессчетного числа подобных им представителей сильного пола, обращающихся с женщинами как с вещами, как с бросовым материалом. Необходимо преподать им урок.

— Воскресить — нет. Но вы можете явиться с повинной в полицию, признавшись в своей причастности к убийству Мэй Дэниелс, — отвечаю я страховому магнату. — И назвать организатором убийства сэра Альфреда Чепмэна.

— Что-что? — Джимми издает недоверчивый смешок. — За каким чертом я должен в чем-то признаваться? Ладно, так и быть, я готов соврать полиции, что с сэром Альфредом произошел

несчастный случай, но не более того!

— Что ж, тогда мы передадим следствию все материалы, связывающие вашего сына с Мэй Дэниелс. И при этом умолчим о роли сэра Альфреда, вследствие чего Луис Уильямс предстанет единолично виновным в ее убийстве.

С округлившимися глазами Уильямс-младший резко поворачивается ко мне. «Почему же вы меня сдаете, если я сделал все, как вы просили?» — так и читается в его взгляде.

Я немедленно вскидываю руку и, глядя на Луиса в упор, молчаливо призываю его к терпению. А затем снова обращаюсь к его отцу:

— Итак, у вас есть выбор. Спасать себя или своего сына.

Выражение лица Джимми меняется. Развязность и надменность уступают место отчаянию и раскаянию. И все же чувство вины это вызвано отнюдь не осознанием причиненного Мэй зла, как того хотелось бы мне, но огромной любовью к сыну. Впрочем, это-то я как раз всецело понимаю. Чего только родители не сделают из любви к своим детям! И сама я тоже не исключение.

Я обмениваюсь взглядом с Эммой, которая стоит рядом с агентом Пинкертона. Баронесса демонстрирует нам два пальца, что означает:

полиция прибудет через две минуты. Жестами я велю Найо подняться в конференц-зал за мисс Беннетт и вывести ее из бюро до появления служителей закона. По крайней мере, наша сделка насчет нее как будто в силе.

— Время идет, мистер Уильямс, — поторапливаю я Джимми. — Полиция вот-вот будет здесь.

Он поворачивается к Луису и с чувством сжимает ему руки:

— Я всегда хотел для тебя только самого лучшего, сынок.

— Я знаю, отец. Прости, что принимаю все это, — с увлажнившимися глазами Луис обводит рукой вестибюль бюро, — и все твои жертвы как должное.

— Довольно сантиментов, — прерываю я их. — Так что скажете, мистер Уильямс? Вы согласны на наши условия?

— Да! — Он кивает.

— Хорошо. Мне нужно, чтобы вы изложили их вслух.

— Я сообщу полиции, что сэр Альфред случайно упал с лестницы. Но перед этим он признался в организации убийства Мэй Дэниелс, которая забеременела после того, как он ее изнасиловал. Я дам признательные показания, что помог Че-

пмэну нанять бандита для осуществления его замысла во Франции. — Уильмс-старший говорит без всякого выражения и с сильным валлийским акцентом, словно отбросив всю остававшуюся в нем мягкость и полностью превратившись в молодчика из трущоб, каковым и был в юности.

Однако он должен прямо здесь и сейчас описать в деталях преступление. Это нужно нам. И Мэй.

— И как именно умерла Мэй Дэниелс? — настаиваю я.

— Чарли Флетчер, которого Чепмэн нанял по моей рекомендации, отправился вместе с мисс Дэниелс из Брайтона в Булонь, — бесстрастно излагает Джимми. — Он следил за ней на протяжении всего дня, и на вокзале ему выдалась возможность похитить девушку без лишнего шума, когда подруги разделились. Он отвел Мэй за город и там задушил, в процессе чего у нее, очевидно, произошел выкидыш, что объясняет обилие крови возле тела.

— Вы признаетесь во всем полиции. — Это уже не вопрос.

— Да.

— Что ж, договорились. В таком случае мы умолчим об отношениях вашего сына и мисс Дэниелс. Но не забывайте, что у нас есть письмо

Мэй, которое хранится в надежном месте. Кроме того, в нашем распоряжении имеются также и компрометирующие Луиса снимки, и мы не задумываясь передадим их прессе, если вы вдруг начнете юлить в показаниях. Это понятно?

— Да, понятно.

Агата хмуро изучает лицо Джимми, а затем произносит:

— Это сделка с дьяволом, но какую же еще можно заключить, если договариваешься с демонами?

Я смотрю на остальных Королев и, вопросительно наклонив голову, ожидаю их ответа: согласны ли они с таким решением? Подруги кивают. Найо уводит мисс Беннетт по пожарной лестнице к черному ходу, дабы вывести ее из офисного здания. Мы же с Агатой, Эммой и Марджери окружаем Джимми, Луиса и труп сэра Альфреда. Через какое-то время хромированные двери лифта под аккомпанемент мелодичного звонка раздаются в стороны. Из кабины появляются полицейские в форме и в сопровождении агента Пинкертона направляются к нам. Мы готовы.

Я торопливо шепчу Уильямсу-старшему последнее предупреждение:

— И вот еще что. Вы с Чепмэном совершенно

напрасно по-всякому нас обзывали: ведьмами, мегерами, глупыми бабами, полоумными старухами и избыточными женщинами. Не забывайте, что на самом деле мы все — Королевы.

Глава 57

18 декабря 1931 года
Лондон, Англия

В свете свечей поблескивает алая и золотая мишура, а в углу, источая аромат хвои, красуется украшенная игрушками елка не менее восьми футов высотой. Зал оглашают рождественские мелодии в исполнении пианиста, и вместе с хоралами в воздухе витают также запахи жареных индейки и гуся. Гости пребывают в веселом настроении — вызванном то ли напитками, то ли самим духом праздника, а может, и тем и другим, это уж у кого как.

— «Савой» — идеальное место для такого события, правда ведь? — Эмма окидывает взглядом отдельный кабинет ресторана, чрезвычайно довольная собственными приготовлениями. Лишь благодаря ее обыкновению снимать апартаменты в этой гостинице Детективный клуб и смог позволить себе провести здесь торжественное собрание. И я несказанно благодарна ей за это радостное мгновение. За прошедший год я хорошо усвоила, сколь мимолетны они могут быть и

сколь внезапно может пасть тьма.

— Лучше и не придумать, — уверяю я подругу, похлопывая ее по плечу в кружевах.

Баронесса, как водится, воплощает собой великолепие Викторианской эпохи. И так же традиционно я одета в черное вечернее платье — мне остается лишь уповать на то, что присутствующие уже позабыли, что прежде видели меня в нем.

«Кажется, настало время пройтись по магазинам», — констатирую я и делаю мысленную зарубку: надо спросить у Марджери, не составит ли она мне компанию. Надеюсь, Эллингем поможет мне обновить гардероб, добавить в него такие же жизнерадостные и яркие, как и она сама, вещички.

— Да где же остальные? — хмурится Эмма, и этот же самый вопрос занимает и меня.

Официальная часть собрания Детективного клуба закончилась несколько минут назад: Гилберт разглагольствовал о рождественских праздниках и благоприятных возможностях, открывающихся писателям с поступлением изданий в продажу как раз в этот период. Сие бесстыдное совмещение приятного с полезным было благосклонно встречено даже самой ханжеской

фракцией клуба. В конце концов, все желают, чтобы их книги хорошо раскупали. Однако сегодня вечером для собрания имеется и еще одна крайне важная причина.

— Надеюсь, их не заманили в ловушку какие-нибудь особо неприятные члены клуба, — озабоченно качаю я головой.

— Мне показалось, мы уже разобрались с этой категорией, — с улыбкой возражает Орци.

— Преподали им урок о пользе «избытка» женщин в Детективном клубе, не так ли?

— Вот только, как мы теперь убедились, у мужчин очень хорошо получается прятаться за масками.

— Но и срывать эти маски у нас получается не хуже.

Ощутив чью-то руку у себя на плече, я оборачиваюсь, и моим глазам предстают улыбающиеся до ушей Найо и Марджери.

— Посмотрите, что мы сделали с Гилбертом, — шепчет Марш, и обе не выдерживают и разражаются смехом.

Мы с Эммой вытягиваем шеи и видим, что с поясницы Честертона наподобие хвоста свисает нить серебряной мишуры.

Зрелище вещающего здоровяка, даже и не

подозревающего, как глупо он выглядит, вовсю веселит и нас тоже.

— Так падают сильные, — изрекает Эмма. В таком несколько переиначенном виде древняя библейская фраза, вообще-то, даже более точно подходит к ситуации, нежели сам оригинал — «Как пали сильные»[3], — поскольку нисхождение Гилберта все еще продолжается.

Как и всех нас, не могу не заметить. Хотя и надеюсь, что у нас еще есть время и возможность возвыситься.

— При всем моем уважении к большинству мужчин, присутствующих в этом зале, я все-таки считаю, что им только пошло бы на пользу еще больше падений — кроме того, что вызвали мы, — отзываюсь я, мысленно перечисляя несколько конкретных имен. — Мужчин слишком часто возносят на пьедестал, в то время как женщин учат подпирать их на нем. И все же мы познаём собственную человечность и развиваем эмпатию лишь на основе собственных ошибок, а всем нам точно не помешает быть более душевными и сострадательными, здесь и где угодно.

Упиваясь проказой Найо и Марджери, я вдруг

---

[3] Примечания: 3
2 Цар. 1: 27.

слышу, как Марш шепчет Эмме:

— Очень миленькое кружевное платье.

Улыбаюсь про себя. Обе женщины уже существенно продвинулись в понимании друг друга. Им и вправду было полезно пасть до ожесточенной, непритворной ссоры, чтобы затем взмыть на новый уровень дружбы.

В этот момент Гилберт отходит в сторонку, и я замечаю Агату. И надо же ей было нарваться именно на Генри Кристофера Бейли. Он загнал Кристи в угол зала и теперь наверняка замучит бедняжку до смерти, излагая исторические сведения: его познания в этой области просто неисчерпаемы. Бейли постоянно грозится вернуться к исторической прозе — жанру, в котором он и начинал писать.

— О боже, — стонет Найо. — Если в этом зале кому и не помешает падение, то уж точно Генри!

— Все на выручку! — бросаю я клич, и Королевы во главе со мной дружно устремляются к Агате.

Однако же, когда мы приближаемся к паре в углу, мне становится очевидно, что Кристи и не думает чахнуть от речей Бейли, буквально гипнотизирующего ее взглядом. Она стоит, скрестив на груди руки, и несколько растерянно улыбается. Наше спасение ей определенно не требуется.

Полагаю, Найо и Эмма отнюдь не единственные, кто за последнее время претерпели существенные изменения, это же можно сказать и обо всех нас. Только посмотрите на Агату. А Марджери в нашем присутствии теперь более уверена в себе и уже не испытывает потребности постоянно изображать веселость. И когда я в последний раз слышала, как баронесса похваляется своим аристократическим происхождением, принадлежностью к древнему венгерскому роду? Сама я научилась обращаться за помощью к друзьям и уже могу думать о Джоне без уничтожающего стыда, хотя пока еще так и не набралась мужества рассказать о нем какой-либо другой Королеве, помимо Агаты. Этим летом мальчик прожил у нас с Маком целую неделю, он проведет с нами и рождественские праздники. Мы все действительно изменились к лучшему сами и добились прогресса в отношениях с окружающими.

«И все же нигде прогресс не очевиден более, нежели в мужских рядах Детективного клуба», — напоминаю я себе.

— А, мои дорогие Королевы! — замечает нас Агата, и голос ее звучит весело и задорно. — А Генри вот как раз сделал крайне интересное предложение.

Лицо Бейли, для которого шутливый тон Кристи остается незамеченным, растягивается в самодовольной улыбке:

— Я подумал, что это может показаться вам заманчивым. Давайте я соберу остальных причастных.

Он перехватывает группу из трех писателей — Сесила Стрита, Артура Моррисона и Фримена Уиллса Крофтса, — и внезапно нас становится девять.

— Как раз те самые члены клуба, которых мы только что обсуждали! — восклицает Фримен. — Наши дамы. — Он выражается так, будто мы ему принадлежим.

— Да неужели? — отзывается Эмма, высокомерно вскинув бровь.

Столь незначительный мимический жест способен привести любого собеседника в замешательство. Я пыталась — увы, безуспешно — перенять этот прием, но, похоже, мне попросту недостает солидности баронессы. Или же ее напыщенности.

— Ну-у… да, — удается выдавить Фримену, однако отваги у него заметно поубавилось. Не так уж часто он выбирается из мира железных дорог — основного места действия своих романов, — так

что даже столь короткий обмен репликами, похоже, напрочь лишил беднягу мужества.

За кормило вновь берется Генри:

— В общем, мы тут подумали, что было бы неплохо возродить «Игру в убийство», с членами Детективного клуба.

— «Игру в убийство»? — переспрашиваю я и затем, подмигнув Королевам, поддразниваю Бейли: — А не слишком ли это старомодно?

Щеки Генри вспыхивают румянцем, однако он не отступает:

— Разве что для простых обывателей. А вот для нашей группы истинных ценителей убийств это может послужить увлекательным упражнением. — Бейли нетерпеливо потирает руки. — И даже в некотором роде соревнованием.

— Надеюсь, конкуренция вас не отпугивает? — пытается подначить нас Сесил.

Однако мы лишь разражаемся смехом. Не на тех напал, как говорится.

— Ни в коем случае, джентльмены, — отвечаю я, глядя на них, боюсь, с некоторой жалостью.

Обводя рукой остальных Королев, Агата заявляет:

— Дело в том, что мы не *играем*,— она делает ударение на это слово, — в раскрытие убийств.

Полагаю, вам должно быть об этом известно.

В этот самый момент зал оглашает настойчивый звон ложечки о стенку бокала. Разговоры постепенно стихают, и в центре помещения возникает внушительная фигура Честертона. В качестве последнего штриха он брякает прибором еще разок.

— Только не очередная лекция Гилберта! — стонет Найо.

Агата в знак солидарности сжимает ей плечо.

— Сегодня вечером я хочу произнести тост в честь тех, кто добился просто исключительных успехов, — рокочет наш председатель. — Возможно, на протяжении последних нескольких месяцев вы читали об их достижениях в газетах, а то и обсуждали все лично с нашими виновниками — вернее, виновницами — торжества. Ну а в случае, если вы вдруг с весны жили в полной изоляции, вам следует знать, что пять членов нашего родного Детективного клуба раскрыли самое настоящее убийство. Да еще попутно разрешили «загадку запертой комнаты»!

Зал взрывается аплодисментами, и стоящие рядом с нами мужчины одобрительно хлопают нас по плечу. Затем Гилберт ударяет в ладоши, и звук этот раскатывается по всему залу. Снова

воцаряется тишина.

— Дороти Сэйерс, Агата Кристи, баронесса Эмма Орци, Марджери Эллингем и Найо Марш разоблачили коварных злоумышленников, которые месяцами ускользали от французских и английских властей. Они собрали улики по делу об исчезновении и убийстве молодой медсестры-англичанки, мисс Мэй Дэниелс, что в итоге привело к заслуженному наказанию — в библейском и судебном смысле — преступников, коими оказались не кто иные, как сэр Альфред Чепмэн и мистер Джимми Уильямс: первый из них уже мертв, а второму вынесли приговор как раз сегодня. Внимание! — Гилберт поднимает бокал и обращается к нам: — Детективный клуб гордится вами, и все мы счастливы, что вы состоите в его рядах!

Вокруг нас собираются остальные мужчины, жаждущие чокнуться с нами, поздравить с успехом, а то и погреться в лучах нашей славы. Когда же они расходятся, мы с улыбками поворачиваемся друг к другу.

— Кажется, мы все-таки добились справедливости, — подытоживаю я.

— Для Мэй и для себя, — соглашается Агата.

Мы чокаемся бокалами друг с другом, в своем

узком кружке. И хором произносим тост:

— За Королев детектива!

От автора

Загадочное, казалось бы, совершенно невероятное исчезновение молодой женщины в прибрежном французском городке. Выдающаяся английская писательница, автор детективных романов, заинтересовавшаяся загадкой. Брошенный в лесу труп, рядом с которым обнаружены улики и ложные следы. Группа проницательных подруг-писательниц, объединившихся для поиска истины. Почему же именно эти составляющие сподвигли меня на написание «Королев детектива»?

Первое приходящее на ум объяснение — влияние моей любимой тетушки, профессора английского языка, поэтессы и монахини-бунтарки, которую я упоминаю в «Благодарностях» к настоящему изданию. В детстве, а это, как известно, самая благодатная пора для чтения, тщательно отбираемые моей наставницей книги, несомненно, пробудили во мне любовь к классическим детективным романам, действие которых разворачивается в период между двумя Мировыми войнами (ее любимая эпоха!), так же

как и пылкий интерес к историям, изложенным от лица женщины, благодаря чему события раскрываются с новой стороны, — с этим жанром я впервые познакомилась, когда тетушка подарила мне «Туманы Авалона» Мэрион Зиммер Брэдли. И когда в ходе изысканий для другого своего романа я узнала о расследовании самого настоящего убийства молодой английской медсестры, предпринятом прославленной писательницей Дороти Ли Сэйерс, желание написать об этом книгу стало просто непреодолимым. Ведь здесь неожиданно слились воедино две мои страсти: изучение жизни и творческого наследия вошедших в историю женщин (а в данном случае это не кто иной, как автор самого первого феминистского детективного романа, заслуживающая гораздо большей известности) и погружение в детали реального убийства межвоенного периода, буквально сошедшего со страниц книги одной из Королев детектива.

Возможно также, мое пристрастие к так называемому золотому веку детективного жанра имеет те же самые корни, что и любовь столь многих людей к криминальной литературе, в особенности в современную эпоху. В подобного рода произведениях совершенное насилие пона-

чалу представляется абсолютно необъяснимым, пока за дело не берется некий ловкий сыщик и посредством умственного бега с препятствиями, в который вовлекается и читатель, разрешает неразрешимое. Как правило, в этих книгах воцарившийся хаос обращается в порядок, и мы, страница за страницей, постигаем «кто», «зачем» и «как» осуществлял злодеяния. И что самое главное, в финале обязательно вершится правосудие. А в нынешнее неспокойное, преисполненное раздоров время справедливый конец особенно притягателен, тем более что в реальном мире отнюдь не всегда можно рассчитывать на однозначное и убедительное раскрытие преступления, равно как и на заслуженное наказание за него. Если только, конечно же, мы не берем дело в свои руки, как героини этого романа.

Несомненно, все эти факторы и сыграли свою роль в том, что я взялась за сочинение «Королев детектива» — при этом получая неимоверное удовольствие от творческого процесса. И все же, чем больше времени я проводила в мире Дороти Ли Сэйерс и ее невероятных подруг, не говоря уже о жертве убийства, Мэй Дэниелс, тем сильнее осознавала, что история эта привлекла меня не только в силу перечисленных выше причин.

Пока я вместе с главной героиней шаг за шагом раскрывала преступление против несчастной девушки, я углублялась также и в изучение тайн самой Дороти: как будто для раскрытия одной загадки мне приходилось обращаться к другой. Подобная одиссея представлялась мне очень знакомой и актуальной, в особенности в данный период моей жизни. Ведь по большей части мы представляем загадку и для самих себя тоже, и какая-то часть наших жизненных поисков как раз и направлена на попытку осмыслить свое подлинное «я» и свою собственную цель. И зачастую лучше всего заниматься этим в обществе близких, проверенных друзей, которые послужат зеркалом, фоном и опорой. Ввиду этого, во многих отношениях расследование, которое Дороти Ли Сэйерс предприняла вместе с коллегами, захватывало меня также еще и потому, что их задачи были схожи с моими собственными, хотя и в совершенно ином контексте.

«Королевы детектива», разумеется, представляют собой художественный вымысел, основанный на реальных событиях, где наряду с придуманными персонажами фигурируют реальные люди из прошлого. Мои читатели порой интересуются, что в моих романах является «действительно-

стью», а что «выдумкой». Отвечаю я, как правило, следующим образом: проводимые автором исторические исследования составляют, так сказать, архитектуру повествования — фундамент, колонны и крышу. На всем этом и крепятся факты. А вот в затененных, не поддающихся познанию местах, рассеянных среди колонн между основанием и крышей, и располагается вымысел. «Факты» и «выдумка» сплетаются, как я надеюсь, в гобелены, способные донести «истину» о прошлом в манере, для чистой документалистики практически недоступной. А если сохранившейся информации о какой-либо исторической персоне оказывается крайне мало, то это и вовсе становится единственным способом для описания ее жизни.

Тем не менее порой в моем романе встречаются явные отклонения от истины, противоречащие известным фактам (насколько вообще что-либо о прошлом может быть «достоверно известно»), а кое-что я намеренно оставила в тени ради сюжета. Например, в то время как Детективный клуб сам по себе — реально существующая (и совершенно потрясающая) организация с правилами, церемониями и задачами, подобными описанным в этой книге, первоначальное неприятие

«избытка» женщин среди его членов полностью вымышлено. Данная деталь привнесена в роман лишь с целью побудить Королев к действию. Кроме того, название «Королевы детектива» было придумано не самими писательницами, но, насколько мне известно, введено в обращение прессой. Да и к тому же, если быть до конца точным, разные читатели, в зависимости от своих литературных предпочтений, относят к этой категории разных авторов.

Или возьмем пьесу Ноэля Кауарда «Кавалькада»: хотя ее действительно ставили в Королевском театре на Друри-лейн, но происходило это в 1931 году, а не в 1930-м, как преподносится в романе, — данное изменение было произведено мною, дабы обеспечить надлежащий фон повествования.

Еще один нюанс: хотя молоденькая английская медсестра по имени Мэй Дэниелс и впрямь была убита при обстоятельствах, достаточно точно отраженных в «Королевах детектива», я все же допустила кое-какие вольности в плане деталей, в частности касательно личности убийцы. К сожалению, настоящий душегуб так и не был найден, и я лишь использовала заголовки газетных статей, посвященных данному преступлению и

ожидающей несчастных «избыточных» женщин участи, в качестве источников вдохновения для вымышленной развязки. Таковыми, кстати, послужили также и некоторые эпизоды из романов Дороти Сэйерс, указывающие на возможные объяснения смерти Мэй Дэниелс. Писательница и ее муж в самом деле проводили неофициальное расследование убийства в рамках журналистского задания Мака Флеминга, однако мне совершенно не известна степень участия — если таковое вообще имело место — писательниц-подруг Дороти в попытках раскрыть преступление. И все же можно предположить — с учетом отношений этих женщин, их выдающихся способностей, благородства и уникальных навыков, — что они старались добиться справедливости для бедной Мэй Дэниелс. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Благодарности

Даже не представляю, как мне должным образом выразить благодарность моему блистательному агенту, Лоре Дейл, за партнерство во всех моих трудах, планах и мечтах — и за то, что она представила меня команде легендарной «St. Martin's Publishing Group», благодаря которой «Королевы детектива» и увидели свет. В первую очередь огромное спасибо Салли Ричардсон из «Macmillan», президенту «St. Martin's» Дженнифер Эндерлин и вице-президенту и главному редактору издательства Чарли Спайсеру! С самой первой встречи вы все прекрасно понимали меня и мои книги, неизменно демонстрируя бесподобную прозорливость, увлеченность, компетентность и проницательность. И вся остальная команда «St. Martin's Publishing Group» тоже просто феноменальна: Трейси Гест, Ребекка Лэнг, Ханна Пиэрдолла, Брэнт Джейнуэй, Марисса Сангьякомо, Анна Мари Толберг, Лиза Сенц, Элиша Меррикс и Том Томпсон произвели на меня неизгладимое впечатление с первых же минут сотрудничества. И как же мне повезло, что изумительную облож-

ку для моей книги создал Майкл Сторрингс! И что генеральный директор «Macmillan Publishers», Джон Ягед, стоял за каждым шагом этого проекта! Я буквально вне себя от восторга, что издаю «Королев детектива» вместе со всеми вами, и невыразимо вам благодарна!

Изо дня в день меня и мою работу поддерживала, разумеется, также и моя чудесная семья — Джим, Джек и Бен. Именно им я обязана тем, что нашла силы для воплощения замысла в реальность. Мои родители Коулмен и Жанна, свекровь Кэтрин, родные братья и сестры Коли, Лорен, Кортни, Кристофер и Мередит и их супруги Элизабет, Шон, Крис и Эндрю, золовка Элисон, многочисленные племянники и племянницы, а также мои старые подруги Понни, Иллана, Келли, Лора, равно как и команда Академии Сеуикли и Бостонского колледжа, — вы все были для меня настоящей опорой, за что я вам крайне признательна. И разумеется, на протяжении всего этого путешествия со мной оставалась Виктория — как и мои прекрасные читатели!

Однако, чтобы полностью воздать должное всем тем, благодаря кому мой роман воплотился в реальность, мне необходимо совершить путешествие сквозь историю, в иное место и

время — к одному конкретному человеку, который, к сожалению, уже оставил нас. Вернемся в очень давнюю пору, откуда и берут начало «Королевы детектива»: тогда я еще не ступила на писательскую стезю (и даже еще не начала свою злополучную карьеру адвоката), а была всего лишь маленькой девочкой. Моя любимая тетушка Терри — профессор английского языка, поэтесса и монахиня-бунтарка — была ответственной за выбор книг для меня, и среди прочих памятных произведений она познакомила меня с романами Агаты Кристи, от нее я впервые услышала это имя. Прежде чем тетушка закончила меня опекать, я перечитала все основные произведения Кристи, а попутно открыла для себя и многих современников писательницы. Меня очаровал период британской истории между двумя мировыми войнами, и наряду с этим я влюбилась и в детективные романы «золотого века». «Королевы детектива» — хвалебная ода этим книгам и женщинам, что их написали, — а более всего моей тете Терри. Я буду благодарна ей всю жизнь — и не только за то, что она вдохновила меня на этот роман, но и за гораздо, гораздо большее.